

**РУССКИЙ
ГОРОД**

РУССКИЙ ГОРОД

(ПРОБЛЕМЫ
ГОРОДООБРАЗОВАНИЯ)

ВЫПУСК 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
1980

Под редакцией
члена-корреспондента АН СССР
В. Т. Янина

Рецензенты:
доктор исторических наук
В. А. Федоров,
кандидат исторических наук
И. И. Моряков

Р 1904-125 60-87 657504000
071(62)-80

© Издательство Московского университета, 1993 г.

● Предисловие ●

Предлагаемый читателю сборник «Русский город» продолжает установившуюся для этого издания традицию — публикацию различных материалов по общим проблемам городского образования и конкретных исследований по истории русского советского, капиталистического и феодального города. Дополняя друг друга, эти исследования идут как по пути выявления, накопления и обобщения материалов, так и по пути углубления анализа процессов экономической, социальной и культурной жизни русского города в различные исторические периоды. В целом издание таких материалов отражает общую современную тенденцию ряда наук (в том числе и исторической), обратившихся к изучению проблем урбанизации и процессов городского образования.

Если 1-й сборник «Русский город» носил в основном историко-методологический характер, а 2-й был посвящен главным образом конкретным исследованиям, то 3-й в некотором роде объединяет эти два направления, как по подбору статей, так и по характеру каждой из них. Структура книги строится по принципу, принятому во 2-м сборнике: от проблем советского города к проблемам феодального города.

Статьи данного сборника, посвященные советской проблематике, касаются весьма актуальных для советского города вопросов — роли науки в развитии советского города и связи городского образования с проблемами демографии. Изучение состава русского купечества в конце XVII — первой половине XVIII в приводит к определенным выводам о процессах городского образования в эпоху позднего феодализма. Проблемы феодального города

представлены также статьи о типах раннефеодального города в отечественной историографии и конкретными исследованиями таких исторических источников, как чертеж Новгорода второй половины XVII в. и иконографический атлас.

Следуя традиции изучения городской архитектуры, теснейшим образом связанной с развитием города, в сборнике публикуется большое исследование об архитектуре и градостроительстве в Подмосковье с момента зарождения до 1917 г. Продолжается публикация архивных материалов о московских зодчих XVIII—XIX вв., встретившая живейший интерес как специалистов, так и широкого круга читателей.

В научно-организационной работе по сборнику принимали участие кандидаты исторических наук Л. И. Насоякина и В. В. Карлов

●
К ВОПРОСУ
О РАЗВИТИИ
ГОРОДА ДУБНЫ
●

В развитии существующих городов и возникновении новых ярко отражаются экономические и социальные основы каждой исторической эпохи. К. Маркс открыл зависимость между площадью хозяйственного освоения территории и степенью производительных сил¹; марксистская теория отвергает абсолютные, внеисторические критерии интенсивности освоения территории. Различные общественные системы базируются на различном фонде производительных сил. Это теоретическое положение находит конкретное материальное воплощение в социально-экономической структуре и внешнем облике городов. Социалистическое общество стремится сохранить для живущих и будущих поколений облик городов ушедших эпох (Новгород, Суздаль, Владимир, Самарканд, Бухара и др.), найти и восстановить облик городских цивилизаций древности (Херсонес, Пантикапей, города Средней Азии). Однако не менее важно изучение тех ростков будущего, которые возникают в связи с научно-технической революцией.

Есть уже немало книг по истории отдельных городов, но мы почти не располагаем работами о возникновении городов науки в эпоху научно-технической революции. В СССР созданы научные центры: Обнинск, Дубна, Академгородок под Новосибирском, Пущино, поселки городского типа Звездный, Байконур и т. п. Учитывая неразработанность темы в исторической литературе и ограниченный размер статьи, автор ставит своей задачей показать влияние науки на создание города Дубны. В статье использованы

---

¹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 365.

статистический материал о развитии советской науки на современном этапе, документы архива Института истории партии при МК и МГК КПСС, Дубненского городского государственного архива Московской области, издания Объединенного института ядерных исследований, периодическая печать, воспоминания участников создания города и визуальные наблюдения автора.

Широко известно ленинское положение о том, что «...города представляют из себя центры экономической, политической и духовной жизни народа и являются главными двигателями прогресса»². Особенности развития городов как главных двигателей прогресса приобретают особое значение в условиях социалистического строительства. Уже к исходу 30-х годов, ко времени построения основ социализма, доля горожан в составе населения поднялась примерно до 1/3, а в условиях зрелого социализма она повысилась с 50% в 1960 г. до 62% в 1977 г.³ Более половины городов СССР возникло в годы Советской власти⁴. В городах сосредоточено свыше 3/4 основных фондов народного хозяйства⁵. Как показывает исторический опыт нашей страны, чем успешнее развивается народное хозяйство, тем многообразнее факторы, вызывающие развитие старых и возникновение новых городов.

Большинство новых советских городов начало свою жизнь как промышленные центры. Промышленность и ныне остается главным городообразующим фактором. С размещением промышленных предприятий связан рост городов всех без исключения категорий, но особенно развитие промышленности отразилось на росте больших и средних городов. В ходе развертывания научно-технической революции городообразующей основой все чаще становится наука. Но и до эпохи научно-технической революции количественный и качественный рост научно-исследовательских учреждений вел к расширению границ городов.

Истоки современного расцвета советской науки органически связаны с Великой Октябрьской социалистической революцией. Уже весной 1918 г. В. И. Ленин разработал план научно-технических работ, в котором, в частности, предполагалось привлечь Академию наук к быстрому составлению и осуществлению «плана реорганизации промышленности и экономического подъема России»⁶. Под лозунгом «Наука лицом к производству» шло развитие науки в СССР в 20-х и 30-х годах.

Специализированные исследовательские центры возникли уже в годы индустриализации СССР. Если до 40-х годов основные

---

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 341.

³ Народное хозяйство СССР за 60 лет (юбилейный статистический сборник). М., 1977, с. 7.

⁴ Правда, 1979, 22 апр. О предварительных итогах Всесоюзной переписи населения 1979 г.

⁵ См.: Бочаров Ю., Любовный В. Город — целостный социально-экономический комплекс. — Коммунист, 1979, № 2, с. 49.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 228.

кадры ученых были сосредоточены в Москве и Ленинграде, то в середине нашего века начинается активное развитие академических учреждений и научно-исследовательских институтов во всех союзных республиках⁷. В союзных республиках создание академических институтов сопровождалось строительством зданий, подсобных помещений, ростом крупных научных и жилых кварталов и всего, что связано с городским образом жизни.

Развитие фундаментальных наук повсеместно оказывает значительное влияние на рост уже сформировавшихся городских образований. В 1943 г. на северо-западной окраине Москвы была организована специальная физическая лаборатория, которая впоследствии выросла в Институт атомной энергии им. И. В. Курчатова⁸. В послевоенные годы в Москве началось строительство институтов Академии наук СССР. Вокруг них также возникли жилые кварталы, росла сфера обслуживания. Переезд Московского университета в грандиозный учебный комплекс на Ленинских горах сопровождался ростом новых мощных корпусов вокруг основного здания.

В 1957 г. началось строительство Академгородка — крупнейшего научного района в Новосибирске или Сибирского отделения АН СССР. Основные сооружения научного городка с комплексом зданий университета, научно-исследовательских институтов и лабораторий, а также жилых домов расположились на берегу Новосибирского водохранилища. В городе обосновались Сибирское отделение ВАСХНИЛ, Сибирский филиал Академии медицинских наук СССР, десятки отраслевых научно-исследовательских и проектных институтов⁹.

На рубеже 60—70-х годов возникают Уральский научный центр АН СССР в Свердловске и Северо-Кавказский научный центр, в основу которого положена система вузовской науки, и другие аналогичные комплексы. Осенью 1970 г. началась организация Дальневосточного научного центра АН СССР (ДВНЦ) во Владивостоке; в его состав вошли не только академические институты, но и вновь созданные институты химии, автоматик и процессов управления с Вычислительным центром, Тихоокеанский институт географии, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Тихоокеанский океанологический институт; научные институты возникли также в Хабаровске и Магадане¹⁰.

Социалистическая реконструкция народного хозяйства, а затем условия зрелого социализма и развертывающейся научно-технической революции предъявили высокие требования к качеству под-

⁷ Народное образование, наука и культура СССР (статистический сборник). М., 1977, с. 299.

⁸ См.: Петросьянц А. М. От научного поиска к атомной промышленности. М., 1972, с. 24.

⁹ Более подробно см.: Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов Л. К. Академия наук СССР, т. 2. М., 1977, с. 284—294.

¹⁰ См.: Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов Л. К. Указ. соч. с. 295—302.

готовки специалистов и научных кадров. В середине 50-х годов Коммунистическая партия и Советское правительство наметили мероприятия по ускорению научно-технического прогресса СССР¹¹. 28 мая 1955 г. ЦК КПСС принял Постановление о внедрении в народное хозяйство опыта и достижений передовой отечественной и зарубежной науки и техники. В июле 1955 г. на Пленуме ЦК КПСС рассматривались вопросы технического прогресса. Именно тогда в партийных документах был сформулирован тезис о научно-технической революции¹². Задачи Советского государства в области развития науки обобщены в Программе Коммунистической партии Советского Союза. В ней отмечается: «Применение науки становится решающим фактором могучего роста производительной силы общества. Развитие науки и внедрение ее достижений в народное хозяйство будет и в дальнейшем предметом особой заботы партии»¹³.

В целом расходы на науку из государственного бюджета и других источников систематически растут особенно быстро в условиях научно-технической революции. Если в 1940 г. они составили 300 млн. руб., то в последующие десятилетия величина денежных вложений значительно возросла: 1950 г. — 1 млрд. руб., 1960 г. — 3,9 млрд. руб., 1970 г. — 11,7 млрд. руб., 1975 г. — 17,4 млрд. руб., 1978 г. — 19,3 млрд. руб.¹⁴

По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., в сфере науки и научного обслуживания было занято уже 2,4% городского самостоятельного населения СССР, или 1,5% всего трудоспособного населения, включая городское и сельское (по среднегодовой численности за 1960 г. — 2,1%). В 1965 г. в этой сфере значилось 2,6% всего самостоятельного населения СССР¹⁵, в 1970 г. — около 4%¹⁶, в 1980 г. ожидается до 4,8%, а в 2000 г. — до 8—10% (по предварительным расчетам Института экономики АН СССР)¹⁷.

Если принять численность занятых в сфере науки в 1940 г. за 100%, то в 1970 г. этот показатель составил 89,4%¹⁸. Численность рабочего класса в последние десятилетия растет медленнее, чем численность людей, работающих в науке. Общая численность лю-

---

¹¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е. М., 1970—1978, т. 4, с. 111; т. 5, с. 270; т. 8, с. 163; т. 9, с. 125; т. 11, с. 126.

¹² Там же, т. 7, с. 66—90.

¹³ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1974, с. 125—126.

¹⁴ Народное образование, наука и культура СССР, с. 315; Правда, 1979, 3 апр.

¹⁵ См. Хорев Б. С. Проблемы городов. М., 1975, с. 194.

¹⁶ См.: Гвишиани Д. Научно-техническая революция и проблемы науки.— В кн. Научно-техническая революция и социальный прогресс. М., 1972, с. 50.

¹⁷ См.: Хорев Б. С. Указ. соч., с. 194.

¹⁸ См.: Марков Н. В. Научно-техническая революция: анализ, перспективы, последствия. М., 1973, с. 209.

дей, занятых в науке в середине 70-х годов, была больше численности рабочего класса середины 20-х годов. Число научных работников с 1950 по 1978 г. выросло более чем в 8 раз: 1950 г. — 162,5 тыс. человек, 1960 г. — 354,2 тыс. человек, 1970 г. — 927,7 тыс. человек, 1975 г. — 1223,4 тыс. человек, 1978 г. — 1307 тыс. человек¹⁹.

Особенно отчетливо воздействие науки как городообразующего фактора проявляется в Москве — единственном центре страны, где удельный вес занятых в науке уже в 1959 г. превысил 10% работающих в отраслях народного хозяйства. В 11 столицах союзных республик и в Ленинграде доля занятых в науке также превышает средний по стране показатель. Среди городов с населением свыше 100 тыс. жителей только 4 города имеют свыше 5% занятых в науке²⁰. И хотя статистика показывает, что на современном этапе научно-технической революции наука пока еще не оказывает существенного влияния на функциональный профиль значительной части городов (она концентрируется главным образом в крупных административно-политических, промышленных и культурных центрах), в целом значение науки как городообразующей основы заметно возрастает. Этому процессу содействуют качественные изменения, происходящие в самой науке.

По существу революция в науке связана с созданием К. Марксом и Ф. Энгельсом, В. И. Лениным теории научного коммунизма, которая помогла осуществить построение нового общества и заложила методологические основы общего подхода к осмыслению сущности и новых явлений современного мира. Характерной чертой развития современной науки следует считать возрастание ее фундаментальных, поисковых отраслей. Фундаментальные исследования опережают развитие техники и тем самым определяют развертывание научно-технической революции²¹. Теория А. Эйнштейна предвосхитила возможность использования ядерной энергии задолго до создания атомных реакторов даже опытного типа. Развитие кибернетики предшествовало применению электронно-вычислительных машин. Молекулярная химия теоретически предсказала возможность получения некоторых веществ и описала их свойства.

Развитие фундаментальных отраслей науки в 50—70-х годах связано с процессом ее «индустриализации». Чтобы наука стала подлинной производительной силой общества, оснащенность научных учреждений и их экспериментальных баз должна быть значительно выше оснащенности промышленных предприятий. Индустриализация науки особенно наглядно выступает в значительном увеличении габаритов основных базовых установок практически

---

¹⁹ Народное образование, наука и культура СССР, с. 301; Правда, 1979, 3 апр.

²⁰ Подробнее см.: Хорев Б. С. Указ. соч., с. 194—202.

²¹ Научно-техническая революция и социализм. М., 1973, с. 324

любого современного научного центра: в ядерной физике — это огромные ускорители, в астрофизике — громадные радио- и оптические телескопы, в физике твердого тела — мощные исследовательские реакторы, в биологическом центре — сложные и масштабные центрифуги и электронные микроскопы, наконец, это всем известные теперь космические корабли, орбитальные станции и т. д.²²

Наряду с увеличением габаритов базовых установок происходит увеличение объемов и количества научной аппаратуры, которая необходима для съема данных с базовых установок; она становится все более совершенной и крупномасштабной. Кроме того, для обчета результатов во всех научных центрах требуется постоянное пополнение вычислительного парка совершенствующимися электронно-вычислительными машинами.

Наука во второй половине XX в. не только перестала быть делом ученых-одиночек, но и отдельных научных коллективов. В научных исследованиях участвуют многочисленные институты и различные коллективы ученых, инженеров, техников, рабочих. В 70-е годы в сфере науки в нашей стране на каждого научного работника приходится 3 обслуживающих его (рабочие и инженерно-технические работники, вместе взятые). По мере того как наука превращается в производительную отрасль государственной экономики, жизнь доказывает, что «издержки» на ее развитие окупаются сторицей. Рост из года в год специализированных центров в различных отраслях фундаментальной науки, то есть плановое развертывание научно-технической революции, реализуется в конкретных социальных формах и явлениях.

История возникновения и развития города Дубны отражает развитие физики атомного ядра и элементарных частиц в нашей стране. Именно в этой области науки началось проявление тех процессов, которые получили воплощение в научно-технической революции.

Результаты успешной научно-исследовательской работы 1943—1946 гг. в области ядерной физики показали необходимость продолжить исследования в направлении изучения возможности промышленного использования энергии атомного ядра в мирных целях и экспериментально-теоретическое изучение строения атомного ядра²³. В 1946 г. началось строительство исследовательских комплексов для выяснения возможности промышленного использования атомной энергии и развертывания широкой программы фундаментальных исследований в области ядерной физики и физики элементарных частиц.

Расширение масштабов этих исследований потребовало не только увеличения численности научных, инженерно-технических

---

²² См.: Марков М. А. Будущее науки. (Необходимо ли строить ускоритель на большую энергию?). Дубна, 1973, с. 45—50.

²³ См.: Петросьянц А. М. Указ. соч., с. 24—30, 287.

кадров, но и строительства гигантских по тем временам экспериментальных установок, которые невозможно было соорудить на территории Москвы, где были сосредоточены основные научные кадры. Кроме того, жилые районы подступали к Институту атомной энергии, некогда расположенному на окраине столицы. Чтобы построить ускоритель или реактор, необходима была достаточная площадь.

Исследовательский комплекс по использованию внутриядерных сил в промышленной энергетике было решено построить в 100 км от Москвы близ станции Обнинская. В этом сравнительно малонаселенном живописном районе между железной дорогой и течением Протвы (приток Оки) началось строительство научно-исследовательских объектов и города Обнинск. Отсюда началось победное шествие советской атомной энергетике, здесь сооружена первая в мире атомная электростанция, которая 27 июня 1954 г. дала ток²⁴.

Одновременно велось строительство научного центра в Дубне. Для широкого развертывания фундаментальных исследований в области ядерной физики и физики высоких энергий советские ученые разработали программу сооружения ряда ускорителей. Первое место в этой программе занимал синхроциклотрон — ускоритель протонов на энергию свыше 400 млн. электрон-вольт (позже было достигнуто ускорение протонов до 680 млн. электрон-вольт). К этому времени в СССР было построено лишь несколько малых циклотронов на 10—20 млн. электрон-вольт²⁵.

Наиболее подходящим местом для строительства мощного ускорителя оказался район Волжского гидроузла — головного сооружения канала имени Москвы (в 128 км к северу от Москвы). Этот гидроузел имел гидроэлектростанцию достаточной мощности; ток от нее передавался в Московскую энергосистему, минуя местных потребителей.

Проверка показала, что параметры тока гидроэлектростанции устраивают ученых. Но сам район, где предполагалось начать строительство научного центра, был покрыт грунтовыми водами, поэтому понадобились большие дренажные работы. Осушенные пески создавали плотное основание, способное воспринимать без заметных осадок сравнительно большую нагрузку²⁶. Исчезавшие болота оставляли чистый желтый песок.

На болотистой территории, отведенной под строительство синхроциклотрона, ограниченной со всех сторон естественными и искусственными водными преградами, были расположены поселок Большая Волга и деревни Ново-Иваньково, Ратмино, Александр-

²⁴ См.: Блохинцев Д. И. Первая атомная.— ВИ, 1974, № 6, с. 107—121.

²⁵ Александр Львович Минц. Материалы к библиографии ученых СССР, серия физики, вып. 18. М., 1975, с. 17; Петросьянц А. М., Логунов А. А. Физика высоких энергий и ускорители заряженных частиц. М., 1973, с. 24.

²⁶ См.: Комаровский А. Н. Записки строителя. М., 1972, с. 215—217.

ровка, Юркино и Козлаки, входившие в состав Калининской области. Оформление поселка Большая Волга завершилось к лету 1937 г., ко времени окончания строительства канала Москва—Волга. Волжскую ГЭС и речную пристань Большая Волга обслуживала небольшая группа энергетиков и речников, в основном инженеров и техников. Общая численность жителей поселка и деревень не достигала и 1000 человек. Здесь и началась закладка нового научного центра.

По предварительным данным ученых, занимающихся исследованием генезиса новых городов в масштабах СССР, около 70% всех новых городов развилось из различного рода урбанистических эмбрионов, существовавших до Октябрьской революции²⁷. Дубна принадлежит к 30% новых городов, выросших на «чистом» месте.

Старейшие города на протяжении длительного исторического периода по существу приспособлялись, меняли свой профиль в соответствии с экономико-социальными требованиями каждой эпохи, поэтому от исследователя требуется постоянно учитывать эту особенность, чтобы в развитии таких городов уметь выделить, раскрыть влияние нового горообразующего фактора. Трудность изучения старых городов состоит еще и в том, что в них социальное своеобразие новых горообразующих факторов, их новизна проявляются не так отчетливо, как в молодых городах науки, в которых жизнь ставит как бы чистый социальный эксперимент, без исторических наслоений. Но если возникновение, рождение любого города вызвано экономическими потребностями эпохи, которые в конечном счете выступают как горообразующая основа, то дальнейшее развитие данного города зависит от многих специфических условий, в сумме своей и определяющих «лицо» города. Это и территория, на которой расположен город (близость или удаленность от крупного центра, магистральных путей и т. д.), и влияние окружающей природной среды, и подключение к развитию города других горообразующих факторов, то есть приобретение молодым городом многопрофильности, и развитие сферы культурно-бытового обслуживания (ее количественная и качественная стороны). История Дубны в полной мере подтверждает эти наблюдения.

Строительную площадку для синхротрона разместили в болотистом лесу в 3—4 км от поселка Большая Волга. Рядом с ней на правом берегу Волги по соседству с деревней Ново-Иваново решено было построить научный городок. К весне 1947 г. несколько десятков рабочих торопились до вскрытия Волги соорудить деревянный причал. Группа геодезистов производила трассировку улиц будущего поселка и железнодорожной ветки от станции Большая Волга до технической площадки. Необходимо было

---

²⁷ Проблемы урбанизации и расселения (2-й советско-польский семинар). М., 1976, с. 150.

восстановить и участок железной дороги Вербилки — Большая Волга, на котором во время войны местами сняли рельсы²⁸.

Первая группа «итээровцев» застала летом 1949 г. исполнителями застроенные коттеджами и двухэтажными домами улицы Центральную и Школьную (ныне улицы Жолно-Кюри и Советская) и начало строительства домов на двух соседних улицах, подходивших к деревне Ново-Иваньково, где насчитывалось около 50 изб. Вокруг поселка было множество хаотически разбросанных барачков.

Персонал служб эксплуатации ускорителя укомплектовывался инженерами, техниками и высококвалифицированными рабочими из Москвы и Ленинграда. Рабочих по обслуживанию ускорителя и его технических служб, работников вспомогательных подразделений и служб быта (котельной, бани, пекарни, магазинов, почты) набирали из местных жителей.

Осенью 1949 г. начала работать начальная школа, были открыты ясли, сданы здания административного корпуса и первой научной лаборатории. Торговая организация, обслуживающая жителей продуктами и промтоварами, была расположена в деревянном временном помещении. Один из барачков приспособили для просмотра кинофильмов и проведения общественных мероприятий. Первое время жизнь в научном поселке, как и во всей стране в послевоенные годы, была суровой; остро сказывались трудности быта, но сопричастность к большому и важному делу, чувство первопроходцев воодушевляло жителей поселка.

С 1949 г. темп строительства значительно возрос, объем работ, казалось, превышал человеческие возможности. Первые строители проявили поистине трудовой героизм. Сложным оказалось возведение главного корпуса синхроциклотрона. Одно только верхнее защитное перекрытие толщиной в 2 м весило 10 тыс. тонн. А на обмотку системы питания и управления пошло 500 км кабеля. Большие трудности пришлось преодолеть во время монтажа и наладки технического оборудования. И все же запуск ускорителя был произведен досрочно, в ночь с 13 на 14 декабря 1949 г.²⁹ На синхроциклотроне можно было получить высокую интенсивность пучков ускоренных протонов, а также возможность вести исследования на 14 выведенных из камеры пучках частиц³⁰. До 1953 г. этот синхроциклотрон был самым крупным ускорителем протонов в мире. В научных исследованиях на синхроциклотроне наряду с физиками научной лаборатории принимали участие работники московских и ленинградских институтов.

В начале 50-х годов в сухом сосновом лесу у р. Дубны (правый

---

²⁸ См.: Мещеряков М. Г. О времени неповторимом и незабываемом. — За коммунизм (г. Дубна), 1977, 29 марта.

²⁹ См.: Бирюков В. А., Лебедев М. М., Рыжов А. М. Дубна. 1956—1966. Дубна, 1966, с. 23—25.

³⁰ Александр Львович Минц, с. 18.

приток Волги), в 3 км от технической площадки синхроциклотрона началась подготовка к возведению еще более мощного протонного ускорителя — синхрофазотрона, в котором энергия ускоренных частиц должна была достигнуть 10 млрд. электрон-вольт. Десятки исследовательских институтов и заводов участвовали в разработке отдельных схем и технологии синхрофазотрона, изготовлении деталей и узлов, поставляли приборы. Каждая деталь ускорителя требовала новизны решения. Так, при закладке фундамента следовало учесть резкие броски при работе ускорителя, повторяющиеся несколько раз в минуту циклы ускорения, забирающие около 150 тыс. квт, что равнялось почти 1/4 электрической мощности Днепрогэса. С необыкновенной точностью необходимо было собрать магнит в 36 тыс. т, диаметром в 60 м. 11 апреля 1957 г. синхрофазотрон дал пучок протонов, ускоренных до проектной энергии. Впервые в истории техники человек искусственно получил частицы такой энергии. Это была огромная победа советской науки и промышленности³¹.

Для молодого научного городка сооружение нового ускорителя означало не только расширение масштабов строительства, отличающихся научной и технической новизной, но и значительный рост численности жителей поселка, пополнение его специалистами самого высокого уровня в самых различных областях науки и техники. В бывшей глухомани, образно описанной М. Е. Салтыковым-Щедриным (недалеко расположена родина писателя село Спас-Угол бывшей Тверской губернии), возник центр современной цивилизации. Здесь, как и в других научных центрах, происходило соединение труда ученых, научно-технической интеллигенции и рабочих. «Когда у нас необходимо решить важную проблему науки или техники, то этот вопрос ставится как общественный заказ, обращенный ко всему народу, ко всем теоретикам и практикам»³².

В 1954 г. в поселке уже проживало почти 2 тыс. постоянных жителей. В 1953/54 учебном году в школах обучались 397 учащихся, в следующем 1954/55 учебном году их численность увеличилась до 600³³.

В мае 1954 г. новый поселок получил официальное название — Дубно (входил в состав Калининской области). Первая сессия Дубненского поселкового Совета депутатов трудящихся состоялась 27 июля 1954 г.; 35 депутатов избрали исполнительный комитет поселкового Совета. Основными мероприятиями исполкома Дубненского поссовета в первые два года было улучшение жилищных условий и бытового обслуживания жителей, благоустройство

---

³¹ О строительстве синхрофазотрона см.: Бирюков В. А., Лебедевко М. М., Рыжов А. М. Указ. соч., с. 42—65.

³² Емельянов В. С. Атом и мир. М., 1967, с. 303.

³³ Дубненский торгосархив Московской области, ф. 1, оп. 2, д. 1, лл. 79, 116.

территории поселка и поддержание общественного порядка Большое внимание было уделено санитарному состоянию поселка, благоустройству территории вокруг жилых домов, росту торговой сети³⁴. В начале 1955 г. в поселке уже работало 6 магазинов и одна палатка, 6 столовых и 6 буфетов. Прежняя некария уже с трудом удовлетворяла потребности населения поселка, поэтому необходимо было начать строительство хлебозавода. Жителей поселка начали обслуживать пошивочная и сапожная мастерские, парикмахерская, была построена баня. К концу 1955 г. было завершено строительство двухэтажного корпуса больницы и поликлиники, начала работать скорая медицинская помощь и т. д.³⁵ Осуществление каждого из таких мероприятий, проводимых исполкомом, проходило при непосредственном участии партийных и комсомольских организаций предприятий.

К моменту официального оформления нового поселка, то есть к лету 1954 г., самым большим его зданием был строящийся четырехэтажный корпус средней школы на 960 учащихся; рядом разворачивалось строительство первых трехэтажных домов, были заложены Дом культуры, еще одна школа, больничные корпуса. Строительство осуществлялось по проекту Ленгипростроя³⁶.

26 марта 1956 г. в Москве в конференц-зале Академии наук СССР представители правительств социалистических стран подписали соглашение об образовании международной научной организации — Объединенного института ядерных исследований³⁷. Это событие оказало существенное влияние на дальнейшее развитие научного поселка, так как местопребыванием международной научно-исследовательской организации стран Советское правительство предложило избрать научный поселок Дубно. Страны социалистического содружества объединили свои научные силы и средства для изучения свойств ядерного вещества, свойств и микроструктуры частиц материи, причем исключительно в мирных целях. В соответствии с соглашением Советское правительство безвозмездно передало Объединенному институту ядерных исследований находящееся там уникальное физическое оборудование. Членами — учредителями ОИЯИ были: Албания, Болгария, Венгрия, ГДР, КНР, Монголия, Польша, Румыния, Советский Союз, Чехословакия. В сентябре 1956 г. в состав участников ОИЯИ вошла Демократическая Республика Вьетнам, а в 1976 г. — Республика Куба³⁸.

³⁴ Там же, ф. 1, оп. 2, д. 1, лл. 1, 20, 38, 52, 69—71; оп. 1, д. 1, л. 27.

³⁵ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 1, лл. 14, 84; оп. 2, д. 1, лл. 30, 52, 121—164.

³⁶ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 1, л. 19; оп. 2, д. 1, лл. 278—300; д. 3, лл. 86, 110, 142.

³⁷ Многостороннее экономическое сотрудничество социалистических государств (сборник документов). М., 1972, с. 396—400.

³⁸ См.: Бирюков В. А., Лебедева М. М., Рыжов А. М. Указ соч., с. 11—12; Правда, 1979, 1 июня. Албания фактически не участвовала в деятельности института. С середины 60-х годов из института вышли представители КНР.

В сложной международной обстановке середины 50-х годов предложение Советского правительства способствовало разрядке международной напряженности и международному сотрудничеству ученых. Гонимые вооружений и «холодной войне» Коммунистическая партия и Советское правительство противопоставили широкое международное сотрудничество в области мирного использования атомной энергии.

Уставом ОИЯИ предусмотрено и осуществляется в повседневной практике научной работы полное равноправие всех государств — членов института в вопросах управления и научно-исследовательской деятельности вне зависимости от размера взносов этих государств³⁰.

Соглашение об организации Объединенного института ядерных исследований 1956 г. наметило расширить направление исследований по сравнению с теми, которые осуществлялись раньше в Дубне, то есть проводить их не только в области высоких, но и низких энергий. В связи с этим решением начато было форсированное строительство еще одного ускорителя — циклотрона и импульсного реактора на быстрых нейтронах, необходимо было построить здания новых лабораторных корпусов и других подсобных сооружений, то есть масштабность капитального строительства значительно возросла. Строительство института международного профиля значительно увеличило численность его научных кадров.

В 1956—1960 гг. было закончено строительство базовых установок во всех лабораториях, административных и рабочих корпусах Объединенного института. Более того, в этот период все лаборатории смогли подготовить и развернуть в полной мере проведение экспериментов. Работы на ранее созданных ускорителях 1949 и 1957 гг. уже принесли Дубне всемирную известность.

Ученые социалистических стран в содружестве с советскими коллегами стали активными творцами научных и технических достижений. Развитию научных исследований способствовали связи Дубны не только с научными учреждениями Москвы и других городов страны, но и со столицами и городами социалистических стран. Уже зимой 1956/57 г. в Дубну прибыла первая группа иностранных ученых, а в конце 50-х — начале 60-х годов ее гостями были Ф. Жолио-Кюри, Нильс Бор и другие знаменитые физики Европы. Установлению тесных научных контактов содействовали и ответные визиты ученых Объединенного института.

В 50-х годах 13 стран Западной Европы также объединили свои усилия в исследовании свойств атомного ядра. Однако в отличие от ОИЯИ число лиц в руководстве Европейской организации ядер-

---

³⁰ Многостороннее экономическое сотрудничество социалистических государств, с. 400.

ных исследований (ЦЕРН) в Женеве и участие в научно-исследовательской работе зависят от размера финансовых взносов каждой страны-участницы⁴⁰.

Рост капитального и жилищного строительства, концентрации «гигантской» экспериментальной техники, постоянно увеличивающийся приток ученых, инженерно-технических, рабочих кадров и обслуживающего их населения, то есть широкая перспектива роста научного поселка, стали основой для издания Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 июля 1956 г. о присвоении поселку статуса города⁴¹. В сентябре 1956 г. была очерчена городская граница, в которую вошли поселок энергетиков и речников Большая Волга и 5 деревень (Александровка, Ново-Иваньково, Ратмино, Юркино, Козлаки), то есть в орбиту городской жизни втягивалось сельское население. Бывшие деревни Юркино и Козлаки были электрифицированы. Установленная граница намечала перспективу роста города, вызванного потребностями развития науки.

Началось стремительное превращение научного поселка в современный благоустроенный город с асфальтированными улицами, электрическим освещением, с большими домами, оборудованными водопроводом, канализацией, отоплением, горячей водой и газом. Создавались современные предприятия коммунально-бытового обслуживания. Основные задачи по налаживанию городского быта и созданию научно-технической базы также были решены в годы первого пятилетия строительства Дубны (1956—1960 гг.). Под руководством городской партийной организации и городского Совета депутатов трудящихся Дубна приобретала все необходимое для нормального функционирования города⁴².

Основное жилищное строительство развернулось у деревни Ново-Иваньково, вниз по течению Волги; в 1957 г. строители сдали 12 800 кв. м жилой площади, в 1958 г. — 15 000 кв. м, в 1959 г. — 16 300 кв. м⁴³. 7 ноября 1957 г. вышел первый номер городской газеты «За коммунизм» — орган Дубненского городского комитета КПСС и городского Совета депутатов трудящихся. В конце 1958 г. начались передачи городского радиовещания. В 1958 г. все жители города приняли активное участие в строительстве парка вдоль правого берега Волги, в зону которого вошли гостиница, спортивный павильон, Дом культуры, набережная и пляж. 4 ноября 1959 г. было открыто прямое железнодорожное пассажирское сообщение Дубна—Москва⁴⁴; это событие также способство-

⁴⁰ См.: Кольер К. Международные организации и учреждения М., 1972, с. 597—599; Тиммерман Ф. М. Мирный атом на международной арене М., 1969, с. 104—106.

⁴¹ Ведомости Верховного Совета СССР, 1957, № 6, 22 марта, с. 237.

⁴² За коммунизм, 1958, 4 янв.; 1959, 27 янв.

⁴³ Там же

⁴⁴ За коммунизм, 1959, 8 авг.

шло не только расширению научных контактов, но и сделало доступными для всех дубненцев культурные ценности столицы, теперь стали возможны систематические приезды в Дубну артистов, писателей, докторов.

В конце 50-х годов начал работать филиал вечернего университета марксизма-ленинизма, была открыта детская музыкальная школа, создан учебно-консультационный пункт Всесоюзного заочного ядерного института (позже он был преобразован в филиал Московского института радиотехники, электроники и автоматики). В октябре 1961 г. в Дубне был открыт филиал Московского университета, отделение физики элементарных частиц и теории атомного ядра. Для студентов МГУ были построены учебный корпус, общежитие, спортивная площадка. По соглашению с дирекцией Объединенного института, студенты старших курсов физического факультета МГУ слушают лекции ведущих ученых ОИЯИ и проходят здесь научную практику; организована стажировка и для преподавателей факультета повышения квалификации при МГУ.

Быстрыми темпами в Дубне складывались формы городского быта, потому что большинство научных и инженерно-технических кадров — жители крупных городов, то есть люди с уже сложившимися городскими потребностями и привычками.

Для Дубны типична разноязыкая речь, постоянное присутствие иностранных исследователей; они активно участвуют в жизни института и города. Обычным стало общение детей разных стран в детских садах, общеобразовательных и музыкальных школах, на спортивных площадках. Даже названия улиц: Курчатова, Вавилова, Жюльо Кюри, Векслера, Инженерная, кафе — «Нейтрино», бассейн — «Архимед» создают особую обстановку труда, быта, досуга. Дружеские встречи в семейной обстановке — естественное продолжение рабочих контактов.

Поскольку горообразующая основа Дубны — наука, то на первом этапе развития города все было подчинено обслуживанию города его научных учреждений. Объединенный институт ядерных исследований оснащен не только крупнейшими экспериментальными установками и уникальной аппаратурой; он имеет также крупную специализированную библиотеку по ядерной физике, издательский отдел, постоянно совершенствующуюся службу научных и патентной информации. Сотрудничество лабораторий ОИЯИ с научно-исследовательскими организациями стран-участниц привело к быстрому росту его связей с научными центрами других стран, проведение международных научных совещаний и конференций дало новые импульсы росту института, а следовательно, и города. Если на 1 июля 1976 г. в ОИЯИ работали 1200 сотрудников, то в 1976 г. их стало более 6 тыс. человек. В 1956 г. в институте работали 1 академик, 5 членов корреспондентов АН СССР, 5 докторов и 20 кандидатов наук, а в 1975 г. здесь работали 4 академика, 8 членов-корреспондентов АН СССР, более 90 докторов

и 380 кандидатов наук⁴⁵. Численность рабочих возросла с 2191 человека в 1966 г. до 3005 человек в 1977 г., а инженерного персонала — с 1078 до 1541 человека⁴⁶.

Всесоюзная перепись 1959 г. показала, что численность жителей города достигла 14 тыс. человек⁴⁷.

Постепенно на развитие Дубны стали влиять и другие городообразующие факторы. В 1960 г. было проведено укрупнение Москвы и ряда городов Подмосковья. По Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 декабря 1960 г. к Дубне⁴⁸ был присоединен город Ивановское⁴⁹. В 1960 г. в институтской части Дубны был построен завод железобетонных изделий и деревянных конструкций. В цехах предприятия выпускаются разнообразные железобетонные изделия, а также бетон, асфальт, пиломатериалы, столлярные изделия. Завод обеспечивает продукцией не только свой город, но и направляет изделия в Москву, Калинин, Загорск, Кимры.

Дубна перестала быть городом науки в чистом виде, в ее городообразующей основе промышленность заняла равное место с наукой. Но именно в институтской части города находятся два филиала высших технических учебных заведений, они как бы указывают, что в эпоху научно-технической революции специализированное образование все более сопутствует науке; здесь расположен Дом ученых и сосредоточены значительные кадры научно-технической интеллигенции.

Город развивался по плану, который в 1961—1964 гг. разработали сотрудники института Мосгражданпроекта на ближайшие 25 лет, то есть до 1980 г. В этом плане заложена не только перспектива долголетнего развития, но и основа создания единого архитектурно-планировочного ансамбля города. После рассмотрения различных вариантов плана общественностью города в октябре 1964 г. исполком Мособлсовета утвердил генплан Дубны.

Генеральным планом предусмотрен рост населения города до 50 тыс. человек⁵⁰. Три поселка, возникшие в разное время и развивавшиеся как различные ведомственные образования, решено объединить единой перспективой, то есть в основу положено развитие трех районов: институтского, левобережного и большевистского и их постепенное сближение. Осью планировочной структуры стала река Волга. Вдоль ее правого берега намечено проложить автомагистраль, которая соединит институтскую часть го-

⁴⁵ За коммунизм, 1976, 26 марта.

⁴⁶ Отчеты о деятельности Объединенного института ядерных исследований (ежегодное издание). Изд. ОИЯИ, 1966, 1977.

⁴⁷ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., т. 1, М., 1972, с. 26.

⁴⁸ Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 8 января 1968 г. город Дубно стал именоваться городом Дубна (Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1968, № 2, 28 февр., ст. 93).

⁴⁹ Ведомости Верховного Совета СССР, 1960, № 50, с. 1154.

⁵⁰ Газета «За коммунизм» 23 декабря 1975 г. сообщила, что население достигло 50 тыс. человек.

рода с другими районами. Задуман архитектурный ансамбль вдоль берега Волги с центром города между институтской частью и районом Большой Волги⁵¹.

За более чем два десятилетия после принятия генерального плана развития Дубны город значительно благоустроился, расширилась жилищная застройка, увеличилась мощность предприятий, возникли новые организации и учреждения, идет сближение городских районов.

В 1963 г. завершено строительство 5-километровой въезда в институтскую часть города по московско-дмитровской автомобильной трассе; парадность ему придали мозаичная стена «Мирный атом» (художник Кузнецов). В 1964 г. построен хлебокомбинат, который в 1968 г. реконструировали, оснастили современным оборудованием; его работа осуществляется на основе специализации и кооперации с хлебокомбинатом, расположенным в Талдоме (в 18 км от Дубны).

В начале 1967 г. на смену жидкому газу в город пришел природный газ, но Дубненская газораздаточная станция продолжает обеспечивать сжиженным газом Дмитровский, Талдомский, Клинский районы Московской области и Кимрский район Калининской области. Это более 50 тыс. квартир и около 300 коммунально-бытовых предприятий. В 70-х годах завершено строительство очистных сооружений и новых котельных в институтской и левобережной частях города. В 1971 г. железнодорожная линия Дубна — Москва полностью электрифицирована, время нахождения в пути сократилось до 2 часов 15 мин. Увеличено также количество отправляемых поездов. Улучшается внутригородское движение автобусов. Волжская речная магистраль связывает Дубну с городами Поволжья.

Кляское десятилетие оставляет следы на внешнем облике города. В первые годы возникновения Дубны (конец 40-х и 50-е годы) велось малоэтажное строительство: коттеджи, двухэтажные, сборно-панельные, индивидуальные деревянные дома. В 60-е годы началось строительство 4- и 5-этажных домов с многоквартирной планировкой. Но и эти же годы институтская часть города украсили кварталы четырехэтажных домов, построенные по проектам болгарских архитекторов; в этот комплекс вошли гостиница и первый 10-этажный дом. В 70-х годах началось возведение многоэтажных домов с улучшенной планировкой квартир и балконами удобствами. Жилый фонд за 20 лет развития города значительно увеличился. Если в 1960 г. общий жилой фонд составлял 191 тыс. кв. м, то к 1965 г. он вырос до 272,4 тыс. кв. м, в 1967 г. — 301,1 тыс. кв. м, в 1971 г. — 348,8 тыс. кв. м, в 1976 г. — 419 тыс. кв. м, в 1977 г. — 736 тыс. кв. м⁵².

Рост коммунально-бытовых и промышленных предприятий Дубны приводит к тесным контактам с окружающей город местностью Подмосковья и соседних областей. Если проследить эти связи по промышленным предприятиям, то они распространяются по многим районам СССР. Таким образом, город, рожденный наукой, приобретает многопрофильность; он активно включается в экономическое (народнохозяйственное) развитие области и страны, а научный профиль и научные связи Дубны определяют ее международное значение.

Особенностью развития Дубны является некоторое отставание темпов капитального и жилищно-бытового строительства от высокого уровня механического прироста населения, обусловленного постоянным расширением научных исследований. Характерно, что рядом, в Дмитрове, — городе с почти тысячелетней историей, в 1939 г. насчитывалось 25 тыс. жителей, а Дубны еще не было, в 1970 г. численность их жителей сравнялась, в 1977 г. численность жителей в Дубне стала больше⁵³. В 1973 г. в Дубне начал работать завод «Тензор», который выпускает приборы для различных отраслей промышленности. Выросли мощности строительных организаций.

В 1976 г. Дубна отметила свой 20-летний юбилей. В городе есть высшие и средние специальные учебные заведения, общеобразовательные и вечерние школы, 24 дошкольных учреждения, 2 Дома культуры, кинотеатр, Дом пионеров, 2 станции юных техников, 2 музыкальные школы, детская художественная школа, хоровая студия «Дубна», создана факультативная детская физико-математическая школа, которой руководят ученые ОИЯИ. В Дубне имеется 21 библиотека с общим фондом книг и журналов в 1,5 млн. экземпляров, работает около 40 кружков и студий художественной самодеятельности; большую работу среди жителей города проводят общества «Знание», любителей книги и другие организации. Такая насыщенность культурно-бытовыми учреждениями неразрывно связана с запросами научных работников и их семей.

Как и в других городах, в Дубне неуклонно развивается медицинское обслуживание: во второй половине 70-х годов здесь работали более 200 врачей и свыше 400 медсестер, фельдшеров и лаборантов. В 70-е годы построены 2 стадиона, футбольные и хоккейные площадки, теннисные корты, спортивные залы, лыжные базы, плавательный бассейн. На территории города расположена две железнодорожные станции — Дубна и Большая Волга, речной вокзал и междугородная автобусная станция. Город занимает 65 кв. км.

К концу 70-х годов значительно выросла и политически окрепла Дубненская городская партийная организация; в ее рядах

⁵³ Народное хозяйство СССР за 60 лет, с. 61.

почти 5 тыс. коммунистов. Активную помощь партийной организации во всех областях городской жизни оказывает Дубненская комсомольская организация; она насчитывает около 8 тыс. комсомольцев. В Дубненский городской Совет народных депутатов XV созыва избрано 164 человека. В городе работают 47 лауреатов Ленинской и Государственной премий.

Так, в условиях развернувшейся научно-технической революции потребности развития одной из отраслей фундаментальной науки вызвали к жизни создание центра международного сотрудничества, вокруг которого растет современный город. С течением времени, как уже отмечалось, Дубна стала многопрофильным городом. Его судьба во многом схожа с городами периода индустриализации — Магнитогорском и Новокузнецком, выросшими при металлургических гигантах, а также Дзержинском, Новомосковском, Березниках, возникшими на базе химических комбинатов. Но при всем сходстве в развитии этих городов Дубна остается городом науки, международным научным центром.

Дальнейшее изучение современных процессов горообразования, в частности особенностей социально-экономического развития городов типа Дубны, поможет полнее раскрыть результаты плановой политики Коммунистической партии и Советского правительства, направленной на развертывание научно-технической революции, на соединение ее достижений с преимуществами социализма.

В. Г. ГЛУШКОВА

●
ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ
ХАРАКТЕРИСТИКА
ГОРОДОВ
ПОДМОСКОВЬЯ
'1950—1970-х годов
●

Современная Московская область — это высокоразвитый индустриальный район с интенсивным сельским хозяйством. В послевоенный период в хозяйстве Московской области произошли огромные качественные изменения, связанные с новым историческим этапом в развитии производительных сил страны. Так, только в 1950—1970 гг. темпы роста валовой продукции всей промышленности области выросли в 5,2 раза, машиностроения и металлообработки — в 13 раз, химической и нефтехимической промышленности — в 10 раз и т. д.¹

Научно-технический прогресс определил существенные качественные изменения в экономической структуре хозяйства Подмосковья, и прежде всего его городов, являющихся, по определению Н. Н. Баранского, «экономическим каркасом территории». Усложнение экономической структуры городских поселений, стабильное развитие сложившихся индустриальных центров, образование и быстрый рост научных и научно-производственных центров определяют постоянный рост численности городского населения Московской области, концентрацию все большей части населения области в городах и поселках городского типа.

Сейчас в Московской области, преимущественно в городских поселениях, расположено около 1100 крупных промышленных предприятий, свыше 200 научно-исследовательских и научных организаций².

---

¹ Народное хозяйство Московской области (1966—1970 гг.). М., 1972, с. 26.

² См.: Конотоп В. И. На земле Подмосковной. М., 1976, с. 5. 6.

В области 312 совхозов, 63 колхоза, свыше 26 птицефабрик и объединений. По промышленному и научному потенциалу Московская область уступает только Москве и Ленинграду с областью. Совхозы, колхозы, птицефабрики и другие сельскохозяйственные организации Московской области полностью обеспечивают население области молоком, яйцами, картофелем, овощами и поставляют продукты питания в другие районы страны. Московская область обеспечивает население Москвы молоком на 60%, картофелем — на 50%, диетическими яйцами и поздними овощами — полностью³.

Особое значение для комплексного развития хозяйства Подмосковья имеет утвержденная ЦК КПСС и Советом Министров СССР в июне 1973 г. «Схема районной планировки Московской области»⁴. В «Схеме» научно обоснованы предложения по совершенствованию развития и размещения производительных сил области, определены пути повышения эффективности общественного производства и улучшения труда, быта и отдыха трудящихся. Специфика развития народного хозяйства Подмосковья определяется не только производственным и научным потенциалом, но, как в стране в целом, «обостренней проблемой трудовых ресурсов»⁵, замедленными темпами их естественного воспроизводства, связанными со своеобразием демографической ситуации Москвы и Московской области. Бесспорно, возможности развития народного хозяйства Москвы и Подмосковья зависят и от специфики демографического положения района; они тесно связаны со своеобразием состава и изменением его населения, прежде всего трудящихся.

Первостепенная роль городских поселений в развитии хозяйства Подмосковья определяет особый интерес к изучению демографической ситуации в городах, поселках городского типа и территориальных вариаций населенческих показателей.

В Московской области сложилась крупнейшая в СССР сеть городских поселений. Своеобразие этой городской сети во многом определено близостью Москвы, постоянными взаимосвязями между столицей и ее окружением, многообразием функций Москвы, определяемых ее главенствующим положением не только в местной системе расселения, но и в ряде других, более высоких уровнях расселенческой системы страны.

Между Москвой и поселениями Московской области осуществляются тесные взаимосвязи: производственные, трудовые, культурно-бытовые. Наиболее тесные взаимосвязи существуют между Москвой и городами Московской области.

Производственные взаимосвязи Москвы чрезвычайно широки и распространяются практически по всей территории страны, однако

³ Там же.

⁴ См.: Посохин М. В. Город для человека. М., 1973, с. 93; Барышев А. Д. Подмосковье — край новостроек. М., 1976, с. 8.

⁵ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1977, с. 43.

в радиусе 200 км от Москвы они осуществляются особенно интенсивно. Москву и ее окружение характеризуют тесные трудовые взаимосвязи, объем которых постоянно растет. Ежедневный поток трудовых мигрантов в Москву составлял в 1960 г. — 394 тыс. человек⁶, в 1976 г. — 650 тыс. человек⁷; половина из них приезжала из городов Московской области. Однако в Москве все равно ощущается дефицит трудовых ресурсов, равный 130—150 тыс. человек⁸. Свыше 120 тыс. москвичей работают в Московской области, 70% из них — в ее городах. 90% приезжающих в Москву тратят на поездку к месту работы около 2 часов, что соответствует 60 км удалению от границ Москвы⁹. В 110 км от Москвы трудовые взаимосвязи поселений Подмосковья и Москвы прекращаются. Культурно-бытовые взаимосвязи распространяются на большей территории, но в пределах 3 часов доступности Москвы, то есть в пределах радиуса 90 км от границ столицы они особенно тесные. Здесь каждый житель совершает в Москву за год в среднем 10 и более самостоятельных культурно-бытовых поездок¹⁰. Основная причина, вызывающая культурно-бытовые поездки из поселений Московской области в Москву, — недостаточный уровень развития сферы обслуживания. Занятость в обслуживании, в соответствии со Строительными нормами и правилами¹¹, должна составлять 18—23% от численности населения; сейчас этот показатель в Московской области равен 11%, в ее городах — 14%, в сельской местности — 8%. Повышенную занятость в обслуживании имеют Ярославское, Горьковское, Казанское железнодорожные направления, особенно в пределах 20—40 км от границ Москвы, но и здесь занятость в обслуживании не превышает 11—13% от численности населения. На этих направлениях расположены многие крупнейшие города области: Калининград, Мытищи, Загорск, Балашиха, Реутов, Железнодорожный, Люберцы, Жуковский, Раменское, Коломна.

Москва всегда оказывала большое влияние на развитие поселений Подмосковья, и в первую очередь на развитие сети городов. В ближайшем окружении Москвы города и поселки растут и развиваются наиболее активно. Вокруг Москвы сложилось 3 кольца достаточно крупных городов. В 10—15 км от границ Москвы проходит 1-е кольцо крупных городов области, в 50—70 км — 2-е кольцо, 3-е кольцо — в 90—100 км. В первых двух кольцах распо-

⁶ Транспортные узлы. М., 1966, с. 133.

⁷ См.: Белинский А. Ю. Пригородный транспорт большого города.— Проблемы больших городов, 1976, № 8, с. 28.

⁸ См.: Хорев Б. С., Ромашкин В. И. Демографические проблемы Москвы.— Городское хозяйство Москвы, 1975, № 6, с. 10.

⁹ См.: Глушкова В. Г., Шепелев Н. П. Определение границы зоны активного влияния Москвы.— ВМУ, серия география, 1974, № 5, с. 96.

¹⁰ См.: Глушкова В. Г., Шепелев Н. П. Некоторые закономерности культурно-бытовых поездок из Московской области в Москву.— ВМУ, серия география, 1976, № 4, с. 95.

¹¹ Строительные нормы и правила, ч. II, гл. 60. М., 1976, с. 67.

ложены старые города и поселки (Подольск, Ногинск, Люберцы и др.), и новые города и поселки (Зеленоград, Шелково, Ивантеевка, Калининград, Жуковский, Красногорск, Троицк и др.). В 3-е кольцо входят старые городские поселения с многоотраслевым составом, но здесь выделяется несколько новых многоотраслевых поселений: Пушкино, Дубна и некоторые другие. Городские поселения первых двух колец имеют особенно тесные ежедневные трудовые связи с Москвой и достаточно тесные периодические культурно-бытовые взаимосвязи. Так, из городов 1-го кольца ежедневно выезжают на работу в Москву более 26% численности самодеятельного населения каждого города, из городов 2-го кольца — не менее 6% численности самодеятельного населения, из городов 3-го кольца — около 1% самодеятельного населения.

В среднем каждый житель городов, расположенных в 1-м кольце, совершает в год 50 и более самостоятельных культурно-бытовых поездок в Москву. Жители городов 2-го кольца совершают не менее 30 поездок и жители 3-го кольца — 10 поездок и менее.

Специфика размещения сети городов по территории Московской области, территориальные различия их плотности и функциональной специализации складывались в течение длительного времени, то есть отражают процесс исторического освоения и развития Подмосквья.

Наиболее плотно заселены восточная, юго-восточная, северо-восточная и центральная южная части Московской области. Здесь сеть городских поселений особенно густая, здесь расположены крупнейшие города Подмосквья: Балашиха, Реутов, Железнодорожный, Электросталь, Орехово-Зуево, Ногинск, Люберцы, Раменское, Коломна, Мытищи, Калининград, Загорск, Подольск, Серпухов и др. Восточная часть Московской области — наиболее развитый в промышленном отношении ее район. Северная часть области — самый молодой промышленный район Подмосквья. Каждая часть характеризуется чередованием промышленных территорий с сельскохозяйственными. Западная часть Московской области стала основной зоной оттока для населения Москвы; она имеет также и сельскохозяйственную специализацию.

Городское население — жители городов и поселков городского типа составляет основную, постоянно увеличивающуюся часть населения Московской области (таблица 1).

Доля городских жителей в Московской области значительно выросла в среднем по СССР, РСФСР, в Центральном экономическом районе. Городское население составляло в целом по СССР 48% в 1974 г., 61% — в 1976 г., а в Московской области в 1959 и 1976 гг. оно достигало 56 и 74%. Именно постоянный рост численности городского населения Московской области определяет общий прирост численности ее населения, поскольку численность сельского населения сокращается с 1939 г. В 1939–1959 гг., 1959–1970 гг., 1970–1976 гг. численность населения Московской

Таблица 1

Изменения численности городского и сельского населения Московской области с 1939 по 1976 г.*

	1939 г.		1959 г.		1970 г.		1976 г.	
	тыс. человек	%	тыс. человек	%	тыс. человек	%	тыс. человек	%
Московская область с городскими поселениями Московской области	4259,6	100,0	4936,8	100,0	5893,9	100,0	6282,8	100,0
Городское население	1672,6	39,2	2785,6	56,5	4092,0	69,4	4618,2	73,5
в городах	1498,6	35,2	2424,2	49,4	3384,1	57,4	3913,1	62,3
в поселках городского типа	174,0	4,0	361,5	7,1	707,9	12,0	705,1	11,2
Сельское население	2587,0	60,8	2151,2	43,5	1801,9	30,6	1664,6	26,5

* Московская область за 50 лет М., 1967, с. 18; Народное хозяйство Московской области (1971 — 1975 гг.) М., 1976, с. 87; Народное хозяйство СССР в 1975 г. М., 1976, с. 40; СССР в цифрах в 1977 г. М., 1978, с. 12.

области возросла; все городское население также увеличилось, а численность сельского населения сокращалась (таблица 2).

Сокращение темпов прироста численности населения области достигнуто благодаря выполнению предложений «Схемы районной планировки Московской области», нацеленной на ограниченное дальнейшей концентрации производительных сил в окружении Москвы.

Таблица 2

Темпы изменения численности населения*

Группы населения	1939—1959 гг.	1959—1970 г.	1970—1976 г.
	% в год		
Московская область с городскими поселениями Московской области		1,5	1,5
Городское население		4,0	4,0
в городах		5,2	5,2
в поселках городского типа	5,3	5,3	5,3
Сельское население	3,5	1,3	1,3

* См. таблицу 10 в том же издании, что и таблица 1.

Однако достаточно быстро росла численность населения в среднем в непосредственном окружении столицы. В 1959—1970 и в среднем за год численность населения городов увеличилась в 1-м поясе административных районов вокруг Москвы соответственно на 6 и 3,4%, во 2-м поясе — на 1 и 3,3%, в 3-м поясе — на 2 и 1,4% в среднем за год.

Города и поселки городского типа расположены неравномерно по территории Московской области. С удалением от Москвы плотность городских поселений и доля городских жителей в общей численности населения районов сокращаются. В 1-м поясе административных районов вокруг Москвы (районы лесопаркового защитного пояса столицы) один город приходится на 144 кв. км, во 2-м поясе (внешний пояс пригородной зоны) один город приходится на 457 кв. км и в 3-м поясе (внешняя зона Московской области) один город приходится на 985 кв. км. Городское население составляло в 1976 г. в 1-м поясе — 83,3%, во 2-м поясе — 70,8%, и 3-м поясе — 70,0%.

Для Московской области характерны большие вариации людности городских поселений. Самый малый город — Верея (6 тыс. человек — 1976 г), самый большой — Подольск (192 тыс. человек). В то же время часть поселков городского типа — достаточно крупные городские образования. Крупнейшие поселки городского типа Московской области: Малаховка (28 тыс. человек), Дзержинский (27 тыс. человек) и некоторые другие, самые малые: Темпы, Муханово, Вождь пролетариата (по 1 тыс. человек).

В конце 50-х годов в Московской области появилась еще одна форма городских образований — городские агломерации II порядка¹². Существует мнение, что город начинает разворачиваться в агломерацию, когда численность его населения достигает 100 тыс. человек¹³. Таким образом, в Московской области в составе огромной московской агломерации во главе с Москвой (или агломерацией I порядка) формируются меньшие плотные сгустки городских образований, или агломерации II порядка.

Скпление (часто и территориальное слияние) близко расположенных городов, поселков городского типа и других населенных мест, объединенных постоянными и тесными производственными, организационно-хозяйственными, трудовыми, культурно-бытовыми и рекреационными взаимосвязями, позволяет рассматривать всю совокупность населенных пунктов как единую систему расселения и территориальной организации производительных сил; существование агломерации требует единой экономической, градостроительной и природоохранительной политики.

Население московской агломерации — несколько миллионов человек, а в каждой из входящих в нее агломераций II порядка — 200-500 тыс. человек. Число агломераций II порядка в Московской области быстро увеличивается. В 1959 г. в области были 2 такие агломерации. В 70-е годы в Московской области образовалось 7 агломераций II порядка: Долгопрудный—Химки, Мытищи—Калининград—Пушкино—Ивантеевка—Щелково, Балашиха—Реутов—Железнодорожный, Подгоск—Электросталь, Любер-

¹² См. Ланно Г. М. География городов с основами градостроительства, 1969, с. 166

¹³ Там же

цы—Жуковский—Раменское, Подольск—Климовск, Дедовск—Нахабино¹⁴. 5 агломераций расположены в северо-восточной, восточной, юго-восточной частях области, одна — в центральной южной, одна — в западной части. Основная часть агломераций находится в радиусе 25 км от границ Москвы. Чрезмерный рост численности населения и территории агломераций II порядка в пригородной зоне Москвы может ухудшить качества лесопаркового защитного пояса столицы. Поэтому «Генеральный план разви-

Таблица 3

Группировка городов Московской области по числу жителей в 1939—1976 гг.*

Группы городов	1939 г.		1959 г.		1970 г.		1976 г.	
	число городов	в них жителей	число городов	в них жителей	число городов	в них жителей	число городов	в них жителей
Города Московской области	64	1498,6	67	2224,1	69	3384,1	71	3913,1
5 тыс. человек и менее	2	9,5	—	—	—	—	—	—
5—10 тыс. человек	17	125,7	6	46,3	2	13,9	2	15,1
10—20 тыс. человек	22	310,9	22	332,8	17	251,5	14	216,9
20—50 тыс. человек	16	506,1	24	761,5	24	790,5	24	789,6
50—100 тыс. человек (средние города)	7	546,4	10	718,6	17	1188,5	19	1318,5
100 тыс. человек и более (большие города)	—	—	5	564,9	9	1139,7	12	1573,0

* Московская область за 50 лет. М., 1967, с. 22; Народное хозяйство Московской области (1971—1975 гг.). М., 1976, с. 7.

тия Москвы» и «Схема районной планировки Московской области» предусматривают особый контроль за развитием производительных сил в ближайшем окружении Москвы.

На территории Московской области в 1976 г. был 71 город, где жили 3913,1 тыс. человек, или 62,3% населения области. Основная часть жителей городов сосредоточена в больших (100 тыс. человек и более) и средних городах (50—100 тыс. человек) — 53,0% в 1959 г. и 73,9% в 1976 г (таблица 3). В небольших городах (20—50 тыс. человек) живет 20,2% населения, однако эта группа городов более значительная, в нее входят 24 города. В Московской области продолжается укрупнение городов: число малых городов сокращается, число средних и больших городов растет. Особенно быстро увеличиваются число и людность крупнейших городов с населением 100 тыс. человек и более (таблица 4). 72% крупнейших городов расположены в радиусе 60—70 км от границ Москвы, в том числе 27% в пределах 1-го пояса. По

¹⁴ См.: Глушкова В. Г. О направленном территориальном развитии московской агломерации.— В кн.: Пути внедрения научных исследований в практику градостроительства. Сборник научных трудов. М., 1976, с. 23.

Таблица 4

Среднегодовые темпы изменения численности населения городов Московской области с 1939 по 1976 г.

Группы городов по велич. н	1939—1959 гг.	1959—1970 гг.	1970—1976 гг.
	% в год		
Города Московской области .	3,1	3,6	2,6
5 тыс. человек и менее	—	—	—
5—10 тыс. человек	-3,2	-6,4	-1,4
10—20 тыс. человек	0,4	-2,2	-2,3
20—50 тыс. человек	2,5	0,4	0,0
50—100 тыс. человек (среднее г)	1,6	6,0	1,8
100 тыс. человек и более .	—	9,3	6,3

мере удаления от Москвы темпы прироста численности населения городов сокращаются. В 1959—1970 гг. численность населения увеличилась в среднем за год: на 21% в Одинцове, на 13,6% в Лобне, на 12,7% в Видном, на 9,1% в Долгопрудном и Реутове, на 7,4% в Химках, на 5,6% в Пушкине, на 5,1% в Лыткарине, на 4,3% в Люберцах. Во 2-м поясе наиболее высокие темпы роста численности населения 1959—1970 гг. были в Истре — 11,8% в год, в Жуковском — 7,0% в год, в Фрязине — 6,3% в год. Города 3-го пояса административных районов растут значительно медленнее; здесь большинство городов имеет низкие темпы роста численности населения. Большую часть из них составляют малые города с недостаточно развитой экономической структурой хозяйства. В 1959—1970 гг. всего лишь на 5—10% выросло население городов Озеры, Дрезна, Ожерелье, Яхрома, Куровское и др. Численность населения Верей сократилась. В 1970—1976 гг. темпы прироста численности населения большинства городов Московской области сократились; только в нескольких городах, преимущественно научно-производственных центрах, численность населения увеличивалась достаточно быстро. В 1970—1976 гг. численность населения возросла в среднем за год: в Лобне — на 8,8%, в Пушкине — на 7,8%, в Пушкине — на 4,9%, в Истре — на 5,5%, в Фрязине — на 5,3% в год; в других городах темпы прироста численности населения были значительно ниже. А численность населения Высоковска сократилась.

Изучение территориальной специфики изменения численности населения Московской области и структуры прироста населения в послевоенный период показывает, что в подавляющем большинстве городских поселений Московской области численность населения увеличивается в основном за счет механического прироста, который значительно выше естественного. Низкий естественный прирост населения области объясняется невысокой рождаемостью и низкой стабилизовавшейся половозрастной смертностью.

В городах уровни рождаемости, смертности и соответственно естественного прироста особенно низкие, что определяет значительные размеры механического прироста в них. В городах Московской области уровни рождаемости, смертности и естественного прироста ниже, чем в среднем по области. В расчете на 1000 человек населения в 1959 и 1975 гг. коэффициент рождаемости, или число родившихся, был равен в СССР в целом 25,0 и 18,1‰; в Московской области этот коэффициент — 18,3 и 13,4‰ (1975 г.), в ее городах — 18,3 и 13,7‰ (1975 г.) (таблица 5).

Таблица 5

Рождаемость, смертность и естественный прирост населения СССР и Московской области (на 1000 человек населения)*

Население	1959 г.			1975 г.		
	число родившихся	число умерших	естественный прирост	число родившихся	число умерших	естественный прирост
СССР	25,0	7,6	17,4	18,1	9,3	8,8
Московская область .	18,3	7,3	11,0	13,4	9,6	3,8
Города Подмосковья .	18,3	6,4	11,9	13,7	8,6	5,1
5 тыс. человек и менее	—	—	—	—	—	—
5—10 тыс. человек . .	24,9	8,9	16,0	13,6	11,2	2,4
10—20 тыс. человек .	18,0	6,5	11,5	14,1	9,6	4,5
20—50 тыс. человек .	18,6	6,2	12,4	14,3	8,3	6,0
50—100 тыс. человек .	18,2	6,2	12,0	13,6	8,3	5,3
100 тыс. человек и более .	17,0	6,7	10,3	13,4	8,9	4,5

* Население СССР. Справочник. М., 1974, с. 9; СССР в цифрах в 1977 г. М., 1978, с. 17; Народное хозяйство Московской области (1971—1975 гг.). М., 1976, с. 7.

Коэффициент смертности, или число умерших в расчете на 1000 жителей, в эти годы составлял по СССР 7,6 и 9,3‰ в Московской области — 7,3 и 9,6‰, в ее городах — 6,4 и 8,6‰. Соответственно естественный прирост был равен по СССР — 17,4 и 8,8‰, в Московской области — 11,0 и 3,8‰, в ее городах — 11,9 и 5,1‰. В последние годы наблюдается некоторое повышение коэффициента смертности, что объясняется «старением» населения, то есть увеличением численности и доли в населении старших, особенно пенсионных, возрастов. Увеличение удельного веса лиц старших возрастов может и в дальнейшем повысить коэффициент смертности.

При существенном увеличении размеров городов рождаемость, смертность и естественный прирост населения сокращаются (см. таблицу 5). Кроме того, с удалением от Москвы рождаемость, смертность и естественный прирост возрастают. В 1975 г. в городах Московской области в 1-м поясе коэффициент рождаемости составлял 13,2‰, коэффициент смертности — 7,9‰, коэффициент

естественного прироста — 5,3‰. Эти же показатели во 2-м поясе соответственно равны 13,9, 8,2, 5,7‰ и в 3-м поясе — 14,0, 9,4, 4,6‰.

В 1975 г. особенно высокая рождаемость отмечена в городах Солнечно, Дедовск, Погинск, Фрязино, Красноармейск, Лосино-Петровский, Истра, Бронницы, Загорск, Наро-Фоминск, Дубна, Ликино-Дулево, Шатура, Луховицы, Дрезна, Руза, Пушкино, Куровское. Наиболее высокий естественный прирост был в городах Железнодорожный, Солнечно, Лыткарино, Фрязино, Дедовск, Красноармейск, Истра, Воскресенск, Наро-Фоминск, Дубна, Чехов, Пушкино, Дрезна.

Население Московской области в значительной степени — на 60% — растет за счет механического прироста, абсолютный размер которого постоянно увеличивается. В 70-е годы численность городского населения Московской области ежегодно увеличивалась в среднем на 70% за счет механического прироста. Основная часть мигрантов, прибывающих в область, оседает в городах, где сосредоточено основное количество мест приложения труда в промышленности, транспорте, строительстве, культурно-бытовом обслуживании, поэтому дефицит трудовых ресурсов в городах весьма ощутим. Коэффициент механического прироста в городах в 2 раза выше, чем в поселках городского типа, и в 6 раз выше, чем в сельской местности.

С увеличением размеров городов значение механического прироста в общем приросте численности населения возрастает. Если принять коэффициент механического прироста в целом по городам Московской области за 100% (1975 г), то в городах людностью 20 тыс. человек и менее он будет равен 79%, в городах людностью 20—50 тыс. человек — 118%, в городах людностью 50—100 тыс. человек — 122%, в городах людностью 100 тыс. человек и более — 81%.

В 1959 г. максимальный коэффициент механического прироста был в крупнейших городах области, а минимальный — в городах людностью 10—20 тыс. человек.

Анализ прироста численности населения Московской области в 1966—1976 гг. показывает, что наиболее активно за счет механического прироста росли достаточно крупные города: Мытищи, Балашиха, Реутов, Железнодорожный, Люберцы, Лобня, Долгопрудный, Химки, Красногорск, Видное, Калининград, Пушкино, Илантеевка, Фрязино, Жуковский, Раменское, Подольск, Дедовск, Солнечногорск, Пушкино, Серпухов, Коломна и некоторые другие, где saldo механического прироста превышает 20‰, а естественный прирост особенно низок — 3,7‰. С середины 70-х годов произошло некоторое перераспределение потока мигрантов; их основная часть направляется в города людностью 20—100 тыс. человек.

Сокращение потока трудовых мигрантов в крупнейшие города и увеличение потока в малые и средние города происходят по на-

меченному плану. Решениями XXV съезда КПСС предусмотрено «дальнейшее ограничение роста больших городов, развитие экономически перспективных малых и средних городов с размещением в них главным образом небольших предприятий, филиалов и специализированных цехов действующих объединений, фабрик и заводов...»¹⁵.

С удалением от Москвы доля механического прироста в общем приросте численности населения сокращается. Если принять коэффициент механического прироста в целом по городам Московской области за 100%, то в 1-м поясе он будет равен 160%, во 2-м поясе — 120%, в 3-м поясе — 45%.

Территориальные различия в воспроизводстве населения определяют своеобразие половозрастной структуры населения административных районов и городов Московской области. Основную часть механического прироста области принимают города; подавляющее большинство мигрантов — люди трудоспособного возраста, преимущественно — мужчины, поэтому в городах современная половозрастная структура населения более совершенна, чем в поселках городского типа и в сельской местности.

В 1970 г. в Московской области, в том числе в ее городах, женщины составляли 55,0% населения¹⁶. Достаточно благоприятную половую структуру населения имеют крупнейшие и большие города области, выделяющиеся богатым и разнообразным набором мест приложения труда, наиболее оптимальным соотношением мужского и женского труда. С сокращением размеров городов половая диспропорция в структуре населения усиливается. Наиболее совершенную половую структуру имеют города людностью 50—100 тыс. человек, где женщины составляют 54% населения. В городах людностью 20 тыс. человек и менее доля женщин в численности населения превышает 56%. Наиболее благоприятный половой состав населения в достаточно крупных производственных и научных центрах: Луховицах, Загорске, Калининграде, Воскресенске, Пущине, Солнечногорске, Ожерелье, Дубне, Одинцове, Долгопрудном, Чехове, где женщины составляют не более 53% и не менее 50% от общей численности населения. Наиболее высокая доля женщин (58—61%) отмечена в городах — текстильных центрах. Большинство этих городов расположено на востоке, северо-востоке и севере Московской области. С удалением от Москвы половая структура населения городов почти не меняется, женщины составляют 54% населения городов 1-го пояса, 55% — во 2-м поясе, 56% — в 3-м поясе.

Благоприятная возрастная структура складывается в городах людностью 50—100 тыс. человек, где достаточно высока доля детей (23,5%), наивысшая среди групп городов доля населения в трудоспособном возрасте (63,0%) и наименьшая доля населения

---

¹⁵ Материалы XXV съезда КПСС, с. 223.

¹⁶ Народное хозяйство Московской области (1966—1970 гг.), с. 9.

в подростковом возрасте (13,5%). Менее благоприятная возрастная структура наблюдается в городах с населением 20 тыс. человек и менее, где удельный вес в общей численности населения в трудоспособном возрасте (74,6%).

С удалением от Москвы возрастная структура населения городов все же становится все значительнее доля детей и населения в пенсионном возрасте, доля населения в трудоспособном возрасте сокращается.

В последние годы наиболее совершенную половозрастную структуру имеют города Пятигорск, Домодево, Липки, Мытищи, Тольятти, Фрязино, Одинцово, Раменское, Фрязино, Рузово, Кунинский, Калужский, Жуковский, Истринский, Пушкино, Дубна, Серпухов.

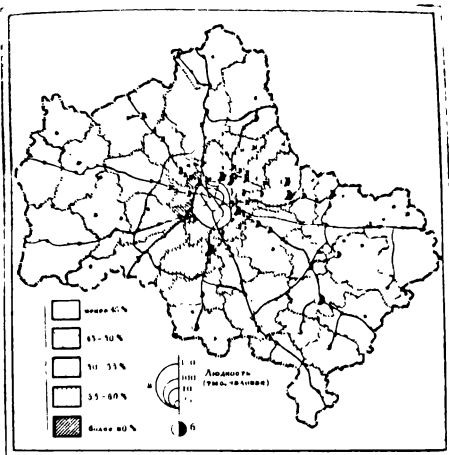
В основном в разном возрасте мест приложения труда в городах наблюдается миграционный поток и так и увеличивается доля населения в трудоспособном возрасте. Широкий набор мест приложения труда определяет высокую народнохозяйственную активность населения городов, здесь почти все население в трудоспособном возрасте и около 1/3 пенсионеров работают в народном хозяйстве.

Наиболее высокий уровень народнохозяйственной активности населения отмечен в больших и средних городах с наиболее разнообразным набором мест приложения труда (здесь до 60% населения работает в народном хозяйстве, в городах с 20-50 тыс. жителей этот показатель — 58%, в городах с количеством менее 20 тыс. человек — 56%, дисперсионный показатель по городам — 58%) (рис. 1).

Поскольку с удалением от Москвы плотность и разнообразие мест приложения труда, и также доли населения в трудоспособном возрасте сокращаются, то уровень народнохозяйственной активности (численности в народном хозяйстве) населения городов уменьшается. В 1 м поясе административных районов уровень народнохозяйственной активности составляет 61% численности всего населения пояса, во 2 м поясе — 59%, в 3 м поясе — 57% (рис. 2).

Различные демографические показатели населения городов Московской области зависят не только от величины городов и их удаленности от Москвы, но и от функциональных особенностей городов. Так, например, в городах с высокой демографической активностью (средние показатели по городам области — 58%) в их составе преобладают крупные центры (Истринский, Пушкино), а также города с высокой демографической активностью (Истринский, Клин, Фрязино). В то же время в городах с низкой демографической активностью (показатель ниже среднего) преобладают малые города (Истринский, Истринский, Истринский).

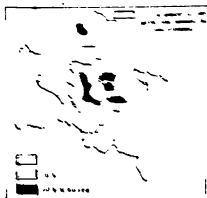
1. См. также в кн. «Демографическая ситуация в крупных городах Московской области». В кн. «Урбанизация городов (история и современность)» (Москва) вып. 1, М., 1976, глава 1.

Уровень народнохозяйственной активности населения

- а) Людность городов в тыс. чел. (среднее по району) — 40, 50, 60, 70, 80
 б) Уровень народнохозяйственной активности населения в районах — 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100

Уровень народнохозяйственной активности населения по районам Московской области

ные центры легкой промышленности (Лосино-Петровский, Озеры, Высоковск, Яхрома), центры с преобладанием легкой промышленности (Погорельск, Ивантеевка, Дедовск, Егорьевск, Павловский Посад), местные организующие центры сельскохозяйственных районов (Верея, Руза, Бронницы).

Анализ демографических характеристик и процессов в городах Московской области позволяет сделать вывод, что средние города области — людностью 50—100 тыс. человек — выделяются резким преобладанием положительных демографических показателей. За ними следуют небольшие города — 20—50 тыс. человек; еще меньше положительных характеристик в больших городах людностью 100 тыс. человек и более. Самая неблагоприятная демографическая ситуация сложилась в малых городах области с людностью 20 тыс. человек и менее. Города Московской области, расположенные в пригородной зоне Москвы (в радиусе 60—70 км от столицы), имеют лучшую демографическую ситуацию, чем города внешней зоны Московской области.

Существует взаимосвязь между величиной городов, функциональной структурой их хозяйства и демографическими процессами в них.

Последовательная реализация предложений «Схемы районной планировки Московской области» на основе плановой системы хозяйства позволяет совершенствовать развитие городов области, в том числе и их демографическую ситуацию.

●

К ВОПРОСУ О СОСТАВЕ РУССКОГО КУПЕЧЕСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII— ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

●

Одной из важных частей проблемы формирования русского купечества является вопрос о его составе, изученном применительно к феодальной формации еще далеко не достаточно. Между тем не вызывает сомнений, что на разных ступенях развития этой формации он не был одинаков, определяясь как развитием товарного обращения, так и степенью консолидации классов-сословий. Исследование состава купечества на разных этапах исторического развития, помогая раскрытию процесса его формирования, позволит одновременно выявить и некоторые особенности эволюции разных сословий феодальной России. В данной статье делается попытка рассмотреть состав купечества во второй половине XVII — начале XVIII в., то есть в период становления абсолютизма, на начальной стадии которого сохранялась многослойная сословная структура общества, упрощавшаяся сравнительно медленно и постепенно.

В экономике России избранного периода торговля занимала одно из видных мест и достигла такой степени развития, которая позволила В. И. Ленину считать XVII в. началом складывания всероссийского рынка¹. В начале своего формирования всероссийский рынок базировался на мелкотоварном производстве с характерной для него степенью развития товарно-денежных отношений. Но неизменным условием его возникновения было образование связей между сложившимися ранее достаточно устойчивыми областными рынками и такая степень разделения труда,

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 153—154.

которая обуславливала необходимость этих связей. Помимо специализации областей имело значение расширение внешней торговли как со странами Запада, так и Востока.

В таком необъятном государстве, каким стала Россия в XVII в., осуществление торговых операций большого масштаба было делом сложным. Купцов же с действительно крупными капиталами, располагавших собственными судами, штатом приказчиков, а также возможностью нанимать десятки крестьянских подвод, чтобы перебрасывать партии товаров из одного конца страны в другой, в XVII в. было не так много. Поэтому наряду с крупными купцами, которые, по определению В. И. Ленина, были руководителями и хозяевами процесса складывания всероссийского рынка, продолжали функционировать купцы со средними и мелкими капиталами, названные В. И. Лениным «хозяевами» мелких местных рынков². Деятельность как тех, так и других стимулировалась неоднократным оборотом капитала и, по сравнению с другими отраслями экономики, более быстрыми темпами этого оборота. Но на торговой деятельности еще весьма сильно и ощутимо сказывались привычные старые формы обмена, когда купцы обменивались товарами в пределах своих или ближайших областей. Маршруты их поездок удлинялись медленно, постепенно и далеко не всегда. Вследствие этого осуществление обмена между разными частями России вовлекало в сферу торговой деятельности большое число людей, так как товары проходили в своем движении через несколько рук.

Общее число лиц, занятых которых была торговля, во второй половине XVII — начале XVIII в., так же как и в более раннее время, неизвестно. Естественно, что основные кадры купечества должны были формироваться в первую очередь из людей, давно связанных с участием как во внешней, так и в областной торговле, а именно, из членов привилегированных купеческих корпораций — гостей, гостиной и суконной сотни и торговой прослойки городских посадов. Но совершенно ясно также, что обеспечить уровень развития торгового обмена, который осуществлялся в XVII в. силами только купеческих корпораций и посадских людей, было бы весьма трудно. Число членов купеческих корпораций, судя по официальным данным XVII — начала XVIII в., не превышало 300 человек. Правда, есть основание предполагать, что эти сведения неточны, но, даже если их общее число было на несколько десятков человек больше, в масштабе всей России общая картина существенно не меняется. К тому же купеческие корпорации, как показывают многие источники, включали не только купцов. Показания гостиной сотни, дававшиеся в 1704 г. при правительственной проверке реального экономического потенциала гостей, гостиной сотни и московского посада, помогают выяснить, что многие из купцов в силу разных причин «от купечества отстали», превра-

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 154; т. 3, с. 383.

тившись в ремесленников, крестьян или людей без определенных занятий. Не вел, например, никаких торговых операций, живший в Рыльске гостинной сотни А. И. Алферов, у которого не было «ни посуды, ни пожитков». Гостинной сотни Ф. Боровитинов из Юрьева-Польского брал на оброк две пашни, ссаял хлеб и «тем кормился», а гостинной сотни калужане Андрей и Прокофий Кудрявцевы показали, что «шьют голицы». Не вели торговли и числившиеся в гостинной сотне симбирянин Ф. П. Барминцев, казанец А. Ф. Башкирцев и др.³

Такие случаи были и раньше. В качестве примера можно привести историю известной в 30—70-х годах XVII в. семьи Гусельниковых-Федотовых (включавшей не только членов гостинной сотни, но и гостей). Эта семья с течением времени выбыла из состава крупного купечества, но не сразу была переведена в состав черносошных крестьян⁴. Сыновья гостинной сотни К. Чертова еще при жизни отца стали каширскими посадскими людьми, а сам он, хотя и числился в гостинной сотне, к старости отказался от купечества, так как «погорел и оскудал»⁵.

Что касается городских посадских общин, то, по подсчетам Я. Е. Водарского, их доля в 1678—1719 гг. составляла всего 3% населения⁶. Но основная масса посадских людей занималась ремеслом, часть работала по найму, и на долю купечества приходилось не более 30%, то есть менее 0,9% всего населения России. При росте товарного обращения и в сложных условиях складывания всероссийского рынка подобного контингента купцов было явно недостаточно.

Выяснение реального состава купечества наталкивается на многие трудности. Одна из них состоит в том, что терминология, применявшаяся в отношении купечества, длительное время была весьма неточной. Обращение к источникам прежде всего показывает, что употребление термина «купец» не было однозначным и не всегда совпадало с тем значением, которое оно получило и сохранило позднее.

Слово «купец» появилось на Руси с незапамятных времен, очевидно, еще до появления письменности. И. И. Срезневский, производя этот термин от слова «купля», указывал на два способа его употребления: «приобретающий» и «тегсатор», то есть «занимающийся торговлей». В подтверждение он приводил множество примеров из законодательных, литературных и других памятников древнерусской письменности⁷. В таком толковании термин

³ ЦГАДА, ф. Монастырского приказа, № 237, д. 1087, л. 21; д. 1048, лл. 3 об.—4, 27—28; д. 1111, лл. 21—22; д. 1116, лл. 17—18.

⁴ См.: Бахрушин С. В. Научные труды, т. II. М., 1954, с. 121—123; ЦГАДА, ф. 237, д. 1087, лл. 66—67.

⁵ ЦГАДА, ф. 237, д. 1087, лл. 29 об.—34 об.

⁶ См.: Водарский Я. Е. Население России за 400 лет (XVI—начало XX в.). М., 1973, с. 36.

⁷ См.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I. Спб. 1893, стб. 1370—1371, 1374—1375.

«купец» существовал в течение многих веков, но в практике его чаще употребляли для определения приобретающего, применяя не столько к продавцу, сколько к покупателю. Доказательств этому можно привести много.

В основном своде законов XVII в. — Соборном Уложении 1649 г., например, слово «купец» упоминается во всех случаях, когда речь идет о покупке вотчины, двора, лавки или мельницы, причем купцом неизменно именуется лишь один из участников сделки — покупатель. Купцом назван также человек, купивший лошадь, вино у корчемника, табак для собственного употребления. В статьях, где речь идет о возмещении ущерба, говорится, что с виновного следует взыскать «ту цену, что купцы давали»⁸. Следовательно, «купцом» называли лицо, связанное с любой покупкой, вовсе не всегда имевшей отношение к торговле. Еще более характерно, что определение «купец» очень редко встречается в непосредственно связанных с торговой деятельностью документах — таможенных записях и таможенных книгах. В них лишь изредка можно встретить выражение «купчина государев» в применении к лицам, торговавшим казенными товарами. «Купчинами» называли и иностранных купцов, приезжавших в Россию в составе посольств⁹. Весьма интересно и то, что в статьях Соборного Уложения, устанавливающих штрафы за бесчестье, определение «купец» не встречается¹⁰. Таким образом, термин «купец» долгое время не имел социального содержания, да и род занятий отражал далеко не всегда.

Что касается слова «купечество», то оно употреблялось как термин, означающий торговую деятельность, но не использовалось для обозначения группы людей, занимающихся торговлей. В учетно-финансовых материалах оно встречается, как правило, только в сочетании с глаголом «иметь»: «имеет купечество» или «купечества не имеет». Более или менее четкое значение слово «купечество» как обозначение определенной сословной принадлежности приобрело только в ходе реформ Петра I, особенно после городской реформы конца первой четверти XVIII в. и I-й ревизии, когда занимавшихся торговлей людей стали выделять в особую группу и противопоставлять «купечество» «цеховым», то есть записанным в цехи, ремесленникам.

В XVII в., если надо было подчеркнуть торговую деятельность, обычно употребляли словосочетания: «торговый человек» или «торговые люди». Наиболее употребительны они были в первой

---

⁸ См.: Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное Уложение 1649 г. М., 1961, гл. X, ст. 209, 244; гл. XVII, ст. 13, 34; гл. XVIII, ст. 15; гл. XXI, ст. 52; гл. XXV, ст. 3, 5 и 11.

⁹ Русско-шведские экономические отношения в XVII в. Сборник документов. М., 1960, № 20; Русско-индийские отношения в XVII в. Сборник документов. М., 1938, № 66, 68, 69 и др.

¹⁰ См.: Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Указ. соч., гл. X, ст. 94.

половине века. Однако и эти выражения, хотя в отличие от слова «купец» более четко определяли род занятий, оставались весьма расплывчатыми. На это, в частности, обратил внимание А. А. Новосельский, отметив, что «представление о торговом человеке в то время было довольно широким». Далее он пояснял, что торговыми людьми могли называть не только профессиональных купцов, но и лиц, совершивших эпизодические торговые операции, например струговых работников, ремесленников, работавших по заказам, закупавших на заработанные деньги и затем перепродававших по несколько лошадей, и «вольных охочих людей», принимавших участие в казачьих походах и затем продававших свою долю добычи¹¹.

Наблюдения А. А. Новосельского относились к донской торговле XVII в., но его выводы распространяемы и на другие районы. С. В. Бахрушин, считая, что в Сибири «торговыми людьми» называли наиболее влиятельных купцов, одновременно подчеркивал, что торговым человеком мог быть «член любого тяглового чина». Сообщая, что среди них были не только представители высших торговых корпораций, но и посадские люди, тяглецы черных и дворцовых слобод, черносошные и частновладельческие крестьяне, С. В. Бахрушин приходил к выводу, что термин скорее определял занятие, чем звание, и не имел сословного содержания¹².

Недостаточную четкость терминологии в отношении купечества остро чувствовали и современники, особенно при возникновении судебных дел, недоумок по платежам и в других подобных обстоятельствах. Не случайно поэтому во второй половине XVII в. выражениями «торговый человек» и «торговые люди» в приказной практике постепенно начали пользоваться лишь в тех случаях, когда речь шла о каких-то общих вопросах или когда требовалось собирательное выражение. Так, термин «торговые люди» употребляли в коллективных купеческих челобитных, в дипломатической переписке, в записях показаний купцов об условиях торговли за рубежом и т. п.¹³ В деловых же документах, имеющих прямое отношение к торговле, при фиксации купеческих явок, оформлении таможенных выписей или в оброчных книгах выражение «торговый человек» хотя и продолжало бытовать, но становилось редким исключением. В Новгородской книге Московской большой таможни 1693/1694 гг., например, где было упомянуто более 280 человек, оно встретилось менее 10 раз¹⁴. Можно также по многим

¹¹ См.: Новосельский А. А. Из истории донской торговли в XVII в.—ИЗ, кн. 26 М., 1948, с. 206—207.

¹² См.: Бахрушин С. В. Указ. соч., т. II, с. 118—119.

¹³ Русско-шведские экономические отношения в XVII в., № 132, 135, 136, 148 и др.; Русско-индийские отношения в XVII в., № 50, 54 и др.

¹⁴ Книги Московской большой таможни. 1693—1694 гг. Новгородская, Астраханская, Малороссийская, М., 1961, с. 17—63

таможенным книгам и выписям заметить, что происходит трансформация термина «торговый человек», в результате которой оно из главного определения превращается в дополнительное пояснение: «торговый крестьянин», «торговый иноземец». В основном же вообще заменяется указанием сословия купца; «гость», «гостинной сотни», «посадский человек», «ямской охотник», «пеший стрелец» и т. п.

Аналогичные формы находим и в таможенных материалах первой четверти XVIII в., в книгах записи крепостных актов, фиксирующих различные купеческие сделки, в сказках гостинной сотни, ревизских сказках и многих других документах.

Постепенно вытесняются и довольно употребительные ранее в таможенных книгах определения географического характера (москвитин, ярославец, вожанин, костромитин и т. п.), которые также не содержали сведений о сословной принадлежности и могли употребляться в отношении любого торгового человека из определенной местности. Однако указание на местожительство купца имело важное практическое значение и было необходимым условием для нормального делопроизводства. Поэтому трансформация такого рода определений пошла по пути уточнения и расширения пояснений, дополняющих указание на сословную принадлежность «астраханский посадский человек», «Ростовского уезду села Угорич крестьянин», «терский конный стрелец», «нижегородский ямской охотник». В отношении крестьян приводились часто и фамилии их владельцев.

Недостаточная четкость терминологии, постепенно вытесняемая указаниями на сословную принадлежность купца с необходимыми дополнительными пояснениями, несомненно, отражала существующие особенности процесса формирования и пестроту состава купечества, развивавшегося в условиях сложной сословной структуры общества. Таким образом, даже простое обращение к терминологии показывает, что изучение истории формирования купечества требует анализа источников, рисующих жизнь и занятия представителей разных сословий, а следовательно, источников разного типа и происхождения.

Наиболее массовый источник по истории разных сословий — переписи населения. Но обращение к ним показывает, что далеко не все они дают достаточно полные сведения о роде деятельности людей. Это объяснялось особенностями учета населения, когда разные группы учитывали не по единой схеме, а в зависимости от сословной принадлежности и вопросов, интересовавших правительство. Так, не упоминались побочные занятия служилых по прибору, хотя им официально разрешалось иметь торги и промыслы, не всегда отмечены торги крестьян, ускользали от учета и торги церковнослужителей. Даже при переписях посадских людей далеко не всегда выделяли купцов. В таких обстоятельствах наиболее достоверным способом выявления реального состава купечества остается постепенный учет по различным источникам,

в первую очередь по материалам таможенного делопроизводства лиц, систематически занимавшихся торговлей¹⁵.

Сложность работы по выяснению состава купечества, очевидно, можно считать основной причиной отсутствия специальных исследований по этому вопросу. Вместе с тем нельзя сказать, что состав купечества полностью не изучен. В исторической литературе, посвященной истории русской торговли, особенно в работах, построенных на изучении таможенных книг, почти всегда можно встретить сведения о категориях населения, ведущих торговлю, а также о деятельности отдельных купцов. К сожалению, нечеткость терминологии, о которой говорилось выше, предопределила отсутствие единообразных данных в разных исследованиях, так как историки, следуя за своим источником, воспринимали и его терминологию. Поэтому в литературе наряду с сословными определениями довольно часто встречается и общий термин «торговые люди», и широко используются географические определения без попыток раскрыть их социальное содержание. Кроме того, исследователи по-разному применяют термин «посадские люди»: одни включают туда только членов посадских общин, другие суммируют с посадскими людьми представителей привилегированных купеческих корпораций, третьи относят к посадке как совокупности торгово-промышленного населения и некоторые группы беломестцев. В связи с этим суммировать данные литературы, даже совпадающие по годам, не удастся и придется оперировать ими раздельно.

Особенность исследований определяется и степенью сохранности источников, из-за чего одни авторы используют комплексы таможенных материалов, другие исследуют одну таможенную книгу. Тем не менее данные различных исследований в совокупности с некоторыми архивными материалами позволяют предпринять попытку определить состав купечества во второй половине XVII — первой четверти XVIII в. хотя бы в общих чертах.

Среди купечества как категории людей, систематически занимавшихся торговлей, прежде всего выделялись лица, ведущие преимущественно «отъезжий торг», то есть осуществлявшие продажу и закупки товаров в разных городах и населенных пунктах, а также на ярмарках. В основе их торговых операций лежала скупка и продажа товаров оптом, а поэтому розничная торговля.

---

¹⁵ Метод этот далеко не совершенен, требует огромной и весьма кропотливой работы. Он связан со сплошным просмотром больших комплексов документов, причем даже в этом случае не гарантирует от неточностей ввиду состояния и степени сохранности источников. Но отказываться от него не следует, так как даже частично добытые данные все же будут наиболее бесспорными и помогут решению вопроса.

хотя и не исключалась, была для них делом второстепенным. Наряду с ведущими «отъезжий торг» существовали купцы, специализировавшиеся на розничной торговле через разные торговые заведения. В обеих группах встречались крупные, средние и мелкие торговцы, капиталы которых отличались весьма существенно, что определяло и различие их операций. Среди купцов, связанных с «отъезжим торгом», различия проявлялись в объеме и широте торговли. Крупные купцы включали в сферу своей деятельности не только многие русские города, села и ярмарки, но и зарубежные города. Широко занимались они также подрядами и откупамн. Средние и мелкие купцы удовлетворялись ограниченными маршрутами, обычно в одном направлении. Дальние поездки они организовывали редко, предпочитая торговать в соседних городах или в округе своего города. Купцов-розничников отличало друг от друга владение разным числом лавок, погребов и харчевен, их величина и количество товаров. Мелкие торговцы продавали свои товары в шалашах, на полках, с лотков и с рук. Основная масса средних и мелких торговцев не смогла бы удовлетворить требованиям, которые предъявлялись в более позднее время к лицам «купеческого звания». Но в XVII — начале XVIII в., когда сохранялось преобладание средних и мелких торговых капиталов, типичное для феодального города, исключение их из поля зрения при выяснении состава русского купечества носило бы искусственный характер. В то же время представляется ошибочным включение в число купцов тех лиц, которые совершали эпизодические торговые сделки или продавали предметы собственного домашнего производства как ремесленники или крестьяне, привозившие на базары продуктовые излишки своего хозяйства. Как подчеркивал К. Маркс, «...самостоятельное купеческое имущество как господствующая форма капитала означает обособленность процесса обращения от его крайних членов, а эти крайние члены — сами обменивающиеся производителями»¹⁶.

Переходя непосредственно к рассмотрению данных о составе русского купечества, нельзя не отметить, что в разных городах он мог быть различным, но в городах, развивающихся в сходных условиях, различия уменьшались. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть состав купечества по отдельным крупным регионам России.

На различия в составе купечества уже давно обратил внимание Е. Д. Сташевский, изучавший пятинный сбор 1634 г., который был наложен на все категории торгового населения страны. Сопоставляя суммы пятинного сбора по городу и его уезду, Е. Д. Сташевский выделил 4 группы городов: 1 — города, в которых объем торговли был примерно равен объему уездной торговли; 2 — города, где торговля, сосредоточиваясь в основном в руках посадских людей, значительно превышала объем уездной торговли; 3 —

¹⁶ Маркс К. Капитал, т. III, ч. I. М., 1975, с. 360.

города, в которых объем торговли был ниже уездной торговли и 4 — города, в которых торговля сосредоточивалась в руках служилых людей. К первой группе Е. Д. Сташевский относил в основном северные города, ко второй — города Центра, Северо-Запада и Поволжья, к третьей — отдельные города Юга и района, лежавшего между Нижним Новгородом и Казанью, к четвертой группе — основную массу украинских, северских, польских и рязанских городов. Сибири он не касался. Особое место в его классификации отводилось Москве¹⁷. Специфичность столицы выражалась в том, что на нее был наложен исключительно высокий пятинный оклад в 90 000 рублей, составлявший немногим менее 1/3 всего пятинного оклада в целом и не шедший ни в какое сравнение с окладами других городов. После Москвы наиболее крупные оклады платили: Казань — 25 946 рублей, Ярославль — 17 225 рублей, Нижний Новгород — 8 740 рублей и Вологда — 8 414 рублей¹⁸. Величина Московского оклада свидетельствовала о большой численности занятого торговлей населения, а также о концентрации в столице обладателей крупных капиталов. По подсчетам Е. Д. Сташевского, представители высших купеческих корпораций платили 46 000 рублей, то есть около 1/2 оклада столицы.

Своей классификацией Е. Д. Сташевский фактически подчеркнул, что в разных частях Европейской России торговля могла сосредоточиваться в руках различных по сословной принадлежности людей, определялась особенностями состава населения того или иного региона. Но поскольку Е. Д. Сташевский оперировал суммарными данными о пятинных окладах городов и уездов, то соотношение купцов из разных сословных категорий внутри городов и их округи он не рассматривал. Но по ряду городов эту работу пытались провести другие исследователи.

К числу городов, не раз привлекавших внимание ученых, естественно относилась Москва. Однако точное число купцов Москвы в изучаемый период пока не установлено. Но известно, что одних только торговых заведений было там около 4000, причем в некоторых помещениях располагалось несколько торговцев¹⁹. Таким образом, только купцов, торговавших в розницу, насчитывалось в столице более 4000. Отказываясь от попытки установить «даже относительно точные статистические данные о принадлежности рядских торговцев», Д. И. Тверская, используя иллюстративный метод, выявляет среди них гостей и гостиную сотню, посадских людей черных слобод, жителей дворцовых слобод, стрельцов, пушкарей, оброчных крестьян подмосковных сел и лиц из обслужива-

¹⁷ См.: Сташевский Е. Д. Пятина 142 года в торгово-промышленн. центры Московского государства — ЖМНП, 1912, № 5, с. 106—109.

¹⁸ См.: Сташевский Е. Д. Указ. соч., с. 80—81.

¹⁹ См.: Тверская Д. И. Москва второй половины XVII века — центр складывающегося всероссийского рынка. М., 1959, с. 57.

ющего персонала царского дворца²⁰. Но перечень этот неполон и может быть расширен за счет владевших лавками представителей духовенства и мелких церковнослужителей, приказных служителей, ямских охотников, отдельных бояр и дворян, а также иноземцев.

М. В. Довнар-Запольский, анализируя опубликованную И. Е. Забелиным доимочную книгу 1701 г., составленную на основе данных Земского приказа за 1694—1699 гг. и рисующую, следовательно, положение в Москве конца XVII в., подсчитал, что из торговых заведений, за владельцами которых числились недоимки, 51,98% принадлежали посадским людям, 16,07% — стрельцам и пушкарям, 2,74% — детям боярским, 21% — церковнослужителям и монастырям, 2,4% — монастырским и церковным крестьянам, 1,38% — частновладельческим крестьянам и 18,73% — лицам, сословная принадлежность которых не указана²¹. Книга позволяет уточнить, что среди купцов, отнесенных М. В. Довнар-Запольским к посаду, было 17 гостей, 50 членов гостиной сотни и 21 суконной сотни, а также жители дворцовых слобод. Кроме того, только в Китай-городе лавками владели не названные им 9 дьяков и подьячих, 62 дворцовых служителя, 8 воротников, ямской охотник, «нищий» и др.²²

Хотя данные доимочной книги неполны, они тем не менее хорошо показывают разнородность состава московских купцов. Правда, часть из них, как правильно подметила Д. И. Тверская, была ремесленниками, продававшими предметы своего производства и не превратившимися в купцов, занятых исключительно торговлей, базирующейся на перепродаже изделий, скупленных у непосредственных производителей²³. Но это соображение справедливо для людей из многих городских сословий и не может существенно упростить сословного состава московских купцов, типичного для второй половины XVII в.

Констатируя пестрый сословный состав московских купцов и пользуясь данными М. В. Довнар-Запольского и Д. И. Тверской, можно считать, что первое место среди них занимали в совокупности члены привилегированных купеческих корпораций, посада и дворцовых слобод, но достаточно высокой была доля церковных людей и служилых по прибору. Остальные категории, включая крестьян, на которые приходилось 3,78%, значительно им уступали.

Процентное соотношение, установленное М. В. Довнар-Запольским для Москвы конца XVII в., было, очевидно, характерно для

---

²⁰ См.: Тверская Д. И. Указ. соч., с. 58—72.

²¹ См.: Довнар-Запольский М. В. Торговля и промышленность Москвы XVI—XVII вв.— В кн.: Москва в ее прошлом и настоящем. М., 1910, с. 35.

²² См.: Забелин И. Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы, т. II. М., 1891, стб. 1163—1247.

²³ См.: Тверская Д. И. Указ. соч., с. 59.

нее и в более ранние годы, так как состав ее населения формировался во второй половине века из тех же сословных категорий.

Представители тех же слоев принимали участие и в «отъезжем торге». Численность их выяснить крайне трудно, но нет сомнений, что она достигала нескольких сотен человек. Сложность учета таких купцов, помимо указанных выше причин, определяется еще и тем, что они принимали участие в торговле всех ведущих и множества мелких торговых центров как городов, так и сельских торжков и ярмарок. Д. И. Тверская отмечала присутствие москвичей в Вологде, Великом Устюге, Ярославле, Сольвычегодске, Тотьме, Архангельске, Пскове, Новгороде, Смоленске, на Украине и на Дону, в Поволжье и Сибири. Аналогичные данные встречаются и у других исследователей²⁴. По таможенным книгам разных городов выясняется также, что наиболее активными в этой группе купцов Москвы в XVII в. были гости, гостиная сотня, к которым примыкали представители суконной сотни, московского посада и дворцовых слобод.

В Астрахани, например, в 50—60-х годах XVII в. систематически вели торговые дела московские гости Г. Инкитников, М. Шорин, М. Гурьев, в 70-х годах А. Юрьев, в 80—90-х годах Иван и Семен Сверчковы, О. Филатьев, И. Могутов, К. Добрынин, В. Воронин, В. Шиловцев, С. Лабозный и др. Из гостининой сотни периодически бывали в Астрахани москвичи И. Артемов, Д. Павлов, А. Турчанинов, Т. Лисенок, отец и сыновья Боковы, М. Евреинков, а из суконной сотни Г. Быков, Владимирцев. Из жителей московских черных и дворцовых слобод в Астрахани делали явки купцы Садовой, Мещанской, Кадашевской, Конюшенной, а также Барашской патриаршей слобод²⁵.

Крупные купцы привозили в Астрахань товары не только из Москвы, но из Архангельска, Новгорода, Ярославля и других городов. Часть их они отправляли дальше, в Персию и страны Кавказа. Астраханские товары купцы отсылали в обратном направлении и на Макарьевскую ярмарку. Те же купцы из гостей и гостининой сотни, к которым можно добавить и другие фамилии, вели торговлю и в Сибири. Известное участие в крупном «отъезжем торге» принимали и «московские иноземцы», то есть осевшие в русской столице иностранцы, не вошедшие, однако, в состав посадских общин. Так, можно назвать купца П. Вестова, операции которого распространялись на Москву, Архангельск, Астрахань и Новгород²⁶. Включались в «отъезжий торг» и крестьяне подмо-

²⁴ См. Тверская Д. И. Указ. соч., с. 110—111; Бахрушин С. В. Указ. соч., т. III, ч. 1. М., 1955. Мерзон А. Ц., Тихонова Ю. А. Рынок Устюга Великого XVII век. М., 1960. Александров В. А. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в. М., 1964. гл. II; и др.

²⁵ ЛОИИ. Ф. Астраханской приказной палаты, № 178, дд. 6853, 6856, 58, 6861, 6870, 1064, 10013, 10015, 11409, 11566, 11752, 14041 и др.

²⁶ ЛОИИ. Ф. 178, д. 14030, л. 4; ЦГАДА. Ф. Юстин-коллегии. № 282, 1031, лл. 94 об., 287 об., 315, 403, 875, д. 1032, дд. 190 об., 203 об. и др.

сковных оброчных сел, особенно села Покровского, где имелось такие крупные купцы, как И. Высоцкий, М. Дмитриев и др.²⁷

Для остальных категорий московского населения ведение дальних торговых операций было затруднено вследствие их прямых служебных обязанностей. Стрельцам, например, запрещали надолго отлучаться из полков по собственным делам. В таком же положении находились пушкарни, воротники, дворцовые служители и церковные люди. Численность этих торговцев среди купцов, осуществлявших крупные дальние торги, была невелика, хотя полностью исключить их из этой группы купечества нельзя. В той же Астрахани в конце 80-х — начале 90-х годов зафиксированы явки истопника Оружейной палаты И. Шерстнева. Столовый истопник Ф. Петров в 1698 г. закупал мерлушки в Саратове, кузнец Денежного двора Ф. Аникеев отправлял в 1703 г. из Москвы в Новгород европейские вина, сторож Благовещенского собора был в том же году на Макарьевской ярмарке, откуда привез в Москву слюдяные и стеклянные оконницы²⁸.

В «отъезжем торге», связанном с переброской товаров на короткие расстояния, число купцов из обремененных служебными обязанностями лиц несколько возрастала. Так, на ярмарках в Троице-Клементьевской слободе и в ближайших к Москве городах можно было обнаружить не только московских посадских людей, но и стрельцов и дворцовых служителей и ямских охотников. Ямской охотник Галахин возил в Орел и Белев лук и чеснок. Бывали там и другие московские ямщики²⁹. Таким образом, общее число занятых в «отъезжих торгах» купцов и связанных со службой людей повышалось. Характерны для них и эпизодические операции, соединявшиеся обычно с лавочной торговлей, которые им удавалось проводить в короткие сроки или во время служебных поездок.

Если во второй половине XVII в. социальный состав московского купечества был довольно стабильным, то на рубеже XVII — XVIII вв. эта стабильность начала нарушаться. В частности, в связи с ликвидацией московских стрелецких полков стрельцы были из числа владельцев московских торговых заведений, и около 16% лавок перешло к представителям других сословий и сословных групп. Сохранили лавки лишь немногие бывшие стрельцы, давно вышедшие в отставку. Но это было не единственное для начала XVIII в. изменение. После городской реформы 1699 г. начинают быстрее сглаживаться правовые различия между черными

---

²⁷ См.: Тарловская В. Р. Ростовщические операции московских купцов и торговых крестьян в начале XVIII в. — ВМУ, серия история, 1977, № 3, с. 47—48.

²⁸ ЦГАДА, ф. Камер-коллегии, № 273, оп. 1, д. 4, лл. 54, 172; ф. Коллекция таможенных книг, № 829, д. 1646, л. 6.

²⁹ См.: Бакулин В. С. Торговые обороты и социальный состав торговцев на Белевском рынке в 60—70-х гг. XVII в. — Труды Московского историко-архивного института, т. 21. М., 1965, с. 305.

и дворцовыми слободами, которые постепенно образуют единый московский посад. В конце XVII в. исчезает суконная сотня. Часть ее членов переходит в состав гостиной сотни, а часть становится посадскими людьми. В первой четверти XVIII в. резко снижается численность гостей и уменьшается число живших в Москве членов гостиной сотни. Все эти события способствовали повышению процента купцов из посада. Но, с другой стороны, возросло число купцов из торговых крестьян подмосковных сел. Сохраняют свои позиции и другие категории московского населения, поэтому состав московского купечества продолжал оставаться сложным. Г. Д. Капустина, занимавшаяся анализом купеческих подрядов на поставку хлеба, приводит данные о социальном составе подрядчиков: в 1702 г. московских посадских людей — 54,4%, гостиной сотни — 8%, дворцовых и казенных служителей, ямщиков и мелких служилых людей — 16,5%, дворян — 5,8%, зависимых людей — 0,9%, крестьян — 6,1%. Остальные 8% приходились на купцов из других городов. В 1703 г. соотношение несколько меняется в пользу посадских людей, дворян и крестьян, но состав поставщиков остается прежним³⁰. Отмечаются их явки и в более поздние годы.

Развитию торговли беломестцев, несомненно, способствовали указы 1711 г., разрешавшие «всякого чина людям торговать всякими товарами везде невозбранно своими именами с платежом всех обыкновенных пошлин», а также брать подряды и иметь откупа³¹. О численности беломестцев в Москве свидетельствует, в частности, поданная в Сенат в 1717 г. огромная челобитная московского посада с большим числом жалоб и просьб. Одна из жалоб содержит требование воспрепятствовать торговле беломестцев, которые «торгуют в Москве многие лета многими товарами и промышленяют многими промыслами и всякими заводами», не неся посадского тягла. По подсчетам челобитчиков, в Москве среди купцов беломестцев имелось: крестьян с Тайнинского 137 и их сидельцев 56, крестьян с Покровского 159 и 25 сидельцев, крестьян царевен 125 и 5 их сидельцев, крестьян А. Д. Меншикова 71 и 14 сидельцев, крестьян других помещиков 821 и 42 сидельца, дворцовых 55 и 1 сиделец. Далее челобитчики перечисляли 243 мелких церковнослужителей и 14 их сидельцев, 332 служителей «Конюшенного чина», Оружейной и Мастерских палат, Артиллерийского, Денежного, Книгопечатного, Шляпного, Кожевенного, Зелейного дворов и приказных сторожей и 29 их сидельцев, 140 отставных стрельцов и солдат и 2 их сидельца, 31 ямского охотника с 2 сидельцами. Беломестцам принадлежало более 1700 лавок и шалашей³². Судя по тому, что некоторые из них не только торговали сами, но

³⁰ См.: Капустина Г. Д. К истории хлебного рынка Москвы в начале XVIII в. — В кн.: Города феодальной России. М., 1966, с. 379.

³¹ ПСЗ, собрание 1-е, т. IV, № 2327, 2349, 2433.

³² ЦГАДА, ф. Разрядного приказа, № 210, Книги Денежного стола, № 56, л. 179—181.

и имели сидельцев, среди беломестцев были довольно крупные купцы. Хотя сведения челобитной о числе купцов могут быть не точными и нуждаются в проверке, наличие купцов из названных в челобитной сословных групп не вызывает сомнений, так как уюминания о них встречаются и в других источниках.

Сложный состав купечества не был особенностью одной только русской столицы. В значительной степени так было и в других городах.

Известное представление о купцах северо-западных городов дают исследования Е. В. Чистяковой и К. Г. Митяева, где анализируются псковский и смоленский рынки 70-х годов XVII в. Выделяя крупные социальные группы, оба автора обращают внимание на участие в торговле посадских людей, служилых людей и крестьян³⁴, чем подчеркивают, что именно они играли в названных городах наиболее важную роль. Но там имелись и свои особенности. Так, если взять данные о торговых оборотах псковских купцов в 1670/1671 гг., то получится, что на долю посадских людей приходилось 83%, на служилых людей — 11%, на крестьян — 6%. Если же суммировать сведения об оборотах местных и приезжих купцов, большинство которых обитали в ближайшей к Пскову округе и других городах западной окраины, то обороты посадских людей составят 79,07%, обороты крестьян — 12,58%, а служилых людей — 8,35% от общего оборота псковского рынка. Таким образом, служилые люди, занимая второе место среди псковских купцов, уступали его на псковском рынке в целом крестьянам. Среди торговавших в розницу посадские люди имели в Пскове 85% лавок (в их число Е. В. Чистякова, очевидно, отнесла и местных гостей, и гостиную сотню), духовенству принадлежало 9% лавок, а служилые люди имели 6% лавок. Крестьян среди владельцев лавок не было³⁴.

В Смоленске картина складывалась несколько иная. Если на торговые обороты посадских людей и мещан в совокупности в 1673/74, 1676/77, 1677/78, 1678/79 гг. приходилось соответственно, 49,87, 80,19, 73,25 и 72,19%, то, даже сделав скидку на мешан зарубежных городов, нельзя не увидеть, что эта группа, как и в Пскове, занимала первое место. Второе место было прочно занято служилыми людьми, на долю которых в те же годы приходи-

³³ См. Чистякова Е. В. Псковский торг в середине XVII в. — ИЗ, кн. 34. М., 1950; Митяев К. Г. Обороты и торговые связи смоленского рынка в XVII в. — ИЗ, кн. 13. М., 1942. К сожалению, оба автора оперируют в основном данными о торговых оборотах крупных групп купцов, не приводя сведений о их численности. Из-за этого остаются невыявленными гости и гостинная сотня, категории торговых крестьян и купцы из других сословных групп. В статье К. Г. Митяева не всегда ясно принципы деления купцов, кочему, например, мещане и посадские отнесены к разным группам, хотя их близость несомненна, а офицеры-дворяне суммируются со стрельцами, неслужилая шляхта с бобылячи, то есть объединены разные и по социальному и правовому признакам категории. Вносит неясность и объединение мешан русских и зарубежных городов.

³⁴ См. Чистякова Е. В. Указ. соч., с. 204—205, 211.

лось 26,49, 12,14, 13,7 и 13,44%. Крестьянские обороты были незначительными: 1,29, 3,54, 3,12 и 5,99%. Что касается других сословий и сословных групп, то их обороты в общей сложности выражались в те же годы в 22,35, 4,13, 10,46, 8,38%. К этому можно добавить, что в оборотах смоленской конной площадки, не включенных К. Г. Митяевым в общий оборот, стрельцы занимали первое место, а крестьяне — шестое. В этом виде торговли активно участвовали и местные ямщики³⁵.

В менее крупных городах Северо-Западного региона России состав купечества мог быть более однородным. Детально изучившая Тихвинский посад К. Н. Сербина сообщает, что лавки, житницы и амбары принадлежали жителям местного посада, среди которых кроме «торговых людей» были ремесленники. На долю ремесленников в 1659—1695 гг приходилось от 10 до 30% лавок, от 9 до 64% житниц и от 5,5 до 12,5% амбаров. Эти данные показывают, что процесс отделения торговли от ремесла шел в небольших городах более медленно. Несомненно также, что основная масса ремесленников была занята в розничной торговле, так как количество амбаров, где обычно хранились товары, купленные для отправки в другие районы, у них невелико. Кроме местных посадских людей в Тихвине имелись лавки владельца посада — Тихвинского монастыря. Те же категории местного населения принимали участие и в торговле Тихвинской ярмарки, но удельный вес ремесленников снижался в те же годы до 4,4 — 5,7%, лишь в отдельных случаях поднимаясь до 13—17,8%³⁶.

Аналогичное положение складывалось и в Старой Руссе, где лавками также владели не только купцы, но и местные ремесленники. К ним присоединялись солепромышленники, составлявшие до 14% владельцев лавок, и до 90-х годов XVII в. гости³⁷.

Обычным занятием купцов западных городов был и «отъезжий торг». Ездил он не только по России, но и за рубеж. Среди тех, кто посещал Стокгольм, Ригу, Ревель и Нарву в XVII в., были новгородские и псковские гости В. Стоянов, П. Микляев, И. Емельянов, посадские люди из Пскова, Новгорода, Тихвина, Олонца, крестьяне пограничных уездов, монастырские служители и бобыль³⁸.

Служилые люди западных гарнизонов за границей торговали редко, но поездки по России совершали регулярно. В 1676 г., когда в Смоленске проводилась присяга, выяснилось, что 64 стрель-

³⁵ См. Митяев К. Г. Указ. соч., с. 65—66.

³⁶ См.: Сербина К. Н. Очерки по социально-экономической истории русского города М.—Л., 1951, с. 185—186, 204—205, 332.

³⁷ См.: Рабинович Г. С. Город соли — Старая Русса в конце XVI—середине XVIII века. Л., 1973, с. 63, 67, 69—72.

³⁸ Русско-шведские экономические отношения в XVII в., № 138, 203, 233—235, 244 и др.; Шаскольский И. П. Об основных особенностях русско-шведской торговли в XVII в. — В кн.: Международные связи России в XVII—XVIII вв. М., 1966, с. 13—15.

ца из местн. ч. полков отсутствуют по торговым делам³⁹. В поездках по России принимали участие представители всех основных сословных групп города. Рассматривая состав приезжающих в Смоленск купцов, К. Г. Митяев называет мешан из Дорогобужа и Духовщины, посадских людей из Новгорода, Вязьмы, Пскова, стрельцов и пушкарей из Вязьмы, Великих Лук и Торопца. Он упоминает также об участии в торговле офицеров и неслужилой шляхты. В Тихвине бывали купцы из посадов Новгорода, Старой Руссы, Торжка, Пскова, Порхова, Великих Лук, крестьяне Новгородского уезда и заонежских сел⁴⁰. Неоднородность социального состава купечества Северо-Западного региона России хорошо вырисовывается и по Новгородской книге Московской большой таможи 1693—1694 гг., где зарегистрированы явки посадских людей Ладого, Тихвина, Старой Руссы, Пскова, Торопца и других городов, стрельцов западных гарнизонов, крестьян из сел и погостов Чамарово, Книжи, Острог и др. Кроме того, из жителей северо-западных городов упоминаются гости и гостинная сотня, подьячие, пушкарни, записной садовник, митрополичий бобыль, монастырский служитель⁴¹. Однако по всем данным видно, что и в «отъезде на торге» среди купцов данного региона на первое место выходили посадские люди, а из других сословий, в зависимости от местных особенностей, второе место занимали или служилые люди, или крестьяне.

В северных районах Европейской России специфичность состава купечества определялась увеличением числа торгующих крестьян. Общий вывод, к которому пришел досконально изучивший рынок Великого Устюга и обработавший огромный статистический материал А. Ц. Мерзон, сводится к тому, что уже в первой половине XVII в. «преобладание посадских людей и крестьян в местной торговле было полным». Некоторые позиции в торговле сохранили монастыри, стрельцы же в ней почти не участвовали. Такое же положение, как показал Ю. А. Тихонов, сохранилось и во второй половине века⁴². Аналогичная картина складывалась и в Сольвычегодске⁴³.

Представление о составе торгующих в небольшом северном городе дают материалы по Белоозеру. Как и в других городах региона, главное участие в торговле принимали там посадские люди и крестьяне; явки крестьян составляли от 43 до 60%. Но, как выяснил М. В. Булгаков, торговых крестьян, для которых торговля стала ведущим видом занятий и которые занимались скупкой и перепродажей товаров, было среди них лишь 15%. В торговле

³⁹ ЦГАДА, ф. Смоленского приказа, № 45, оп. д. ба, 1676 г., лл. 435—438.

⁴⁰ См. Митяев К. Г. Указ. соч., с. 70—71, 75, 77. Сербинва К. Н. Указ. соч., с. 246, 249.

⁴¹ Книги Московской большой таможи. . с. 17—63.

⁴² См. Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Указ. соч. с. 222, 651, 667—659.

⁴³ Таможенные книги Московского государства, т. 1—3. М., 1950—1961.

на Белоозере участвовало также много ремесленников, продававших собственные изделия. М. Б. Булгаков отмечает в составе купцов, ведущих как местную, так и отъезжую торговлю, представителей духовенства, приказной администрации, ямщиков и других горожан⁴⁴.

В большинстве крупных старых городов Замосковского края, где давно сложились достаточно большие и устойчивые посадские общины, положение складывалось такое же, как и в северо-западных городах. Но в отличие от городов этого района участие служилых людей в торговле замосковских городов было минимальным, что определялось отсутствием там значительных гарнизонов. В качестве примера можно привести Ярославль, где, по подсчетам Л. В. Даниловой, в конце XVII в. 79,1% лавок принадлежало посадским людям, 8,4% лавок владели гости и гостиная сотня, что составляло в совокупности 88,5%, то есть цифру, близкую к данным, выявленным Е. В. Чистяковой относительно посадских людей Пскова. Остальные лавки распределялись между духовенством (13,45%), крестьянами (9,75%) и представителями других сословных групп (11%)⁴⁵. Члены гостиной сотни и посада Ярославля занимали первое место и в «отъезжих торгах». Явки их отмечены в Москве, Великом Устюге, Астрахани, Архангельске, Нижнем Новгороде и других городах, а также на Макарьевской и других ярмарках и в Сибири.

Но в Замосковном крае имелись и такие города, где посадские общины долго оставались слабыми. Во Владимире, например, несмотря на посадское строение середины XVII в., продолжали сохранять сильные позиции купцы, не входившие в состав посада. Л. В. Заборовский сообщает, что там в 50—80-е годы XVII в. видными конкурентами посадских людей были местные ямщики, которые «торгуют во Владимире в москательном и в рыбном и в соляном и в мясном рядах» и имеют «отъезжие торги к Архангельскому городу и в Астрахань, и на Саратов, и на Свиноскую и на Макарьевскую ярмонки», а также «на торгу и в уезде мяхкую рухледь и мед, и воск, и животину и всякие товары покупают». Кроме ямщиков во Владимире торговлей занимались казенные ремесленники, воротники, садовники, монастырские сторожа и звонари, крестьяне и бобыли⁴⁶. В Суздале, где в черту города входили монастырские слободы и слободы патриарха, сохраненные духовными феодалами, в 60—70-е годы XVII в. активное участие в торговле принимали купцы из оброчных крестьян⁴⁷.

---

⁴⁴ См.: Булгаков М. Б. Торговые связи Белоозера в XVII в. М., 1974, с. 7, 10, 19, 21, 23 и др.

⁴⁵ См.: Данилова Л. В. Мелкая промышленность и промыслы в русском городе во 2-й половине XVII—начале XVIII в.—История СССР, 1957, № 3, с. 87—111.

⁴⁶ См.: Заборовский Л. В. Борьба посадов Владимира и Суздаля с беломестцами в XVII в.—В кн.: Города феодальной России, с. 245.

⁴⁷ См.: Заборовский Л. В. Указ. соч., с. 245.

В Нижнем Новгороде, где в 1664 г. было более 476 одних только владельцев лавок⁴⁸ и давно оформилась посадская община, с местными посадскими людьми успешно конкурировали крестьяне подгородной монастырской Благовещенской слободы и нижегородских торговых сел. Об активном участии их в местной торговле свидетельствует длительная борьба нижегородского посада за включение Благовещенской слободы в посадское тягло. Эта борьба оставалась, однако, безуспешной не только в XVII в., но и в первой половине XVIII в., хотя за это время в Благовещенской слободе не раз менялись владельцы⁴⁹. Торговые крестьяне не только имели в Нижнем Новгороде лавки, но и вели «отъезжий торг». Их ярки постоянно встречаются в таможенных книгах разных городов в течение второй половины XVII — первой четверти XVIII в. Особенно тесно они были связаны с Астраханью, Нижним Новгородом, торговали на Макарьевской ярмарке, в Ярославле. По величине своих операций торговые крестьяне не уступали крупным купцам из посада и гостиной сотни⁵⁰.

Видное место среди нижегородских купцов занимали представители гостиной сотни и гости, среди которых во второй половине XVII в. было несколько известных семей: Минины, Задорины, Олисовы, Калмыковы, И. А. Антропов. В первой четверти XVII в. это — А. Олисов, Яков Пушников, М. Рогозининков, М. Антропов, П. Докукин, И. Сальников и др.⁵¹.

В начале XVIII в. крупную группу купцов образовали в Нижнем Новгороде бывшие московские стрельцы, переселившиеся туда после ликвидации московских стрелецких полков. Одни из них завели лавки. Так, Ф. Савельев, А. и Г. Никоновы торговали обувью, Ф. Алексеев — шапками, С. Г. Кружельник — восточными тканями, другие вели «отъезжий торг», бывали в Астрахани и на Макарьевской ярмарке⁵². Широко занимались торговлей и нижегородские ямские охотники. М. Марков, например, в 1675 г. отпускал товары из Астрахани в Казань, Т. Быков и Д. Игнатьев в 1688 и 1699 гг. отправляли астраханские товары в Нижний Новгород и Москву. Д. Солеников в 1710 г. перепродавал товары, купленные мелкими партиями у местных купцов. И. Сачев в том же году торговал купленными «в рознь» товарами на Макарьевской ярмарке. Я. Митрофанов отправлял обозы с рыбой, икрой, свиной и рисом в Петербург в 1722 г., а М. Колмаков в 1725 г.

⁴⁸ См. Бяклянова Н. А. Торги и промыслы Нижнего Новгорода в 60-е гг. XVII в. — Ученые записки института РАН ИОН, т. V, М., 1928, с. 304.

⁴⁹ См. Тарловская В. Р. Нижегородская Благовещенская слобода в XVII — первой половине XVIII в. В кн.: Проблемы истории СССР, М., 1978.

⁵⁰ ДЮИИ, ф. 178, лл. 11032, 11080, 11556, 11320, 12024, 12103 и др.; ЦГАДА, ф. Астраханской таможен, № 1361, кн. 3.

⁵¹ См. Бяклянова Н. А. Указ. соч., с. 303—313; ЦГАДА, ф. 237, л. 1097, лл. 7 и об., ф. 273, л. 32855; Архив Астраханской области (ААО), ф. Астраханской таможен, № 681, оп. 6, стб. 3, л. 49, стб. 19, л. 60, стб. 6, л. 13 и др.

⁵² ЦГАДА, ф. 829, л. 1207, лл. 4, 20, 80, 89—90.

скупал в Царицыне сухие фрукты. Число таких примеров легко увеличить⁵³.

В общей сложности торговля нижегородских купцов, не входивших в число посадских людей, лишь немногим уступала торгам посадских купцов, а по величине торговых оборотов отдельные «беломестцы» могли и перегнать их.

Неоднородность состава купечества отмечается и в Касимове. Но в середине XVII в. доля купцов из посада составляла там 57,4% (152 из 265 человек). Остальные 42,6% распределялись между пушкарями (21 человек), ямскими охотниками (12 человек), духовенством (3 человека) и уездными крестьянами, как русскими, так и татарами. Данные о социальной принадлежности купцов, приезжавших в Касимов, дают известное представление о купечестве и соседних с ним городов. Так, в Касимов приезжали посадские люди из Мурома, Переяславля Рязанского, Шацка, Темникова, Кадома и Рязанска, ямские охотники из Елатьмы и Мурома, пушкари из Переяславля Рязанского, стрельцы из Козлова, казаки из Нижнего Ломова и Сапожка. По количеству посадских людей было большинство⁵⁴. В начале XVIII в. в Касимове действовали и местные купцы гостинной сотни из фамилий Гагных и Шаниных⁵⁵.

Если численное преобладание купцов из посада было очевидным во многих городах Центра, Севера и Северо-Запада России, то в городах, расположенных в южной части страны, торговля в течение долгого времени сосредоточивалась в руках служилых людей. П. В. Иванов, рассматривая курский торг в первой половине XVII в., выделяет стрельцов, пушкарей детей боярских, затишников, которые «по существу уже входили в состав курского купечества»⁵⁶. А. А. Новосельский писал, что во второй половине XVII в. в торговлю были «втянуты все слои украинского населения», но «главный по численности контингент лиц, имевших сношения с низовым казачьим войском, составляли служилые люди», причем не только приборные, но и служилые «по отчеству». На второе место он помещал крестьян из монастырских и частичноладельческих сел, затем подчеркивал торговую деятельность местной администрации: носовод, дячков и подьячих, отмечал торговлю монастырей, хотя упоминал и купцов из посада⁵⁷. Выводы А. А. Новосельского базировались на материалах, рисующих «отъезжий торг» купцов из Острогожска, Коротояка, Воронежска, Ельца, Козлова, Тамбова и других городов Юга, что позволяет считать живив-

⁵³ ДОНЦ, ф. 178, лл. 6863, 10999, 11716, ЦГАДА, ф. 829, л. 1207, 27, 58, 67, ф. 273, л. 32855, лл. 70 об.—71, ААО, ф. 681, стб. 27, л. 2.

⁵⁴ См. Иркинкова П. П. Торговля города Касимова в середине XVII в. ИЗ, кн. 21 М., 1947, с. 108—109.

⁵⁵ ЦГАДА, ф. 237, д. 1048.

⁵⁶ Курск. Очерки из истории города. Курск, 1957, с. 33.

⁵⁷ См. Новосельский А. А. Указ. соч., с. 202—206.

ленные им особенности состава местных купцов типичными для всего района

Однако посадские общины на Юге постепенно укреплялись, а служилое население теряло торговые льготы⁵⁶, поэтому соотношение купцов из этих категорий населения, хотя и медленно, менялось в пользу посадских людей. Это можно видеть на примере Воронежа, где был самый большой для южных городов посад. Уже в 1648 г. как выяснила Л. В. Чистякова, посадским людям принадлежала там 41 из 118 лавок, или 34,7%, к 1654 г. у посадских людей стало 69 лавок, а к 1658 г. их число возросло до 92. Владельцы лавок из служилых людей занимали в Воронеже второе место. В 1648 г. они имели 25 лавок, а в 1658 г. — 33 лавки⁵⁷. Среди воронежских посадских людей можно было встретить и «лутчих торговых людей человек с 30», но самым крупным купцом оставался сын боярский С. Титов. Говоря о купечестве городов Юга в целом, Л. В. Чистякова подчеркивает, что в середине XVII в. посадские люди принадлежали к «средним и младшим» и вели мелкий торг. Среди служилых же «лутчие», которые «торгуют в лавках и всякими торговыми промыслами промышленяют», встречались чаще и не только в Воронеже, но и в Козлове и других городах⁵⁸.

В М. Важинский, изучая торговые связи южных городов в третьей четверти XVII в., оперирует географическими определениями, не раскрывая социального состава купечества. Но из его конкретных примеров следует, что основные кадры купцов в таких городах как Ефремов, Тамбов, Севск, Елец, Воронеж, Курск, Козлов, Добрый, Данков, Лебедянь, Енифань продолжали состоять не только из посадских, но и из служилых людей, к которым присоединялись крестьяне. В некоторых городах служилые люди продолжали сохранять перевес. В Севске, например, преобладали купцы из комарицких драгун. Явки их зарегистрированы в Белгороде, Болхове, Карпове и Чугуеве⁵⁹.

Известные позиции в торговле служилые люди сохраняли и в таких городах, как Белев, которые оказались достаточно далеко от южных границ. По данным В. С. Бакулина, изучившего таможенные книги Беляева за 60—70-е годы XVII в., видно, что они неизменно занимали там второе место. Среди местных купцов на долю служилых людей, как правило, приходилось от 13,6 до 15%. Даже при учете приезжих купцов число служилых людей на Белевском рынке снижалось не ниже 11%, а иногда и повышалось

⁵⁶ См. Чистякова Л. В. Городские восстания в России в первой половине XVII века. Воронеж, 1975, с. 111.

⁵⁷ См. Чистякова Л. В. Ремесло и торговля на Воронежском посаде в середине XVII в. — Труды Воронежского гос. университета, т. XXV Воронеж, 1954, с. 59, 61; Она же. Городские восстания..., с. 139—140.

⁵⁸ См. Чистякова Л. В. Городские восстания..., с. 112, 131 и др.

⁵⁹ См. Важинский В. М. Торговые связи южных городов России в третьей четверти XVII в. — В кн.: Города феодальной России, с. 298, 302, 304—305.

до 20%. Первое место принадлежало там привилегированным купеческим корпорациям и посадским людям, вместе взятым, а третье место занимали крестьяне. Но доля крестьян среди местного купечества была невелика; даже включая крестьян из других уездов она не превышала 5—8%, а иногда была еще ниже⁶².

В конце XVII—начале XVIII в. о повышении активности купечества свидетельствует увеличение в южных городах фамилий купцов, записанных в гостиную сотню. К ним относились Безчастновы, Чамовы, Насыновы (Брянск), Сахаров (Шутивль), Орлянкины и Росихины (Елец), Бочаровы, Кричевцевы, Лагутины, Шелуховы (Рыльск), Чибисовы, Михеев (Севск)⁶³. Но не оставляли торговли и служилые люди. 1693/1694 гг. на их долю приходилось 10% привоза товаров в Москву из украинских городов⁶⁴. 1703—1707 гг. в Москве закували товары для перепродажи киевские стрельцы И. Антипин, П. Архипов, И. Житков. В 1722—1723 гг. систематически бывали по торговым делам в Царицыне, Саратове, крепости Новый Траншемент острогожские служилые люди и тамбовские пушкарни. Из явок других категорий населения южных городов следует отметить явки ямских охотников, бывавших в Царицыне, на Рязанбургской ярмарке и в других торговых центрах⁶⁵. О торгах служилых людей и ямщиков говорят и их кредитные сделки с местными купцами гостинной сотни. Так, братья Безчастновы насчитывали среди своих брянских должников 12 стрельцов, 4 пушкарей, 2 детей боярских, беломестного казака и 2 ямских охотников, а сами брали кредиты у пушкаря Я. Кольцова. Он же кредитовал гостинной сотни Н. Черниговцева. В Рыльске гостинной сотни братья Кожениковы кредитовали рейтара Орлова и пушкаря Харина, а Харин давал в долг гостинной сотни И. Секерину⁶⁶. Продолжали торговать и местные дворяне. В 1722 г. вел крупную торговлю хлебом воронежец Ф. Веневитинов, закупавший большие партии муки в Острогожске, Коротояке, Старом Осколе и Воронеже⁶⁷. Насколько привычным делом была для южных дворян и однодворцев торговля, показывает даже такой поздний документ, как жалоба курских купцов, составленная в 1767 г. Купцы писали: «...здешнего города и уезда дворянство и их люди и крестьяне, також и однодворцы, прелекая в город пользуются купеческим промыслом к крайнему к себескому промыслу подрыву, закупая всякий хлеб и рыбу и кожу развозит по другим городам и уездам, и продают в разницу и всякими суммами в подряд ставят...»⁶⁸.

⁶² См. Бякулин В. С. Указ. соч., с. 310—312.

⁶³ ЦГАДА, ф. 237, д. 1087, 1048, ф. 273, оп. 1, 2, 3, 4, 12, 13.

⁶⁴ См. Тисерский Д. И. Указ. соч., с. 98—99.

⁶⁵ ЦГАДА, ф. 273, д. 4, л. 24, 91, 156, 171, ААО, ф. 681, оп. 6, л. 12, 13, 22, 26—29, 31 и др.

⁶⁶ ЦГАДА, ф. 237, д. 1087, л. 22, 45—45 об., 50 об. 31.

⁶⁷ ААО, ф. 681, оп. 6, д. 17, л. 7, 8—16, 20, 22.

⁶⁸ Курск. Очерки из истории города, с. 51.

В Среднем и Нижнем Поволжье состав купечества складывался различно. В городах, лежащих в среднем течении Волги, как Чебоксары, Симбирск, Казань, среди купцов в основном преобладали местные члены гостинной сотни и посадов. Но заметное участие в торговле принимали и торговые крестьяне из русских и нерусских сел. В 1714 г., например, из 125 купцов, закупавших товары в Алатыре, крестьян было 84, причем 43 крестьянина прибыли из приволжских уездов (не считая Нижегородского и Балахнинского). Торговые крестьяне постоянно торговали и в Чебоксарах. В 1721 г. недовольные их деятельностью чебоксарские купцы жаловались, что им в «купечестве помешательство и утеснение от них есть». Челобитчики жаловались также на бобылей и «птичьих помытчиков»⁶⁹.

В Симбирске среди купцов встречались приписные мастера. В первые годы XVIII в. из этих мастеров выделялись подмастерья Серного двора братья Издеберские, записанные позднее в гостиную сотню. В Козьмодемьянске среди купцов были ямские охотники, торговавшие астраханскими товарами. В Казани кроме купцов из всех названных категорий населения известно много купцов из служилых татар⁷⁰.

В более южных городах: Самаре, Саратове, Царицыне, Черном и Красном Ярах — посадские общины долго были малолюдными, значительную часть тяглого населения составляли там городские оброчные и безоброчные бобыли из среды которых купцов выходило немного. Так, из 204 саратовских бобылей торговлей занимались всего 9 человек. Крестьянская колонизация Нижнего Поволжья также находилась еще в начальной стадии развития. Но там имелись довольно большие стрелецкие гарнизоны. Кроме того, во всех городах Нижнего Поволжья селились выходцы из разных городов и уездов, долго не входившие в состав посадов и жившие на положении пришлых⁷¹. Из этих групп и выходили местные купцы. Определенные сдвиги в пользу посадских людей в городах Нижнего Поволжья произошли лишь после 1-й ревизии, когда в состав посадских общин было включено много отставных служилых людей и пришлых. Но и тогда состав купечества продолжал оставаться неоднородным. Так, судя по уцелевшим ревизским сказкам и таможенным материалам 1718—1726 гг., в Царицыне из 20 купцов посадских людей было 13, в Черном Яре — 4 из 8, в Красном Яре — 67 из 86⁷².

⁶⁹ См.: Дмитриев В. Д. История Чувашии XVIII в. Чебоксары, 1959, с. 275, 269. В число 84 крестьян мной включены мурашкинцы и лысковцы, почему-то отнесенные В. Д. Дмитриевым не к крестьянам, а к «иногородним купцам».

⁷⁰ ЛОНИ, ф. 178, дд. 6851, 1099, 12091; ЦГАДА, ф. 829, д. 1745, лл. 5, 10, 12

⁷¹ См. Голикова Н. Б. Наемный труд в городах Поволжья в первой четверти XVIII в. М., 1965, с. 42—43, 54, 159—160.

⁷² ЦГАДА, ф. Ревизские сказки, № 350, д. 5466; ф. Астраханской таможни, № 1361, д. 2; ААО, ф. 681, оп. 6, стб. 1—11, 13—31.

В Астрахани — крупнейшем торговом центре России — состав купечества был значительно сложнее. В XVII — начале XVIII в., точнее до 1706 г., когда оттуда были выведены стрелецкие полки, основу купечества представляли посадские люди и стрельцы. Рассматривая состав купечества, поставлявшего товары астраханскому Деловому двору в 1620—1697 гг., С. Г. Томсинский выяснил, что на астраханских посадских людей приходилось 32,5% и на стрельцов 15% всех поставщиков⁷³. Но поскольку 36,8% поставщиков было из приезжих купцов, то среди местных поставщиков посадские люди составляли примерно 44%, а стрельцы — 20%. Цифры эти, естественно, лишь частично отражают состав астраханского купечества, так как не все купцы были связаны с поставками Деловому двору, но они находят подтверждение и в других источниках, в частности в таможенных материалах XVII и начала XVIII в.⁷⁴ Из других групп астраханского населения активное участие в торговле принимали пушкарки, воротники, разного рода приписные ремесленники, садовники и рыбные ловцы, которых в Астрахани было больше, чем в других волжских городах. Как посадские люди и стрельцы, они вели и «отъезжий торг», и владели лавками, ларями и другими торговыми заведениями⁷⁵.

Типичную для Астрахани группу, пополнявшую в основном ряды среднего и мелкого купечества, составляли служители митрополичьего дома, монастырей и церквей. В одном из актов начала XVIII в. сохранилось известие, что «те церковники кормятца ремесленною и другою своею работою, займующи у русских людей и у иноземцев деньги и покупая и в долг до испродажи с поруками имея по ватагам и на рыбных и садех рыбу и иные недорогие товары продают, из малых прибытков для прокормления своего»⁷⁶. Хотя один из самых деятельных астраханских губернаторов А. П. Волынский произвел пересмотр церковных людей, приказав взять в посад по их торгам и промыслам 4 митрополичьих детей боярских, 13 звопарей и сторожей, певчих и других людей⁷⁷, полностью уничтожить эту категорию торговцев до конца первой четверти XVIII в. так и не удалось. Об этом свидетельствует дело митрополичьих закладчиков, разбиравшееся в 20-х годах XVIII в. в связи с требованием бурмистра Ф. Губанова о записи их в посад. Среди названных им было 20 человек, имевших или «отъезжие торги», или лавки, или рыбные промыслы⁷⁸.

---

⁷³ См.: Томсинский С. Г. Очерки истории феодально-крепостной России, ч. 1. М.—Л., 1934, с. 122.

⁷⁴ ЛОИИ, ф. 178; ЦГАДА, ф. 273. 829, 615 и др.

⁷⁵ См.: Голикова И. Б. Очерки по истории населения городов Нижнего Поволжья в конце XVII—первой четверти XVIII в. Рукопись докт. дис., т. 1. 1970, гл. II и III.

⁷⁶ Саввинский И. Историческая записка об Астраханской епархии за 300 лет ее существования. Астрахань, 1903, с. 88.

⁷⁷ См.: Саввинский И. Указ. соч., с. 55, 87

⁷⁸ ЦГАДА, ф. Главного магистрата, № 291, оп. 1, д. 3, лл. 2—9.

Говоря об астраханских купцах, нельзя не упомянуть о торговой деятельности представителей местной администрации и дворянства. Так, дьяк В. Кучуков, долгое время занимавший должность соляного надсмотрщика, имел 21 лавку. К 1721 г. 7,5 лавки досталось его вдове, а 10,5 лавки перешло к шуку. У дворянина М. Смирнова было 5 собственных и наемных лавок, прилавков, 2 шалаша. Имел лавки и дворянин П. Осьминкин. Кроме того, В. Кучуков, М. Смирнов и П. Осьминкин вели крупный «отъезжий торг», отправляя товары в разные русские города, на ярмарки и в Каспийские порты, имели рыбные промыслы и откупа. Аналогичные операции производили полковник Д. Галачалов, подьячий Татаринов⁷⁹. Состав местного купечества усложнился еще и за счет пришлого населения, а также жителей астраханских восточных колоний, юртовских и переселившихся туда ясаших казанских татар.

К сожалению, достаточно полных сводных данных, которые позволили бы вычислить процентное соотношение астраханских купцов из разных сословий, пока нет. Приходится довольствоваться теми сведениями, которые отражают их состав частично. Но и они представляют интерес. Так, число лиц, отправлявших товары в 80-х годах XVII в. в Караганскую пристань*, было следующим:

	1681 г.	1687 г.	1688 г.
Посадские люди . . .	10	7	11
Стрельцы и пушкарн	6	19	21
Воротники	2	2	2
Приписные ремесленники .	9	2	4
Церковные люди .	4	1	1
Прочие	3	3	3

* Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. 1. М. 1933, с. 366—375.

На неоднородность состава купечества указывают и купчие крепости 1707—1710 гг. где среди владельцев лавок упомянуты 12 посадских людей, 9 стрельцов, 15 мелких церковнослужителей, 2 воротника, 3 приписных ремесленника, 5 садовников, 8 подьячих, 2 дворянина, дьяк, патриарший крестьянин, 3 вдовы, митрополитский дом и 4 местных монастыря⁸⁰. В книге полавочного сбора 1721 г., которая неполна, так как в ней отсутствуют данные о некоторых торговых рядах, среди 160 владельцев лавок названо: 32 посадских человека, 9 записных ремесленников, 3 воротника,

⁷⁹ ЦГАДА, ф. 1361, д. 2, лл. 279—280, 302; ААО, ф. Астраханской губернской канцелярии, № 394, дд. 20, 86.

⁸⁰ ЦГАДА, ф. Коллекция крепостных книг, № 615, дд. 521—523.

2 пушкаря, 17 отставных служилых людей, 29 церковнослужителей, 11 дворян, 12 дьяков и подьячих, 21 вдова, 5 монастырей и митрополичий дом и 19 прочих. По неполным данным, из 169 астраханцев, занимавшихся в 1718—1726 гг. «отъезжим торгом», удалось выявить 129 посадских людей⁸¹.

Интересно также отметить, что после замены стрелецких полков солдатами и казаками многие из них, хотя и не в той степени, что стрельцы, все же втянулись в торговую деятельность. Те, кто имели торг на 500 рублей, были в губернаторство А. И. Вольнского переведены в посад, но вскоре посадские люди вновь подняли вопрос о торгующих казаках, и между астраханским магистратом и губернской канцелярией возник спор, так как канцелярия выступила в защиту казаков. Апеллируя к Сенату, губернская канцелярия выдвинула аргумент, что посадские люди к тем видам торгова, который ведут казаки, «необыкновенны» и «те промыслы упустият». Казаки же «брали товары в Москве и других городах у купецких людей» и ездили «в калмыцкие улусы, в башкиры и в Кабарду и те товары меняли на лошадей, и на скот и прочия тамошния мелочи». Аналогичные операции, как видно из того же донесения, осуществляли астраханские, терские «и других безуездных городов дворяне, переводчики, толмачи»⁸². Таким образом, даже в конце первой четверти XVIII в. в Астрахани, несмотря на все связанные с 1-й ревизией указы, продолжали оставаться купцы, не входившие в состав посадской общины.

Рассматривая состав русского купечества, нельзя не коснуться Сибири, хотя на ее огромной территории контингенты купечества могли значительно отличаться друг от друга. Но без привлечения хотя бы некоторых данных по Сибири общее представление о составе купечества России в целом не может получить завершения.

Во всех работах, касающихся сибирской торговли в XVII в., исследователи обычно подчеркивают, что огромную роль в ней долгое время играли купцы из Европейской России, в первую очередь представители купеческих корпораций и верхушки посадов крупных торговых центров, а также наиболее тесно связанных с Сибирью северных городов. Среди них могли встречаться и представители других социальных кругов — от приказных чинов до крестьян и холопов⁸³. Местное купечество было слабым, малочисленным; формирование его шло медленно. Но со второй половины XVII в. оно, если и не могло еще конкурировать с приезжими купцами, все же занимало на местных рынках определенное место. На тобольском рынке, например, если суммировать дан-

---

⁸¹ ДАО, ф. 394, оп. 1, дд. 20, 81, 86; ф. 681, оп. 6, дд. 1—11, 13—31; ЦГАДА, ф. 350, дд. 5465, 5549; ф. 615, дд. 525—529; ф. 1361, д. 2.

⁸² ЦГАДА, ф. 291, д. 88.

⁸³ См.: Бахрушин С. В. Указ. соч., т. II, с. 118—133; т. III, с. 300 и др.

ные О. М. Вилкова о явках продавцов, можно установить, что наибольшее число явок местных купцов приходилось на служилых людей. В 60—70-х годах XVII в. служилые люди делали 22—67 явок в год, а иногда значительно больше — до 153 в 1670/71 г. Явки посадских людей не превышали 12, опускаясь временами до 2 явок в год. Крестьяне появлялись в Тобольске эпизодически, делая не более 3—4 явок в год, а явки церковнослужителей не превышали 1—6. Те же группы местных купцов занимались в Тобольске скупкой и перепродажей пушнины⁸⁴. Данные О. Н. Вилкова подтверждаются и наблюдениями Н. И. Никитина, выяснившего, что в 1655 г. из 114 тобольских торговцев 78, или 68,3%, принадлежало к разным категориям служилого населения⁸⁵. Аналогичное положение складывалось и в Тюмени. Исследователь тюменского рынка В. Н. Курилов показывает, что в 1659—60 г. служилые люди ввезли в Тюмень в 10 раз больше товаров, чем прочие сибирские купцы, и даже в 3 раза больше, чем купцы из европейских районов России. На долю служилых людей приходилось и до 1/3 всех сделок на пушнину. Они торговали и в слободах Томского и Тобольского уездов, опережая посадских людей. Все эти данные позволили В. Н. Курилову сделать вывод о ведущей роли служилых людей в сибирской торговле по сравнению с другими категориями сибирских купцов. В. Н. Курилов приводит сведения и о крупном «оъезде торге» тюменских служилых людей в 1675/76 г.⁸⁶ В Сургуте и Березове служилые люди также опережали других местных купцов, хотя и уступали приезжим из Европейской России. В руках служилых людей сосредоточивались основные операции по снабжению товарами коренных жителей Северного Приобья. Они успешно посредничали между ними и приезжими купцами⁸⁷.

Для Енисейского края В. А. Александров отмечал преобладание на местных рынках посадских людей и служилых, которые, по его мнению, представляли там «заметную и активную силу», являясь также и посредниками между приезжими купцами и местным населением. Среди торговцев были и крестьяне, и промышленные, и гулящие люди, но в меньшем количестве⁸⁸.

В других городах Восточной Сибири посадки складывались еще медленнее, чем в Западной Сибири. В течение всего XVII в. первое

---

⁸⁴ См.: Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М., 1967, с. 129—133, 166, 182—183.

⁸⁵ См.: Никитин Н. И. Торгово-промышленная деятельность военнослужилых людей Тобольска в середине XVII в.— В кн.: Проблемы отечественной истории. М., 1973, с. 6—9.

⁸⁶ См.: Курилов В. Н. Участие служилых людей в становлении Тюмени как торгово-промышленного центра в XVII в.— В кн.: Города Сибири. Новосибирск, 1974, с. 79—81.

⁸⁷ См.: Мищенко Н. А. Березов и Сургут в XVIII — первой половине XIX в.— Там же, с. 92—93.

⁸⁸ См.: Александров В. А. Русское население Сибири в XVII—начале XVIII в. М., 1964, с. 281—284, 291—294.

место в торговле оставалось за служилыми людьми, причем не только за приборными, но и за служилыми «по отчеству». Как выяснила Г. А. Леонтьева, для многих из них торговля была регулярным занятием, другие совершали торговые операции эпизодически. В 1694—1697 г., по ее подсчетам, служилые люди составляли 33% поставщиков скота, а их торговые обороты по продаже мяса вдвое превышали обороты остальных поставщиков этого товара, вместе взятых. Служилые люди осуществляли и внешнеторговые операции, закупая товары в Китае и перепродавая их потом другим купцам. В этой области торговли главную роль играли служилые «по отчеству» и казачья верхушка. Многие из этих торговцев, как пишет Г. А. Леонтьева, ничем не отличались от профессиональных купцов⁴⁹.

Торговля в Сибири в первой четверти XVIII в. изучена очень мало. Но поскольку по данным второй половины века видно, что города там выросли и посадские общины окрепли, можно предполагать, что постепенно возрастало и значение купцов из местных посадов.

Изученный материал дает возможность констатировать, что в XVII — первой четверти XVIII в. состав купечества в разных районах России был весьма пестрым, причем удельный вес разных сословных групп среди купечества мог меняться. Это определялось многими причинами: структурой населения данного района, его экономическим развитием и политической историей. Так, имели значение местоположение и длительность существования отдельных городских центров, природные условия, предрасполагавшие к тому или иному виду деятельности, степень колонизации, глубина проникновения в местное общество товарно-денежных отношений и т. д. Огромное влияние на состав купечества оказывало господство феодальных отношений, так как в таких условиях при сохранении свойственной феодальному строю сложной сословно-классовой структуры общества процесс консолидации купечества в единое сословие шел медленно. Старые сословные перегородки и отношения зависимости от разных групп феодалов и феодального государства преодолевались с огромными трудностями, несмотря на то что экономическое развитие требовало развития купеческой деятельности.

Под воздействием развивающихся товарно-денежных отношений число купцов возрастало, наблюдалась и бесспорная тенденция к росту и значению купцов из посада. Но правовое положение многих групп купечества оставалось неизменным, определяясь не их социально-экономической природой, а принадлежностью к разным старым сословиям, что, в свою очередь, сковывало их торговую деятельность и вынуждало совмещать ее с несением других обязанностей.

---

⁴⁹ См.: Леонтьева Г. А. Служилые люди Восточной Сибири во второй половине XVII—первой четверти XVIII в. М., 1972, с. 17—22.

Однако определенная тенденция и признаки консолидации купечества были налицо. Они проявлялись в выделении привилегированных купеческих корпораций гостей, гостиной и суконной сотен. Но даже эти корпорации существовали как разные сословные группы, и только в самом конце XVII в. суконная сотня растворилась — частично в гостиной сотне, частично в московском посаде. Гости же и гостиная сотня сохраняли свой правовой статус почти до самого конца первой четверти XVIII в.

Тенденция к консолидации купечества проявлялась и в непрекращающейся в течение всей второй половины XVII в. и первой четверти XVIII в. борьбе между привилегированными купеческими корпорациями и посадом, а также между посадом и другими сословными группами, включавшими лиц, ведущих торги и промыслы. Ликвидация белых слобод в 1649 г. способствовала укреплению посадов, но в условиях продолжавших действовать законов развития феодального общества полная ликвидация разного типа беломестцев путем единовременной меры осуществиться не могла. Вместо прежних беломестцев появлялись новые, да и само Соборное Уложение и последующие указы во многом носили компромиссный характер, что затрудняло процесс концентрации всех торгово-промышленных людей на посаде. Известным шагом вперед после Уложения 1649 г. была ликвидация стрелецкого войска, сначала в Москве, затем в других городах. Проводившаяся как военная реформа, она уничтожила целое торгово-промышленное сословие, но содействовала включению в посад большого числа бывших стрельцов, в том числе и купцов. Однако эта реформа не была осуществлена последовательно и повсеместно. Во многих районах длительное время сохранялись контингенты «служилых людей старых служб», «городовых казаков» и отставных стрельцов и их детей со всеми присущими им правовыми особенностями.

1-я ревизия и связанные с ней указы, уничтожившие законодательство, разрешавшее торговлю «всех чинов людям», включение в посад наиболее видных купцов из числа торговых крестьян ускорили процесс консолидации крупного купечества, но чисто крепостническая направленность мероприятий в отношении крестьян не привела к слиянию всех торговых крестьян с посадом. Да и вообще в практике созданному в 1720 г. Главному магистрату, несмотря на все существующее законодательство, приходилось затрачивать массу усилий на сбор «рассыпанной хранины» городов и купечества, причем далеко не все они увенчивались успехом. Таким образом, и в первой четверти XVIII в. процесс консолидации купечества осуществлялся трудным и сложным путем. С другой стороны, экономическое развитие России, в первую очередь формирование всероссийского рынка, не могло не оказывать влияния на социальные отношения. Наиболее ощутимо это влияние выразилось в слиянии привилегированных купеческих корпораций с расширившейся в ходе 1-й ревизии посадской верхушкой.

В правовом отношении изменения отразились в создании гильдейской системы. Гильдейская система впервые четко выделила крупное купечество, противопоставив его «цеховым» и другим категориям городского населения как единую наиболее мощную в экономическом отношении социальную группу.

Таким образом, в течение второй половины XVII в. и почти всей первой четверти XVIII в. купеческие корпорации и посадские люди, хотя и были самой растущей группой купцов, не являлись единственной категорией торгового населения России. А поэтому дать действительное и полное представление о торговле этого периода, развитии ее отраслей, ее качественных и количественных показателях может лишь изучение деятельности всего комплекса населения, фактически принимавшего в ней участие. Так, по ряду районов, особенно для XVII и первых лет XVIII в., нельзя не принимать во внимание торговой деятельности служилых людей. Дейтельно участвуя в торговле, они активно способствовали развитию местной экономики и самих городов как торговых центров, несмотря на особенности своего служебного и правового положения. В известной степени это относится и к другим группам городского населения (записные ремесленники, ямщики и прочие обслуживающие государственное хозяйство люди, совмещавшие свои обязанности с торговлей, а также церковные и «иных чинов люди».) Хотя это были менее многочисленные группы населения, в общей сложности они составляли не такой уж малый для тех времен отряд людей, вкладывавших свой труд и капитал в развитие обмена. Нельзя не учитывать и деятельность торговых крестьян, этой своеобразной категории зависимого крестьянства и одновременно купечества, возникшей в условиях господства крепостнических отношений.

В задачи исследователей, занимающихся социально-экономической историей названного периода, входит, как мне представляется, уточнение численности купечества из разных сословий и сословных групп, выяснение их реального вклада в торговые операции, то есть капиталовложений, характера торговых операций, ассортимента товаров, особенностей формирования их капиталов и т. д. Ответы на эти вопросы в значительной степени не только расширят представление о самом купечестве и его разрядах, но и помогут восстановлению истории русской торговли в ее полном объеме.

●

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ РАННЕФЕОДАЛЬНОГО ГОРОДА И ЕГО ТИПОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

●

К. Маркс и Ф. Энгельс считали возникновение города неизбежной закономерностью в поступательном историческом развитии общества, связывая его с процессами общественного разделения труда, развития обмена, частной собственности, появления в связи с этим противоположности интересов города и деревни, городского и сельского населения. Марксистское учение рассматривает средневековый город (и любой город, возникающий в условиях существования частной собственности) как поселение, противоположное сельскому, указывая, что в условиях развитого феодализма — строя, основанного на частной собственности на землю, деревня экономически господствует над городом. По мере укрепления феодальной системы отношений экономическое господство деревни над городом переходит также в сферу политики¹. «Вместе с полным развитием феодализма появляется и антагонизм по отношению к городам»².

Классики марксизма показали особенности феодального города как социального организма, «движение противоположности» между городом и деревней на протяжении различных этапов развития феодальной формации.

Положения марксизма применительно к истории феодальных городов оказали глубокое влияние на разработку общего понятия о русском феодальном городе советскими учеными. Советские исто-

¹ См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 20, 23—24, 49—50; т. 7, с. 346, 355—357, т. 21, с. 170, 171, т. 23, с. 365.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 22—23.

рики на основе марксистской методологии, тщательного изучения письменных и вещественных источников вскрыли причины и закономерности возникновения русских городов, показали сложность и многообразие феодального города как социального явления. Они не раз подчеркивали, что город как социальный организм в процессе развития феодализма развивается и видоизменяется, а специфически городские функции и их соотношение в отдельные периоды феодальной истории неодинаковы. Изучая развитие феодального города в разные исторические эпохи на основе марксистской методологии, советские историки считают необходимым разрабатывать понятие сущности и типов города на том или ином этапе феодализма.

Различные мнения о сущности понятия «город» эпохи феодализма в русской и советской историографии проанализированы Я. Е. Водарским³. Он свел взгляды всех русских и советских историков на феодальный город к четырем основным направлениям.

С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, Н. Д. Чечулин, а вслед за ними фактически все современные исследователи, использующие терминологию источников без соответствующих оговорок, считают городами те поселения, которые названы этим словом в источниках. Н. А. Рожков, Б. Д. Греков, С. В. Бахрушин, К. С. Сербина, Е. С. Компан, З. Ю. Копынский и другие исследователи относят к городам торгово-промысловые поселения феодальной эпохи. П. Н. Милюков и Ю. Р. Клокман понимают город как торгово-промысловое поселение, военно-административный центр, или поселение, сочетающее в себе эти типы. М. Н. Тихомиров, А. М. Сахаров, Л. В. Черепнин, П. Г. Рындзюнский считают городами торгово-промысловые поселения с оформившейся или формирующейся городской (посадской) общиной. Я. Е. Водарский также придерживается этого мнения. Его работа посвящена обоснованию такой трактовки применительно к русскому городу XVI—XVII вв. В ней Я. Е. Водарский убедительно показал, что аналогичным было понимание средневекового города Западной Европы в работах К. Маркса и Ф. Энгельса, считавших ремесленно-торговую деятельность горожан и наличие городской общины («городского строя») неотъемлемыми чертами западноевропейских городов. В сочетании этих критериев Я. Е. Водарский видит отличительный признак и русских городов XVI—XVII вв. (и более раннего периода) от всех других форм и видов поселений.

В целом такой подход к понятию «феодальный город» представляется методологически обоснованным. Однако, учитывая состояние наших знаний о средневековом городе, необходимо выяснить, можно ли пользоваться данными критериями. В отношении большинства городов XVI—XVII вв. в распоряжении историков

³ См.: Водарский Я. Е. Города и городское население России в XVII в.— В кн.: Вопросы истории хозяйства и населения России в XVII в. Очерки по исторической географии XVII в. М., 1974, с. 98—113.

есть письменные источники, которые позволяют определить и характер занятий горожан, и наличие или отсутствие в поселении посадской общины. Но для более раннего периода (IX—XV вв.) очень часто сделать это затруднительно или невозможно.

Тем не менее определение грани, отделяющей город сформировавшийся от догородского поселения, методологически необходимо. С одной стороны, оно помогает четко представить город как историческое явление, с другой — понять, почему не все поселения, имевшие некоторые городские черты и тоже отвечавшие определенным потребностям феодализирующегося общества, превратились в города, конкретизировать представления о потребности феодального общества в городах и о процессе возникновения противоположности между разными видами поселений.

К сожалению, ни состоящие письменных источников о древнерусском городе, ни степень их археологической изученности пока не позволяют выделить сумму четких признаков, на основании которых можно было бы такую грань провести. Более или менее ясное представление историки имеют лишь о крупнейших городах, жизнь которых полнее освещена летописцами. Эти города, как правило, и лучше изучены археологически. В отношении большинства известных по летописям древнерусских городов мы таких суждений составить не можем. Однако исследователи раннефеодальных городов, основываясь на опыте изучения источников, все же старались составить суммарную характеристику города той поры.

Многозначность понятия раннефеодального города отражена в известном определении М. Н. Тихомирова; он связывал возникновение города с развитием земледелия и ремесла в области экономики и развитием феодализма в области общественных отношений.

Мнение М. Н. Тихомирова в основном разделял Б. Д. Греков. Хотя Я. Е. Водарский отнес Б. Д. Грекова к представителям направления в историографии, рассматривающего город лишь как торгово-промысловое поселение, все же понимание древнерусского города в работах Б. Д. Грекова гораздо многограннее. Б. Д. Греков действительно дает основание для узкого толкования понятия «город», когда пишет, что независимо от происхождения город «всегда есть результат общественного разделения труда и является поселением с преобладающим населением ремесленного и торгового характера» или «только городской посад» и есть город в том понимании термина, каким я стараюсь оперировать...»⁴. Б. Д. Греков, очевидно, стремился подчеркнуть преобладающую функцию города в плане определения его исторической роли и «сущности общественного процесса, ведущего к образованию города».

Однако исследователь не считал данную функцию города единственной. На тех же страницах Б. Д. Греков отмечает, что автор «Повести Временных лет» «мыслил себе организацию властвова-

---

⁴ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953, с. 100, 103.

ния именно через городские центры», а древнейшие русские города «являлись политическими, военными и административными центрами»⁵. Утверждая тезис о том, что настоящий город — всегда средоточие ремесла и торговли, Б. Д. Греков отдавал должное его административной и политической роли в оформлении феодальной системы. Указывая на некоторые особенности употребления термина «град» в «Русской Правде», он писал: «Эволюция соотношения между миром и городами заключается в том, что по мере внутреннего развития городов, по мере роста их экономического и политического значения они становятся во главе миров...»⁶

Детализируя представления о раннефеодальном городе Б. А. Рыбаков указывает, что город этой эпохи объединяет крепость, дворы феодалов, ремесленный посад, административное управление, церкви. По мнению А. М. Сахарова, совокупность употребления слова «город» в средневековых источниках отражает все характеризующие его черты и функции (ремесленно-торговые, оборонные, политические, административные и феодально-владельческие)⁷

Подход к пониманию сущности раннего города как многофункционального поселения со складывающейся посадской общиной, развитый в работах М. Н. Тихомирова, Б. Д. Грекова, Л. В. Черепнина, А. М. Сахарова, выделяет именно торгово-ремесленные функции среди всех прочих. Эти исследователи не утверждали, что в древней Руси уже существовала сложившаяся посадская община; они считали, что в XI—XIII вв. лишь складываются предпосылки для создания ее в виде ремесленно-торгового населения, которое имело определенные права. Но предпосылки для создания посадской общины они рассматривали как необходимое условие для квалификации поселения как городского⁸.

В крупной обобщающей работе М. Г. Рабиновича о феодальных городах России также рассматриваются проблемы методологического характера и среди них вопрос, какие поселения следует считать городами. Обобщив большой фактический материал, автор встал перед трудностями как методологического, так и источниковедческого плана. Особенно это относится к раннефеодальным городам. М. Г. Рабинович выступает против деления городов на «истинные», «города в научном смысле», и на поселения, лишь названные городами в источниках, но в действительности не являвшиеся городами как социально-экономической категорией феодального общества. По мнению исследователя, поскольку исторические источники отражают отношение к городу современников, постольку ими можно пользоваться и сейчас, когда перед истори-

⁵ Там же, с. 97, 99.

⁶ Там же, с. 94.

⁷ История СССР. С древнейших времен до наших дней. В 12-ти томах, т. I. М., 1967, с. 536; Сахаров А. М. Города Северо-Восточной Руси XIV—XV веков. М., 1959, с. 17.

⁸ См.: Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956, с. 436; Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, с. 329—330.

ком встают задачи характеристики вида поселения⁹. Он видит задачу историков в выяснении причин, по которым современники квалифицировали поселение как город. Однако можно напомнить, что современники-летописцы городом часто именовали явления далекие от наших научных представлений о городе, на что в свое время справедливо обращал внимание А. М. Сахаров¹⁰. С точки зрения летописца, усадьба вотчинника, обнесенная забором, уже могла именоваться городом. Видимо, слова «град», «город» также не имели однозначного смысла для современников. Поэтому проблема выделения суммы признаков города, ставившаяся Б. А. Рыбаковым и А. М. Сахаровым, важна для каждого исследователя имеющего дело с летописными источниками. Однако, как знаток письменных и вещественных источников, М. Г. Рабинович хорошо представляет трудности, возникающие при попытках характеризовать тип раннего поселения, чем, вероятно, и объясняется его позиция.

М. Г. Рабинович возражает против необходимости выделения некой суммы функций феодального города для определения его как городского поселения в научном смысле. Он считает, что исключение из числа городских тех поселений, функции которых были довольно узки и ограничены, не оправдано потому, что население таких поселений наравне с населением многофункциональных городов участвовало в процессах формирования городской жизни и городского быта¹¹.

Действительно, если говорить о формировании бытовых черт жизни города, для этого процесса важны все специфические бытовые проявления городской жизни, даже в виде элементов. Некоторые из элементов быта, характерные для средневекового города, могли, конечно, быть присущи и иным видам поселений, что, однако, не снимает вопроса о специфических отличиях города. На необходимость выделения городов, сформировавшихся из общего числа укреплений — «городов» раннефеодальной Руси, многие из которых городами не стали, указывал Н. Н. Воронин¹².

М. Г. Рабинович считает, что выработка четкого определения понятия «город» «ограничивает возможность изучения города только периодом его высокого развития (оставляя за рамками определения периоды возникновения и упадка) и сводит его по существу только к рассмотрению экономики, снижая значение такого серьезного... явления, как городской быт»¹³. Следует заметить, что в плане уточнения самого понятия «город» такая постановка вопроса едва ли целесообразна. По мнению многих современных историков, городу как формирующемуся, так и сформировав-

⁹ См.: Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978. с. 16—17.

¹⁰ См.: Сахаров А. М. Указ. соч., с. 22—23.

¹¹ См. Рабинович М. Г. Указ. соч., с. 281—282, 318 (прим. 2).

¹² См.: Воронин Н. Н. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города.— КСИИМК, вып. 41. М., 1951.

¹³ Рабинович М. Г. Указ. соч., с. 282.

шему, по-видимому, была присуща множественность функций (что не исключает преобладания одной из них над другими, как в ходе горообразование, так и после его завершения). Но, очевидно, именно сочетание разнообразных функций поселения должно было на каком-то этапе горообразования создать определенные экономические предпосылки, без которых процесс не мог бы быть завершен. Тем не менее наблюдение М. Г. Рабиновича о сущности такого показателя для определения вида поселения, как городской быт, весьма важно, особенно для археологов и историков, имеющих дело с вещественными памятниками. Существенно в позиции М. Г. Рабиновича также и то, что он справедливо подчеркивает необоснованность подхода с какими-либо «стандартными» мерками к поселениям, в которых процесс горообразования находился в стадии развития. Изучение таких поселений не противоречит задачам четкого определения города, а, напротив, только способствует уточнению научных представлений о городе.

Конечно, ограниченность и неполнота наших источников по раннему городу ставят порой непреодолимые препятствия для выяснения социально-типологического характера многих средневековых поселений. Иногда исследователей «выручает» в этом археология: трудно назвать древние летописные города, обследованные археологами, где бы при раскопках не удалось обнаружить следов высоко развитого для своего времени специализированного городского ремесленного производства, свидетельства торговой деятельности и торговых связей с другими центрами, остатков культовых и светских сооружений. Такая картина открылась, например, в Серенске, городе, казалось бы, ничем особым, если судить по летописным его упоминаниям, не примечательном¹⁴. Однако число исследованных археологами средневековых городов по сравнению с общим числом известных по летописям городов и открытых археологическими разведками городищ пока относительно невелико.

Итак, какие поселения эпохи раннего средневековья, учитывая состояние доступных нам источников, можно отнести к категории городов — вопрос далеко не простой. Безусловно, защищаемые Я. Е. Водарским критерии привлекают ясностью и точностью. Однако на практике они применимы лишь к периоду позднего средневековья (XVI—XVII вв.), в отношении IX—XV вв. их использование во многих случаях затруднительно. Тем не менее эти трудности не означают, что мы не можем ими пользоваться вообще. М. Н. Тихомиров считал возможным такой подход в отношении городов X—XIII вв. (полагая, что предпосылки для оформления городского строя в данный период уже сложились), а А. М. Сахаров и Л. В. Черепнин использовали эти критерии для поселений XIV—XV вв. Обнадешивают в данном отношении результаты археологических раскопок, вскрывающие яркую городскую культуру в

¹⁴ См.: Никольская Т. Н. Древнерусский Серенск — город вятических поселенцев — КСИА, вып. 125 М., 1971.

тех поселений, в отношении которых летописи не позволяли как будто бы предположить высокий уровень развития.

Таким образом, если кратко суммировать высказывания специалистов о средневековом городе, можно выделить основной тезис раннефеодальный город — многофункциональное поселение, отвечающее различным потребностям феодального общества (развитие ремесел и торговли, оборона от врагов, организация политической власти и административного управления сельской округой, культурный и религиозный центр); возможно преобладание (иногда существенно) одной из функций над другими или неполный «набор» этих функций; необходимые признаки городского поселения — торгово-ремесленная деятельность значительной части его жителей и наличие посадской общины (или возникновение предпосылок для ее оформления).

Однако, выделяя характерные черты города как социального явления, приходится признать, что в отношении большинства известных по летописям древних городов мы не в состоянии дать сколько-нибудь подробные характеристики. Необходимо также учитывать, что во многих случаях летописи называют «городами» поселения, где процесс горообразования только начинал развиваться. Кроме того, динамика изменения и развития феодального города почти не отражена в письменных источниках. Все это и затрудняет выведение обобщенного определения сущности города как социального института. Как справедливо отмечал А. М. Сахаров, разбирая употребление термина «город» в источниках XVI в., можно заметить, что «многозначность названных терминов отражает многообразие функций феодального города и еще далеко не устоявшееся выделение его и горожан как особого типа поселения и особого состояния в феодальной России XVI в.»¹⁵. То же с еще большими основаниями можно сказать о городах IX—XV вв.

Проблемы определения понятия «город» и вопрос о типах городов тесно связаны, и так как само понятие «город» до сих пор не имеет единодушия среди исследователей, это обстоятельство затрудняет также разработку типологии ранних городов. Развитие классификации феодального города в нашей науке представляет все же немалый интерес. Отечественные исследователи подходили к решению данного вопроса в основном только с одной точки зрения — генетической.

Первый опыт классификации феодальных городов был сделан еще в 1862 г. А. П. Шаповым, правда, в статье не строго научного, а скорее публицистического характера. А. П. Шапов назвал первым исконным путем формирования городов на Руси «путь вольнонародного, свободно-экономического самоуправления и саморазвития их из сел, из слобод, вследствие свободного торгового и промысла». Самым ярким примером такого «земско-вечевого самоуправления»

¹⁵ Сахаров А. М. О термине «город» в источниках XVI в. — В кн. Шестое и государство феодальной России. М., 1975, с. 65

городов А. П. Шапов считал Великий Новгород Вторым (хронологически) этапом появления городов он называет «процесс льготно-вотчинного, преимущественно-княжеского строительства, рублеца, поставлеца, создателя городов», примером которого считает Москву и все верхне- и средневолжские города. И третьим «способом формации городов» была, по А. П. Шапову, «система указного городского дела» XVI—XVII вв., то есть города-крепости южной «стенной Украины»¹⁶.

Классификация и периодизация средневековых городов Руси по их происхождению даны в работах П. П. Смирнова. В основу классификации феодального города П. П. Смирнов положил принцип юридической принадлежности городской территории, а также юридическое положение городского населения. Согласно его концепции, в домосковской Руси были поселения: своеземческие (поселения свободных людей на свободной, им принадлежавшей земле), поселения несвободной челяди на территориях несвободных, принадлежащих владельцам; поселок свободного населения на несвободной владельческой земле. Каждый вид поселений мог, по П. П. Смирнову, сочетаясь с другими, давать смешанные виды, и если на его территории возникали укрепления, он превращался тем самым в город. Важнейшим в древний период русской истории был, как считает автор, тип своеземческих вечевых городов — политических, экономических и культурных центров крупных земель.

Согласно концепции П. П. Смирнова, с течением времени крупные землевладельцы — бояре и князья — покидают земские города и обосновываются в своих вотчинах и селах; их уход предопределил упадок «старых вечевиков», которые в XIII—XV вв. пустеют и беднеют, здесь развивается «процесс окняжения и обоярения их территории». С позиций «юридического» направления русской историографии П. П. Смирнов не может объяснить, почему князья и бояре стали покидать города, как происходило «окняжение и обоярение» городских земель. На самом деле увеличение в городе доли феодального землевладения было отражением процесса феодального развития и борьбы двух форм собственности (феодальной земельной и городской, когда, по К. Марксу и Ф. Энгельсу, феодальной собственности на землю соответствовала в городах феодальная организация ремесла, где собственность заключалась в труде каждого отдельного индивидуума). На Руси эта борьба получила преимущество в пользу феодалов в связи с монголо-татарским нашествием, одним из результатов которого было уничтожение или весьма значительное ослабление прослойки свободных городских ремесленников и торговцев. Тем не менее бояре и князья, несмотря на усиление своих владений в городах, города покидали, ибо центр вотчинного хозяйства все больше перемещался в деревню. По П. П. Смирнову, итогом «окняжения и обоярения» городов

¹⁶ Шапов А. П. Городские мирские слоды. — В кн.: Шапов А. П. Социализм в 3-х томах, т. 1. СПб., 1906, с. 783.

стало преобладание иного типа поселения — поселка свободных людей на несвободной — княжеской или владельческой — земле, или города-слободы. Преемниками этих городов-слобод стали города московской эпохи; им якобы были присущи все черты слободского строя городов со свободным населением на владельческой земле¹⁷.

Выделенный П. П. Смирновым город-слобода как тип поселения, к тому же преобладающий в «московскую» эпоху, вызывает серьезные возражения. Ведь слободы не представляли чего-то единого. Слобода могла существовать и как составная часть какого-либо феодального города, иногда даже небольшая часть, и как самостоятельное поселение на земле государственной или вотчинной (княжеской, боярской, монастырской).

Таким образом, с точки зрения современной марксистской исторической науки, накопившей немало сведений о средневековом городе, приведенные классификации не могут быть признаны удовлетворительными. Как показали исследования археологов, вообще очень трудно выделить какой-либо один тип формирования ранних городов¹⁸. Разнохарактерные поселения городского типа сосуществовали и находились между собой в сложной связи.

Деление городов по юридической принадлежности их территории вообще выглядит искусственным и формалистичным. Изучение видов и форм земельной собственности в городе необходимо, когда речь идет о выявлении социальной структуры его населения. Юридическая принадлежность городской территории рассматривается в марксистской литературе обычно как надстроечное явление, отражающее экономическую основу данного социального объекта. В отрыве же от изучения форм собственности в феодальную эпоху рассмотрение типа города через призму юридической принадлежности территории может привести только к упрощенному и формализованному подходу, характерному для «юридической школы» буржуазной историографии.

В реальной действительности различные виды собственности в подавляющем большинстве городов сосуществовали в многообразных формах. Даже в наиболее типичном «своеземческом» вечевом Великом Новгороде существовали крупные боярские усадьбы с жившим в них несвободным, зависимым от землевладельца-боярина ремесленным и торговым населением, была также здесь и свободная городская земля с селившимися на ней свободными ремесленниками и торговцами¹⁹. Исключение в этом отношении могут составить лишь частновладельческие города (города-«замки» феодалов), полностью принадлежавшие одному владельцу.

---

¹⁷ См. Смирнов П. П. Города Московского государства в первой половине XVII века, вып. 1. Киев, 1917, с. 1—8.

¹⁸ См.: Воронин Н. Н. Указ. соч.

¹⁹ См.: Янин В. Л. Возможности археологии в изучении древнего Новгорода.— ВАН, 1973, № 8, с. 75.

Генетические принципы лежат и в основе классификации городов Киевской Руси, предложенной С. В. Юшковым. Он тоже выделяет типы городов по их происхождению, стремясь даже проследить преемственность между городищами родового общества и раннефеодальными городами. С. В. Юшков выявляет города: племенные; находящиеся в общей административной системе землекняжения; собственно княжеские. Помимо различий в происхождении С. В. Юшков стремился найти особенности в характере этих городов.

В целом С. В. Юшков понимал под древнерусскими городами «торгово-промышленные центры», присоединяясь в данном вопросе к В. И. Сергеевичу и А. Е. Преснякову²⁰. Но он считал, что историка, изучающего города Киевской Руси, должна интересовать главным образом «их социальная природа, их назначение и, в особенности, их значение в системе феодального господства». В таком отношении город XI—XII вв. был, в понимании С. В. Юшкова, «прежде всего феодальным административным центром для тянувшей к городу волости или совокупности волостей», «не только постоянным местопребыванием местного гарнизона, но и сборным пунктом всех военных сил данной округи во время осады», «финансово-административным центром, центром особого финансового округа»²¹.

Взгляды С. В. Юшкова на типы древнерусских городов по их происхождению нуждаются в уточнении. Еще Б. Д. Греков писал, что «племенные города» вызывают у него сомнения, так как если в племени появились города, это свидетельствует о том, что племени как такового уже не существует²². Современные исследования советских историков и археологов показывают, что крупнейшие древнерусские города — центры больших территориально-племенных союзов, превращающихся в эпоху раннего феодализма в земляческие группировки населения. Эти города становятся политическими и экономическими центрами раннефеодальных земель-княжеств. Но сама идея рассмотрения города с точки зрения его положения и значения в системе феодального господства представляется плодотворной: здесь, по-видимому, и следует искать ключ подхода к вопросу о типах ранних городов. Классификации городов только по происхождению и отчасти по юридической принадлежности фактически полностью обходят положение города в системе политических и социально-экономических отношений эпохи и его функции, его взаимосвязи с другими городами и поселениями. Рассмотрение типов города следует также связывать с понятием о территориальной организации населения²³.

Если мы обратимся к работам по исторической географии, то

²⁰ См.: Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.—Л., 1939, с. 132.

²¹ Юшков С. В. Указ. соч., с. 135.

²² См.: Греков Б. Д. Указ. соч., с. 101.

²³ Марксистско-ленинская теория народонаселения. М., 1974, с. 69.

обнаружим, что единичей, в масштабе которой ведется изучение средневекового населения (расселения, поселений, миграций), выступают земля и княжество. Здесь, однако, и проявляется первая трудность, так как эти понятия нетождественны, хотя на практике часто отождествляются.

Земля, земляческая общность, земляческие связи приходят на смену территориально-племенным союзам в ходе распада родоплеменных и формирования раннеклассовых отношений. Земляческая группировка населения, в границах которой происходят более тесный языковой, экономический, демографический, культурный контакты и общение, оказывается очень прочной формой общности людей, существующей на протяжении длительного исторического периода вплоть до складывания национальной общности. Она сохраняет свои особенности в процессе формирования древнерусской, а затем и средневековой русской народности.

На важность земляческих связей как формы донациональной общности людей указывал В. И. Ленин, отмечая, что «только крупная машинная индустрия вполне разрушает земляческий характер общественных связей и ставит на их место национальные (и интернациональные) связи»²⁴.

Земляческая общность была естественно сложившейся формой расселения людей в период формирования и развития феодализма, причем она сохраняла свое значение на протяжении всей эпохи средневековья²⁵. В каком же сочетании с земляческой общностью находились города и какое место в ней они занимали? Характерно, что возникновение первых городов совпадает с тем же периодом оформления раннефеодальных отношений и земляческих союзов. Древнейшие города возникали именно как центры крупных земляческих союзов, на территории которых из центров распространялась политическая власть местных князей. Сюда обычно стекались предметы дани, собираемые князьями с подвластного населения земли, здесь располагались, вероятно, и культовые центры — святилища. Здесь сосредоточивались формирующаяся раннефеодальная знать и княжеская дружина. В таких центрах ремесло и торговля наиболее рельефно и осязаемо отрывались от сельскохозяйственного производства и выделялись в особую сферу деятельности. По словам Б. А. Рыбакова, для крестьянской массы древнерусских земляческих союзов города-центры создавали «ощущение своей земли», имевшей свой центр притяжения в виде среднего города, центра союза племен, вроде Смоленска, города земли кривичей, Полоцка в земле полочан, Воляня в земле волинян»²⁶.

---

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 392.

²⁵ См. Лашук Л. П. В. И. Ленин о земляческих и национальных связях. — СЭ, 1970, № 1, с. 52—53; Он же. Формирование народности коми. М., 1972, с. 99—101.

²⁶ Рыбаков Б. А. О двух культурах русского феодализма. — В кн. Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970, с. 27.

Не случайно древнейшие русские города, возникшие как центры обширных земель, стали крупнейшими экономическими, политическими, военными, культурными, религиозными центрами средневековой Руси²⁷.

Следующий этап оформления городов в древнерусских землях приходится на XI — первую треть XIII в., когда, по подсчетам М. Н. Тихомирова, стремительно возросло число городских центров (до 300)²⁸. В эту эпоху в условиях начавшейся феодальной раздробленности оформились княжества домонгольской Руси, сложилась система административного управления внутри них и происходила борьба между соседними княжествами за закрепление под своей властью спорных смежных территорий, за их «окняжение». В каждой из крупных древнерусских земель возникали свои удельные и волостные центры-города. М. Н. Тихомиров заметил, что располагались города этой поры в основном в гуще скопления сельского населения; он сделал вывод о связи возникновения русских городов с развитием земледелия и ремесла. Недавно А. В. Куза высказал интересное замечание о том, что «размещение большинства древнерусских городов в гуще сельских поселений отражает успехи феодализации и окняжения Руси, стремление молодого феодального государства «уроками и уставами» охватить в первую очередь наиболее платежеспособные, то есть густонаселенные земли». В связи с этим, по его мнению, на данном этапе социально-политические функции раннего города преобладали над экономическими²⁹.

Действительно, исследования по ранней истории отдельных земель дают основания говорить о постепенном, но постоянном процессе «окняжения» их территории и утверждении княжеской власти через систему городов, управляющихся князьями из центрального города земли через свою администрацию — наместников, воевод, удельных князей. Например, по характеристике Л. В. Алексеева наиболее крупные города Полоцкой земли возникли в гуще скопления древних кривичских поселений по мере развития феодальных отношений и распространения из центра земли Полоцка феодальной дань; эти города постепенно становились центрами обложения окрестного сельского населения. Вокруг них формировались феодальные волости Полоцкой земли. К таким центрам можно отнести Витебск, Друцк, затем Свислочь, Борисов, Изяслав, Логожск³⁰.

Сходным был процесс возникновения и размещения городов — феодальных и волостных центров и крепостей Смоленской земли. Здесь вслед за центральным городом Смоленском появились горо-

---

²⁷ См.: Тихомиров М. Н. Указ. соч., с. 286—294, 329—334, 338—344, 352—359, 362—366, 375—383, 394—407, 426—430.

²⁸ См.: Тихомиров М. Н. Указ. соч., с. 32—43.

²⁹ См.: Куза А. В. Русский город. (Рецензия). — СА, 1978, № 4, с. 290—291.

³⁰ См.: Алексеев Л. В. Полоцкая земля. — В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 218, 227, 228.

уездное деление. Например, из летописей известно, что волостными центрами Волынской и Галицкой земель управляли сажаемые князьями наместники и волостели³³. Существовали наместники также и в некоторых городах Черниговского княжества. Во многих землях сложилась по мере развития феодальных отношений система уделов, когда город с его волостью отдавали в удел какому-либо князю — вассалу великого князя. Интересно, что в древнейшем территориальном ядре Новгородской земли исследователи прослеживают старинную сотенную организацию населения, на которую лишь позднее стала накладываться «сверху» система погостов — волостей³⁴.

С оформлением политических границ княжества и усилением междоусобных столкновений князей, борьбы между ними за подвластную территорию, с усилением тенденций к самостоятельности и независимости от власти Киева возникает необходимость строительства городов — оборонительных крепостей на границах княжества. Появились такие города на рубежах Полоцкой, Смоленской, Рязанской земель. Многие из них стали и административно-волостными центрами для окрестного населения, поэтому их также можно относить к типу городов — административных (волостных, удельных), военных и ремесленных центров внутри земляческой группировки. Характерно, что таких пограничных городов почти не было, например, на окраинах Северной земли с востока, севера и запада. Не было таких городов и на пограничье Туровской земли. Это можно объяснить, по-видимому, отсутствием политической самостоятельности этих земель, их зависимостью от Киева, затем от Чернигова (Северской) и Волыни (Туровской).

Если земля как форма расселения складывалась под влиянием процессов экономических и на их основе, то образование княжеств как форма государственности эпохи раннего феодализма относится к надстроечным явлениям. История развития земель древней Руси показывает, что там, где рано оформляется феодальная аристократия, стремящаяся к захватам близлежащих и отдаленных территорий других земель, процессы экономического развития земли (как формы территориальной организации населения) не совпадают территориально с процессами развития феодальных княжеств.

А. Н. Насонов, одним из первых обратившийся к специальному изучению формирования отдельных земель и княжеств древнерусского государства, заметил, что рост государственной территории того или иного княжества более связан не с внутренним социально-экономическим развитием земли, а с экономическими и политическими интересами местной феодальной знати, стремящейся распространить свое господство (выражавшееся в установлении суда и

---

³³ ПСРЛ, т. II. Спб., 1908, с. 248, 392, 406, 454.

³⁴ См.: Куза А. В. Новгородская земля.— В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв., с. 164—169.

дл Горони, Вержавск, Ростисл;
Случин, Пашань, Пивольск и др.
должны древних городских поса-
дах³¹

Исследования советских ученых дают основания считать, что организация феодального властвования внутри Смолд-княжества, оформление этой структуры управления стали одной из причин возникновения городов в XI—XII вв. Однако едва ли правильно считать, главную причину главной и единственной или расе атрибу-
вать ее как альтернативу мнению М. И. Тихонова о связи воз-
никновения городов с потребностями земледельческого населения и
обеспечении его продуктами специализированного городского ре-
месла. Очевидно, развитие административно-податных и судебных
функций городов сочеталось с их функцией и как центров ремесла
и торговли.

Выделение одних населенных пунктов из числа прочих в каче-
стве ставок княжеской власти, месторезидирования администрации
князей и тарниции, поселков, где селились местные боярство, по-
могало созданию и концентрации здесь постоянного ремесленного
и торгового населения, ибо деятельность ремесленников и торгов-
цев в таких пунктах могла быть наиболее успешной. И, вероятно,
как раз сочетание этих важнейших факторов и оказалось в ко-
нечном счете решающим для выделения среди нескольких догород-
ских поселений одного.

Вероятно, именно эти города, ставшие административными цент-
рами земель-княжеств, были наиболее пестрыми по своему проис-
хождению: одни могли возникнуть из древних городищ-убежищ,
другие — из поселков феодализирующейся местной знати, третьи —
из сельских поселений, четвертые — из более ранних княжеских
погостов, а пятые — из укрепленных пунктов в областях славян-
ской колонизации.

Формы административного управления землей через города —
удельные и полостные центры, сложившиеся в разных княжествах,
были различны, как вообще существенно различались «варианты
политического развития русских земель», что наглядно выявлено
Л. В. Черепинич при исследовании исторического развития Киев-
ской, Ростово-Суздальской и Новгородской земель³². В наиболее
развитых землях со сложной политической структурой склады-
вались и различные варианты управления волостями. Иногда это
была форма наместничества, иногда — удельная система. Един-
ства здесь не было вплоть до периода формирования Русского
централизованного государства, когда возникло административное

³¹ См.: Седов В. В. Смоленская земля — В кн.: Древнерусские княжес-
тва XI—XIII вв., с. 242—243, 245, 246, 254; Монгайт А. Л. Рязанская зем-
ля — МИА, № 49 М., 1955. Он же Рязанская земля, М., 1961, с. 250. Лы-
сенко П. Ф. Города Туровской земли Минск, 1974, с. 1—196

³² См. Черепинич Л. В. Пути и формы политического развития русских
земель XII—XIII вв. — В кн.: Польша и Русь, М., 1974, с. 23—47

дани) на территорию соседних, а часто и весьма отдаленных земель, менее развитых и менее консолидированных³⁵.

Наиболее рельефно эти процессы прослежены им на примерах расширения владений князей «Русской земли» — Киева, Чернигова и Переяслава³⁶. Территории Киевского, Черниговского и Переяславского княжеств как бы перечеркивают самое «Русскую землю», очень далеко выходя за границы Среднего Поднепровья. Власть князей «Русской земли» распространялась путем: подчинения силой старых «исконных» центров территориально-племенных союзов, окружающих «Русскую землю», установлением дани и посадением там вассальных князей или наместников, правящих от имени Киева; основанием в таких землях новых городов-крепостей, делавшихся опорными пунктами для сбора дани и удержания в подчинении приобретенных «волостей».

Формирование княжеств, стремившихся вынести свои границы за пределы одной лишь «своей» земли, характерно не только для Среднего Поднепровья, но и для всех земель, где рано сложилась местная феодальная аристократия. Рано подчинило себе громадные территории новгородское боярство, скоро встали на путь подчинения и завоевания окрестных территорий феодалы Галицко-Волынского, Ростово-Суздальского, в меньшей степени Полоцкого княжеств.

В ходе внутреннего развития областей, где были расположены городки-крепости, построенные для закрепления подвластных территорий, происходило или включение их в систему новых земляческих общностей со своими особенностями расселения и своей структурой городских поселений, или отмирание их как городов, если они в эту местную систему не вписывались.

Здесь интересно напомнить историю городов Московской земли. Эта земля как система расселения формировалась вообще довольно поздно (не ранее XIV в.), хотя политическое образование в виде Московского удела появилось раньше. Оформлению Московской земли способствовали и рост политических границ княжества, и миграции населения из других областей, вызванные монголо-татарским нашествием. До этого территория московских владений распределялась в основном между Суздалем, Рязанью, Черниговом, Смоленском, закрепившими за собой ее части постройкой крепостей. Интересно как раз то, что из этих крепостей сохранились в системе московских волостей лишь стратегически наиболее важные — Можайск, Коломна и Дмитров (Волоколамск еще довольно долго подчинялся Новгороду). Остальные развивались в основном фактически заново уже в период существования Московского княжества; причем вокруг новых опорных центров Москвы — Серпухова, Каширы и Верей, в непосредственной близости от Москвы

---

³⁵ См.: Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, с. 51—52.

³⁶ См.: Насонов А. Н. Указ. соч., гл. II, III, IV.

лежали «домосковские» городки рязанцев и черниговцев (Тешилов, Котлеск, Хотуль, Лопасня), скоро захиревшие, ибо они не имели базы для развития, как их новые соседи.

Таким образом, процессы оформления и развития феодальных княжеств породили еще один тип городских поселений, назначение которых было довольно узко и органично — утвердить зависимые, даннические отношения среди жителей соседних земель.

Конечно, о городах-крепостях вообще слишком мало данных, ибо летописцы упоминают их в основном при описаниях военных походов и междоусобных столкновений князей из-за порубежной территории; о существовании в этих городах ремесел и торговли никогда не говорится. Однако и в таких городах, очевидно, могли возникать условия для развития ремесел и складывания посадской общины. Известно, что город Перевитск (или Перевитеск), располагавшийся на северо-западных рубежах рязанских земель, дожил до XVI в., а затем превратился в заурядное сельское поселение — Перевитский Торжок. Летописи о городе Перевитске упоминают лишь однажды (он перечислен среди рязанских городов в «Списке русских городов» конца XIV — начала XV в.). Больше об этом городе ничего не известно. Материалы археологических разведок не раскрывают здесь чего-либо примечательного. Расположение города на окском водном пути, на границе рязанских владений говорит в пользу того, что Перевитск, очевидно, был типичным сторожевым городком, защищавшим вместе с Ростиславлем и Коломой пути к Рязани (разведки показали, что поселение внутри крепостного вала Перевитска было обитаемым уже с XI в.)³⁷. Однако документы конца XVI в. — времени, когда Перевитск пришел в упадок и прекратил существование как город, называют его территорию бывшей чернопосадской землей³⁸. А это значит, что даже здесь существовала посадская община.

Особым типом городов были частновладельческие города. Об одной из разновидностей таких городов — городах «собственно княжеских» — писал С. В. Юшков; он считал, что они имели «весьма крупное значение для роста княжеского землевладения, княжеского домена. Имея эти опорные пункты, князья овладевали и окрестной территорией»³⁹. Княжескими городами С. В. Юшков называет Белгород и Вышгород. Эти города были крупными ремесленно-торговыми центрами, как известно по археологическим исследованиям. Однако социально-экономический их характер не вполне ясен. В частности, С. В. Юшков полагал, что жителями этих городов были в основном несвободные люди, работавшие на князя и подвергавшиеся не ограниченной никакими городскими правами эксплуатации⁴⁰.

³⁷ См.: Розенфельдт Р. Л., Юшко А. А. Список археологических памятников Московской области. М., 1973, с. 220.

³⁸ Писцовые книги Рязанского края, т. I, вып. Рязань, 1898, с. 162, 170, 174.

³⁹ Юшков С. В. Указ. соч., с. 47.

⁴⁰ См.: Юшков С. В. Указ. соч., с. 47.

Следует отметить, что княжеские частновладельческие города были все же порождением эпохи становления феодализма, когда существовала необходимость в укрепленных «замках» — центрах вотчинного хозяйства. Со стабилизацией феодализма центр вотчинного хозяйства переносится в деревню, а эксплуатация князьями городов осуществляется посредством оброков, пошлин и других повинностей. Характерно, что в позднем средневековье «пожалование» города великими князьями какому-либо частному лицу (например, Каширы или Серпухова казанским царям, перешедшим на московскую службу) и заключалось в передаче права взимания оброков и пошлин с посадской общины города в пользу этого лица. Эволюция форм городской жизни в княжых городах шла, очевидно, также в направлении формирования здесь посадской общины и податной системы ее эксплуатации.

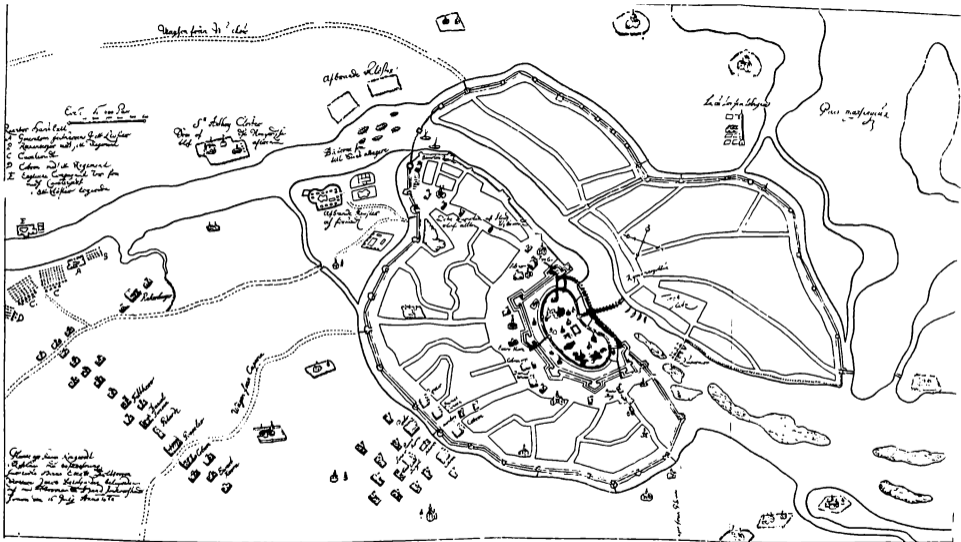
В областях раннего развития феодализма существовал и такой тип города, как боярский замок-крепость. К этому типу можно отнести, вероятно, многие города Волынской земли, где число городов было самым большим среди всех земель домонгольской Руси (51). Однако существование частновладельческих городов-замков было все же эпизодом в истории древней Руси, и развития этот тип раннего города не получил. Во всяком случае историкам не известны примеры превращения частновладельческих городов-крепостей в развитые городские центры средневековой Руси. По наблюдениям В. В. Косточкина, строительство крепостей с одной центральной возвышающейся башней, которые он связывает с развитием частновладельческого феодального города, прослеживается лишь до начала XIV в.⁴¹ Это, очевидно, не случайно: со временем, в ходе упрочения государственной политической власти класса феодалов, необходимость в таких укрепленных усадьбах отпадает.

Частновладельческие города известны и в более позднюю эпоху. Но существование таких городов в эпоху Московского государства было своего рода пережитком и объяснялось отчасти особым положением в государстве их владельцев (например, московские митрополиты, владельцы Алексина в XIV в., или патриархи — владельцы Осташкова, или князья Воротыньские — владельцы Воротыньска в XV—XVI вв., лишь в 90-е годы XV в. перешедшие к Москве «от Литвы»)⁴². Впрочем, в эпоху позднего средневековья появляется тип неукрепленных частновладельческих поселений, которые быстро развивались по городскому пути, как, например, Тихвинский посад, принадлежавший местному монастырю. Благодаря расположению на известном торговом пути Тихвинский посад превратился в крупный торгово-ремесленный центр, получивший в XVIII в. официальный статус города.

⁴¹ См. Косточкин В. В. Древние русские крепости. М., 1964, с. 132.

⁴² См. Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV—начала XVI века, 1971, с. 97—102.

Таким образом, учитывая опыт изучения конкретных городских поселений, к раннефеодальным городам следует относить прежде всего те разнохарактерные по происхождению и положению в системе расселения поселения, где сочетались ремесленно-торговые, административные, политические, религиозные и военные функции. При этом характер и особенности их сочетания во многом определяли тип раннего города. Расположение таких населенных пунктов в узловых точках расселения, возможности сочетания в них перечисленных функций создавали необходимые предпосылки для диалектического процесса складывания противоположности между городскими и сельскими поселениями и дальнейшего развития общественного разделения труда в условиях феодальной формации (путем концентрации населения, оторванного от земледельческого труда и связанного в основном с ремесленно-торговыми, административно-управленческими, военными, культово-религиозными занятиями жителей). Продолжающееся изучение истории земель и городов средневековой Руси, прежде всего археологическое, вероятно, еще уточнит характер и особенности раннего города и его типов.

архитектурный план кремля Новгорода 1611 г.

●

ИЗОБРАЖЕНИЯ ГОРОДОВ СССР В ИКОНОГРАФИЧЕСКОМ АТЛАСЕ CIVITATES ORBIS TERRARUM

●

Во второй половине XV столетия Московская Русь вновь включилась в европейскую политику и одновременно стала первостепенным центром раннего восточноевропейского возрождения¹. Интерес стран Европы к Московской Руси, постепенно вытеснявший прежние представления о Скифии, Сарматии или «Великой Татарии», удовлетворялся в той или иной мере книжной продукцией, благодаря которой стало возможным также возникновение иконографического творчества в форме эстампов, гравюр, листовок, спорадических типографических изображений. Задача настоящей статьи — показать, какими путями Западная и Центральная Европа в XV—XVII вв. знакомилась с обликами тех городов, которые в настоящее время расположены на территории Советских республик, и какую роль играли в этом знакомстве чешские земли.

Первым иконографическим сборником с видами европейских городов является «Нюрнбергская хроника» Германа Шеделя (1493 г.), в которой имеется 31 изображение форматом *in folio*. В их числе виды многих европейских городов, а также острова Родоса и Иерусалима². Г. Шедель обратил главное внимание на города Центральной Европы, но в его публикации мы не найдем столиц западно-

---

¹ Специальная литература перечислена в трудах: Dějiny SSSR, 1—Od nejstarších dob do roku 1612, s. 280 и след.; Cronia A. La conoscenza del mondo slavo in Italia. Padova, 1958, p. 134 и след.; Lichatschow D. S. Die Kultur Rußlands während der osteuropäischen Frührenaissance. Dresden, 1962; Stöckl G. Russische Geschichte, Stuttgart, 1965, S. 210 и след.

² Schedel H. Liber chronicarum. Norimbergiae, 1493.

европейских стран той эпохи. Из городов Центральной Европы впервые здесь изображены Прага, силезские Вратислав (то есть Вроцлав) и Ниса (Nysa), польские Краков и Казимеж, венгерская Буда. Видов русских и прибалтийских городов у Г. Шеделя нет. Имеющиеся в его публикации отдельные изображения выполнены техникой резьбы по дереву, часто довольно грубой, топорной.

Второй по хронологическому порядку сборник изображений европейских городов связан с трактатом базельского гуманиста и математика Себастиана Мюнстера. Его «Космография» (1545 г.) представляла собой компендиум географических, исторических и природоведческих сведений³. Текст «Космографии» снабжен десятками карт и сотнями изображений городов, особенно Европы и Северной Африки. «Космография» вышла на латинском и немецком языках, а также по-чешски. Перевод текста на чешский язык и его подготовку к изданию осуществил уже в 1554 г. Зикмунд из Пухова⁴. О популярности «Космографии» свидетельствуют ее регулярные переиздания: в 1545—1628 гг. она выдержала не менее 46 изданий.

Известно, что С. Мюнстер стремился получить для своего труда информацию о странах Восточной Европы и обращался к польско-литовскому двору с просьбой прислать эскизные зарисовки городов. Однако, кажется, ему удалось получить лишь изображения латышской Риги (имеется в издании 1550 г.), а значительно позднее еще и Гданьска — оно помещено в издании 1628 г. Видимо, эскиз города Риги — продолговатая гравюра на дереве форматом в четверть листа — первое известное изображение этого города. Оно увидело свет именно в мюнстеровой «Космографии». Рига была посредником в торговле между Востоком и Западом Европы; поэтому в борьбе за Ригу наряду с Польско-литовским государством и Швецией участвовала также Московская Русь.

Из «Космографии» С. Мюнстера также и чешские читатели получили первые сведения о европейском Северо-Востоке. Так, в текстах о прусском Кенигсберге и латышской Риге говорилось о насилиях, которым подвергались подданные этих городов от немецких крестоносцев, а также о высокомерии ганзейских купцов, захвативших в свои руки прибыльную торговлю между Западной Европой и Прибалтикой⁵. В реалистическом духе представлены также литовская Вильна, русские Новгород, Псков и Смоленск⁶.

«Среди страны русской лежит и львовский край, главный город коего зовется Львов», — говорится в книге. Экономическое значение и культурная многогранность этого города привлекли внимание швейцарского гуманиста⁷.

---

³ Münster S. Cosmographie. Beschreibung aller Länder..., Basilej, 1544 (очевидно, фактически вышла в 1545 г. — перев.).

⁴ Kosmografia česká, přel. Zikmund z Púchova, 1554.

⁵ Kosmografia česká, лл. 458 В, 459 А, 460.

⁶ Kosmografia česká, лл. 532 В, 593В, 535А.

⁷ Kosmografia česká, л. 535 В.

Но самая интересная глава — «О земле Московской». «Земля Московская весьма велика и обширна, а главный ее город зовется Москвой и лежит на реке Москве, а в окружности насчитывает он 14 тысяч шагов» (то есть приблизительно 10 км)⁸. «Город, называемый Москвой, по площади своей и окружности вдвое больше, чем в земле Чешской Прага, резиденция королевская. А вся Москва, как и другие города московитские, построена из дерева». Как можно проследить, сравнение Москвы с Прагой имело давнюю традицию в литературе о путешествиях XVI в. Далее в тексте читаем: «Улиц в ней (Москве) много, но они весьма неустроенные, а между ними пустыи великие, поля да сады. Река, Москвой именуемая, делит город надвое, а в самой его середине лежит замок с 17 башнями и 3 бастионами, которые укреплены столь добротой и прочно, что равные им вряд ли где еще найдутся. Замок тот весьма велик и красиво построен, покрыт медью. В нем 16 церквей и 3 очень больших красивых дома, в которых живут княжеские придворные. Дворец, где живет князь, построен по итальянскому образцу, но не слишком велик... Некоторые утверждают, что нынешний князь Московский запретил под угрозой смерти всем своим подданным — бедным и богатым — постыдное и безобразное пьянство, но впрочем для трех случаев в году (на определенные сроки) от такого наказания за пьянство народ освободил». Если вспомним, что по представлениям той эпохи также и Чехия переживала свой «период пьянства», то поймем интерес переводчиков и издателей книги С. Мюнстера к московской борьбе с пристрастием к алкоголю. Впрочем, следует подчеркнуть, что Зикмунд из Пухова высказывавшимися о Москве не расширил наших знаний, между тем как сведениями о Венгрии, Испании и испанском Новом Свете он определенно обогатил наши представления. Объяснение простое: Фердинанд I оказал существенное содействие изданию чешской версии мюнстеровой «Космографии», потому что он придавал политическое значение тому, что чешским читателям эта книга напоминает о роли Габсбургов — в том числе и испанских кузенов императора — в обороне Центральной Европы от нападения Турции⁹.

В течении второй половины XVI в. в листовках, отдельных эстампах, газетах, реляциях (большая часть местного значения или касающихся отдельного события) были помещены виды восточноевропейских городов — Москвы, Гродно, Полоцка, Вильны, Смоленска и Риги (таблица 1).

Изображения восточноевропейских городов отличаются друг от друга техникой исполнения, форматом, концепцией, уровнем художественности. Они опубликованы большей частью в виде отдельных

⁸ Kosmografia česká, л. 536 А.

⁹ Dějiny Sovětského svazu a československých vztahů v dokumentech I — Od nejstarších dob do konce XVIII století. Praha, 1963, s. 405 и далее; Pohlík J. Studie o poselství z Prahy do Moskvy roku 1589 a o jeho významu — Poselství z Prahy do Moskvy roku 1589. Praha, 1974, s. 9 и след.

Таблица 1

Изображения восточноевропейских городов по данным о развитии иконографического творчества, извлеченным из книги Фр. Бахманна*

Страницы книги Фр. Бахманна	Год исполнения рисунка	Место издания	Город	Автор, издатель	Название сочинения	
208—209	1550	Базель	Рига	С. Мюнстер	«Космография»	
322	ок. 1560	Сьена	Москва	Маттео Флорини		
310	1568	без указания	Гродно	Г. Адельхаузер, М. Цюндт	«Комментарии к делам Московским»	
322	1571	Базель	Москва	З. фон Герберштейн		
333	1579	Нюрнберг	Полоцк	Георг Мак		
—	ок. 1605		Вильна	Томаш Маковский		
226	1607		Смоленск	Фр. Хогенберг		«Исторические листы», X
310	1608		Гродно	Альбизнус		
337	1608	без указания	Рига	Г. Келлер		
341	1610		Смоленск	Г. Келлер		
322	1610	Аугсбург	Москва	Лукас Килиан		

* В а с h т м а n n F. Die alten Städtebilder. Leipzig, 1939. Эта работа содержит списки гравюр имеющихся в трудах Шеделя, Мюнстера и Брауна — Хогенберга, Мерiana и книгах картографов XVI и XVII столетий.

листов, в основном после 1600 г., когда Московская Русь привлекала к себе пристальное внимание Европы. Исключения составляют вид Риги, опубликованный в «Космографии» С. Мюнстера, вид Москвы во 2-м издании «Комментариев к делам Московским» Зигмунда фон Герберштейна (1571 г.) и вид Смоленска (1607 г.), изданный в серии Фр. Хогенберга по названию «Исторические листы». «Комментарии к делам Московским» Герберштейна вышли отдельно в 1551, 1571 и 1587 гг., но, кроме того, они также перепечатывались и описывались, например, в трудах Джованни Батисты Рамусия (см. его «Комментарии», т. 2, 1559), Паоло Джовини (*Historiarum libri XLV. Florentiae, 1550—1552*) и Алессандро Гваньини (*Sarmatiae Europae descriptio, Cracovia, 1578*)¹⁰. О творчестве Фр. Хогенберга мы еще скажем дополнительно, когда пойдет речь

¹⁰ Ср.: Cronia A. Op. cit., p. 114, 116, 124, 134, 231. Некоторые бумаги Зигмунда фон Герберштейна имеются в фондах семейного архива Герберштейнов (в государственных областных архивах Литомержице—Житепце и Брно).

о том иконографическом собрании, с которым и связано в первую очередь его имя.

В целом следует все же сказать, что за 60 лет мало было опубликовано изображений восточноевропейских городов, особенно, если учесть, что, несомненно, существовал повышенный интерес к Московской Руси, в первую очередь к периоду правления Бориса Годунова, когда европейский Восток был прямо связан с главными проблемами европейской политики¹¹.

Самым крупным предприятием в иконографическом творчестве Европы XVI в. можно считать составление и издание обширного атласа всех городов известного к тому времени мира. Авторами и издателями были гуманист Георг Браун и гравер-картограф Франс Хогенберг. Их труд известен под титулом *Civitates Orbis Terrarum* — именно так назван первый выпуск 6-томного собрания, издававшегося с 1572 по 1617 г. в Кельне на Рейне. Первый том вышел в 1572 г., второй — в 1575 г., третий — в 1581 г., четвертый — в 1588 г., пятый — около 1598 г., шестой — в 1617 г.¹² Отдельные тома этого атласа многократно переиздавались вплоть до 1624 г., так что ныне известно до 65 изданий некоторых из них. Выпуски *Civitates Orbis Terrarum* имеют формат в лист. В них есть отдельные нумерованные вкладыши форматом в два листа, причем лицевую сторону занимают гравюры городов (обычно одна-две, но иногда и более на одном двойном листе); на обороте же помещен текст, характеризующий историю изображенного города, его состояние на данный момент, а также выдающиеся здания и прочие достопримечательности. Иногда текст дополнен и оценкой экономического и военного значения данного города. В первых изданиях текст латинский, в некоторых позднейших изданиях текст — немецкий или французский.

Все изображения отпечатаны техникой гравюры на меди в черно-белом исполнении, отдельные экземпляры раскрашены от руки. Каждый вид снабжен названием города в декоративной рамке. Рядом с ней, также в декоративном обрамлении, помещена легенда; реже отдельные городские объекты снабжены дополнительными надписями на том или ином участке изображения. Язык надписей и легенды, а также и общего названия мог быть различным. Изображения — особенно столиц и резиденций — украшены в верхней части гербами и другими символами или эмблемами — государя, земли (страны), церкви, данного города. Передний план гравюр в атласе Брауна — Хогенберга часто оживлен фигурными украшениями, которые, с одной стороны, повышают декоративность листа, а с другой — содержат ценную изобразительную информацию о

¹¹ Ср.: *Poselství z Prahy do Moskvy...*, s. 11 и след.

¹² Экземпляр *Civitates Orbis Terrarum*, I—VI, Coloniae, 1572—1617 имеется в книгохранилище замка Олоучо, сигнатура 38 В 359/1—2. Ср. также предисловие Р. А. Скелтона к новому изданию этого атласа: Skelton R. A. Introduction.— In: Braun & Hogenberg. *Civitates Orbis Terrarum*, 1572—1618, vol. I—III, Cleveland, Mirror of the World series, 1966.

трудова́й де́ятельности, оде́жде, пра́вах, уве́селения́х и спосо́бах пе́редви́жения жи́телей да́нной ста́раны ¹³.

Геор́г Брау́н по́сле́дова́тельно приде́ржива́лся принци́па поме́щать в *Civitates Orbis Terrarum* гравю́ры ма́ксима́льно до́стовере́ные и то́чные. Поэто́му граве́ры, рабо́тавшие для это́го изда́ния, бо́льшей ча́стью де́лали ри́сунки пра́мо с на́туры, *in situ*. Та́к, на́пример, те́ррито́рию Сре́дизе́мномо́рья и о́бласть Це́нтра́льной Евра́пы ри́совал бра́бантский худо́жник, миниатю́рист и граве́р Ио́рис Ху́фнагель (1542—1600 гг.), про́ведший по́сле́дние де́сятиле́тия сво́ей жи́зни в Пра́ге и Вене́. Ио́рис Ху́фнагель при́нимал уча́стие в рабо́те над *Civitates Orbis Terrarum* в те́чение 40 ле́т (1561—1600 гг.), и с его́ же эски́зов, вы́сланных в Ке́льн из Пра́ги уже́ сы́ном худо́жника Я́кубом, гото́вили гравю́ры и для по́сле́днего (ше́стого) то́ма ¹⁴. Для те́ррито́рий Ю́жной Приба́лтики и Сканди́навии Брау́н полу́чал эски́зы при по́средстве шле́звиг-го́лшти́нского гу́маниста Т. Ра́нтцау. На те́ррито́рии Се́верной Фран́ции и ча́стично Ни́дерландов рабо́тал карто́граф Я́коб ван Де́вентер ¹⁵.

Сло́жнее бы́ла пробле́ма, кото́рую при́ходилось ре́шать Брау́ну, что́бы полу́чить эски́зы из о́тдаленных зе́мель. В это́м слу́чае он обы́чно че́рез сво́их до́веренных ли́ц привлека́л к рабо́те оте́чественных (неме́цких) граве́ров, и́мена кото́рых ны́не ча́ще всего́ не́известны́, поэ́тому и а́вторство возни́кших та́ким пу́тем гравю́р до́ сих по́р вызы́вает спо́ры. Та́ковы, на́пример, гравю́ры по́льских го́родов.

О́тносительно́ просто́ Брау́н ре́шал пробле́му при́обретения́ гравю́р из са́мых о́тдаленных ме́ст — из Аме́рики, ю́жной ча́сти Аф́рики, А́зии, а та́кже из на́ходившихся вне́ до́сягае́мости его́ граве́ров о́бластей Во́сточной и Се́веро-Во́сточной Евра́пы. В та́ких слу́чаях Брау́н просто́ копи́ровал все́ до́ступные, уже́ опу́бликованные́ иконо́графические́ ма́териалы. Впро́чем, не́ исклю́чено, что́ время́ от вре́мени Брау́н при́бегал и к услу́гам слу́чайных пу́тешестве́нников, побужда́я их до́ставля́ть ему́ эски́зы да́леких ме́тропо́лий, де́ланные́ во вре́мя торго́вых или́ дипло́матических́ по́ездо́к.

Та́к, во вто́ром то́ме *Civitates Orbis Terrarum* Брау́н изда́л ви́ды Москвы́ и Гро́дно; тре́тий то́м со́держит изо́бражения́ Кени́гсберга́ Ри́ги и Ви́льны, в то́ время́ как до́лго о́жидавший изда́ния то́м ше́стой зна́комит чи́тателя́ с ви́дом Льво́ва и с но́вым, изго́товленны́м уже́ с на́туры ви́дом Москвы́. Все́го́ труд Брау́на — Хо́генберга́ предстаете́лю чи́тателю́ 7 изо́бражений 6 го́родов, ны́не значите́льных це́нтров СССР (та́блица 2).

Та́ким о́бразом, 4 из 7 гравю́р я́вно заи́мствованы́ из ра́нных изо́бражений (см. та́блицу 1); 2 гравю́ры рабо́ты не́известных а́второв и ви́д Льво́ва, ве́роятно, взя́ты из а́тласа го́родов Гали́ции.

¹³ Ср. предисло́вие Брау́на к 1-му то́му *Civitates Orbis Terrarum*, S. XIII.

¹⁴ Kozák J.—«Polišenský J. Španělská a česká města v ikonografickém díle Jorise Hoefnagela.—Umění, XXIV/6, 1976, s. 532—535.

¹⁵ Ср.: Skelton R. A. Introduction.—*Civitates Orbis Terrarum*, p. V—XXXVIII.

Таблица 2

Основные данные о 6 изображениях городов (ныне советских)
в *Civitates Orbis Terrarum*

		Год издания	Откуда заимствовано. Автор (издатель) изображения и выходные данные	Орнамент
Москва	II/47	1575	Герберштейн «Комментарии к делам Московским», 1571 г.	богатый
Гродно		1575	Г. Адельхаузер, М. Цюндт, 1568 г.	богатый
Кенигсберг		1581	Неизвестно	бедный
Рига		1581	С. Мюнстер. «Космография». 1550 г.	нет
Вильна	III/59	1581	Неизвестно	бедный
Львов	VI/49	1617	А. Пассароти, Й. Алембек	нет
Москва	VI/54	1617	Лукас Киливи, 1610 г.	бедный

Первое место среди всех этих гравюр принадлежит изображению Москвы, «главного города одноименной страны, вдвое большего, чем Прага Чешская»¹⁶. Гравюра (459×354 мм) украшена гербом Москвы (стилизованном). Собственно представлен — да и то в весьма схематическом виде — только Московский Кремль. Художник подчеркивает его защищенность реками Москвой и Неглинной и, не слишком заботясь о достоверности, обозначает наличие княжеского дворца и 6 храмов. На переднем плане рисунка, не составивши его органических элементов, изображены московский купец, зубр, тур, группа конных лучников, а на реке — сани, лыжники и суда. Объяснения в основном на немецком языке, но они свидетельствуют и о том, что автор знал польский. Как уже было сказано, гравюра неоригинальна: по данным Ф. Бахманна и Р. А. Скелтона, она уже использована в «Комментариях» Герберштейна; ее перепечатка содержится также и в некоторых изданиях сочинения А. Гваньини «*Sarmatiae Europae descriptio*».

Сопроизводительный текст на обороте гравюры «Московия» (*Moscovia*) целиком вынест от «Комментариев» Герберштейна, на которые, кстати, ссылается в заключительной части текста и сам его автор. Он подчеркивает обширность Москвы, громадную численность ее домов (бо ее 41500), роскошь великокняжеских палат в Кремле, здоровый климат — сильные морозы зимой и жара в летнее время.

Сразу же за видом Москвы во втором томе *Civitates Orbis Ter-*

¹⁶ Москвию *Moscovia*, *Urbs* regionalis ejusdem nominis metropolitica, duplo majus, quam *Praga Bohemicae* — *Civitates Orbis Terrarum* II/47 Ср также текст Там же — *Moscovia*

тагит (1575 г.) следует изображение Гродно, тоже неоригинальное, заимствованное из газет-листочков. На гравюре представлена встреча польского короля Сигизмунда Августа с турецкими, татарскими и итальянскими послами (1547 г.) у моста через Неман под Гродно. Гравюра, украшенная эмблемой города, захватывает его силуэт (по другую сторону реки); видны два замка; а также польские (католические) и русские (православные) церкви, королевский дворец и ратуша. Гравюра (485×306 мм) имеет надписи и объяснения исключительно латинские. Таким образом, она предназначена для иного общественного слоя, нежели те рисунки, в истоках которых стояли ганзейские или какие-либо другие купцы¹⁷. Заслуживает внимания сопроводительный латинский текст, содержащий короткий очерк литовской истории, включающий также подробное изложение сведений о попытках Иеронима Пражского (сожжен на костре в Констанце в 1416 г.) искоренить в Литве дохристианские обычаи.

В третьем томе *Civitates Orbis Terrarum* есть 3 гравюры с видами Кенигсберга, Риги и Вильны. Изображения Кенигсберга и Риги помещены на одном листе. Обе гравюры снабжены латинским названием и немецкими пояснениями. Кенигсберг изображен (410×194 мм) в косоугольной проекции, схваченной с воображаемой точки наблюдения, приподнятой над рекой¹⁸. В отличие от предшествующих гравюр, обильно украшенных и орнаментированных фигурными группами, единственное украшение вида Кенигсберга — изображение мужчины и женщины в костюмах богатых горожан. И здесь имеется интереснейший сопроводительный текст, опирающийся на латинскую хроннку Чехии, составленную оломоуцким епископом Дубравцем. По Дубравцу описано основание Кенигсберга чешским королем Пржемыслом Отокаром II в 1254 г., и оломоуцким епископом Бруно (ионом) из Шауэнбурка. В следующем далее историческом очерке обращено внимание на заслуги немецких купцов в развитии города, осуществлявшего посредничество в торговле между Северо-Востоком и Западом Европы.

Вид Риги — «главного города Ливонии» и «торгового центра на реке Двине» — имеет формат 410×163 мм. Город изображен за рекой, в его силуэте выделены замок, церкви — св. Якуба, Петра и Домский собор, а из светских построек видна ратуша. Суда на реке составляют единственное украшение гравюры, заимствованной из «Космографии» Мюнстера (издания 1550 г.)¹⁹. Сопрово-

¹⁷ *Grodna Vera designatio urbis in Liltavia Grodnae — Civitates Orbis Terrarum* III/48. Там же имеется текст — *Grodna*

¹⁸ *Mons Regius Prussiae, sive Borussiae urbs maritima, elegantissima principis sedes — Civitates Orbis Terrarum* III/43 (*Die Fürstliche Haupt Stadt Königsbergk in Preussen*). Название текста: *Mons Regius*

¹⁹ *Riga, percommode ad Daniam amoeni sita, Emporium celebre & Livoniae Metropolis. Riga, die Haupt Stadt in Lifflandt — Civitates Orbis Terrarum*, III/43. Название текста: *Riga*.

тельный текст подчеркивает заслуги ганзейских городов, особенно Бремена, в основании Риги, затем рассказывает о боях рыцарских орденов — меченосцев и тевтонского — с латышами. Но главное внимание обращено на современное экономическое значение Риги, вывозившей хлеб и другие продукты сельского хозяйства в Нидерланды, Англию и Испанию.

На развороте в два листа (общий формат 502×366 мм) изображена столица Литвы Вильна в упрощенном плане²⁰. Выделены оба королевских замка (дворца) — Верхний и Нижний. Пояснения написаны по-немецки, названия на листе — по-латински. Как и на изображениях Кенигсберга и Риги, здесь тоже внимание сосредоточено вокруг королевских резиденций, выделены здания городских и купеческих учреждений. Передний план гравюры украшен двумя рисунками: на одном рисунке — дворянин с супругой, на другом — два крестьянина, с топорами. В целом гравюра представляется малоубедительной. С задачей изображения пространства автор не справился, общее впечатление от рисунка — он слишком плоский. В сущности перед нами план, выполненный неизвестным составителем. Сопроводительный текст написан автором, который явно знал польский язык, но не интересовался историческим развитием Вильны, обрисовывая лишь современную жизнь города и его жителей. Он обратил внимание на пестроту населения, часть которого составляли татары; в Европе того времени татар считали экзотическим народом. Они привлекали всеобщий интерес. В тексте подчеркивается также большое влияние (на жителей) религии, распространенность отдельных вероисповеданий и множества предрассудков, увлечение проповедями и процессами. Жизнь простого люда Вильны, по мнению автора, убога, но большая часть населения этого даже не осознает. Дома простых горожан примитивны в отличие от домов богатых купцов и дворянства. В общем тон текста совпадает с характером отдельных пояснений на лицевой стороне, но и содержит сведения, которых в легенде нет или которым легенда противоречит (например, о наличии или отсутствии в Вильне больниц).

Наконец, в последнем, шестом томе *Civitates Orbis Terrarum* находим две самые обстоятельные по содержанию гравюры. Одна из них посвящена Львову, «первому городу Южной Руси, знаменитейшему центру торговли с Востоком»²¹. По сведениям польских авторов, гравюра является произведением итальянца А. Пассароти и И. Алембека. Она (508×280) богато украшена четырьмя эмблемами (гербами), которые Львов получил от различных государей и папы Сикста V (1586 г.). Общее название, надписи у героев и изображений достопримечательных зданий — сплошь латин-

---

²⁰ *Vilna Lituaniae Metropolis. — Civitates Orbis Terrarum*, III/59. Название текста: *Vilna, Lituaniae Metropolis*.

²¹ *Leopolis, Russiae Australis urba primaria, emporium mercium orientalium celeberrimum — Civitates Orbis Terrarum* VI/49. Название текста: *Leopolis*.

ские. Фигурных украшений нет, зато внутренняя часть города представлена достаточно детально; показаны также окрестные холмы, верхний и нижний замки, католический и православный храмы. Сопроводительный текст опирается на описание путешествия в Константинополь, принадлежащее гуманисту Георгию Доуза. Подчеркнуто торговое значение города, указано на вывоз сукна, продуктов земледелия и предметов роскоши с Востока, не забыто и культурное значение города, где печатались книги трех различных типов (образцов), где находились резиденции католического архиепископа и двух епископов (православного и армянского), где бывали государи и постоянно жили представители сановных семей.

Наконец, последняя гравюра изображает Москву, «столицу всей Белой (так! — *перев.*) Руси»²². Очевидно, издатели чувствовали, что рисунки Москвы, помещенного во втором томе *Civitates Orbis Terrarum* (1575 г.), недостаточно, поэтому в последний том — как и в случае с изображением Праги — включен более правильный вид Москвы. Эта гравюра — копия той, которая опубликована Л. Килианом в 1610 г. Можно утверждать, что его работа была выдающейся. На листе (458×348 мм) художник уместил максимум информации, дополнив данные плана города (Москва изображена как бы с точки наблюдения, расположенной где-то высоко, над нынешними Ленинскими горами) данными легенды. В отличие от рисунков других торговых центров гравюра Москвы снабжена надписями и легендой на латинском языке. Хорошо различимы Царь-город и Китай-город (центр политической и экономической жизни), затем — вторая укрепленная часть столицы — Белый город и, наконец, третья часть, которая здесь именуется Скородумом. Украшения и на этом изображении скромные: две мужские фигуры в кафтанах и стрелец с оружием на плече, а в верхних углах помещены две великокняжеские эмблемы. Латинский сопроводительный текст указывает сверх того еще на Стрелецкую слободу, на численность жителей Кремля (более 20 000), на значение для города английских и нидерландских купцов и на некоторые подробности первых тревожных лет Смутного времени. Текст, опирающийся на сведения Джованни Ботера, заканчивается пожеланием мира многострадальному русскому народу. Таким образом, имеющийся в *Civitates Orbis Terrarum* набор гравюр, посвященных Северо-Восточной и Восточной Европе, и начинается и заканчивается видом Москвы.

Однако мы отнюдь не заканчиваем работу над научным исследованием старой городской иконографии. Настоящая статья — лишь скромная лепта в эту работу, основная часть которой входит в задачи советских ученых, имеющих лучшие возможности

---

²² *Moscovia, urbs metropolis titius Russiae Albae — Civitates Orbis Terrarum VI/54*. Название текста: *Moscovia*.

для анализа западноевропейской иконографии русских и восточно-европейских городов в ее постепенном становлении.

Не случайно в наших (чешских) библиотеках сохранилась серия томов *Civitates Orbis Terrarum*, а в книгохранилище Опоченского замка есть уникальный полный набор всего первого издания этого труда. Не случайно и то, что в легендах и сопроводительном тексте, как уже показано на примерах с изображениями Москвы, Гродно, Кеншигсберга, имеются замечания о чешских землях, сравнения с Прагой, воспоминания о давних связях. Мы знаем, что Иорис Хуфнагель снабжал составителей *Civitates Orbis Terrarum* иконографическим материалом по Восточной Европе, и представляется вероятным, что эту деятельность продолжал его сын Якуб Хуфнагель, который жил и работал в Праге вплоть до Белогорской катастрофы (1620 г.). Если вспомним, что Хогенберг, как и старый Хуфнагель, был беженцем из испанских Нидерландов и что Якуб Хуфнагель в период антигабсбургского сословного восстания 1619—1620 гг. действовал в Праге в качестве дипломатического представителя повстанцев, то мы можем рассматривать предбелогорскую Прагу не только как один из центров поздней культуры ренессанса и средоточие маньеризма, но и как важный пункт связей с Восточной Европой, и особенно с Московской Русью²³. Но это предположение должно еще быть проверено, и в первую очередь объединенными усилиями советских и чехословацких ученых.

*Перевод с чешского
Л. П. Лаптевой.*

---

²³ Skelton R. A. Introduction..., p. XXV, XL; Evans R. J. W. *Rudolf II and His World. A Study in Intellectual History 1576—1612.* Oxford, 1973; Mout M. E. H. *Bohemen en de Nederlanden in de zestiende eeuw.* Leiden, 1975.

●

«ЧЕРТЕЖ ПАЛЬМКВИСТА» И ЕГО МЕСТО В ИСТОРИИ НОВГОРОДСКИХ ФОРТИФИКАЦИЙ

●

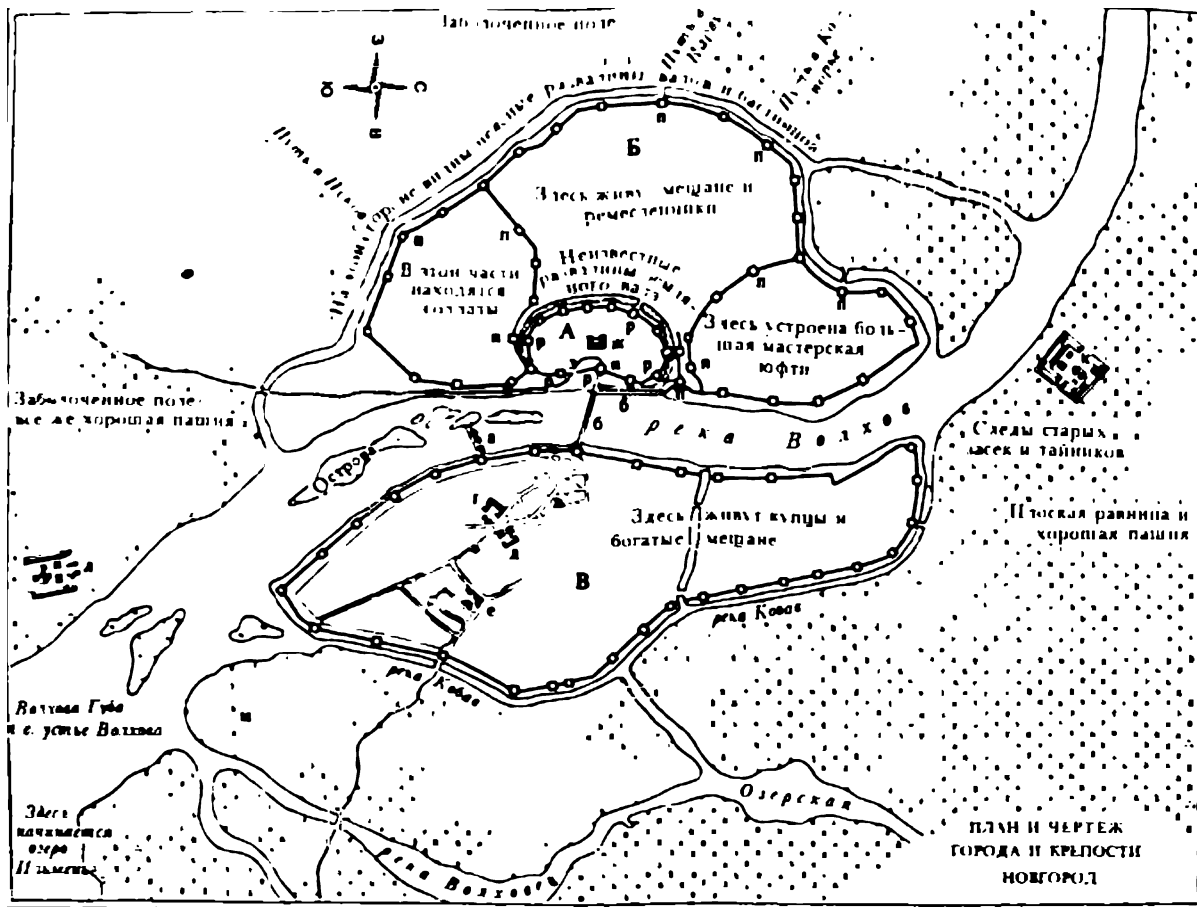
В 1898 г. в Стокгольме был факсимильно опубликован отчет военного агента Эрика Пальмквиста, прикомандированного к шведскому посольству Густава Оксеншерны 1673—1674 гг.¹ В числе документов отчета имеется план Новгорода, перенданный с переводом надписей на русский язык в 1952 г. А. Л. Монгайтом в качестве важного источника по топографии Новгорода 70-х годов XVII в. и особенно его фортификаций, подробно обозначенных на чертеже². Исследователь отметил некоторую неточность плана, вызванную, по его мнению, тем, что «военный агент не имел возможности свободно передвигаться в пределах города». В частности, А. Л. Монгайт обратил внимание на сомнительность существования на Софийской стороне внутренних стен с башнями, разделяющих ее на три части, которые примерно соответствуют концам; однако тут же, касаясь отсутствия на чертеже Пальмквиста укреплений Земляного города, подробно описанных в 1675 г., он допускал возможность, что они при Пальмквисте не существовали, а были восстановлены в 1674 г., после отъезда шведского посольства из Новгорода³.

Таким образом, А. Л. Монгайт воспринимал этот чертеж как результат собственноручной работы Пальмквиста. Между тем сомнительность плана относительно характеризуемого им времени состоит вовсе не в его неточностях, а, напротив, в детальности по-

¹ Palmquist E. Nogle widh sidiste Kongl ambassaden till tzarew es Muskou. Stockholm, 1898.

² См.: Монгайт А. Л. Оборонительные сооружения Новгорода Велико-го — МИА, № 31 М—Л., 1952, с. 40—42, 132.

³ Там же, с. 42.

Прорись чертежа Пальмквиста с переводом надписей на русский язык
(по А. Л. Монгайту)

казаний. Пальмквист находился в Новгороде лишь четыре полных дня, поскольку посольство Оксеншерны прибыло туда 27 ноября, а выехало в Москву уже 1 декабря 1673 г.⁴ Даже при полной свободе передвижения — а ее у Пальмквиста действительно не было — за такой короткий срок невозможно снять и схематического плана большого города. Но ведь на этом чертеже показана гидрографическая ситуация вокруг Новгорода, переданы опорные элементы его окрестностей (Юрьев и Антониев монастыри), дана даже характеристика почв вокруг города, не говоря уже о детальном изображении стен и башен Детиница и Окольного города.

Имеются очевидные противоречия между степенью подробности чертежа и возможностями агента. Так, точное изображение линии Окольного города и его башен на Софийской стороне сопровождается на самом чертеже надписью Пальмквиста: «На этой стороне видны неясные развалины валов и бастионов», а детальное изображение Детиница снабжено в отчете следующим пояснением: «Самая

⁴ См.: Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915, с. 2.

укрепленная часть Новгорода — замок, окруженный прекрасной высокой и чрезвычайно толстой стеной с сухим рвом. Однако ввиду того, что рассмотреть его удалось из близлежащих домов и монастырей, а также удалось подойти к нему на близкое расстояние, то можно предположить, что хорошему солдату не будет стоить большого труда справиться с ним»⁵. На чертеже не показаны улицы и кварталы города, за исключением Славной, Шведского и Любекского дворов, Торга, а также части улиц и переулков, прилегающих к Посольскому двору, и обозначения «объезда, по которому нас провели через замок». Все эти мелкие подробности носят характер кроков, нанесенных самим Пальмквистом, и отражают то немногое, что он мог мерить собственными шагами.

Точность таких личных наблюдений Пальмквиста несомненна и может быть подтверждена другими источниками. Так, более чем очевидно, что военный агент жил в Новгороде на Посольском дворе. Именно отсюда начинаются обозначенные кроками на чертеже его маршруты на Шведский и Любекский дворы, а также на Торг. Под литерой «f» (на воспроизведенной здесь схеме А. Л. Монгайта — под литерой «e») он обозначил «помещение иностранных посольств, недавно выстроенное из камня». Это помещение локализовано им у Славной улицы, в переулке, отходящем от нее на северо-восток. Между тем в Новгородском хронографе при описании пожара 19 июня 1663 г. сообщается, что «в Воскресенском приходе по Большой Славенской улице (сгорели) два двора и Посольской двор»⁶. Церковь Воскресения находилась в Воскресенском переулке, который отходил на северо-восток от Славной улицы, как раз в указанном Пальмквистом месте⁷. Возникшая здесь при введении регулярной планировки в последней четверти XVIII в. улица и сейчас называется Посольской. В 1745 г. архитектор Алексей Рославлев, которому было поручено обследовать «на Торговой каменной ветхой бывшей дворец» и «в Славне улице бывшей старинной посольской каменной двор»⁸, доносил, что «дворец и посольской двор застроены обывательскими дворами, и сколько мерою тех дворов имелось, оного никак познать невозможно, толко на тех дворах имеются одни ветхие каменные полаты и с погребами, в два апартамента, во оных своды обвалились и стены разседались», а «на посольском дворе полаты длинной пять сажень два аршина с половиной, шириной четыре сажени, высотой десять аршин, стены тол-

⁵ Монгайт А. Л. Указ. соч., с. 132.

⁶ Тихомиров М. Н. Новгородский хронограф XVII века. — «Новгородский исторический сборник», вып. 7. Новгород, 1940, с. 102. М. Н. Тихомиров отнес это известие к 1662 г., однако указанный пожар случился в пятницу на первой неделе поста, чему соответствует 19 июня 1663 г. (имеется в виду петровский пост).

⁷ См.: Воробьев А. В. План Новгорода 1762 г. — Новгородский исторический сборник, вып. 9. Новгород, 1959, с. 78—79, вклейка.

⁸ ЦГАДА, ф. 248, д. 3176, л. 152.

стотой один аршин с четвертью»⁹. Очевидно, Посольский двор в указании Пальмквистом месте заново выстроили после пожара 1663 г., то есть к 1673 г. он действительно был новой постройкой

Если в рассмотренной части чертежа его детальность хорошо объяснима, то насыщенность его такими подробностями, которых Пальмквист видеть никак не мог, говорит только об одном: «в распоряжении шведского военного агента имелся какой-то более ранний чертеж Новгорода, который он использовал как подоснову для посильных дополнений. Какой же чертеж он привез с собой?

Логично было бы думать, что такой чертеж относится ко времени шведской оккупации Новгорода 1611—1617 гг. Однако шведский чертеж 1611 г. хорошо известен. Он приложен к отчету Делагарди о взятии Новгорода и существует в двух вариантах — оригинальном (см. вкладыш) и с переводом надписей на французский язык¹⁰. На нем имеется много деталей, вступающих в противоречие с планом Пальмквиста. На шведском чертеже подробно изображен Земляной город с 6-ю бастionsами, которого Пальмквист не знает — поскольку на его месте лишь поместил на плане надпись: «Неизвестные развалины земляного вала». На плане 1611 г. нет береговой линии укрепления Торговой стороны (лишь от Славенской башни до Ярославова дворища обозначен пунктиром какой-то тыл). На чертеже Пальмквиста на всем протяжении волховского берега изображена крепостная стена с 12 башнями. На Софийской стороне план 1611 г. показывает прибрежную крепостную стену лишь на участке от Белой (Алексеевской) башни до Детинца; берег от Детинца до Петровской башни (у Неревского конца) обозначен линией каких-то эскарпов (видимо, земляных укреплений). У Пальмквиста здесь также изображена стена с башнями. Наконец, на плане 1611 г. отсутствуют внутренние стены, разделяющие Софийскую сторону на три замкнутых участка; но они имеются на плане Пальмквиста. Очевидно, что Пальмквист располагал иным чертежом.

Попытаемся определить подоснову плана Пальмквиста другими способами, рассмотрев обстоятельства фортификационных работ в Новгороде XVII в. Прежде всего следует оценить предположение А. Л. Монгайта о том, что в 1674 г., после отъезда Пальмквиста из Новгорода, могли быть произведены фортификационные работы оградившиеся в Описи 1675 г. Для удобства наблюдений можно пока ограничиться историей одного из участков городских укреплений. К примеру, можно взять линию береговых укреплений Торговой стороны между Славенской проезжей башней и Арсеньевым монастырем, поскольку оба пункта хорошо локализируются на современном плане. Остатки Арсеньева монастыря существуют до на-

⁹ Там же, л. 174 об.

¹⁰ См. Арне. Новгород во время шведского владычества по Балтийскому Поморью (1611—1617 гг.).— Труды XV Археологического съезда в Новгороде 1911 г., т. I. М., 1914, с. 533—536, табл. XXVI—XXVII. См. также позднейшее повторение этого плана: Вайнштейн О. Л. Ценные документы по истории СССР в архивах Швеции.— Вестник АН СССР, 1957, № 1.

стоящего времени в виде позднейшей часовни в начале Суворовской улицы, на ее правой стороне, у берега Волхова. Славенская башня стояла на мысу, образованном Волховом и Тарасовцем, то есть на южной оконечности Славенского конца. Расстояние между этими пунктами — 905 м.

По Описи 1675 г., на рассматриваемом участке существовала следующая система. Стена, начинавшаяся у отводного к Волхову быка Славенской башни, тянулась по берегу Волхова на север до проезжих ворот, «что зделаны в городской стены», на 90,5 саж., от этих ворот до Михайловской проезжей башни стена продолжалась на 244,5 саж.; Михайловская башня имела длину 5 саж.; от нее до Арсеньева монастыря было сделано городской стены 80 саж.¹¹ Сложение всех этих цифр дает 420 саж. Очевидно, что здесь употреблена казенная 3-аршинная сажень (216 см × 420 = 907 м).

Между тем план Пальмквиста на том же участке показывает стену с 7-ю башнями. Была ли ситуация 1675 г. результатом перестройки стены в 1674 г.? Или же чертеж Пальмквиста отражает нечто другое? Обращение к более ранней неопубликованной Описи 1667 г. обнаруживает, что система укреплений в ней точно такая же, как и в 1675 г.¹² Более того, сличение текстов этого документа с Описью 1675 г. в интересующем нас месте показывает, что более поздняя опись лишь копировала материалы 1667 г., а не основана на новых, независимых промерах.

Следовательно, во время пребывания Пальмквиста в Новгороде в 1673 г. фортификации (по крайней мере на рассматриваемом участке) имели иной вид, нежели на его плане. Опись 1667 г. не обычный рядовой документ. Она озаглавлена следующим образом: «По указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [п. т.] в прошлых во 173-м и во 174-м и в нынешнем во 175-м годах в Великом Новгороде на Торговой стороне по старому валу зделан деревянный город при боярине и воеводе при князе Василье Григорьевиче Ромадановском и при дьяке Семеше Углетцком. А каков город зделан и сколько того городу мерою и тому книги»¹³. Из Описи 1667 г. становится известно о капитальном ремонте укреплений Окольного города на Торговой стороне в 1665—1667 гг.

Заметим, что этот ремонт на Софийской стороне был произведен 10-ю годами раньше, о чем сообщает «Приходо-расходная книга Новгородской четверти» за 1656 г.: «И в нынешнем во 164-м году февраля в 21 день в грамоте великого государя писано в Великий Новгород к воеводе ко князю Ивану Ондреевичю Голицыну да к дьяку к Василию Шпилькину, а велено олопецкие казны 2986 рублей 20 алтын 3 денгою, что было с Олонца послано ко государю к Москве, держать в Великом Новгороде на городское

¹¹ См.: Монгайт А. Л. Указ. соч., с. 130—131.

¹² ЦГАДА, ф. Боярские и городские книги, № 137, оп. 1, д. 76, лл. 20—22.

¹³ Там же, л. 1.

дело Софийские стороны»¹⁴. О строительстве фортификаций Софийской стороны в 1657 г. известно и из «Указной памяти» Новгородского митрополичьего судного приказа в Деревяницкий монастырь, определившей долю участия монастыря в строительстве 22,5 саж. укреплений на Софийской стороне¹⁵. На Торговой стороне в эти годы никаких работ не велось, о чем можно судить из описки Никиты Зузина 1659 г., отметившего неотложность укрепления Торговой стороны, из-за плохого состояния которой «и на Софийской стороне никакою мерою усидеть нельзя»¹⁶.

О системе укреплений Торговой стороны в период, предшествующий их ремонту в 1665—1667 гг., возможно судить по сметной описи 1649 г. материалов и расходов по исправлению новгородских фортификаций¹⁷. Эта система на интересующем нас участке, согласно указанному документу, выглядит следующим образом.

От Славенской проезжей башни отходит к Волхову короткое прясло длиной в 9 саж. («по пряслу 3 тараса, по 3 сажени тарас»), завершающееся Славенской глухой наугольной башней на берегу Волхова. От этой башни до глухой башни против Арсеньева монастыря идет стена с 7-ю глухими башнями (включая наугольную и ту, что против монастыря). На починку башен требовались 3-саженные бревна, что отражает и их длину по фасаду, равную, таким образом, 3 саж. (для сравнения отметим, что проезжая Славенская башня была 5-саженной). Прясла между 7-ю башнями имеют длину: 66, 71, 60, 61, 98 саж.; расстояние между двумя последними башнями не указано, но на починку прясла нужно было 500 бревен. Это число, однако, ничего не дает, так как расход бревен определялся состоянием стен, а не их длиной. Сложение расстояния от наугольной башни дает 374 саж. Это на 46 саж. меньше расстояния, подсчитанного по Описям 1667 и 1675 гг. Вероятно, 46 саженим и было равно последнее прясло.

Как видим, ситуация, отраженная Описью 1649 г., полностью соответствует данным чертежа Пальмквиста по рассмотренному участку, что дает право говорить об общей ориентации этого чертежа на систему фортификаций, существовавшую до перестройки стены в 1665—1667 гг. Тем самым подтвержден основной тезис о наличии у Пальмквиста какого-то более раннего чертежа, на который он и наносил свои дополнения. Установив, что использованная им подоснова датируется временем до 1665 г., мы должны теперь выяснить, соответствуют ли данным Описи 1649 г. другие участки фортификаций береговой линии на Торговой стороне, изображенные на чертеже Пальмквиста.

¹⁴ Гневущев А. М. Сметы по Новгороду четвертым денежным доходам XVII в.—Труды Московского предварительного комитета по устройству XV Археологического съезда. М., 1911, с. 235.

¹⁵ См. Кадыкин П. Ф., Шляпкин И. А. Летопись и акты новгородского Воскресенского Деревяницкого монастыря. Сиб., 1911, с. 56—57.

¹⁶ Мельникова А. С. Из истории денежного дела в России (документ XVII века).—Советские архивы, 1967, № 3, с. 94.

¹⁷ Дополнения к актам историческим, т. 3. Спб., 1848, с. 163, № 48.

В ходе такого сравнения возникает ряд недоумений. На участке от Арсеньева монастыря до Федоровского ручья чертеж Пальмквиста показывает 3 башни. Между тем Опись 1649 г. знает здесь только 2 башни — глухую Лубяницкую и проезжую Иворовскую. Лишней на чертеже оказывается башня, обозначенная в начале моста через Волхов. К северу от Федоровского ручья на плане Пальмквиста показаны 3 башни, но в документе 1649 г. здесь описаны 4 башни: Федоровская на ручье, Никитская проезжая, Молотковская и Борисоглебская наугольная. Не хватает на чертеже Молотковской башни. В результате отмеченного расхождения возникает вопрос: отражает ли чертеж Пальмквиста ситуацию, возникшую после составления Описи 1649 г., или же мы видим на нем систему фортификаций, изменившуюся к 1649 г.?

В этой связи рассмотрим участок укреплений от Арсеньева монастыря до Федоровского ручья. Как уже отмечено, Опись 1649 г. не знает здесь башни, которая на чертеже Пальмквиста показана в начале Волховского моста. Эта Опись, однако, дает основание утверждать, что в 1649 г. не существовало не только указанной башни, но и примыкающего к ней достаточно протяженного прясла стены. Дело в том, что Опись 1649 г. считает между Лубяницкой глухой башней и глухой башней у Арсеньева монастыря 100 саж. стены (то есть 216 м)¹⁸, тогда как в действительности здесь 410 м. Между тем всего лишь за 5 лет до составления Описи 1649 г. было восстановлено сгоревшее во время пожара прясло стены от Волховского моста до Буяной улицы, то есть в сторону Лубяницкой башни: «Во 152 году, по приказу боярина и воеводы Глеба Ивановича Морозова да дьяка Филипа Арцыбашева, взято в Великом Новгороде у посадских и у всяких людей на городовое дело, по оценке, которая городовая стена выгорела в пожар от Большого мосту до Буяне улицы, и за тот лес за бревна, и плотником от дела, и извозником провозу дано из государевы казны из четвертных доходов 63 рубли 5 алтын»¹⁹. Следовательно, разрыв стены можно локализовать только на участке от Большого моста до Арсеньева монастыря, что соответствует местоположению Гостиного двора с его пристанями.

Сомнительно, чтобы этот участок укрепляли между 1649 и 1665 гг., поскольку ненужность здесь стены была столь очевидной, что в 1665 г. при возобновлении фортификаций Торговой стороны ее не стали строить вообще: «От Арсеньева монастыря до Волховского мосту на 103 саженьях города не делано для того, что от Славенских ворот до Арсеньева монастыря и от Арсеньева монастыря до Волховского мосту река Волхов замерзает с перевозимья на малое время, а во всю зиму не мерзнет. Да и для того, что меж каменного и деревянного городов бои пушечные и пищальные». Тогда же и на том же основании не стали возобновлять и береговую

¹⁸ Дополнения к актам историческим, т. 3, с. 163. В издании документа ошибочно напечатано: 160 сажень.

¹⁹ Там же, с. 169.

стену к югу от Федоровского ручья «А от Никитской улицы вверх реки Волхова до Волховского моста подле реки Волхов на 307 саженях торгу не сделано для того, что меж каменного и деревянного городом бои вышние и нижние»²⁰. Таким образом, в 1665—1667 г. стену не возводили на пространстве в 410 саж (188 м) от Никитской улицы до Арсеньева монастыря.

По описному, изложенная аргументация оказалась в Москве несостоятельной, так как к 1675 г. были проведены дополнительные работы, сведения о которых вынесены в конце Описи 1675 г. «От Арсеньева монастыря до большого Волховского моста 102 сажени, вверх до обламов по 14 венцов А на том прясле верхних и нижних 345 боев вышних, 3 лестницы. Да от Никитской башни до Славковой улицы здельно города 241 сажень, вверх до обламов по 14 венцов, а на том прясле верхних и нижних 550 боев вышних, 4 лестницы»²¹. Сведения о размере дополнительно построенной стены между Никитской башней и Славковой улицей вызывают сильное сомнение: 241 саж равна 520,5 м, но расстояние от Никитской до Славковой улицы по берегу не превышает 250 м. Неопубликованный Опись 1686 г., по видимому, более правильно отражает результат этих дополнительных работ. Пользуясь 40-вершковым саженем (180 см), она описывает участок стены в 111 саж (200 м) от Арсеньева монастыря до богадельни у Большого моста и отмечает, что от Федоровского ручья в сторону Большого моста не хватало 205 саж (369 м) стены «меж винокурных поварен Икромое улицы по берегу мимо улиц Рогатину и Буяну и Лубяишу и Иванскую и торговую бонну до харчевок, что у Большого моста»²². Не было к 1686 г. и Федоровской башни.

Все эти наблюдения позволяют сформулировать вывод о том, что мы ранее не береговой линии фортификаций Торговой стороны — так Пальмквиста не может соответствовать 1619—1665 гг., так как существовал значительный разрыв в укреплениях береговой линии в месте выхода башни у выхода с Волховского моста, а отсюда в более раннее время, нежели 1649 г.

Этот вывод не соответствует известному изображению Нон-де-ла-Планш в 1666 г. Адамом Олеарием²³. На рисунке (рис. 10) (см. рис. на вклейке), эскиз которого был сделан с использованием плана 1649 г., Окружного города Софийской стороны, береговая линия от Федоровского ручья к берегу Волхова, показана не береговой линией, а линией харчевенькой Торговой стороны без каких-либо разрывов и с отсутствием какой-либо башни у выхода с Волховского моста. Без сомнения, эскиз сделан после этого рисунка, получившего окончательный вид спустя долгое время после исполнения эскиза, условно считая, что он не может сомневаться в реальности передачи того,

²⁰ ЦГАДА, ф. 6, от 1, д. 76, лл. 22 об. — 23, 27 об.

²¹ М. Пальмквист, *Т. 3*, табл. 100, с. 131.

²² ЦГАДА, ф. 1, прил. к делу старых лет, № 143, л. 65.

²³ См. Олеарий, А. Описание путешествия в Москву и обратно. СПб. 1906, ил. 121.

что сам Олеарий считал основным, а основным сюжетом его рисунка оказалась как раз береговая линия фортификаций Торговой стороны.

Ванту общен близости рисунка Олеария и изображения береговой стены Торговой стороны на плане Пальмквиста попытаемся выяснить время сооружения покаянной Олеарием фортификации. Документы первой половины XVII в. дают возможность установить, что работы по строительству береговых укреплений Торговой стороны начались за 5 лет до приезда в Новгород Олеария, в 1631 г., когда по царскому требованию были составлены сметы, и предусматривающие возведение фортификаций вокруг Торговой стороны общим протяжением в 2870 городских саженей, из них 1527 саж. по нагорной части и 1343 саж. по берегу.²¹ Поскольку протяженность береговой линии от Славенской башни до Борисоглебской, стоявших на оконечности дуги нагорной части, равна 2510 м, и смета употреблена сажень в 12 вершка (180 см)²². В 1632 г. была осуществлена разверстка в строительстве береговой стены 615 саж. должны были строить крестьяне дворянских сел Новгородского уезда и Занежья, а остальные 728 саж. выводили крестьяне монастырских, патриарших, дворинских и детей боярских вотчин.²³ Из переписки воевод с царем ясно, что основные работы были закончены в 1632 г.

Однако к моменту завершения работ 1632 г. на линии этой стены один достаточно значительный участок береговой полосы, противоположная Торгу, остался неукрепленным. Такое исключение можно сделать из записей прихода расходных книг за 1634 г., когда в неокладные расходы суммы по строительству вощи и пазухоты «на потельку Гостиного двора и на городовое дело Таме, по дороге города и Торговые стороны», да городскому смышляльнику Юст Матсону с людьми.²⁴ В сумме доходов за тот же год «за оклад с лавок и с лавочных мест, которые потешали потельку Гостиного двора и под городскую стену»²⁵.

Таким образом, завершение работ по укреплению береговой линии Торговой стороны относится к 1634 г., а рисунок Олеария отражает состояние только что возведенной фортификации. Это не казалось бы, должен следовать логический вывод о том, что Пальмквиста использует в качестве полевой съемки данных о старых укреплениях 1634—1649 гг. Такой вывод, однако,

²¹ ЦГАДА, ф. 141, ин. 1, л. 20, лл. 13, 14.

²² Проверим это обстоятельство по размерам укрепления высотой 1527 саж. по 180 см дает 2886 м. При первом же делении этой цифры в 2870 м получим сажень (216 см) получаем 1330 саж. Между тем Описи 1649 с. тридцать три каменные сажени, указывает 1319 саж. Разница в 17 саж. не велика. Она составляет ошибку чуть больше 1 %.

²³ ЦГАДА, ф. 141, ин. 1, л. 20, лл. 174—175.

²⁴ Стигшевский Е. Д. Смета государевым царем и великим князем Михаилом Федоровичем всея Руси денежным и всяким четвертым доходом Новгородские четиерти 142 году. — «Труды Московского предварительного комитета по устройству XV Археологического съезда», с. 144.

²⁵ Там же, с. 140.

противоречие с тем, как на чертеже Пальмквиста изображены фортификации Софийской стороны.

Как уже отмечено, на этом чертеже нет Земляного города. Лишь самый северный его участок изображен как некий остаток с двумя придами стены. Между тем в 1634—1649 гг. Земляной город существовал как вновь возведенное сооружение. Он находился в самом плачевном состоянии только до 1631 г., к которому относится следующее его описание «А около, государи, земляного меньшого валу, что около каменного города, по которому городу ставлен острог по мере тысяча трицать восьм сажен бес чети, а около, государи, того земляного валу ров не во многих местех в глубину полуторы сажени, а инде и в сажень нет; а в ширину был осми сажень, а в выих, государи, местех по девети сажень; и от пешних, государи, вод и от дозжен тот ров около валу заплыл и засорился, и около, государи, того рва стрелцы и всякие люди пахали огороды и навозы возили И от того, государи, тот ров заплыл и засорился, а надолб, государи, около рва и во рву частянку не было. А животина ходила беспрестанно. А острог, государи, по тому меньшому валу весь подгнил и во многих местех розвалился. А катков, государи, около острогу нет же и не бывало. Да в том же, государи, в земляном валу в осыпи сделано для боев земляных отводных шесть быков, и в двух, государи, местех около каменного города в осыпи от реки от Волхова с обеих концов от Спаских от водяных ворот до Ношинских ворот, а в другом, государи, месте от Никольских от Розважских ворот до других Розважских ворот, что на Кривой мост, на двусот на трицати саженех около земляных отводных быков ставлен ото рву тыи стоячей трех сажен с четью, а в выих, государи, местех, четырех сажен бес чети. А поверху, государи, на тех отводных земляных быках вместо тарасов выкладено дерном вверх по полусажени, а поверх дерну взрублено для боев толко в четыре бревна И в тех, государи, местех около отводных быков стоячей тыи весь подгнил, а инде и вывалился, и быки в ров поосыпалися, и наверху, где было выкладено дерном, и то во многих местех розвалилось. И взрубы, что рублены, згнили и розвалились»²⁹. Здесь же отмечено, что «в приход воинских людей в том остроге сидеть нельзя потому, что тот острог по осыпи был редко и не крепко, и тарасы землю не засыпаны и не укреплены».

В 1631 г новгородские воеводы получили предписание полностью восстановить Земляной город, и уже в марте 1632 г. основные работы здесь были закончены. «А около, государь, каменного города по меншюи земляной осыпи острожное дело все городовые стены зделаны совсем, оприче кровли. А кровля, государь, не зделана потому, что ныне в Великом Новгороде тесу на кровлю кунити не добыть»³⁰. В 1633 и 1634 гг. завершаются также работы по углублению рва Земляного города. В последующие годы в Земля-

²⁹ ИГАДА, ф. 141, оп. 1, д. 20, лл. 7—8

³⁰ Там же, л. 101

ном городе предпринимается только текущий ремонт, подробные сведения о котором сохранились за 1638—1649 гг.³¹

Следовательно, с 1632 г. Земляной город стал уже таким, каким его знают поздние Описи 1649, 1675, 1676 и 1686 гг., что коренным образом противоречит ситуации, изображенной на плане Пальмквиста. Другое противоречие этого плана состоит в изображении укреплений Окольного города Софийской стороны, которых в 1634—1649 гг. не существовало.

Софийская сторона Новгорода во время шведской оккупации была разорена полностью: «Монастыри и церкви на посаде и в уезде на Софийской стороне розориша и колоколы и наряд весь вывезоша в Немцы и всю Софийскую сторону разориша и дворы пожгоша. Едину же бог сохрани Торговую сторону, что церковь божию не разоришась»³². Известное представление о разгроме Софийской стороны шведами дает опубликованная Опись 1632 г., согласно которой даже спустя 15 лет после оккупации здесь значилось не более 106 жилых дворов³³. В этих условиях работы 1631—1634 гг. Окольного города Софийской стороны, лежащего в развалинах, не коснулись вовсе, только в 1656—1657 гг. эти фортификации были возобновлены впервые по возвращении Новгорода в состав Московского государства. Наглядное представление о состоянии укреплений Окольного города Софийской стороны дают рисунок Олсария 1636 г. и схематический план 1656 г., согласно которому вся линия Окольного города здесь была в полном развале, а из башен сохранились лишь две каменные — Алексеевская и Петровская³⁴.

Так как до 1657 г. Окольного города на Софийской стороне фактически не существовало (разумеется, кроме оплывших валов и двух каменных башен), Опись 1675 г. отражает систему укреплений, возникшую здесь в 1657 г. Сравним ее, снова ограничиваясь береговой линией, с данными чертежа Пальмквиста.

По Описи 1675 г., береговая стена Софийской стороны на участке Гончарского конца включала только Троицкую башню и башню у Лебяжьего озера. Чертеж Пальмквиста показывает здесь 3 башни, в чем абсолютно сходен с планом 1611 г. На участке Неревского конца береговая стена, согласно Описи 1675 г., включала 3 башни: Досланскую, Борковскую и Козмодемьянскую³⁵, то есть на одну меньше, нежели на чертеже Пальмквиста. Как уже отмечено выше,

³¹ Дополнения к актам историческим, т. 3, с. 168—170.

³² ПСРЛ, т. XIV, Сиб., 1910, с. 138.

³³ См.: Воробьев А. В. Некоторые сведения по топографии Новгорода по архивным документам XVII века — Новгородский исторический сборник, вып. 10, Новгород, 1961.

³⁴ См.: Голубиов Н. А. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI—XVII веках и отражение их на русской карте середины XVII века. — Вопросы географии, сб. 20 М., 1950, вклейка.

³⁵ См.: Монгайт А. Л. Указ соч., с. 122, 126. Козмодемьянская башня детально изображена на плане 1695 г. (см. Греков Б. Д. План части Новгорода конца XVII века Л., 1926).

план 1611 г. не знает здесь береговой стены, однако обозначает на ее месте линию эскарпов.

Из сравнения очевидно, что подоснова плана Пальмквиста действительно не может относиться ко времени после 1657 г., когда система береговых укреплений Софийской стороны была иной. Но также очевидно, что она не отражает и более раннюю систему 1634—1656 гг., поскольку в это время берегового острога на Софийской стороне к северу от Детинца и Земляного города не существовало. И тем не менее именно данное противоречие позволяет установить истинную дату использованного Пальмквистом чертежа.

Выше мы показали, что отраженная его чертежом система береговых укреплений Торговой стороны тяготеет к ситуации 30-х годов XVII в. Если это так, правомерно предположение, что Пальмквист использовал не реальный план Новгорода, а проект сооружения новгородских фортификаций, работы по которому были в 30-х годах осуществлены лишь частично. Известно, что весной 1631 г. в Новгороде велась работа по проектированию всех фортификаций, предписанная царскими грамотами 11 и 21 мая 1631 г.³⁶ В этой связи наибольший интерес представляет обозначенная на чертеже Пальмквиста схема внутренних укреплений Софийской стороны.

В ее составе нет Земляного города; лишь остаток его в виде короткой стены сохранен у Неревского конца. Оборона Софийской стороны решена здесь иначе. От кремлевской башни у Житного двора (ныне она именуется Дворцовой) идет стена к Прусской башне Окольного города; на этой стене 4 башни, в числе которых 2 — проезжие. Точно также ближайший к Детинцу участок береговой стены Неревского конца соединен стеной с башней Окольного города. Эта стена, выгораживающая значительную часть Неревского конца, также снабжена 4-мя башнями, из которых 2-проезжие. Такая система, ликвидирующая Земляной город и заменяющая его принципиально иным фортификационным решением, могла существовать лишь в виде предположения, потерявшего цену тогда, когда начались работы по восстановлению Земляного города. А эти работы были предписаны царскими грамотами 21 и 26 июня 1631 г.³⁷

К предшествующим неделям июня действительно относится разработка вариантов укрепления Новгорода, завершенная к 7 июня. В датированной этим числом отписке новгородских воевод говорится: «А на Торговой, государи, стороне, разсмотря, мы, холопи ваши, осыпи и острогу, велели росписать на четыре статьи; по которой, государи, статье на Торговой стороне быти острогу, вы, государи, укажите, по старой ли осыпи, или с убавкою..., и тому роспись и чертеж Великому Новугороду каменному городу и острогу послали к вам...»³⁸.

³⁶ ЦГАДА, ф. 141, оп. 1, д. 20, лл. 1, 4—5

³⁷ Там же, л. 65.

³⁸ Там же, л. 11.

Первый вариант сохраняет предшествующую систему фортификаций: «На Торговой стороне, по 1-й статье, по осыпи, где стоит ныне старый острог, около всего острогу по мере 2870 сажени бес чети. И на той осыпи острог весь подгнил и исшатался, и тарасы гнилы, а ров около той осыпи в глубину 3 сажени с полусаженью; а в иных местах в 4 сажени, а осыпь вверх 3 сажени с полусаженью, а инде 4 сажени; в ширину ров 6 сажени. И по досмотру в том остроге в приход воинских людей сидеть отнюдь немочно для того, что острог занят велик не по людям, и в том остроге многие сады большие и огороды и хмельники и луги и пустые места, а на лугах и по пустым местам пасут животину; и осадных людей в тот острог надобно много. И того большого острогу на Торговой стороне доведетца убавить, а только быти острогу без убавки, и людей осадных надобно много, и в меньшем остроге без прибавочных людей быти немочно».

Вторым вариантом предлагается некоторое сокращение площади острога: «По 2-й статье, только государь [т] укажут того острогу убавить, и по рассмотрению новому острогу быти от реки от Волхова по Федоровскому ручью вверх к земляному валу, и от Федоровского ж ручья по земляному ж валу до Славенских ворот, а от Славенских ворот по берегу реки Волхова до большого моста, и от моста до Федоровского ж ручья. И быти новому острогу по Федоровскому ручью, а ручью Федоровскому быти вместо рва. А ручьи в межень пересыхают, и надобно его почистить. А по мере будет около того нового острогу 2066 сажени бес чети. И убудет перед прежним острогом 74 сажени».

Еще большее уменьшение острога Торговой стороны предусмотрено третьим вариантом: «По 3-й статье, только, государь [т] укажут быти новому острогу, и перед той статьею с убавкою и рассмотрению быти Новому острогу с того ж места, от реки ж от Волхова по Федоровскому ж ручью вверх к земляному ж валу. И от того ручья по земляному валу по Нутнянскую башню, не доходя замного до Славенских ворот. А от Нутнянской башни с вала поворотить Нутнянскою улицею до церкви Филипа апостола. Той ж Нутнянскою улицею через Славенскую улицу к реке к Волхову мимо митрополита сына боярского Михайлова двора Матвеева через государев сад по реку по Волхов против мельницы, что была мельница на реке на Волхове. А от мельницы по берегу реки Волхова до большого моста, и от моста по Федоровской же ручьи. А по мере будет около того острогу 1564 сажени. И только острога ставить по тому месту от реки Волхова по Нутнянской улице до земляного вала и по тому месту ров копать нов на 373 саженах. А дворов по Нутнянской улице под острог и под ров доведетца сломать 15 дворов, а по Федоровскому ручью 26 дворов. А от Федоровского ручья от Нового острогу до Николских ворот до земляного вала останетца за острогом 403 сажени. И в том валу за Федоровским ручьем останутца 2 монастыри девичьих: Михаилецкой да Еуфимьин, да посацких приходных 3 церкви каменных, да посацких и всяких лю-

дей и церковных причетников 193 двора. А до Михаилицкого монастыря от Федоровского ручья сажен со 100, а до иных церквей сажен по 150 и болши. А по другую сторону от Нового ж острогу до Славенских ворот до земляного ж валу 294 сажени, и в том месте останетца 4 церкви каменных, а от нового острога до тех церквей будет до одной 80 сажен, до другой 99 сажен, а до других до двух церквей по 200 сажен и болши. Да посацких и всяких людей дворов по Славне по Путнянскую улицу останетца за острогом 109 дворов. И будет государи укажут ныне острогу убавить, и тем двором и за острогом стоять мочно до времени, до вестен. А сказать им, чтоб они и тех дворов ныне жили, а впредь бы не плошились, селились в новом остроге. И убудет перед прежним острогом по 3 статьи 1306 сажен бес чети».

Четвертый вариант дает добавление к третьему варианту: «Да по роземотру же будет государь [т] укажут. В тот же и Новои острог в осадное время доведетца принять от Федоровского ручья на другую сторону до церкви великомученика Никиты поставити острожок рукавом для того, что та церковь от того Нового острога, от Федоровского ручья только 73 сажени, и за острогом тое церкви для близости в осадное время рукавом не принять нелзе потому, что церковь большая, только ее не принять к острогу, и в осадное время от нее будет теснота большая. А около того прибавочного острожку и с церковью будет 191 сажень, и так будет в осадное время с тое церкви и из нарезу и из ручных пищален острог очищать вдоль по острогу и по рву, по Федоровскому ручью на обе стороны»³⁹.

Естественным развитием последних трех вариантов, оставляющих за стенами проектируемых острогов значительное количество жилых дворов, было предложение переселить их жителей на Софийскую сторону: «А только государь [т] укажут с Торговые стороны двory всяких людей перенести на Софенскую сторону и зделати острог в земляном в большом валу, что около меньшого вала каменного города»⁴⁰.

Если приведенные варианты фортификаций Торговой стороны подтверждают самый факт разработки разных проектов строительства задуманных в 1631 г. укреплений, то сведения о проектах по Софийской стороне представляют для нас самый непосредственный интерес, коль скоро на чертеже Пальчквиста, как мы предположили, и представлен один из таких проектов.

В отношении воевод 7 июня 1631 г. относительно фортификаций Софийской стороны выдвинуто следующее предположение: «А по роземотру доведетца быти острогу от земляного меньшого вала вверх по реке по Волхову до Алексеевские каменные башни, что за Ямскою слободою на Псковской дороге. А по мере от земляного меньшого вала до Алексеевской башни 310 сажен, а от Алексеевские башни по земляному по большому валу до Прусские улицы до проез-

³⁹ ЦАДА, ф. 141, оп. 1, л. 20, лл. 15—21.

⁴⁰ Там же, л. 26.

жих ворот, а от Прусских ворот до башенного места, что была деревянная башня, а по мере от Алексеевские башни по валу до Прусских ворот и до башенного места 453 сажени. А от той башни через старые посацкие дворовые места меж Прусской и Чедюшовской улицы к земляному к меньшему городу до Веденские башни, а по мере от большого вала до меньшего вала 235 сажени. И всего около того нового острогу по мере 798 сажени. А затем того большого вала останетца 1961 сажени, и будет государи укажут сверх того острогу прибавить, и ис того вала острогу прибавити можно, и все осипи занять некоторыми меры незде»⁴¹.

Как видим, общее состояние укреплений Софийской стороны к 1631 г. было таким, что воеводы считали единственно возможным и существующей обстановке не восстанавливать всю линию укреплений, а ограничиться строительством небольшого острога в южной части Софийской стороны, использовав для него частично старую линию укреплений от Детница и Земляного города по берегу Волхова до Алексеевской (Белой) башни и далее до башенного места у Прусских ворот, а затем возвести стену от этой последней точки до Веденской башни Земляного города; все остальное пространство Софийской стороны предполагалось оставить неукрепленным.

Такая линия проектируемого острога во всех деталях совпадает с фортификацией, показанной на плане Пальмквиста в южной части Софийской стороны. Вероятно, еще одним вариантом возможного решения могло быть альтернативное предложение о сооружении подобного острога в северной части Софийской стороны, отвергнутое воеводами к моменту составления отписки 7 июня. Таким образом, ситуация Софийской стороны на чертеже Пальмквиста является не генеральным планом сооружения фортификаций, а сводным обозначением вариантов, включающим восстановление Окольного города по его традиционным линиям, а также альтернативные предложения о возможных путях сокращения площади острога.

Это более ранний этап проектирования, нежели тот, что отражен отпиской от 7 июня. На чертеже, отосланном в Москву при этой отписке, на Софийской стороне уже не было проектируемого острога в северной части Окольного города, зато на нем должен был отразиться свод всех четырех вариантов укреплений Торговой стороны, чего нет на плане Пальмквиста. Но если окончательный чертеж был отослан в Москву, то ранние варианты планов должны были остаться в Новгороде.

Все предложения новгородских воевод о сокращении фортификаций были отвергнуты уже в конце июня 1631 г., когда из Москвы было предписано: «Город на Софенской и Торговой сторонах делать так, как он был, без изменения и убавок»⁴². Практическое осуществление этого указа повлекло строительство Земляного и Окольного городов на Торговой стороне. Окольный город Софий-

⁴¹ Там же, лл. 26—28.

⁴² ЦГАДА, ф. 141, оп. 1, д. 20, л. 37 и сл.

ской стороны, как уже отмечалось, оставался в развале до 1656—1657 г., очевидно, из-за запустения этой части города.

Коль скоро царский указ требует строить город, «как он был», наши наблюдения ведут к мысли об адекватности предписанного проекта плану городских фортификаций, существовавших до 1631 г. Это касается, в частности, и береговых укреплений Торговой стороны, впервые построенных, таким образом, не в 1632 г., а в более раннее время. В самом деле, в отписке новгородских воевод от 27 июня 1632 г. сообщается: «И мы, холопи твои, на Торговой стороне рисовали новый город делать по земляной по всей осыпи от реки от Волхова от Славенских ворот до Федоровского ручья, а от Федоровского, государь, ручья до Борисоглебской башни до реки же Волхова на тысяче на трехсот на семидесяти трех сажнях по тому месту, где стоял старон острог. И тот, государь, новый город на Торговой стороне по земляной осыпи обложили июня в 24 день. А делают, государь, город по всей осыпи наемные посошные люди, а чяят, государь, что отделают тот город по земляной осыпи со всем к Семену дню. ...А за тем, государь, осталось того городского дела, где стоит старон острог подле реки Волхова по берегу от Славенских ворот до Борисоглебской башни тысяча триста сорок три сажени. И на тех, государь, местех от реки Волхова ныне города делать нечем, покаместа, государь, плотники отделаютца от того дела, что ныне делают город от реки Волхова по осыпи»⁴⁴. Тем же словами о том, что строительство береговой линии на месте старого острога еще не начато, говорится и в отписке 23 сентября 1632 г.⁴⁵, а в отписке, пришедшей в Москву 17 мая 1633 г., сообщается: «Да на Торговой, государь, стороне подле реки Волхова деревянного города не делано же»⁴⁶.

Мы видим, что и до 1632 г. существовала береговая линия укреплений Торговой стороны на всем протяжении 1343 сажень. О наличии до 1632 г. береговой линии укреплений на Софийской стороне можно судить на основании анализа тех цифр, которые фигурируют в проектных предложениях, касающихся Софийской стороны. В самом деле, общая протяженность линии Окольного города здесь с включением ее береговых участков хорошо известна по Описи 1675 г.: «И всего большого деревянного города з башнями по мере 2105 сажень без четверти»⁴⁷. Как уже отмечено, этот документ пользуется казенной 3-аршинной саженью в 216 см. Следовательно, стена Окольного города, начинавшаяся у Новинских ворот Земляного города и заканчивавшаяся у Розважских его ворот, имела протяженность в 4546 м. В проектных предложениях 1631 г. фигурируют следующие цифры: «От земляного меньшого вала вверх по реке по Волхову до Алексеевские каменные башни... 310 сажень»;

⁴⁴ ИГАДА, ф. 141, сл. 1, л. 20, л. 160.

⁴⁵ Там же, л. 174.

⁴⁶ Там же, л. 206.

⁴⁷ М. С. Гайт А. Л. Указ соч., с. 126.

от нее «до Прусских ворот и до башенного места 453 сажени». В сумме эти две величины дают 763 саж. «А затем того большого валу останется 1961 сажени». Всего, таким образом, в подлежащем восстановлению Окольном городе Софийской стороны должно быть 2724 саж. Поскольку в 1632 г. использовалась 40-вершковая сажень (180 см), перевод на метры дает здесь 4903 м, что представляется невероятным. Ошибка подсчета обнаруживается довольно легко. Определяя протяженность стен проектируемого острожка, авторы описки складывают 453, 310 и 235 саж., получив в результате 798 саж., тогда как действительный итог равен здесь 998 саж. Одна ошибка порождает другую. Желая установить протяженность стен, которые, по мнению воевод, восстанавливать не следует, из общей цифры, известной восводам, было вычтено на 200 саж. меньше, чем требовалось. Если наши наблюдения правильны, истинная длина восстанавливаемой линии равна не 1961, а 1761 саж. В таком случае общая протяженность стен Окольного города Софийской стороны, существовавшего до 1632 г., должна равняться не 2724, а 2524 саж. Проверим наше предположение переводом последней цифры на современные меры. 2524 40-вершковых сажень равны 4543 м. Как видим, эта цифра тождественна той, которая получена по данным Описи 1675 г. (4546 м). Значит, и до 1632 г. старый острог на Софийской стороне включал в свой состав не только укрепления нагорной части, но и береговые стены на всех тех участках, где их строили в середине XVII в.

Такой вывод не вызывает сомнений. Однако он вступает в очевидное противоречие с показаниями шведского плана 1611 г. Напомним, что там береговая линия Софийской стороны изображена в виде стены с башнями только к югу от Детинца, а к северу от него она имеет вид системы эскарпов. Что касается береговой линии Торговой стороны, то ее на плане 1611 г. нет вовсе, если не считать тына в южной части волховского побережья.

Опираясь на эти данные, следовало бы настаивать на том, что отсутствующие на плане 1611 г. укрепления были построены или шведами в 1611—1617 гг., или же новгородцами сразу после Столбовского мира.

Какие-то фортификационные работы в Новгороде производили и при шведах, но они коснулись лишь Детинца и Земляного города. В грамоте 21 мая 1631 г. говорится: «И ныне нам боярин наш князь Дмитрей Михайлович Пожарский в допросе сказал: около каменного де города на Софийской стороне, что делал Яков Пунстосов, насыпь крепка и ров добр и к осадному сильнее то место крепко. Только по той насыпи острог худ. А на Торговой, де, стороне острог и ров худ же и к осадному сильнее ненадежно»⁴⁷ Какие-то работы над укреплениями вели и в первой половине 20-х годов XVII в. при воеводе князе Иване Ивановиче Одоевском. В сентябре 1629 г. отправленная в Новгород царская грамота тре-

⁴⁷ ЦГАДА, ф. 141, оп. 1, д. 20, л. 3.

была сведения о том, сколько в Новгороде «зделано города и всяких городовых крепостей и сколько чего недоделано и о том о всем писать»⁵⁵. Однако и эти работы вели главным образом в Детинеце. Если бы береговые стены Софийской и Торговой сторон были выстроены после 1611 г., то к 1631 г. еще не могло бы возникнуть столь острой потребности в тотальном обновлении всех новгородских фортификаций, катастрофическое состояние которых отражено описками 1631—1632 гг.

Теперь нужно рассмотреть вопрос о времени первоначального сооружения береговых линий Окольного города на Торговой и Софийской сторонах, чтобы выяснить, существовали ли они до 1611 г.

Начало строительства береговой линии укреплений Софийской стороны относится к 80-м годам XVI в. и составляет часть проекта сооружения Земляного города⁵⁶. В этом легко убедиться, анализируя материалы писцовой книги М. Аксакова 1582—1584 гг. В числе дворянских мест, «отведенных под Земляной город», в ней называются 7 мест на Рядитинне улице и 5 мест «и с приустьем» на Лукинне улице. Дворы на Рядитинне улице никак не локализованы. Что же касается Лукинной улицы, то отведенные под Земляной город участки тяготеют к берегу Волхова, но отделены от него двором Неудачи Цыплятева, который только что был расширен до 420 кв. саж. включением в него четырех соседних пустых мест. Огнев шпронул и хозяйство Цыплятева: на двух «приустьенных под Земляной город» местах отмечен «иа них прудец Неудачи Цыплятева»⁵⁷.

Между тем и Рядитинна, и Лукинна улицы достаточно далеко отстоят от Земляного города. «Роспись Софийской стороны» 1632 г. указывает «Да от Земляного ж от Меньшого валу от Цонических ворот Цонической ямскою слободою по улице через Черницыну улицу до Рядитинны улицы до каменного храма Троицы жнионачальнае 72 сажени»⁵⁸. Лукинна улица вызывалась по стоящей на ней церкви Луки, но от Троицкой церкви до церкви Воздвижения «тою же Ямскою слободою» 42 саж., а от последней до церкви Луки «Ямскою улицею» еще 31 саж.⁵⁹ Таким образом, от Земляного города до Лукинной улицы было не меньше 310 саж. Иными словами, отведенные под Земляной город участки на Рядитинне и Лукинной улицах находились вне Земляного города. Более того, от Лукинной улицы было гораздо ближе к Окольному городу. Та же «Роспись» 1632 г. указывает расстояние от церкви Луки до него: «А от Луки евангелиста до Алексеевские до круглые баини до Большого земляного валу тою ж Ямскою улицею пустых мест 100 сажени»⁶⁰.

⁵⁵ ЦАДА, ф. Разрядного приказа, № 210, стб. 27, столбик 5, лл. 50—59.

⁵⁶ Строительство собственно Земляного города относится к 1582 г. (Исходские деловые, вып. 2, М., 1955, с. 263).

⁵⁷ Майков В. В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. Спб., 1911, с. 181, 186, 189—191.

⁵⁸ Воробьев А. В. Указ. соч., с. 239.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

Такое противоречие может быть разъяснено только одним способом. При проектировании Земляного города в начале 80-х годов XVI в. было решено соединить его южный Новинский бок с крайним южным участком вала Окольного города на Софийской стороне у Алексеевской балки, прикрыв, таким образом, Гончарский конец со стороны Волхова. Эта стена, под которую не насыпали вал⁵⁴, показана на шведском чертеже 1611 г. с 3-мя башнями. Такую же стену с 3-мя башнями мы видим и на плане Пальмквиста.

К северу от Земляного города, на побережье Неревского конца, писцовая книга Л. Аксакова не знает каких-либо фортификаций, в чем легко убедиться из описаний Дослави и Борковой (сведения о других улицах этого района в книге не сохранились), которые начинаются от Волхова; застройка этих улиц упирается в Деревянный город только на противоположных их концах, у вала Окольного города⁵⁵. Нет в писцовой книге и отводов под фортификации, подобных тем, какие были произведены на Лукини и Рядитине улицах. Однако план 1611 г. показывает здесь какую-то линию земляных укреплений. Следовательно, мероприятия 80-х годов XVI в. по укреплению берега Софийской стороны продолжались и после составления писцовой книги Л. Аксакова.

Окончательно убеждают в этом материалы Разрядных книг. В 1584 г. из описки были отпращены «для городового дела в Новгород князь Иван князь Семенов сын Лобанов да Остафей Пушкин»⁵⁶. В 1585 г. приказано «город в Новгороде делати Софейская сторона боярину Федору Васильевичу Шереметеву да князю Петру Лобанову; а Торговая сторона окольным Ивану Михайловичу Бутурлину да князю Ивану Елецкому»⁵⁷. Тогда же между боярами возник местнический спор. Бутурлин возмущался своей долей порученного ему дела и из-за того, что «во всех росписях Софейская сторона нмянуется болши Торговой стороны». В результате было решено «нагородское городовое дело делати воеводе князю Данилу Андреевичу да боярину Федору Васильевичу Шереметеву с товарищи всем вместе обе половины города на обеих сторонах, на Софейской и на Торговой, и промышлять городовым делом всем сопча по прежнему государеву наказу»⁵⁸. В 1586 г. вспыхнул новый местнический спор, между новыми воеводами князем Федором Михайловичем Трубецким, Даниилом Андреевичем Нохтевым, князем Василием Ивановичем Ростовским и князем Иваном Михайловичем Елецким, которым в конце концов царь указал «не дуровать»⁵⁹.

⁵⁴ В «Росписи Софийской стороны» 1632 г. говорится: «И от Меньшого от земляного вала вверх по реке по Волхову по берегу земляного вала нет» (Воробьев Л. В. Указ. соч., с. 239).

⁵⁵ См.: Майков В. В. Указ. соч., с. 4, 8, 21, 33.

⁵⁶ Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966, с. 346.

⁵⁷ Там же, с. 356.

⁵⁸ Там же, с. 357.

⁵⁹ Там же, с. 374—376.

Таким образом, по завершении работ на Земляном городе, с 1584 г. ведется и строительство Окольного города на обоих берегах Волхова. Однако включила ли новая фортификация в свой состав и береговые линии? Ответить на этот вопрос позволяет обращение к материалам по Торговой стороне.

В 1570 г. дворы, стоявшие у берега Волхова в начале Иванской улицы (недалеко от выхода на Торговую сторону Волховского моста) были отведены под Тверской гостинный двор, что подтверждается и писцовой книгой Л. Аксакова 1581—1582 гг.⁶⁰ Однако в писцовой книге Федора Мешерского 1586 г. сообщается: «А те все дворовые места подойдут под новую городовую меру»⁶¹. По той же книге подобные отводы были сделаны в начале Иворовой (2 двора), Славковой (2 двора), Коржевой (1 двор) улиц, то есть на волховском побережье от Великого моста до Федоровского ручья. Кроме того, к северу от ручья в начале Федоровской улицы было отведено «под новую городовую меру» 8 пустых дворовых мест⁶². К сожалению, в писцовой книге 1586 г. не описаны улицы, расположенные севернее Федоровской, но и приведенные данные показывают, что в систему укреплений 1584—1586 гг. здесь включена и береговая линия.

По-видимому, восходы «дуровали» еще не менее 6 лет. 3 июля 1592 г. датируется поручная запись об охотниках Алексеевской слободы, которые подрядились доставить из вотчины Вяжицкого монастыря 1298 3-саженных бревен, 21 6-саженное бревно, 97 5-саженных бревен и 84 4-саженных бревна, «и высекши им тот лес, оставити в Великом Новгороде исполна у государева городового дела безсрочно»⁶³.

Надо полагать, что отводы середины 80-х годов XVI в. были реализованы, береговые стены построены тогда же или в начале 90-х годов, а отсутствие их на плане 1611 г. объясняется тем, что в моменту шведской осады они находились в полном развале на Торговой стороне и в виде заметных остатков на Софийской, что и видно на этом плане чертёжом. Следует принять во внимание, что береговые стены стояли не на валах и были особенно уязвимы во время осады.

Следует также сказать о береговом типе, обозначенном на плане 1611 г. в южной части Славянского коша. Он начинается у Славянской башни, на протяжении нескольких метров идет по берегу Торгового Волхова и тянется по берегу Волхова, не выходя далеко до Арсеньева монастыря. Был ли этот тип городовых укреплений? На такой вопрос можно ответить только отрицательно. Дело в том, что писцовая книга Л. Аксакова и «Лавочные книги» 1583 г. не дают указаний на указанный участок Государева двор и сад.

⁶⁰ См. Матков В. В. Указ. соч., с. 222.

⁶¹ Греков В. Д. Опись Торговой стороны в писцовой книге по Новгороду Великому XVI века. СПб. 1912, с. 12.

⁶² См. Греков В. Д. Опись Торговой стороны, с. 36, 40, 44, 57, 70, 75.

⁶³ Русская историческая библиотека, т. XXXII, Архив П. М. Строева, т. I. Пг. 1915, стр. 681—683, № 354.

планировка которых началась в 1570 г., но особый размах она приобретала в 80-е годы XVI в. Анализ письменных данных позволил А. Н. Семенову заключить, что «весь берег Волхова от Ярославова дворища до Великого Костра (башни деревянного города у Волхова) и вглубь до Славенской улицы был отведен под Государев двор»⁶⁴. Показанный на плане 1611 г. тыл, скорее всего, и следует квалифицировать как ограду Государевых двора и сада, поставленных взамен неуцелевших фортификаций.

Наличие отводов под береговые стены в писцовых книгах 80-х годов XVI в. свидетельствует о том, что тогда эти стены строили впервые. В серии публикаций С. Н. Орлова изложено его представление о более ранней датировке этих фортификаций. Полностью игнорируя показания писцовых книг, он неходит из мысли, что «определенных сведений о времени сооружения оборонительной стены Окольного города по обоим берегам Волхова нет», «дату возникновения деревянной оборонительной стены вдоль реки Волхова без археологических исследований решить невозможно, но в XV в. она уже существовала»⁶⁵. В последнее время тот же автор считает возможным относить эту стену даже к концу XII в., хотя археологических исследований и не проводилось⁶⁶.

Оставим XII в. на совести С. Н. Орлова и рассмотрим его аргументацию в пользу XV в. «Определенные сведения, — пишет он, — о наличии оборонительной стены вокруг Софийской стороны имеются в летописи под 1493 г., где подробно описан весь путь вокруг внешней оборонительной линии в связи с крестным ходом. Лягрия «города», т. е. укреплений, начиналась к югу от кремля, шла вдоль рукава Волхова к Алексеевской церкви, т. е. к тому месту, где позднее построили Белую (или Алексеевскую) башню...»⁶⁷. Летописный рассказ о крестном ходе 1499 г.⁶⁸ не дает, однако, никаких «определенных сведений» по интересующему нас предмету. Архиепископ Геннадий, «дошед до Образа да пошел в левую руку на реку, да рекою пошел в Горничарской коньей, к Олехею слятому к деревенной церкви». На заключительном участке своего движения он «от Петровского мосту пошел к реке и шел берегом до Яневы улицы, и пришел к Яневе улицю, да зашел на то место пошел к Новому мосту»⁶⁹. Ни о каких стенах здесь нет сведений. В кольцо маршрута крестного хода, кстати, зашла и Янева ст.

⁶⁴ Семенов А. Н. Древняя топография южной части Славенского конца Новгорода. — Новгородский исторический сборник, 1963, № 1, с. 25.

⁶⁵ Орлов С. Н. К топографии и истории оборонительных сооружений древнего Новгорода. Ученые записки Новгородского педагогического института, 1965, № 1, с. 24—25.

⁶⁶ См.: Мавродин В. В., Орлов С. Н. К вопросу об «Устье» князя Ярослава «о мостех». — СА, 1975, № 2, с. 93, рис. 2.

⁶⁷ Орлов С. Н., Орлов А. В. Оборонительные укрепления древнего Новгорода. Новгород, 1959, с. 38.

⁶⁸ Об истинной дате крестного хода, который был не в 1493 г. а в 1499 г., см. Янин В. Л. О продолжительности строительства Новгородского кремля конца XV в. — СА, 1978, № 1.

⁶⁹ Новгородские летописи. Сиб., 1879, с. 62—63.

стеной Окольного города, в частности у Духова, Зверина и Николо-Бельского монастырей.

Второй аргумент С. Н. Орлова — ссылка на летописное описание пожара Софийской стороны в 1472 г.: «Топ же осени, септября 9, на Яневе улицы загорися, и погоре побережье все и за Дашьславлю улицу, а городней стене погоре от берега полтора прясла, и Гребельской мосток весь выгоре, и гребля вся и до Великого мосту, и 3 церкви огоре: святын Владимир и святын Дмитрии на Дашьславлю улицы и святын Кирил предил у святого Дмитриа»⁷⁰. С. Н. Орлов толкует это сообщение таким образом, что во время пожара 1472 г. якобы сгорело полтора прясла стены между Яневой и Дослапей улицами на берегу Волхова⁷¹. Но летописное сообщение говорит совсем о другом. Пожар, начавшийся на побережье у Яневой улицы, распространился отсюда на север за Дашьславлю улицу и на юг до Великого моста. Побережье между этими пунктами выгорело все. Далее пожар захватил и (вне побережья) северный участок Неревского конца, где находилась церковь Дмитрия, стоявшая у вала Окольного города, линия которого расположена здесь перпендикулярно к береговой линии Волхова. Именно здесь, надо полагать, и «погоре от берега полтора прясла» городской стены. Как видим, оба привлеченных С. Н. Орловым свидетельства в пользу XV в. не содержат оснований для столь ранней даты береговых стен. В подтверждение того, что они появились позднее, сошлемся на того же С. Н. Орлова: «Из летописи известно, что 1478 г. новгородцы ремонтировали стены вокруг города и через Волхов»⁷². Это сообщение позволяет предположить, что тогда еще оборонительной стены от Волхова не было»⁷³.

Не строили береговые стены и в первой половине XVI в. В 1502 г. «повелением великого князя Иоанна Васильевича всеа России поставлен бысть деревяный Великий Новгород по старому спу и стрельницы деревянные, а старые каменные разбили»⁷⁴. В 1504 г. «свершиша городу рубление, и оу стрельниц оу всех примостики изнарядиша, и ворота иззамкнуша, и сторожи оуставиша су всех стрельниц»⁷⁵. В 1508 г. в большой пожар «погоре стена городная от Славна и до Щитной улицы»⁷⁶, а в 1526 г. «стены выгоре 4 прясла» на Софийской стороне; поскольку тогда горели и церкви Луки и Воздвиженья, стоявшие в непосредственной близости к валу Окольного города, надо полагать, что речь идет о пожаре прясел около этих церквей⁷⁷.

⁷⁰ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, Л., 1925, с. 449.

⁷¹ См. Орлов С. Н., Воробьев А. В. Указ. соч., с. 38.

⁷² ПСРЛ, т. VI, СПб., 1853, с. 211.

⁷³ Орлов С. Н. К топографии и истории оборонительных сооружений древнего Новгорода, с. 25.

⁷⁴ ПСРЛ, т. XII, СПб., 1901, с. 266; см. также ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 3, Л., 1929, с. 610—611.

⁷⁵ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 3, с. 611.

⁷⁶ Там же, с. 612.

⁷⁷ Там же, с. 542, 613.

В 1534 г. «заложиша стену древяну на Софенской стороне по старому месту»⁷⁸. Отсутствие береговой стены в это время документировано изображением на иконе «Видение хутынского пономаря Тарасия» (из собрания Русского музея), в основу которого положен рассказ о пожаре 1508 г.⁷⁹ Следует обратить особое внимание на местоположение построенных в XVI в. каменных Алексеевской и Петровской башен. Только эти башни в Окольном городе на протяжении всего московского времени выстроены из камня. Но ведь они замыкают с двух сторон всю ту систему острога Софийской стороны, которая существовала до возведения береговых стен.

В 1537 г. «повелеша город ставити на Торговой стороне, понеже опосле великого пожара поставлен город толко на Софенской стороне, а на Торговой не поставлен, и на Торговой стороне повелеша город поставити вьскоре же, како бы можно от ратных боронитися; и поставиша город все градом, опрично волостен, в пять дней, во человек стоящъ в высоту, около всей стороны»⁸⁰. Это сообщение подтверждает, что в пожар 1508 г. горела именно стена на валу, коль скоро Торговая сторона оказалась совершенно беззащитной и потребовались оперативные полумеры по восстановлению ее фортификаций.

О каких-либо работах по укреплению Окольного города между 1537 и 1582 гг. источники не сообщают. Если береговые стены, построенные во второй половине 80-х и первой половине 90-х годов, были утрачены к моменту шведского нападения, то легко объясняется и загадочная, на первый взгляд, деталь плана 1611 г. На нем в северной части Новгорода стены Окольного города соединены условной линией через Волхов, посреди которого обозначена плавучая (?) башня. По-видимому, при приближении шведов было решено использовать уже примененный в 1478 г. способ наиболее оперативной и простейшей защиты города от нападения с кораблей.

Таким образом, возможно назвать этапы строительства и капитального ремонта деревянных укреплений Новгорода в московское время.

1502—1504 гг. — строительство стен и башен Окольного города на линии древнего вала Софийской и Торговой сторон.

1534 г. — строительство Окольного города на Софийской стороне «по старому месту».

1537 г. — строительство Окольного города Торговой стороны, сгоревшего в 1508 г.

1582—1584 гг. — строительство Земляного города и береговой стены на Софийской стороне от Земляного города до Алексеевской башни.

⁷⁸ Там же, с. 615; ср.: там же, с. 567.

⁷⁹ См.: Порфиридов Н. Г. Два сюжета древнерусской живописи и их отношение к литературной основе.—Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР, т. XXII. М.—Л., 1966, рис. 2.

⁸⁰ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 3, с. 577.

1584—1592(?) гг. — строительство Окольного города и сторонах Волхова, в том числе и впервые береговых линий вой стороны и Неревского конца на Софийской стороне.

1631—1634 гг. — разработка вариантов восстановления городских укреплений; решение восстанавливать острог «как он был, без изменения и убавок»; восстановление Земляного города и Окольного города на Торговой стороне.

1656—1657 гг. — строительство Окольного города на Софийской стороне.

1665—1667 гг. — строительство Окольного города на Торговой стороне.

Системы 1656—1657 гг. и 1665—1667 гг. постепенно приходили в упадок, и после практически неосуществленной попытки восстановления городских укреплений в 1681—1682 гг. их ремонт был запрещен в 1692 г., а в 1701 г. все деревянные стены и башни были разобраны⁸¹.

Нач остается обсудить еще, каким образом проектный чертеж 1631 г. оказался в распоряжении шведского правительства, а спустя 42 года послужил основой для занесения на него разведывательных данных военного агента шведов. Разгадка кроется в обстоятельствах фортификационных работ 1632—1634 гг.

В марте 1632 г. для активизации работ по восстановлению укреплений из Москвы в Новгород была прислана группа иноземных мастеров с «городовым смышленником» Юстом Матсоном во главе: «А как к вам сия наша грамота придет, а городской смышленник Юстьмонсон в Великий Новгород придет, и вы б тот ров, что около меншово земленова валу велели ему досмотрить, как тот ров и всякие у рва крепости по ево Юстьмасонову вымыслу надобно делать. И как он того рву и иных крепостей досмотрит, и вы б тот его досмотр и вымысел велели написать имянно, и велели тот ров и иные крепости у рву поделать, как вымыслит городовон вымышленник Юстьматсон. И как ров и всякие крепости учнут делать, и вы б того городового смышленника Юстмансона послали из Великого Новгорода во Псков с кем пригоже для дела... А велели ему Юстьмансону и людям ево давать из наших из новгородских из четвертных доходов, да вы ему Юстмансону по десять алтын, а людям ево трем человеком по шти денег на день, да питья ему Юстмансону по четыре чарки вина, по четыре крушки меду, по четыре крушки пива на день»⁸².

В отписке новгородских воевод 27 июня 1632 г. описываются действия Юста Матсона, который, дав «новую черту» Земляному городу, велел расширить и углубить его ров, укрепил его стоячим тыном. Воеводы не без юмора сообщают: «А болши, государь, того иного Матсовского Юстмансонова вымыслу у того рва по ся места нет никакова. А что, государь, впредь у него какво вымыслу объ-

⁸¹ См. Орлов С. Н., Воробьев А. В. Указ. соч., с. 44—45.

⁸² ЦГАДА, ф. 141, оп. 1, д. 20, лл. 109—112.

вится, и о том, государь, к тебе, ко государю, мы, холопи твои, отпишем». Однако вслед за этим в отписке излагаются более чем странные распоряжения Матсона по осуществлению его «вымысла»: «А землю, государь, ис того рва смышленник Юстьмансон велел розпашивать по огородным и пустым местам. А вал, государь, земляной в ыших местех был неровен, и мы, холопи твои, велели те места, где был вал земляной неровен, выровнять тою землею, что послали изо рва»⁸³.

Кроме того, «смышленник» распорядился сыпать землю из рва на берег Волхова у Розважи улицы, то есть в непосредственной близости к Земляному городу, в результате чего образовался столь высокий холм, что «в приход воинских людей тут за курганом упрятатца будет многим людям мочно и не одной тысяче, от того кургана теснота будет великая для того, что тот курган стал против земляного вала у самого рва»⁸⁴. «Да по другую, государь, сторону Земляного ж города от Новинки от реки ж Волхова против городского земляного быка берег от Земляного города к реке к Волхову поперег семнадцать сажен. И городовои, государь, смышленник велел был изо рва на тот берег против города так же землю сыпать. И мы, холопи твои, земли ему на тот берег против города сыпать не дали для того, что, государь, тут будет от реки Волхова против Земляного города так же вал великой; и в приход, государь, воинских людей будет от того нового вала так же городу теснота великая... И мы, холопи твои, по здешнему вымотру тот берег приняли к Земляному городу, чтоб, государь, в приход воинских пеших людей тут притоку не было. И хотим, государь, по тому месту к Земляному городу от реки Волхова поставити во стены место острогом или зарубити стеною с тарасы»⁸⁵.

Очевидно, что действия Матсона, стремившегося, не увеличивая высоту вала Земляного города, создать рядом с ним две искусственные господствующие над ним высоты, изобличают его как шведского агента. Из Москвы было приказано срыть Матсонов «курган». Однако, по-видимому, С. Н. Орлов, первым обративший внимание на злоумышления «городового смышленника», заблуждается, полагая, что Матсон был под арестом отправлен в Москву⁸⁶. Требование прислать Юста Матсона к Москве содержится в грамотах 17, 30 апреля и 9 мая 1633 г.⁸⁷, но даже в 1634 г. он продолжал получать жалованье из четвертных доходов, как это явствует из показаний прихода-расходной книги за 7142 г.⁸⁸.

Имеется достаточно оснований, чтобы предположить еще одно действие Юста Матсона — тайную передачу шведам проектного чертежа, содержавшего и значительную информацию о реальных планах укрепления Новгорода.

⁸³ ЦГАДА, ф. 141, оп. 1, д. 20, лл. 144—146.

⁸⁴ Там же, л. 147.

⁸⁵ Там же, лл. 147—148.

⁸⁶ См.: Орлов С. Н., Воробьев А. В. Указ. соч., с. 49.

⁸⁷ ЦГАДА, ф. 141, оп. 1, д. 20, лл. 201, 204, 207—215.

⁸⁸ См.: Сташевский Е. Д. Указ. соч., с. 140.

•
АРХИТЕКТУРА
И ГРАДО-
СТРОИТЕЛЬСТВО
ПОДМОСКОВЬЯ
(картина развития
с XIV в. до 1917 г.)
•

Предлагаемая статья — не обычный очерк типа обзора-путеводителя, а обобщающее систематизированное исследование о процессе развития строительного искусства на территории Подмосквья на большом историческом диапазоне. Этим определяется специфичность подачи самого материала, который привлекается автором лишь в той мере, в какой это необходимо, чтобы показать общую картину развития.

С более широким кругом памятников и историческими сведениями о них читатель может ознакомиться в многочисленных публикациях и путеводителях по Подмосквью.

Развитие архитектуры и градостроительства Подмосквья дается по этапам в исторической и художественно-стилевой последовательности с систематизацией материала по типологическому принципу. Каждый этап освещается на общем историческом и культурном фоне времени, помогающем понять рождение новых художественных форм и стиливых черт в архитектуре и градостроительстве.

Несмотря на обилие литературы по Подмосквью, такой аспект рассмотрения художественного материала стал предметом специального осмысления сравнительно недавно.

В дореволюционное время — это в основном историко-археологические и этнографические обзоры или разного рода путеводители, а также многочисленные публикации памятников старины. Лишь в советское время появились обобщающие труды по архитектуре и градостроительству Подмосквья.

Профессором Московского университета А. И. Некрасовым впервые дана стилистически последовательная картина развития архитектуры городов Подмосковья с древнейшей поры до 1917 г., но она еще сохраняет характер обзора-путеводителя, построенного по географическому принципу.

С тех пор советская архитектуроведческая наука прошла довольно большой путь, что позволило во многом обогатить наши суждения об архитектуре и градостроительстве Подмосковья с учетом новых фактов и разработанных художественных концепций.

В 40—70-е годы вышли обобщающие работы по градостроительству древнего Подмосковья и отдельным его городам: Коломне, Звенигороду, Истре, Загорску, Дмитрову, по архитектуре усадеб и монастырских комплексов.

Наиболее заметные художественные явления в архитектуре Подмосковья получили также отражение в монографических исследованиях, посвященных отдельным московским зодчим, в сводных историях архитектуры и градостроительства. Однако целостная картина развития архитектуры и градостроительства Подмосковья еще не начертана. В данной работе и сделана такая попытка. В основу ее положены визуальное обследование территории Подмосковья, изучение музейных материалов и имеющейся литературы, а также проектов перепланировки подмосковных городов в конце XVIII — первой половине XIX в. и их развитие в эпоху капитализма. В качестве пробных графических реконструкций предложены первоначальные планировочные схемы подмосковных городов, сложившиеся до их перепланировки в конце XVIII в. Новацию данной работы представляет также осмысление опыта их перестройки, завершившейся в середине XIX в., и их развития в эпоху капитализма.

ГОРОДА И АРХИТЕКТУРА ПОДМОСКОВЬЯ В ЭПОХУ ФЕОДАЛИЗМА

(с XIV до конца XVII в.)

Истоки градостроительства Подмосковья уходят в глубокую древность и связаны с зарождением и развитием феодальных отношений, когда создаются первые укрепленные поселения, ставшие форпостами Московской земли. На протяжении своей многовековой истории Подмосковья меняла границы, то расширяя их, то сокращая, но у нее была устойчивая сердцевина, всегда прочно связанная с Москвой; ее определяли города Можайск, Волоколамск, Клин, Дмитров, Сергиев посад, Коломна, Серпухов. За долгую историю существования то возрастало, то меркло значение отдельных городов Подмосковья, и соответственно они переживали или состояние бур-

ного строительства, или застоя. Ранняя история Подмосковной земли неразрывно связана с древнейшими городами — Дмитровом, Коломной, Можайском, Волоколамском, основанным еще в XII в. по инициативе киевских князей. Значение Звенигорода, Сергиева посада, Верей стало особенно ощущаться в XIV в. в связи с возрождением московской государственности после татарского разорения. В XVI—XVII вв. военные и экономические успехи Московского государства снова поднимают Коломну, Дмитров, Можайск, Клин и вновь основанные города — Каширу и Зарайск. Их культурная история тесно связана с Москвой, хотя в раннюю пору, когда в них еще окончательно не возобладали общемосковские черты, они испытывали и культурные влияния соседствующих земель.

Древнейшие города Подмосковья поставлены на торговых путях по направлению дорог и рек, по соображению выгодной обороны и красоты местности. Своим местоположением они действительно неповторимы, как и сам среднерусский ландшафт. Как и всюду на Руси, в городах Подмосковья основное городообразующее начало воплощали «кремли», под прикрытием которых развивались посады и слободы, то есть складывалась характерная для древнерусских городов структура. Укрепления вокруг самих поселений появились, по-видимому, позднее. В некоторых случаях городообразующие функции брали монастыри, как, например, в Сергиевом посаде, возникшем вокруг Троицкого монастыря.

Все древнейшие города Подмосковья первоначально имели лишь дерево-земляные укрепления, причем некоторые из них в таком состоянии существовали и в более позднее время. Характерны в этом отношении сохранившиеся и донныне земляные валы древних кремлей в Волоколамске, Дмитрове, Звенигороде. Для усиления обороны крепости их ставили на возвышенных местах, крутых обрывах, при слиянии речек, образующих естественные преграды, с хорошим обзором далей; препятствием для вражеских вторжений могли служить и прилегающие к крепости болотные топи. Преимущественная концентрация башен на наиболее уязвимых участках обороны крепости создавала смещенный неравномерный ее силуэт. Так возникли кремли в Серпухове, Можайске, Коломне, Звенигороде, Дмитрове и во многих других подмосковных городах.

Как и всюду на Руси, в эту раннюю пору подмосковные крепости имели неправильные иррегулярные очертания, подсказанные складками местности. Лишь в дальнейшем, с изобретением артиллерии и возрастанием оборонительных возможностей крепостей, обеспечивается равнозначность всех участков обороны, что привело к более равномерной расстановке башен, выпрямлению прясел стен и геометризации общих очертаний.

Кремли подмосковных городов были их военно-административными центрами, где располагались княжеский двор со всеми службами и хозяйственными постройками, избы ратников, ремес-

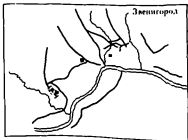
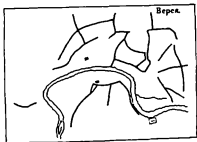
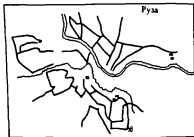
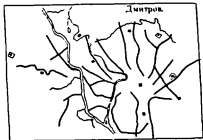
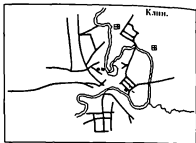
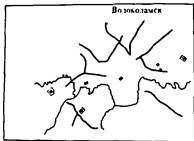
ленные мастерские и хранились различные «припасы». Здесь же, в кремле, находилась главная святыня города — его собор, наиболее монументальная и выразительная постройка всего ансамбля. Так как кремли имели небольшие размеры, основное население города здесь не жило. Лишь во время опасности кремли могли служить убежищем и для остального люда. Исключение составлял, пожалуй, кремль в Коломне, большие размеры которого позволяли разместить в нем значительную часть городского населения.

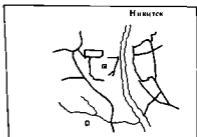
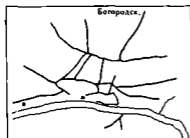
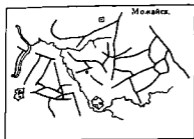
Вокруг кремлей посады и слободы росли свободно, сообразуясь лишь с направлением дорог и особенностями местности. Наиболее распространенной в Подмосковье (Волоколамск, Звенигород, Руза) была центрическая планировочная схема с радиально сходящимися к кремлю улицами. Однако для Можайска, Верен, Дмитрова характерно многоцентренное тяготение уличной сети. Более поздние города (Воскресенск, Богородск, Никитск, Бронницы, Подольск), выросшие из слобод, почти все получили характерную продольно-поперечную сетку улиц.

Подмосковные города до сих пор сохраняют в своей среде зримое «присутствие» природы, что придает им печать неповторимого своеобразия. Так, совершенно необычна природная ситуация Дмитрова: расположение его кремля вблизи поймы реки, в низине, контрастирует с соседствующими вокруг холмами, они отовсюду хорошо просматриваются из города. А Волоколамск весь стоит на холмах с живописно разбросанной на них застройкой, с резким перепадом уровней горизонта, дающим столь же эффектную и неповторимую зрелищность города изнутри и на дальних к нему подступах.

В восприятии градостроительной композиции подмосковных городов немаловажное значение имеют водные пространства, откуда раскрывается их панорама. Можайск поражает ширью своей открытой, слегка всхолмленной местности с далекими обзорами. Живописно понижающийся берег, рассеченный глубокими оврагами, особенно живописен со стороны Москвы-реки, откуда видна вся панорама города. Ландшафт Серпухова с его всхолмленным левым берегом и равнинным заречьем поистине картинен и покоряет красотой своего вида. В перспективе нагорных улиц, спускающихся к реке, виден противоположный низменный берег, а оттуда хорошо просматривается вся застройка нагорной части. Эти наблюдения подтверждают органическое слияние городской застройки с самой местностью, используемой древними зодчими в качестве активного горообразующего фактора.

Города Подмосковья отличаются неповторимым своеобразием и своих кремлей. Поставленные на удачно выбранных местах, они величием и красотой своего облика воплощали основной градостроительный эффект. А вокруг, среди слобод и посады, поднимались вертикали церквей, организующие живописную массу деревянной застройки.

В композицию подмосковных городов включались и монастыри, поддерживающие вместе с церквами основной аккорд кремля в гуще застройки и на ближайших к нему подступах. В Дмитрове — это Борисоглебский монастырь, в Серпухове — Высоцкий и Владычный монастыри, в Волоколамске — Возмищенский и на дальних подступах Иосифо-Волоколамский, в Звенигороде — Саввино-Сторожевский, в Коломне — Спасский, Бобринев, Старый и Новый Голутвинский монастыри. Как и всюду на Руси, древние подмосковные города с их непринужденной свободной планировкой и застройкой, органически вписанной в природный пейзаж, отличались естественностью и живописностью своего облика. Эти особенности градостроительной композиции подмосковных городов, по-видимому, определялись очень рано и на последующих этапах лишь развивались.

Истоки московской архитектуры уходят в глубокую древность, предшествующую появлению собственно Москвы (1147 г.), когда ее земли принадлежали сначала Киевскому, затем Черниговскому, Владимиро-Суздальскому, Рязанскому, Смоленскому, Новгородскому и Тверскому княжествам. Наиболее заметный след в архитектуре древнейшего Подмосковья оставила культура Владимиро-Суздальской Руси, влияние которой сказалось и в более позднее время. От древнейшей московской архитектуры ничего не уцелело, поскольку в те далекие времена все постройки возводились в дереве. К тому же по этой земле прошла полоса разорительного нашествия монголо-татар. Художественная жизнь Москвы надолго замирает. Лишь победа в Куликовской битве (1380 г.) подняла Москву как объединительный центр Руси. С ростом политического и экономического могущества на ее землях постепенно возрождается каменное строительство. Одновременно возникает несколько очагов его: помимо самой Москвы каменное строительство ведется в Звенигороде, Троицком монастыре, Волоколамске, Можайске и некоторых других местах Подмосковья.

В условиях единения и становления русской государственности, пробуждения чувства самосознания и независимости формируется соответствующий художественный идеал в искусстве, воплотившийся в творениях Андрея Рублева и в образном строе храмовой архитектуры того времени. Лейтмотивом пробуждающегося московского искусства становился дух согласия и гармонии, светлого и радостного порыва.

Первые каменные храмы, выстроенные на московской земле, унаследовали не только владимирскую технику белокаменной кладки, но и сам тип небольшого кубического одноглавого храма, а также некоторые приемы белокаменного убранства фасадов. Однако в московских храмах исчезает такой характерный атрибут великокняжеской архитектуры, как хоры. Поэтому здесь отпала надобность и в окружающих храм наружных галереях с башнями. Пространство становится проще, а массы теряют былую

стройность пропорций. Изменяется и характер стены: без уступчатой разделки она смотрится монолитом, лишившись ощущения конструктивной упругости. Динамизм грузных масс храма подчеркивается небольшим наклоном наружных стен. Теряется и прежнее абсолютное соответствие между внутренним пространством и наружными членениями объема — столбы не совпадают с положением лопаток на фасаде. В мотивах наружной декорации хотя и сохраняются некоторые романские черты (перспективные порталы и прочее), но вместе с тем появляется и местная вариация белокаменной резьбы, скорее восходящая к деревянным резным тяблам, чем к каменным формам романской декорации. Переработка владимиро-суздальского прототипа коснулась и завершающей части храма, где появились ступенчатые подпружные арки, несколько повысившие центральную подкупольную часть пространства. Снаружи подъем арок выявляет венечные килевидные кокошники, опоясывающие основание барабана. Это чисто московское нововведение получает затем дальнейшее развитие. Выше закомарных дуг появились еще диагонально расположенные килевидные кокошники. Внутри стены раннемосковских храмов были сплошь покрыты фресками с крупномасштабными изображениями, соответствующими монументальному характеру архитектуры. Сохранились фресковые композиции А. Рублева на западной стене Успенского собора во Владимире и написанные им большие иконы «Звенигородского чина». Есть основания полагать, что уже в это время московские храмы имели высокие иконостасы в виде ярусной стенки с тяблами, заслонившие алтарь и придавшие поперечную ориентацию основному их помещению.

Все эти черты московской архитектуры наиболее ярко воплотились в Успенском соборе в Звенигороде «на Городке» (1400 г.), в соборе Троице-Сергиева монастыря (1422 г.). К кругу раннемосковских построек относится также Рождественский собор Саввино-Сторожевского монастыря (1405 г.) и Петропавловский собор в Можайске (рубеж XIV—XV вв.). Намечившаяся в них тенденция к динамизации верха получает дальнейшее развитие

Троицкий собор в Троице-Сергиевой лавре. 1422—1423 гг.

в соборе Андроникова монастыря в Москве (1427 г.), где появилась выраженная ступенчатая композиция с резким пониженным угловых частей храма.

Однако в условиях всевозрастающего политического авторитета Москвы архитектуре нужны были иные, более величественные и торжественные формы. Поэтому здесь на время как бы обрываются искания динамического образа, уступившего место статично-торжественным формам храмового строительства конца XV в. Отдаленным отголоском линия раннемосковской архитектуры прозвучала лишь в некоторых храмах конца XV и XVI вв.

В начале XV в. в Подмосковье появились и совсем небольшие белокаменные храмы с бесстолпно перекрытым крестообразным пространством и почти лишенные декора. Это Никольская церковь в селе Каменском с чертами, по-видимому, сербских прототипов. Есть основания полагать, что и в Коломне церковь Иоанна Предтечи на «Городище» первоначально имела такое же крестообразное решение пространства с массивными угловыми частями.

Новый этап в развитии архитектуры и градостроительства Подмосковья приходится на время становления централизованного Московского государства — конец XV—XVI вв., когда складывается политическое и экономическое единство всех русских земель.

В этой ситуации осознается особая роль Москвы как главного политического и духовного центра Руси, складываются черты единой общерусской культуры и искусства. Именно из Москвы исходят новые архитектурные и градостроительные идеи. Ближайшая подмосковная земля ранее всего реагирует на новшества, идущие из столицы, и здесь осуществляются многие архитектурные замыслы.

Эстетический идеал в архитектуре все более тяготеет к упорядоченным кристаллически ясным построениям, что приводит к появлению симметрии, геометризму элементов регулярности. Этому способствуют развитие науки, точных знаний, изобретение артиллерии, а с ней и новой фортификации. Однако рационализм воспринимается через призму философско-религиозных мудрствований того времени и поэтому часто овеян загадочной символикой и поисками абстрактной гармонии. Вместе с тем под влиянием художественных вкусов растущего посада и образа жизни самого царского двора в культуру проникают светские, мирские идеи, что накладывает заметный отпечаток на все искусство. Наряду с каноничным в церковной архитектуре появляется много светских форм.

С ликвидацией уделов и переходом их под самодержавную

Никольская церковь в селе Каменском, нач. XV в.

власть московского государя застройку подмосковных городов контролирует центральная власть. Государство положило начало организованному землеустройству служилого люда, посадских и других городских слоев. Приказами были выработаны нормы и единые приемы нарезки дворов и их застройки, определившие особенности слободских кварталов. Расселение полосой вдоль дороги, узкие, идущие в глубину квартала участки с выносом жилых стрелений на линию улицы становятся устойчивыми признаками слобод. В слободских поселениях определился и более устойчивый тип жилища, восходящий к простейшей избе-клетн с сенями, часто дополненной еще прирубом. Однако организованное землеустройство в городах Подмосквья носило лишь частичный характер и не изменило пестрой их структуры в целом, где упорядоченность соседствовала со стихийностью, государевы слободы перемежались с монастырскими, с обширными дворами защиточных сословий, с иными приемами застройки и типами жилищ. Плотная застройка разряжалась пустырями, болотами, прудами и речками. Московское государство проявляет заботу и

Кремль в Зарайске, 1531 г.

об укреплении некоторых крупных подмосковных посадов. Известно, например, о существовании деревянного острога, поставленного вокруг всего посада в Серпухове — южной оборонительной линии Москвы.

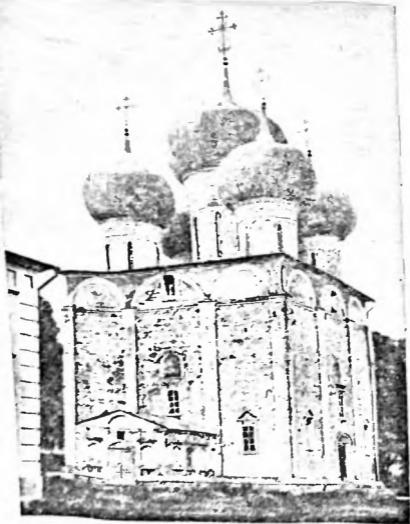
С конца XV в. в связи с внедрением артиллерии существенные изменения наметились и в крепостном деле. Московское правительство, заботясь об укреплении своих рубежей, приглашает в Москву иноземных мастеров для строительства крепостей по «фряжскому» образцу, последнему слову тогдашней фортификационной науки. Опыт перестройки Московского кремля, ставшего одной из сильнейших крепостей Руси, послужил примером в дальнейшем строительстве каменных крепостей (в XVI—XVII вв.). Крепости правильных геометрических очертаний с прямыми углами стен и равномерно расположенными башнями были лучше приспособлены к пушечному бою. Черты европейской фортификации получила крепость Ивангорода (1495—1507 гг.) — одна из самых ранних на западных рубежах Руси. Много лет ярким крепостям было построено в XVI в. в районе Полоцка. С запада Руси защищала самая мощная и грандиозная Смоленская крепость. Новые регулярные крепости появились в вдоль беспокойной южной границы Московской земли. В XVI в. строятся каменные кремль в Коломне, Зарайске, Серпухове. На протяжении XVI в. обновляются и старые дерево-земляные крепости Подмосковья.

Из всех подмосковных крепостей особо внушительные впечатления производит Коломенский кремль (1528—1531 гг.), возведенный по подобию Московского кремля и, видимо, не без учас-

тия Алевиза Нового. Поражают высота стен и возмечественный силуэт башен Коломенского кремля, их разнообразие и красота пропорций, за которыми просматриваются верхи расноложенных в кремле соборов и монастырей. Выразительностью отличается и каменный Зарайский кремль (1528-1531 гг.), хотя его, видимо, можно считать рядовым образном регулярной крепости того времени. Необычна белокаменная крепость Серпухова (1571) с полигональным очертанием стен, стелящихся по гребню холма. С их внутренней стороны устроены глубокие пушечные ящуря, были и башни, но они не сохранились. Монастыри также вошли в систему оборонительных сооружений Московского государства и служили «царскими сторожками» иблизи и на дальних возвышенностях к Москве. Поэтому и в них рзепространялись правила строительства крепостей. К XVI в. относится сооружение сильнейшей каменной крепости Троицкого монастыря на северной границе Москвы. Его центрическая схема, определившаяся еще в XV в., со стоящим посредине собором и расноложенными «четверообразно» вдоль стен службами и кельями стала «образном» устройства российских монастырей на протяжении нескольких столетий.

В XVI в. происходит дальнейшее развитие планировочно-композиционных особенностей подмосковных городов, заложенных еще с древности. От разросшихся посадов и слобод с обилием деревянных строений усиливается живописный характер панорам таких крупных городов, как Коломна, Серпухов, Дмитров. Силуэт их обогащается множеством новых вертикалей. В крелях и монастырях увеличивается и количество каменных строений, которые своим контрастом с массой деревянных домов придают особую выразительность городу. В облике крелей подмосковных городов появились новые черты, привнесенные регулярным строительством их стен и башен, что особенно ощущается в Зарайске с его прямоугольной крепостью и симметрично-торжественной станковй башней. Необычна и прямизна прясел Коломенского кремля, с множеством ритмично расставленных башен, получил сложный полигональный контур. Выразительность и величия Московского государства стало достигать и строительство храмового строительства. К этому времени на московской земле получает особенно широкое распространение строительство большого городского и монастырского собора с монументальным, пятиглавым.

Образом храмовития становится Успенский собор в Московском кремле (1475-1479 гг.), возмеченный по типу Успенской лаврской церкви и владимирскому Успенскому собору, на который до этого было предписано ориентироваться. Здесь интерпретируется характерная композиция русского пятиглавого храма крестово-купольного типа, но с привлечением особенно «ренессансного» и влияния иностранного зодчего Аристотеля Фиоринанти. Необычно, палатным образом, решенное и внутренство получило круглые столбы, ослабившие ощущение

Храм Михаила архангела в Микулнице городище, кон. 1550-х годов

члененности, что отметили летописцы. В основу храма положена рациональная схема из 18 равноведливых квадратов, отразившаяся и на фасаде и равенство прясел и одинаковой высоте закомарных дуг. Выступающие с восточной стороны абсиды замаскированы продолжением стен контрфорсов из-за стремления к равновесию и симметрии, к которым стремился зодчий. Здесь

впервые применены более совершенные крестовые своды с железными связями. Но от этого храм не перестал быть чисто русским явлением. Успенский собор — самый впечатляющий монументальный образ древней Руси, в котором воплощены сила русской государственности и могучий дух самого народа.

По его подобию возводят соборные храмы на протяжении более двух столетий. Большинство из них перестроено, и они дожили до нас в обличье XVII в. и более позднего времени. В XVI в. наиболее близкой аналогией Успенскому собору стал шестистолпный Успенский собор Троицкого монастыря (1559—1585 гг.) как идеальное воплощение норм монастырского храмоздания. Однако палатный интерьер московского Успенского собора с круглыми столбами почти нигде не повторен в храмах этого типа в Подмосковье.

В конце XV и на протяжении XVI в. в Подмосковье строили и упрощенные храмы соборного типа лишь с 4-мя столбами. Характерные в этом отношении соборы в Дмитрове (1509 г.) и Микулине городище (1550 г.), во Владычном и Высоцком монастырях в Серпухове. Тенденция к упрощению вызвала появление в Подмосковье и трехглавых храмов. Такое завершение первоначально имел собор Возмищенского монастыря под Волоколамском (1535 г.). Простые одноглавые храмы этого типа развивают традиции раннемосковской архитектуры; Воскресенский собор в Волоколамске (1462—1494 гг.), сохранил многие ее черты. Поздней репликой раннемосковской архитектуры является Духовская церковь Троице-Сергиева монастыря (1476 г.). Динамичное развитие ее верха приводит к включению в композицию яруса звона, увенчанного главой, то есть рождается наиболее ранний известный нам на московской земле храм типа «иже под колоколы», получивший дальнейшее развитие в архитектуре конца XVII в. Раннемосковские архитектурные традиции прослеживаются и в некоторых храмовых постройках XVI в., и в частности в соборах Борисоглебского монастыря в Дмитрове (1537 г.), Медведевой пустыни (1547 г.), Николо-Пешношского монастыря (рубеж XV—XVI вв.), в Успенском соборе в Клину (середина XVI в.). Но все эти храмы возводили преимущественно местные мастера по образцу русского храмоздания. Итальянские веяния, столь очевидно проявившиеся в самой Москве, здесь отозвались лишь отдаленным эхом и то только в некоторых постройках. Так, на фасаде Дмитровского собора появились круглые окна-люкарны, а в храме в Вяземах применена филеичатая ордерная разделка стен. Но, разумеется, эти «ренессансизмы» не поколебали средневековой художественной системы русского храмоздания, и они остались эпизодическим явлением в архитектуре XVI в.

Гораздо большее значение для судеб монументального храмоздания имела мирская струя, идущая от светского строительства, его художественных принципов. В конце XVI в. в Подмосковье появляется тип гогуновского храма, в котором первоначальная

кубичная основа монументальных соборов усложнена пристройкой у алтаря двух симметричных приделов и соединяющего их гульбища. Первый храм такого типа выстроен был в подмосковной вотчине Б. Годунова Вяземы в 1590 г. во имя Спаса Преображения. Обрастание основного объема приделами было первым симптомом распада монументальной формы соборных храмов конца XV—XVI вв. Они проявились и в дробной филанчатой разделке стен на манер алевизовской декорации Архангельского собора Московского Кремля. Небольшие интимные пространства придельных храмиков с перекрещивающимися сводами могли появиться здесь под влиянием образа посадского храма, где подобные бесстолбные перекрытия встречаются неоднократно на протяжении XVI в.

Годуновский тип в дальнейшем стал канонизированным образцом соборного строительства в монастырях и городах Подмосковья. Во многих храмах этого типа, имеющих обходные галереи, появился новый характерный элемент — подклет, восходящий к традициям мирского палатного строительства. Закомарные дуги теперь все чаще отсекаются горизонтальными поясами, что нарушает ощущение цельности монументального объема. Эти признаки появились не только в соборах годуновского типа.

Храмы конца XV—XVI вв. удерживают крупность и архитектурную ясность фресковых росписей, увязанных с монументальными формами самой архитектуры. Применительно к этому времени можно говорить более утвердительно о многоярусных иконостасах, отделяющих алтарь от основного помещения храма, но они украшены теперь золоченой деревянной резьбой и выглядят особенно торжественно. В XVI в. в монументальных храмах благодаря слиянию восточных столбов с алтарной стеной образовалось двустолпное поперечно ориентированное пространство, скорее характерное для жилого «клетского» интерьера, чем церковного. Такое новое ощущение пространства появилось в соборе Лужецкого монастыря под Можайском (XVI в.) и в храме Микулина городища (50-е гг. XVI в.). Эта черта «обмирщения» храмовой архитектуры станет особенно характерной для XVII в.

Однако монументальные соборные храмы были лишь единичными проявлениями среди массы строившихся тогда в городах и селах скромных деревянных церквей. В связи с развитием посада в московской архитектуре складывается специфический тип небольшого каменного храма. Появившись в городской посадской среде, храмы этого типа получают распространение и в усадьбах служилого дворянства; они проникают даже в монастыри. Время возведения (1492 г.) сохранившейся каменной церкви Трифона в Напрудной слободе указывает на то, что они начали строиться на московской земле еще в конце XV в. В Подмосковье одним из ранних следует считать храм Рождества Христова в селе Юркино (1504 г.). По времени близки к нему аналогичные храмы

в Коломне — Николы Гостиного в Кремле (1530 г.) и Иоанна Предтечи на Городище. В XVI в. такой тип храма включается и в композицию больших пятикупольных соборов в виде небольших симметричных приделов. Пластическая особенность их композиции состоит в динамическом завершении верха килевидной трехлопастной аркой, выявляющей крещатую конструкцию свода, со световым барабаном и главкой. В храмах этого типа можно видеть переосмысление образа храма с мирских позиций.

В подобных храмах появились приемы оформления фасада с примененным форм романской архитектуры, воспринятых через раннемосковское зодчество. Так, характерны килевидные перспективные порталы, стрельчатая арка центральной закомары, а также и сама техника кладки из хорошо отесанного белого камня. В этих храмах в основании барабана главы всюду встречаются характерные для раннемосковской архитектуры декоративные килевидные кокошники. Проникновение каменного строительства в сельскую местность было следствием влияния развивающейся городской культуры, которая оставляла здесь свои заметные следы.

Победная поступь России в XVI в., когда одно за другим пали Казанское, Астраханское и Сибирское ханства и она приобрела колоссальные земли, рождает новую художественную энергию в народе, воплощенную в необычных типах шатрового и столпообразного храмов. В Москве и ее ближайшей округе впервые появились и широко распространились такого рода храмы. Почти все они воздвигнуты как памятники, отмечающие те или иные исторические события. И не случайно, что многие из них возникли в вотчинах царя и его ближайших сподвижников. Будучи храмами-памятниками, они вместе с тем служили и сторожевыми сооружениями на дальних и ближайших подступах к Москве.

Образную силу этой линии храмового строительства на Руси наиболее полно воплотил знаменитый храм Вознесения, построенный в 1532 г. в подмосковной государевой вотчине — селе Коломенском в честь рождения наследника, будущего царя Иоанна Грозного. В кристаллической ясности форм, слаженной музыкальной гармонии частей и равновесии масс храм не имеет себе равных. В своей выраженной трехмерности он воспринимается среди природы этих мест как монументальный столп-постамент для установленного на его обходной галерее царского трона. Некоторые его формы, как, например, пирамида килевидных кокошников в основании восьмериков, заставляют вспомнить раннемосковские архитектурные традиции. Но в кладке стен, чеканной проработке деталей и в самих мотивах белокаменного убора чувствуется рука зодчего с европейской выучкой.

В это же время складывается и тип столпообразного храма-памятника. В самой Москве выдающимся сооружением такого типа стала церковь-колокольня Иван Великий (1505—1600 гг.), увековечившая правление Иоанна III. Венчание на царство

Ивана IV было отмечено строительством в селе Дьякове под Москвой церкви Иоанна Предтечи (1547 г.), где столпообразная восьмигранная форма положена в основу более сложной пятиглавой композиции. В храме Василия Блаженного в Москве (1555—1560 гг.) шатровая форма центрального объема сочетается с множеством окружающих ее столпообразных приделов, то есть оба типа храма усложнились, превращаясь в многообъемную композицию. Царские постройки такого типа привели к многочисленным подражаниям: шатровые храмы в конце XVI в. строят в своих подмосковных вотчинах родовитые бояре и дворяне. Полюбившаяся московским мастерам шатровая форма появилась и в монастырских храмах. Самый ранний пример ее здесь — церковь Брусеновского монастыря в Коломне (1552 г.). Но большинство храмов несет на себе провинциальный отпечаток, качественно уступаая царским постройкам.

Почти для всех храмов шатрового типа характерны крещатые, или четвериковые основания, переходящие в восьмерик, несущий граненый шатер. Но в Подмосковье встречается и вариация композиции, где шатер непосредственно опирается на четверик с помощью угловых трюмпов, не имея переходного объема восьмерика (церкви в селе Прусы и Брусеновском монастыре), отчего они кажутся приземистыми и тяжелыми. В шатровой колокольне Александровой слободы (60-е гг. XVI в.) можно видеть также пример восьмерикового основания без четверика.

В кругу царских построек эта колокольня — одна из самых стройных и изящных сооружений Подмосковья. Мемориальное назначение таких храмов определило их башнеобразность, почти скульптурность при небольшой вместимости внутреннего пространства. Зрительный эффект достигнут стремительным развитием пространства вверх, в каменную оболочку шатра. Именно этими чисто архитектурными качествами, а не росписями удивляют все шатровые храмы внутри. На нецерковный строй пространства указывает его необычная центричность, противоречащая ориентации к востоку в сторону алтаря.

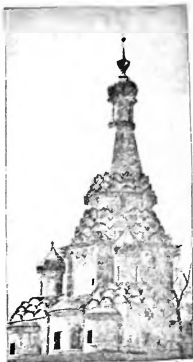
Шатровые и столпообразные храмы не имеют иноземных аналогий; они — порождение русского архитектурного гения. Об иноземных влияниях можно говорить лишь применительно к некоторым декоративным мотивам. Так, в ряде деталей храма в Коломенском угадываются черты тосканской архитектуры. Декоративные раковины на стенах Островского храма заставляют вспомнить «ренессансный» убор Архангельского собора Московского Кремля. Исходным прототипом их нецерковной формы, по всей видимости, могли послужить башни деревянных хоромных и крепостных построек, где форма «восьмерик на четвертике», увенчанная низким «колпаком» или шатровой кровлей, бытовала издавна. Появление формы каменного шатра подготовлено и предшествующим развитием церковного каменного зодчества Руси, тяготеющего к динамичным образам. И здесь вспоминается

прежде всего такой раннемосковский памятник, как храм Андроповла монастыря с динамичным завершением верха.

Особую группу памятников представляют шатровые храмы, возникшие в конце XVI в. в вотчинах Бориса Годунова. Это храмы Преображения в Острове, Рождества в Беседах и Борисоглебский в Борисовом городке (1603 г.). Как и в больших монументальных соборах, с обеих сторон алтаря здесь появляются симметричные приделы, объединенные гульбищем. Вместе с тем в образном строе шатровых храмов заметно нарастают и декоративные черты, предвосхищающие стиль XVII в. Уже в Дьяковском храме появляется измельченная филеячатая разделка стен, дробящая монументальные его объемы. В обработке наружных объемов шатровых храмов, построенных Годуновым, преднамеренно использованы мотивы собора Ферапонтова монастыря — пирамидальная горка декоративных кокошников в основании шатра и приемы разделки стен крещатого основания.

Ориентируясь на архитектурные формы столь раннего времени, царь Борис искал подтверждение пресмственности и могущества своего самодержавного царствования.

С усилением власти московских князей и упрочением поместного землевладения Подмоскovie становится местом сосредоточения великокняжеских, боярских и дворянских усадеб. Их появление здесь в конце XV—XVI вв. отмечено строительством каменных храмов. Исторические свидетельства указывают на существование в Подмоскovie в древности укрепленных усадебных дворов со стоящими посредине деревянными хоромами, окруженными хозяйственными постройками. В комплексе усадьбы входила и наиболее эффектная ее постройка — каменная церковь. Усадьбы этого времени имели большие сады и выгоны, пруды, а вокруг них простиралась принадлежавшие им обширные поля и лесные угодья. Абсолютное господство природного ландшафта, свободная живописная планировка определили живописный характер такого рода комплексов, организуемых вертикалью церкви.

Храм Преображения в с. Остров, вторая пол. XVI в.

С возрастанием престижа Московского государства, его экономических и технических возможностей развивается монументальное каменное палатное строительство, главным образом в монастырях, кремлях и некоторых крупных усадьбах. Грановитая палата Московского Кремля, возведенная итальянскими зодчими М. Руффо и А. Соляри (1487—1491 гг.), стала первым крупным сооружением светского каменного строительства на московской земле, хотя ей предшествуют более ранние палатные постройки такого типа, возникшие в монастырях, и в частности каменная трапезная Высоцкого монастыря в Серпухове (1381 г.). Огромный свод со столбовой опорой определил особенности центрально ориентированного торжественного пространства Грановитой палаты, освещенной двумя ярусами окон. Сплошь покрытая фресками и богато убранная, она выглядела великолепным светским залом, достойным величия московского государя. Этой торжественности отвечала и монументальность ее внешнего облика. Стены палаты, возведенные на подклете, были покрыты граненым рустом на манер итальянских палаццо и завершены высокой теремной кровлей. Как и все палатные сооружения, Грановитая палата имела сени, куда вело с улицы открытое Красное крыльцо. Этот самый впечатляющий светский зал послужил образцом для последующего развития палатного строительства в XVI—XVII вв. Вслед за государем каменные палаты стали возводить и богатые монастыри, расположенные в Подмосковье и в других землях. В XVI в. одностолпные трапезные палаты появились в Лужецком монастыре под Можайском, во Владычном монастыре в Серпухове, в Иосифо-Волоколамском и Николо-Пешношском монастырях и в других местах. Большие столпные палаты в монастырях служили трапезной, примыкающей к церкви; при них устраивались поварни с хлебодарней и кладовые. Долгое время монастырские трапезные имели замкнутое центрическое пространство, квадратное в плане, со столбом в центре. Образ их создавался не только обширностью самого пространства, но и выразительной пластикой каменных сводов с распалубками.

XVI век в архитектуре Москвы и Подмосковья дал последнюю вспышку монументализма; вместе с тем тенденции к усложнению и декоративности стиля предвосхитили пути развития архитектуры в XVII в.

XVII век ознаменовался дальнейшим расширением границ Российского государства и упрочением абсолютизма. Россия вступает в новый период своей истории, когда происходит фактическое слияние ее земель в единое экономическое целое. Это слияние, по замечанию В. И. Ленина, «...вызывалось усиливающимся

обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»¹.

Художественные вкусы посадских и торгово-ремесленных слоев определяют все больше дальнейшую светскую направленность всей русской культуры. Всеохватывающий процесс обмирщения культуры сделал уже невозможным поддержание прежней абстрактной гармонии в искусстве. Художественный идеал эволюционирует теперь на широком обращении к самой жизни со всеми ее сложностями и противоречиями. Свободная от мифологии фантазия, основанная на живом фольклорно-поэтическом восприятии действительности, определяет образный строй искусства этого времени.

Другой, не менее важной стороной художественной культуры России XVII в. были усилившиеся в ней западноевропейские веяния, которые стали особенно очевидны с появлением в московской архитектуре стиля Нарышкинского барокко. Именно стиль барокко, а не ренессанс оказался наиболее адекватным противоречивому социальному состоянию России, феодально-абсолютистскому характеру государства. Сложная социально-экономическая обстановка, в которой развивалось Российское государство в XVII в. заметно отразилась на состоянии архитектуры и городов.

В XVII в. завершается средневековый этап развития подмосковных городов. К этому времени в сложении их ансамбля достигает апогея живописная тенденция, обогащенная многоцветностью, характерной для стиля XVII в. Полихромия отвечала вкусам посадских слоев, строивших церкви с краснокирпичным узорным убором, иногда дополненным еще цветными изразцами. Декоративная и живописная тенденция по-своему отозвалась и в облике деревянных церквей, причем главным образом в усложнении и декоративном развитии их верха. Особенно живописной становится и жилищная застройка подмосковных городов; в хоромах строениях также появляется много декоративных элементов. В наиболее богатых городах Подмосковья, таких, например, как Коломна, Серпухов, на посаде возводятся и первые каменные дома, преимущественно купеческие. Во второй половине XVII в. усиливается рост посадов, развиваются торгово-ремесленные центры городов Подмосковья. Заметно возросло и количество каменных построек в центре, больше стало каменных церквей, создающих выразительный контраст с массой деревянной застройки.

В панораме подмосковных городов усиливается сложное развитие их ансамбля, строящегося на балансе вертикалей и объемов вокруг наиболее крупных городообразующих доминант — кремлей и монастырей. Геометризация форм крепостей и организованная застройка посадов и на этом этапе в целом не изме-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 154.

нили свободного живописного характера ансамбля подмосковных городов.

В XVII в. начался процесс постепенного перерождения многих крепостных ансамблей, хотя надобность в поддержании крепостей на московской земле сохранялась еще довольно долго. Достаточно вспомнить героическую оборону, которую выдержал Сергиев монастырь, осажденный поляками. Высокими оборонительными качествами отличалась новая крепость Борисова городка, построенная в начале XVII в. Московским правительством на западных рубежах.

И все же XVII в. был последним предзакатным этапом существования древних крепостей на земле Подмосковья. Перестроенные и получившие светские элементы, они превращаются в эффектные декоративные ансамбли. С появлением шатровых надстроек башен новое обличье приобретает центральная крепость Руси — Московский Кремль. Преображаются и декоративные ансамбли и крепости многих подмосковных монастырей. Со временем, утрачивая свое боевое назначение, кремли постепенно приходят в запустение и начинают разрушаться. Это коснулось прежде всего деревянных, а затем и каменных сооружений, особенно в XVIII в., когда введена была земляная фортификация. Поддерживались лишь ограды монастырских крепостей.

Обмирщение культуры существенно изменило и характер архитектуры, в которой все более заметное место начинают занимать нецерковные светские художественные представления. Небывало возрастает интерес к различной домово́й и хоромной архитектуре, формы и мотивы которых становятся выражением вкусов времени. Они накладывают заметный отпечаток и на церковную архитектуру того времени, тоже не устоявшую под напором обмирщения.

На стиль узорочья в архитектуре определенное влияние оказала и сфера декоративного искусства XVII в. с обилием узорно-орнаментальных мотивов (украшения тканей и произведений ювелирного искусства, деревянная и каменная резьба). Эти мотивы можно встретить в изразцах и росписях, украшающих стены, в подзорах и гребнях крыш, в затейливом рисунке кирпичной кладки.

Тенденция к упрочению централизованной власти и тесные торгово-экономические связи отдельных областей Русского государства способствуют их общерусскому культурному единению под эгидой Москвы. Авторитетная художественная сила Москвы особенно ощущалась на землях Подмосковья, куда быстрее проникали веяния столичного зодчества и его новшества. В XVII в. архитектура Подмосковья отражала все богатство художественных процессов, которые переживала сама Москва.

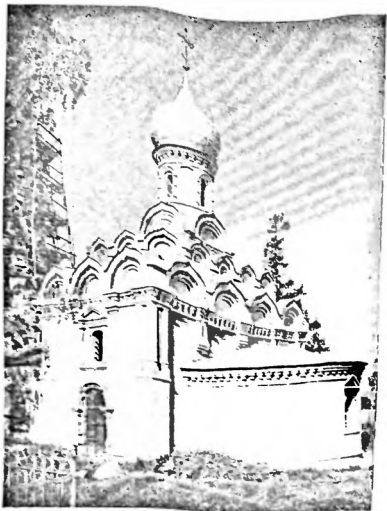
Польско-шведская интервенция затормозила развитие художественной жизни, искусства и архитектуры. Изгнание иноземных захватчиков с русской земли дало возможность начать хозяйст-

венное возрождение страны, пробудило новые жизненные импульсы в культуре и подняло состояние зодчества.

Идея обмирщения наиболее полно воплотилась в архитектуре приходских храмов, непосредственно связанных с народными слоями и посадом, поэтому именно они содержали наиболее характерные стилевые черты времени, определяя его новые вкусы. Эстетический идеал, идущий от мирских представлений, допускал большую свободу и в храмоздании, способствуя развитию художественной фантазии зодчих и неисчерпаемому многообразию форм, в которых смелее могли проявиться местные народные вкусы. Именно здесь в посадской среде делается решительная попытка переосмыслить образ храма со светских позиций. Мирянин воспринимает храм как дом, как жилище бога. Но жилище бога в представлении мирянина должно быть красивым, уподобленным хоромам, отсюда и столь очевидное обмирщение церковной архитектуры.

Примечательной особенностью всех посадских храмов стало их бесстолпное клетское пространство, перекрытое с помощью глухого сомкнутого свода, — техническое изобретение XVII в. При полной изоляции алтаря, заслоненного высокой иконостасной стенкой, усилилась тенденция к поперечной ориентации основного пространства храма. Влияние жилища сказалось и в приемах построения композиции из живописно сопоставленных объемов. Почти при всех посадских храмах теперь появляются обширные трапезные, служившие местом сбора мирян; построенные палатным образом, они часто еще перекрывались сводами со столбовыми опорами. Храмы обычно ставят теперь на высокий подклет; они обрастают крытыми галереями, переходами и крыльцами, а наружные стены их покрываются нарядным узором, напоминая хоромные постройки. Излюбленными декоративными формами становятся ширинки и кокошники. Особенно широко применяются кокошники в декорировании глухого свода; иногда они образуют целые горки в основании глав. В наличниках из тесаного кирпича и белого камня воспроизводятся затейливые мотивы деревянной резьбы в виде штукowego набора. В покрытии крылец и галерей широко используют «шатры» и «бочки», а в оформлении пролетов — мотивы висячей арки с гирькой на фигурных кубышкообразных опорах. В пояса декоративных кокошников превращаются закомарные дуги. Декоративное истолкование получают и главы с эффектными фигурными надстройками на глухом сомкнутом своде и сильной луковичной пучиной.

Декоративное начало получило свое выражение и в строительстве колоколен. Введенные в композицию храма, колокольни усиливают ее живописный характер. Шатровые колокольни стали примечательной особенностью многих подмосковных церквей. Запрещенная икононской реформой форма шатра получила здесь свое новое рождение, но в декоративном качестве, ее образ продолжает жить в архитектуре мирян.

Церковь Рождества в с. Поярково, 1665 г.

Церковь Сергия

икон, поднимающегося на всю высоту храма, но в украшающей их резьбе усиливается тенденция к узорочью и пластичности деталей, образующих сплошную стелющуюся вяз растительного декора.

К середине века в церковном зодчестве Подмоскovie складываются все основные черты нового стиля, о чем свидетельствуют церкви Космы и Дамнана в усадьбе Кузьминское (1652 г.), Рождества Богородицы в селе Поярково (1665 г.), Никольская в усадьбе Батюшково (1666 г.), Сергия в селе Комягино (1678 г.).

Бурная мирская струя расшатала каноны храмоздания настолько, что церковь вынуждена была воспрепятствовать безудержной вольности зодчих, повелевая соблюдать «освященное пятиглавие» и упорядоченное расположение основных элементов храма по западно-восточной оси. Патриарх Никон пытался вернуть

русское храмоздание к ранним каноничным образцам. Под воздействием икононовской реформы в храмовом строительстве в Москве во второй половине XVII в. складывается тип упорядоченной трехчастной композиции с последовательным размещением по западно-восточной оси колокольни с папертью, трапезной и основного помещения с алтарем. Характерны в этом отношении московские церкви Симеона столпника на Арбате (1679 г.) и Николы в Хамовниках (1679 г.) Однако и в Москве, и в Подмосковье влияние икононовской реформы не изменило общей направленности стиля к декоративности и живописности. Даже те храмы, которые были построены «по новым правилам», своим живописным обликом походили больше на хоромы, чем на церкви. Соблюдалась лишь последовательность в расположении основных элементов композиции храма, но по-прежнему преобладала асимметрия при очень большом многообразии декоративных и пластических решений. В канонизации зодчие увидели для себя скорее новые художественные возможности, чем оковы, препятствующие развитию творческой фантазии. Пятиглавие мастера обыгрывали как чисто декоративный прием, поэтому в XVII в. оно получило широкое распространение в Подмосковье, хотя в сельской местности здесь строили и более скромные одноглавые церкви.

Церкви Казанская в селе Котельниково (1675 г.), Благовещенская в царском селе Тайнинском (1677 г.), в Павловой слободе (середина XVII в.) и в Коломне (1680—1685 гг.), Рождества Богородицы в Дединове (вторая половина XVII в.) и Кяшкине (вторая половина XVII в.), Михаила архангела в Бронницах (1696 г.) воплощают наиболее характерные черты посадского храмового строительства Подмосковья этого времени.

В вотчинном строительстве Подмосковья можно встретить и церкви с симметричным расположением приделов по углам четверика, в которых угадываются композиционные приемы годовиковских храмов. Обращают внимание Никольская и Казанская церкви, возведенные в 1664—1665 гг. в усадьбах Одоевских Никольское-Урютино и Марково. По композиции близка к ним и Никольская церковь (1667 г.) в усадьбе Одоевских Архангельское. Примечательной особенностью этих храмов является также сочетание сомкнутого свода с коробовыми при двух столбовых опорах и световом барабане, то есть они тяготеют к посадской архитектуре. Известно, что церкви Одоевских возводил прославленный московский зодчий П. Потехин.

Под воздействием процессов обмирщения и общего тяготения стиля к узорочью и декоративности происходит дальнейший распад монументализма в соборном строительстве. Соборные храмы также уподобляются хоромам, обрастая приделами и галереями, что разрушало прежнюю цельность и монументальность форм. Сюда из посадского строительства проникли декоративные узорные мотивы. Большие поверхности теперь украшаются израз-

цами. Дробя и затмевая основные конструктивные членения стены, они придают ей чисто живописное звучание.

Наиболее ярко эту тенденцию воплощает Покровский собор (1671—1679 гг.), возведенный в царской усадьбе Измайлово, с его массивными, тесно поставленными главами и не по-церковному огромными светлыми окнами и теремными крыльцами. Стиль XVII в. в той или иной мере проявляется и в других подмосковных соборах этого времени. В Успенском соборе в Коломне (1672 г.) он ощущается в непомерно тяжелом силуэте глав и больших окнах с резными наличниками; в Успенском соборе Иосифо-Волоколамского монастыря — в мотивах сочной ордерной декорации фасадов, характерной для нарышкинского барокко, в живописных пристройках галерей.

Под влиянием посадской архитектуры продолжается начатая еще в предшествующем столетии переработка пространства соборных храмов на «клетский» манер. В связи с этим возрастает число двухстолпных храмов с поперечной ориентацией четверика. Так, Троицкая церковь (1696 г.) Краснохолмской Соловецкой пустыни имеет необычное расположение двух столбов, поддерживающих по середине лотковые своды с единственным световым барабаном между ними.

В XVII в. шатровые храмы теряют прежнюю ясность и кри-

таллическую чистоту форм. И здесь появляются усложненность и живопищность композиции, дробность и измельченность облика. Чаще всего шатер теперь отсекается от основного объема глухим сводом, превращаясь в декоративную форму, которая, все более «усыхая», мельчает. Гонение церкви на шатровую форму, начатое патриархом Никоном под предлогом ее нецерковного происхождения, предопределило дальнейшую судьбу шатровых храмов. Известны лишь единичные случаи их строительства в первой половине XVII в. в Подмосковье. Борис Годунов в крепости Борисова городка в 1603 г. воздвигнул столпообразный храм Бориса и Глеба, увенчанный шатром с множеством декоративных кокошников в основании. Редкий случай применения открытого шатра в это время — в церкви Покрова в селе Медведкове (1620 г.). Периферийные районы России значительно дольше сопротивлялись запрету. Отголоски этой любимейшей зодчим формы можно видеть в мотивах многочисленных шатровых колоколен и крылец, столь характерных для церковного зодчества Москвы и всей средней России. Среди этих сооружений выделяются огромная шатровая колокольня собора в Коломне (XVII в.) и шатровая звонница Лужецкого монастыря в Можайске (XVII в.). В Подмосковье сохранилось довольно много рядовых колоколен шатрового типа.

Затормозить прогрессивные процессы в искусстве церковь не могла. Борясь с обмирщением, она была вынуждена для упрочения своего престижа прибегать к формам светского величия. Изгоняя шатры как форму якобы нецерковную, патриарх Никон возводит в своей новой резиденции — Новом Иерусалиме на Истре грандиозный шатровый храм Воскресения (1658—1685 гг.) — факт парадоксальный, но весьма симптоматичный, свидетельствующий о шаткости художественных позиций церкви даже в лице владыки, не устоявшего перед соблазнами светского искусства.

На основании привезенной патриарху Никону модели создано было близкое подобие древнего Иерусалимского храма с целой системой моленных помещений, которым придан был круглый зал в виде огромной ротонды с гробом господним посредине. Тогда, видимо, и возникла идея перекрыть ее не куполом, а шатром, с вознесенным под ним грандиозным пространством. Каменный шатер возведен на большую высоту. В ходе поиска замыслов определилась сложная система композиции храма, с обилием живописно сопоставленных объемов и глав, организованных вокруг наиболее крупной ротондальной формы, увенчанной каменным шатром. Достоинством Ново-Иерусалимского храма было его дивное изразцовое убранство, причем не только наружных стен, но и иконостасов. Величием и роскошью он производил весьма сильное впечатление на современников. На этом и строился расчет обосновавшегося здесь владыки. При патриархе Никоне Новый Иерусалим сделался центром производства много-

цветных поливных изразцов, пользовавшихся широким спросом. Изразцами украшены многие строившиеся тогда церкви в Москве и ее округе.

Рендены белой монументальной традиции в архитектуре в отдельных случаях еще давали о себе знать на московской земле, особенно когда это касалось престижа высокопоставленных особ церкви, претендующих на гегемонию. Показательна в этом отношении «затей» ростовского митрополита Ионы Сысоевича со строительством нового обширного двора в Ростове-Ярославском.

Об усилении светского мирского начала в архитектуре свидетельствует развитие палатного и хоромного строительства в городах, загородных усадьбах и монастырях. Но теперь наряду с деревом широко внедряется кирпич, придавший совершенно иной облик постройкам.

Тон задавала Москва. С оживлением монументального каменного строительства здесь в 1636 г. создается крупная светская постройка — кремлевские Терема (мастера Б. Огурцов, А. Константинов, Т. Шарутин, Л. Ушаков), определившая стиль палатного строительства XVII в.

При ярусной композиции Терема получили наиболее строгое линейное расположение помещений в виде проходных комнат, связанных дверями. Примечательной особенностью их архитектуры стали большие спаренные окна, украшенные цветными стеклами и пышными резными наличниками, открытые галереи-гульбища с лестницами, декоративное убранство стен ширинками и изразцами. Палаты были богато убраны, здесь находилось много резной мебели; стены расписаны фресками. Прием композиции Теремов с линейным расположением помещений получил дальнейшее развитие в загородном Воробьевском дворце (1685—1690 гг.) в виде протяженной двухэтажной деревянной постройки, стоящей на каменном подклете с бесконечным числом одинаковых повторяющихся комнат.

Но если в этих царских постройках при всей их декоративности проявилась такая новая черта, как регулярность, то в Коломенском дворце, возведенном в 1667—1668 гг. мастерами С. Петровым и И. Михайловым из дерева, взяла верх живописная и декоративная тенденция стиля. Его композиция составлена из множества отдельных замкнутых «клетей», образующих вместе со стоящей рядом каменной церковью сложный живописный ансамбль. Здесь в полной мере утверждают себя художественные принципы хоромного строительства с постепенным свободным развитием композиции и тенденция узорочья, которая проявилась не только в затейливых формах крыш, но и в обилии всевозможного декора. Коломенский дворец стал не менее ярким воплощением стиля XVII в.

Царские подмосковные дворцы были и первыми рассадниками европейских новшеств. Так, в Измайлове при Алексее Михай-

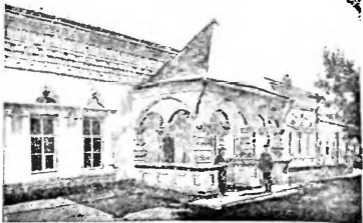

Перелные ворота в с. Коломенск

ловиче заводятся необычные сады регулярного типа, предназначенные не только для хозяйственных нужд, но и для увеселения, то есть утилитарное начало сочетается в них с новым представлением о красоте, созданной регулярным построением плана. Такого рода сады стали прообразом будущих регулярных усадеб петровского времени.

И все же Измайлово — еще типичный ансамбль XVII в. Несмотря на появление здесь отдельных регулярных образований, по-прежнему определяющим было природное живописное начало, когда все компоненты свободно располагались в ландшафте еще без признаков их организации с помощью планировочных осей. Обширный ансамбль объединен громадой выстроенного здесь Покровского собора, который доминировал над остальными постройками. На территории собственно двора организующую роль играла каменная домовая церковь Иосифа-царевича, объединенная с деревянными теремами переходом. Однако в расположении надворных построек здесь также намечалась тенденция к упорядоченности, предопределенная правильной четырехугольной формой ограды. Усадьба имела зверинец, рыбные пруды с запрудами, фруктовые сады, огороды и прочие уголья, составлявшие ее обширное хозяйство.

В 1672 г. в Коломенском, а в 1682 г. и в Измайлове появляются первые образцы каменных воротных сооружений с палатами над ними и по бокам, ставших прообразом будущих общественных зданий. Центральная их воротная часть благодаря ярусу звона, увенчанного шатром, получила башнеобразную вер-

тичную композицию, определившую триумфальный характер этих сооружений. На их основе в московской архитектуре в петровское время родилась знаменитая Сухарева башня. Асимметричность парадных ворот в Коломенском сменяется в Измайлове уже абсолютно уравновешенным симметричным решением, предвосхищая развитие к равновесным формам в архитектуре.

Примечательным архитектурным явлением монастырского строительства в XVII в. стали многочисленные каменные трапезные, развивающие традиции предшествующего палатного строительства, но и с привнесением новых черт стиля своего времени. Помимо одностолпных квадратных теперь появляются и более обширные двухстолпные залы, где нарушается прежняя статичность их замкнутого пространства (например, трапезная Саввино-Сторожевского монастыря, возведенная в 1652—1654 гг.). В трапезной Ново-Иерусалимского монастыря (1686—1692 гг.) бесстолпные палаты перекрываются коробовыми и крестовыми сводами, отчего вызывают ощущение зальных помещений. Все более устойчивой становится не квадратная, а прямоугольная форма плана. Характерны также большие окна, украшенные наличниками. Водруженные на подклет, трапезные окружены арочными галереями-гульбищами с лестничными «всходами» и крыльцами на манер теремных построек, что усиливало их живописность, устрояя былую аскетичность образа.

Новой темой в монастырях стало строительство больничных палат, где, как и в трапезных, в композицию включена церковь. Но для XVII в. становится характерной уравновешенная симметричная комбинация палат по отношению к церкви. Такая композиционная схема наметилась уже в Больничных палатах Троицкого монастыря (1635—1637 гг.), объединенных шатровой церковью Зосимы и Савватия. Но окончательно она оформляется в Больничных палатах Ново-Иерусалимского монастыря (1698 г.) и построенной здесь же трапезной. Как и в мирских палатах, эти монастырские постройки также имеют подклет, часто с открытым гудьбищем, куда ведут лестничные «всходы», а их наружный убор уже несет все черты декоративного стиля своего времени.

В некоторых подмосковных монастырях в XVII в. складывается и тип дворцовых построек, предназначенных для пребывания царя и других высокопоставленных лиц. Большинство из них имеет линейную, разбитую на отдельные секции структуру помещений, характерную для монастырского типа жилища, с наружными соединительными галереями. Светский характер государевых и патриарших палат Николо-Угрешского монастыря (XVII в.), дворцов Алексея Михайловича и царицыных палат Саввино-Сторожевского монастыря (1652—1654 гг.) раскрывается в их нарядном наружном убранстве, в резных наличниках больших окон и побеленных декоративных деталях на фоне краснокирпичных стен, в живописности пристроенных шатровых крылец на кубышкообразных опорах. Особенно характерны в этом отношении царицыны палаты.

Вместе с тем в Митрополичьих покоях Троицкого монастыря (первая половина XVII в.), в ските патриарха Никона (1658 г.) и во дворце царицы Наталии Михайловны в Ново-Иерусалимском монастыре (конец XVII в.) можно видеть утверждение и хоромного типа композиции с живописной комбинацией объемов палат, образующих сложные уступчатые планы в виде «глаголя» и других фигур. Здесь окончательно берет верх «мирское» начало.

В XVII в. в монастырях Подмосковья широкий размах приобретает строительство каменных келейных корпусов, с характерным для них линейным двухрядным расположением помещений, образующих отдельные изолированные секции. Образцом келейного строительства стал Предтеченский корпус Троицкого монастыря (первая половина XVII в.). По его подобию возведены кельи в Лужецком монастыре (1681—1692 гг.) в Можайске, братский корпус (1682 г.) Ново-Голутвинского монастыря и кельи (середина XVII в.) Саввино-Сторожевского монастыря.

В XVII в. в городах складывается тип каменного посадского дома. Однако в Подмосковьи таких домов — единицы, и строили их главным образом в богатых торговых городах. Представление о нем может дать дом, сохранившийся в Коломне по Посадской улице. Этот тип жилища восходит к композиции простейшей деревянной избы, то есть имеет в центре сени и по бокам палатки

(светлицы), поставленные на нижний подклетный этаж и покрытые высокой тесовой кровлей. На второй этаж обычно вели деревянные лестничные «всходы» с крыльцом. Все помещения были сводчатые с распалубками против окон. Наружные стены дома членились лопатками, а окна и карнизы украшались узорной кладкой из цельного и тесаного кирпича. Для купеческого жилища характерны кованые решетки на окнах с железными затворами (ставнями), массивные дубовые двери, совсем маленькие «оконца» первого подклетного этажа, где были кладовые.

ГОРОДА И АРХИТЕКТУРА ПОДМОСКОВЬЯ В ПЕРЕЛОМНОЕ ПЕТРОВСКОЕ ВРЕМЯ И В ПОРУ ЗРЕЛОГО БАРОККО

(первая половина XVIII в.)

Петровские преобразования способствовали дальнейшему развитию светской культуры, открытому общению с передовой культурой Запада, ее богатым художественным опытом. На смену средневековой схоластике приходит научное познание, в котором нуждалось молодое петровское государство. Под влиянием этих процессов гибнет сказочно-поэтическое художественное ощущение мира, его вытесняет новая рациональная эстетика, обращенная к самой практике, к жизни. Искусство просвещенного абсолютизма соединяет рациональные и чувственные моменты, воплощаемые в стиле барокко.

В архитектуре и градостроительстве широко утверждают себя европейские черты. Разительность этого перелома была особенно ощутима в строительстве новой российской столицы — Санкт-Петербурга, тогда как в Москве и Подмосковье происходит медленная ассимиляция иноземных элементов в собственной художественной традиции. Струя местного доморощенного искусства сталкивается с искусством «ученым», несущим в себе иноземное европейское начало. На почве Подмосковья это дает причудливый симбиоз форм.

В раннепетровское время в Москве и ее округе еще продолжают работать многие русские мастера конца XVII в. Среди них Я. Г. Бухвостов, В. Белозеров, П. Потапов, О. Старцев, Д. В. Аксамитов. В начале нового века в Москве появляется выходец из Украины П. Зарудный, принесший навыки пышной украинской «рези» и знания европейских ордерных форм; он славился и как

архитектор. В это время в Москве и ее загородных усадьбах работают также и иностранные мастера: в Лефортове — М. Фонтана и Г. Шедель, а в самой Москве — Х. Конрад. На короткий строительный сезон приезжают «на Московию» лепщики из Италии и Швейцарии.

Древнерусская градостроительная система подвергается кардинальному переосмыслению на основе опыта регулярного европейского градостроительства. Но воплощением перелома суждено было стать уже не средневековой Москве с окружающими ее древними городами, а Петербургу. Отсюда новые градостроительные веяния придут и в Подмосковье, но уже значительно позднее — в конце XVIII в., когда началась перепланировка на новых регулярных началах всех российских городов.

В раннепетровское время рассадником новшеств стала Лефортова слобода. Здесь с помощью иностранных инженеров молодой царь Петр I построил для своих полков «на регулярный манир» солдатские слободы со стандартными избами и равномерно нарезанными участками, расположив их фасадами по линии улиц и переулков, как того требовали новые градостроительные правила. Для регулирования застройки в самой Москве жителей заставляли строить свои дома по установленному образцу и ставить их фасадом на улицу. В пригородном селе Покровском для показа были возведены «образцовые» дома. Регулярные слободы в селах Преображенском и Покровском стали неким прообразом застройки раннего Петербурга. Строительство Петербурга открыло качественно новый этап в развитии русского градостроительства. Здесь наметился резкий разрыв со средневековой градостроительной традицией. Однако новое давалось ценой замиранья строительства почти на всей остальной территории страны. Градостроительные новшества в Лефортовой слободе и в самой Москве не затронули остального Подмосковья, города его еще довольно долго пребывали в своем средневековом обличье. Регулярное начало в застройке Москвы и Петербурга в первой половине XVIII в. отозвалось лишь в новом усадебном строительстве и фортификационных затеях молодого царя в подмосковных селах Преображенском, Кожухове, Семеновском, Коломенском, Воскресенском, Дьякове. Здесь для петровских военных «потех» были выстроены миниатюрные земляные крепостицы идеально правильной формы с куртинами и бастионами наподобие тех, какие возводили в Европе. В Подмосковье такого рода крепости оказались лишь «игрушкой», тогда как во время военных действий с Турцией и Швецией на новых землях они положили начало строительству первых регулярных городов-крепостей.

Перемены более ошутимо сказались на земле Подмосковья в архитектуре. Конец XVII в. дал новые импульсы для ее развития. Причем ранее всего на это реагировало церковное зодчество. Триумфальные настроения Петровской эпохи сказались в мажорном, приподнятом строе образов архитектуры. Однако новое

—1697 г., зодчий Я. Бухвостов

ляется такой характерный атрибут древнейшей княжеской архитектуры, как хоры; а князь Б. Голицын увенчал свой усадебный храм в Дубровицах светским символом — княжеской короной. В миниатюрной вариации вотчинного храма величавая торжественность сменяется интимными настроениями осознающей себя личности. Появление центральных ярусных храмов в Подмосковье связано со строительной деятельностью рода Нарышкиных, особенно близко стоявшего ко двору. Церковь Петра митрополита, построенная матерью царя Петра в Высоко-Петровском монастыре (1683 г.) в Москве, положила начало линии «нарышкинской архитектуры». Идея этого храма получила дальнейшее развитие в вотчинном строительстве, особенно благоприятствовавшем смелым композиционным поискам. Центрические храмы почти одновременно появляются в подмосковных вотчинах Нарышкиных, Прозоровских, Долгоруких, Голицыных и других знатных владельцев. Среди них поражают красотой своих форм церкви в Филях (1693 г.), Троицком-Лыкове (1698—1703 гг.), Уборах (1694—1697 гг.), Дубровицах (1690—1704 гг.); в них сконцентрирована особая выразительность нарышкинского стиля. Ряд храмов этого типа, и в частности в Уборах, связан с деятельностью Я. Бухвостова.

Традиционная форма «восьмерик на четверике» становится исходной основой для композиции. Пространственное ядро четверика по сторонам обрастает одинаковыми приделами, выявляя уравновешенную центрическую основу храма, над которой возвышаются ярусы постепенно уменьшающихся восьмериков. В вотчинном строительстве возрождается древний тип храма «иже под колоколы», поскольку многие из таких храмов завершаются ярусом звона.

При общих признаках центричности и ярусности возникает большое разнообразие планово-композиционных решений храмов. Так, среди вотчинных церквей встречается прием повторения скругленного или трехдольного объема алтаря только с западной стороны четверика (например, церковь в Троицком-Лыкове) или со всех четырех его сторон (церкви в Филях, в Дубровицах и многие другие). Разнообразные комбинации образуются и при восьмигранном основании храма с перпендикулярным или диагональным расположением примыкающих объемов абсид (церковь в Тинькове 1701—1707 гг.). В отдельных проявлениях возникли центрические лепестковые планы из круговой комбинации самих абсидных полукружий, где уже нет ни четверикового, ни восьмигранного основания (церковь в Перове 1705 г.). В Подмосковье можно встретить и храмы с округлым основанием, к которому крестообразно примыкают выступы алтаря и притворов (церковь в Марфине 1701—1707 гг.).

Оставаясь порождением средневековой художественной культуры, стиль нарышкинского барокко вместе с тем широко использует европейскую ордерную декорацию, по-новому трактуя мас-

су и пространство. Если ранние его постройки еще сохраняют инертное абстрактное ощущение стены, то в поздних постройках стена и декор получают чувственно-пластическую интерпретацию, характерную для барокко. Чувственно-пластическое начало утверждало себя и иллюстративно, через прямое воспроизведение в резьбе и скульптуре мотивов живой природы: трав, цветов, плодов и человеческих фигур, почти сплошь унизывающих стены храмов.

Переход от абстрактного к чувственному отразился и на характере композиции: от суммирования отдельных уменьшающихся ярусов-клетей силуэт храмов приближается к выражению единой слитной массы — столпа. Соответственно и в развитии внутреннего пространства выявляется определенная тенденция к преодолению разобщенной «клетской» структуры с выходом к слитным крестообразным пространствам и уже совсем круглым зальным помещениям. Конечно, зальные круглые пространства еще не дали гармоничного ренессансного ощущения образа, ибо переход к новому времени в архитектуре осуществлялся в России в формах барокко.

Примечательная особенность внутреннего пространства такого рода храмов — ощущение взлета и торжественности, создаваемое не только светлостью и высотой его, но и устремленностью ввысь центра иконостасной стенки, украшенной пышной барочной резьбой. Особенно впечатляют торжественностью и ликующим образным строем иконостасы усадебных церквей в Филях, Троицком-Лыкове, Уборах, Дубровицах. В ряде храмов этого типа пластическое начало получает развитие и в появившейся настенной гипсовой лепке. Так, в Дубровицком храме она почти сплошь покрывает стены восьмигранного столпа, образовав многоярусные композиции наподобие иконостасов с пышными лепными картушами. И наружный убор Дубровицкого храма — это не что иное, как вынесенная на фасад иконостасная резьба, только выполненная в камне. Такого ликования плоти и растительных мотивов, тесной вязью покрывших все тело храма, еще не знала допетровская Русь. Высокое художественное качество внутренней лепнины указывает на выполнение этой работы европейскими мастерами.

На рубеже XVII—XVIII вв. вотчинное строительство Подмосковья испытывает определенное влияние композиции украинских центральных церквей с их едиными, нерасчлененными по вертикали объемами. Украинские черты появились уже в такой довольно ранней постройке, как церковь села Курова (1681—1687 гг.), и затем в петровское время в церкви усадьбы Узкое (начало XVIII в.). Влияние соседствующего украинского и белорусского искусства на московскую архитектуру проявилось и в мотивах декорации, прежде всего барочной иконостасной резьбы.

На рубеже веков особенно остро ощущается противоречивое

совмещение старого и нового. На примере Дубровицкого храма можно видеть, что средневековая художественная система умирала в состоянии декоративной агонии. За ней последовало «отрезвление». Некоторые подмосковные храмы начала XVIII в. несут печать выраженной рациональности, что сказывалось не только в их композиции, но и в новом характере архитектурного декора. Планы и композиция становятся проще, в них все меньше криволинейных элементов, усиливается тенденция к выявлению ровных плоскостей стен. Не столь сложно строится композиция такого рода храмов и по вертикали: двухъярусные, часто уже без «звона», они получают спокойный силуэт и выглядят намного скромнее. В разделке наружных стен начинает акцентироваться не столько их пластичность, сколько тектоническое построение, что сопровождается постепенным исчезновением растительного декора и упрощением ордерных элементов вплоть до появления графичных филенок. Такой же архитектурный характер приобретают в этих храмах и иконостасы, где господствуют собственно ордерные элементы. Эти новые черты подмосковной архитектуры присущи усадебным храмам в Троекурове (1700 г.), Тинькове (1701—1707 гг.), Волинском (1703 г.), Полтеве (1707 г.). Что-то прозаическое вторгается и в их образный строй, не претендующий на былое величие и торжественность. В храмах такого рода обнаруживается больше точек соприкосновения с петербургской архитектурой, хотя связи с московской художественной традицией и для них остаются более существенным признаком.

Центрические композиции, выработанные в вотчинном строительстве, оказали влияние и на сложившийся ранее тип трехчастного храма, широко бытующего в городском посаде и в загородной местности — в усадьбах и селах. Основной объем четверика вместо глухого сомкнутого свода получает светлый раскрытый большими окнами восьмерик или целую систему уменьшающихся восьмериков, образующих ярусную композицию верха. Характерны в этом отношении церкви в подмосковных селах: Никулино (начало XVIII в.), Афинеево (1704—1709 гг.), Кривцы (1708 г.), Тропарево (1713 г.), Павельцово (1715 г.), Ильинское (1717 г.), Старое село (1726 г.) и некоторые другие. Центрические композиции появились и в некоторых монастырских надвратных храмах петровского времени, и в частности в Ново-Иерусалимском монастыре, где Я. Бухвостовым в 1697 г. была построена необычная, лепесткового плана церковь с ярусами уменьшающихся восьмериков.

Петровская эпоха особенно благоприятствовала развитию светской архитектуры. В Москве и его округе строят палаты и дворцы для царя и его приближенных, в монастырях сооружают обширные каменные трапезные с просторными залами. Существенным нововведением в строительстве трапезных было применение коробового свода, позволившего бесстолбно перекрывать большие

помещения. В таких сооружениях, лишенных столбов, преодолевается прежняя центрическая неподвижность пространства: благодаря протяженности и сильному подвышению свода оно как бы пробуждается и получает динамическое звучание — рождается зальное его ощущение. Оно усиливается и обилием света, льющим через большие окна. пышное декоративное убранство залов с применением лепных картушей придает им особую торжественность и праздничность. Необычность образного строя внутреннего пространства отразилась и на фасаде в столь же праздничной и торжественной декорации, где все большая роль начинает принадлежать европейским ордерным формам, и прежде всего полнообъемной колонне, но воспринятой в более понятной для русских мастеров барочной интерпретации. Поэтому их внимание привлекают и различные декоративные формы архитектуры европейского барокко. Распространенным мотивом в декоративном убранстве фасадов становятся волюты, фиалы, балюстрады, пышные растительные картуши и раковины, «рванные» фронтоны. Однако сквозь пышный барочный убор фасада проступает регулярная основа его композиции, определяемая ритмичным чередованием окон и полнообъемных колонн ордера. Активную роль в объединении всего фасада теперь играют широкие полосы развитых карнизов, акцентирующих горизонтальный характер новых протяженных композиций. Заметным новшеством в архитектуре Подмосковья этого переходного времени стало решение трапезной палаты (конец XVII в.) Троицкого монастыря в Сергиевом посаде.

Светское понимание пространства появляется и в некоторых дворцовых зданиях конца XVII в. Характерны в этом отношении царские чертоги, возведенные в том же монастыре, с их регулярным, растянутым в линию планом и множеством повторяющихся палат, связанных анфиладой дверей. Регулярная структура пространства сказалась и в оформлении фасада — в упорядоченном расположении окон и всей настенной декорации, где организующая роль также принадлежит ордеру. В этой царской постройке особенно ощущается значение собственного фасада, что говорит о признаках нового европейского мышления. Однако и в трапезных и в дворцовых постройках этого переходного времени с их живописностью и узорочьем, открытыми гульбищами и лестницами еще сохраняются средневековые художественные черты. Невольно вспоминаются и кремлевские Терема и Воробьевский дворец.

Новые веяния в архитектуре затронули усадебное строительство Подмосковья, где все более широко утверждается регулярность. В петровское время заметно возрастает светская увеселительная сторона жизни дворянства, всячески поощряемая царем. Поэтому подмосковные усадьбы наряду с обычной хозяйственной функцией начинают выполнять роль увеселительных и представительных резиденций. Это существенно изменило весь характер

их композиции, планировку и отразилось на архитектуре самих построек.

В Лефортове по берегам Яузы в конце XVII в. появились первые регулярные усадьбы увеселительного типа. Если усадьба Ф. Головина своей главной осью еще развернута вдоль реки, то комплекс Лефортовского дворца ориентирован на воду, к Яузе, предвосхищая характерные приемы планировки петербургских загородных дворцов. Уже здесь водное пространство становится активным компонентом ансамбля. В усадьбе выявляются зона подъездного двора со службами, собственно палаты и простирающийся за ними на берегу Яузы регулярный парк, устроенный на «европейский манер» с геометризированными газонами, фигурными прудами, фонтанами, скульптурой и многими другими новшествами. В усадьбе Ф. Головина регулярность становится особенно очевидной: все элементы комплекса расположены в строгом соответствии с прямоугольной сеткой, положенной в основу ее планировки. Здесь также в композиции усадьбы немаловажное место отведено воде — в парадную зону подъездного двора по оси дома включен фигурный водоем пруда. Этот опыт послужил примером для крупных вотчинников Подмосковья.

В планировке регулярных партеров преобладает простейшая прямоугольно-параллельная разбивка газонов на отдельные «карты», хотя уже появляются скрепляющие их диагональные аллеи. Обсадка аллей липами с выявлением геометрического рисунка газонов становится распространенным приемом во всех регулярных парках петровского времени. Уже ранние регулярные парки получают четкие геометрические границы, очерченные земляным брусом и рвом. Местоположение усадебного дома не всегда совпадает с главной композиционной осью парка, отдельные регулярные компоненты усадьбы еще сохраняют обособленное значение. Эта особенность усадебного строительства Подмосковья раннепетровского времени удерживается даже в такой сравнительно поздней усадьбе, как Глинки (1726 г.). Если в конце XVII в. усадебный дом еще довольно часто komponуется вместе с церковью, то в петровское время намечается тенденция к разделению этих компонентов ансамбля: церковь выносится в парк в виде отдельной павильонной постройки.

Первоначальная планировочная основа регулярных парков петровского времени и сейчас прослеживается в подмосковных усадьбах Марфино, Дубровицы, Никитское, Полтево, Измайлово, Аннино, Сафарино (Софрино), Изварино, Глинки и других.

Под влиянием европейского палаццо складывается композиция большого загородного дворца с симметричными ризалитами и регулярно расположенными помещениями. Развитие парадных форм жизни предопределило главенство расположенного в центре большого зала с примыкающей к нему симметрично группой проходных комнат. Все эти новые черты усадебной архитектуры воплотил Лефортовский дворец (1697—1698 гг., архитектор

Д. Аксамитов). В такого рода дворцах происходит переработка прежнего хоромного типа жилища, «на манер» фряжского палаццо. В усадебном строительстве дворянства определился упрощенный, малый вариант дворца, получивший распространение в загородном строительстве Москвы и Петербурга (например, дом в Глинках). Вместе с тем в ряде подмосковных дворцов видна связь с посадским типом жилища, в которых группа анфиладно связанных помещений компоуется вокруг расположенных в центре сеней (например, палаты Ф. Головина). Компактная форма загородного подмосковного дворца, сложившаяся в петровское время, содержала возможность ее дальнейшего развития по продольной оси с разворотом главных фасадов; такая композиция станет особенно характерной для дворцового строительства зрелого барокко.

В соответствии с формирующейся новой структурой пространства заметно меняется и наружный облик загородных дворцов. На фасадах также появилась симметрия с элементами европейской ордерной декорации. К строгому ранжиру была приведена декоративная система Лефортовского дворца, хотя живописностью и красочностью облика он еще напоминает теремные постройки с островерхими кровлями. Здесь сохраняется и такой традиционный атрибут хоромной архитектуры, как подклет. Но уже в обрамлении окон и украшениях стен можно было разглядеть множество декоративных деталей европейского происхождения. Еще больше европейских признаков в палатах Головина на Яузе, где уже исчезает ощущение узорочья, вытесненное новой ордерной декорацией. В суховатой графической расчерченности фасадов палат предугадывается стиль раннего Петербурга. Роль ордера особенно выявлена в тех постройках, которые создавали в Подмоскovie иностранцы, и в частности в служебных корпусах Меншиковского дворца. Итальянский архитектор М. Фонтана воспроизвел по периметру огромного двора мотив аркатуры с полным ордером, решенным в пилястрах, близким к европейским канонам. Но этот пример не поколебал чисто московской пластичной интерпретации ордера с присущей ей мягкой сочной лепкой деталей, что особенно ярко иллюстрирует декорация усадебного дома Брюса в Глинках.

Существенные изменения наметились и в интерьере подмосковных усадебных домов, где на смену низким сводчатым помещениям приходит четкое геометризованное пространство комнат, перекрытых плоскими потолками, с большими светлыми окнами и множеством анфиладно расположенных дверей. Иным становится и их убранство, заводится много европейских новшеств, стены декорируют штофом и гобеленами, появляются зеркала и станковые картины. Богатые владельцы приобретают резную европейскую мебель, люстры. Но часто еще бытуют привычные высокие печи, правда, украшаемые иногда голландскими изразцами. Отраженное в зеркалах пространство иллюзорно расши-

рывает границу помещений. Четкая графическая основа их включает пластический и живописный компонент в виде пышной резной мебели и декоративного убранства стен, создающих выразительный контраст рационального и чувственного начала, столь характерного для мироощущения человека петровского времени. Потребности нового быта приводят к появлению приемных и танцевальных залов, парадных столовых и спален, картинных галерей и кабинетов. Словом, стиль подмосковного дворцового интерьера все более приобретает европейские черты, причем наиболее полно они проявились во вновь построенных усадьбах Лефортовой слободы. Европейские новшества постепенно меняли быт и рядового дворянства, но в Подмоскovie этот процесс принял затяжной и довольно половинчатый характер.

Таким образом, в раннепетровское время Москва и ее округа породили первые ростки нового искусства, хотя здесь еще заметно довлели средневековые художественные традиции. В 1714 г. в связи с возведением Петербурга каменное строительство было почти повсеместно запрещено, включая и Московскую губернию. В полную силу новое могло проявиться лишь в условиях Петербурга, куда и устремлены были в дальнейшем все помыслы великого реформатора и вся художественная энергия зодчих. Однако московская художественная традиция обрела иной смысл в середине века, когда она стала импульсом к возрождению национальных истоков культуры, стимулирующих дальнейшее развитие европейской ветви архитектуры (Петербург) и сложение стиля зрелого барокко.

В середине XVIII в. — время расцвета абсолютизма и стиля барокко — складываются более благоприятные условия для развития московской архитектуры. Программная ориентация на национальные традиции снова подняла значение первопрестольной столицы, и здесь начинается оживление строительной деятельности, захватившей и ее округу, ближайшие подмосковные усадьбы и города. В Москве складывается собственная архитектурная школа сначала во главе с И. Ф. Мичуриним, а затем и Д. В. Ухтомским. Здесь работали также А. П. Евлашев, И. П. Жеребцов, Ф. Аргунов, К. И. Бланк и другие зодчие. Заметный след в архитектуре Москвы оставил знаменитый В. В. Растрелли. Но в середине XVIII в. в Москве возводятся преимущественно дворцы и церкви. Резонанс градостроительного размаха Петербурга и на этом этапе не достиг московской земли, где все оставалось неизменным вплоть до конца XVIII в.

Барокко органично привилось на московской земле, ибо этот стиль допускал свободное развитие фантазии, предрасполагал к поискам выразительных декоративных и формально-пластических решений. Местные мастера увидели в нем возможности для продолжения излюбленных художественных традиций конца XVII в.

В московской архитектуре получает дальнейшее развитие

трехчастная композиция храма, сложившаяся еще в XVII в., но с приведением в нее стилизованных форм барокко. В композиции основного объема храма обыгрывается все та же система «посы- мерик на четверике». Универсальность этого типа храма по-пре- жнему обусловила его широкое распространение на территории

Подмосковья. Черты храмовой архитектуры середины века наиболее ярко воплощены в известной церкви Михаила архангела в Никольском (1748—1773 гг.). Характерны также Спасская церковь в Солнечногорске (1759 г.) и масса рядовых церквей. В завершении четверика встречается и мотив полуглавия, появившийся в московской архитектуре еще в петровское время и затем в церкви с. Ильинское, построенной в 1732—1735 гг. архитектором А. П. Евлашесвым. Форма полуглавия повторена в церкви Троицы в Голоцолове (1752 г.), в Тихвинской церкви в Авдотыне (1749—1753 гг.), в Успенской церкви (середина XVIII в.) села Успенского и некоторых других церковных постройках. Широкое распространение в Подмосковье получают и храмы с сильным подвышением сомкнутого или восьмиугольного свода, вырастающего из их четверикового основания, причем часто с выходом в световой барабан, отчего они приобрели чисто барочную выразительность, усиленную еще кривизной крыш и очертанием глав. Среди них интересны церкви: Покрова в Никольском (1738 г.), Рождества в Соловкине (1749 г.), Ильинская в Лемешево, Успенская в Жилине (1754 г.), Троицы в Щапове (1756 г.) и поздние — Покрова в Абдулове (1762 г.), Рождества в Иудине (1763—1771 гг.). Продольная осевая ориентация композиций церквей подчеркивается не только четкой выстроенностью всех элементов с запада на восток, но иногда и вытянутостью в этом же направлении основного объема четверика — прием, характерный для столичного барокко и, видимо, появившийся здесь не без влияния петербургских базиликальных храмов.

Декор нарышкинского барокко почти везде вытесняется чисто европейскими формами: используются рустовка, филенчатая и пилястровая разделка стен, а в оформлении проемов — барочные наличники с лучковыми фронтонами. В подсветке куполов применяются круглые и овальные люкарны. Подмосковные церкви 30—40-х годов еще имеют черты сдержанного анненского барокко с преобладанием графичных деталей, образующих упругие хрупкие линии декорации стены. Но в дальнейшем нарастает пластичность декора в убранстве фасадов церквей и в особенности колоколен; широко использованы полнообъемные колонны с креповками карнизов, более сочным и пластичным становится и декор наличников, то есть стиль тяготеет к зрелости.

Для середины XVIII в. не менее характерно и увлечение высотой строительства; новый градостроительный масштаб застройки Москвы определяют такие сооружения, как церковь Климента на Пятницкой улице в Замоскворечье. Эта тенденция по-своему отозвалась и в Подмосковье, где также появились необычно высокие двухэтажные церкви с мотивом подклета, а иногда и открытого гульбища, восходящего к традициям XVII в. Поражают высотой и стройностью Михаило-архангельская церковь в Никольском (1748—1773 гг.), Спасские церкви (1759 г.)

в Солнечногорске и Лобне (1769 г.), Никольская (1778—1780 гг.) в усадьбе Отрада (Семеновское).

Если петербургская школа в поисках самобытности программно обратилась к «освященному русскому пятиглавию», то есть апеллировала к весьма древним истокам национального зодчества, то в Подмосковье, как, впрочем, и в самой Москве, оно в это время почти не встречается, ибо здесь не было насильственного разрыва с традицией и развитие продолжалось с исходных позиций рубежа XVII—XVIII вв.

Линия центрических вотчинных храмов, прерванная в петровское время, в середине XVIII в. уже не получает такого стремительного развития. Поздние ее отголоски встречаются лишь в небольшом числе усадебных храмов. Вариация центрического храма раннепетровского времени с лепестковым планом повторена в Покровской церкви усадьбы Покровское в Рубцове (1745—1748 гг.) и в Никольской церкви усадьбы Даниловское (1768—1771 гг.). Немногочисленны и ротондальные храмы этого времени.

Казанская церковь села Лайково (1764 г.) — редкий пример 12-гранной центрической композиции с вписанной в нее ротондой. Разновидность центрической композиции представляют храмы в Садках (1741 г.) и Тарычеве (1764—1765 гг.). Над их сплюснутым восьмериковым основанием возвышаются высокий граненый свод с барабаном, главы. Сжатием достигнут барочный эффект напряженного пространства и массы. Примыкающие к восьмернику с востока и запада одинаковые пристройки образуют с ним равновесную композицию. В церкви в Тарычеве она усложнена еще вертикалями башни и колокольни, поднимающихся над пристройками. В центрической церкви села Бурцево (1733 г.) отдаленной репликой прозвучала композиция нового собора Донского монастыря в Москве. Композиции центрического типа встречаются в парковых церковных постройках, уподобленных изящным павильонам. Но они уже не имеют отношения к храмам нарышкинского барокко. Влияние архитектуры парковых павильонов сказалось на композиции Смоленской церкви (1746—1748 гг.) Троицкого монастыря в Сергиевом посаде с ротондальным центрическим решением ее пространства. Выразительны выпукло-вогнутые поверхности ее стен, несущих высокий вздыбленный купол со световым фонарем, и мотив изящных наружных лестниц. Примечательна и небольшая павильонного характера Михеевская церковь (1734 г.) в том же монастыре в форме сплюснутого восьмигранника с двухъярусной барочной крышей.

Триумфальный характер времени сказался и в увлечении мотивами высоких колоколен и многоярусных надвратных сооружений. Выдающимся архитектурным явлением в Подмосковье стала колокольня (1741—1770 гг.) Троице-Сергиевой лавры с легкими перетекающими ярусами звонов, завершенных пышной золоченой короной. В этой постройке, законченной Д. В. Ухтомским, сказалась московская черта триумфальных сооружений, тяготеющих

к объемным трехмерным формам. Облегчение громадной массы колокольни снизу вверх достигнуто пространственным равенством всех пролетов. Поэтому верхние ее ярусы производят впечатлительные изящной декоративной постройки. Декоративный эффект достигнут и окраской стен, контрастно оттенившей пышный белокаменный убор колокольни. По силе впечатления эта колокольня не имела себе равных в Подмосковье, хотя отголоски триумфальной темы можно уловить и во многих рядовых колокольнях того времени, решаемых пышно, с обилием колонн и пространственными звонами. Так, не лишены выразительности колокольни Казанской церкви в Товарищеве (1731—1735 гг.), Тихвинской в усадьбе Авдотьино (1749—1753 гг.), церкви в селе Спас-Косицы (1761 г.), в усадьбе Могильцы (1767 г.) и Воронове (вторая половина XVIII в.).

Не менее внушительно триумфальная тема прозвучала и в заново построенном В. В. Растрелли после обрушения Ново-Иерусалимском храме (1750—1760 гг.), с пространственным светлым шатром дивной красоты, венчающим ротонду. Легкая деревянная конструкция позволила сделать его высоким и раскрыть множеством больших окон. Светоносность найденной Растрелли формы в сочетании с пышной лепниной придали особую торжественность и великолепие интерьеру храма. Эффект парения шатра достигнут и контрастом его облегченной воздушной формы с массивными, как бы ушедшими в землю устоями галереи-ротонды. Средствами архитектуры и декоративных искусств здесь удалось создать впечатляющий синтетический образ прославления и возвеличения в духе многоголосого торжественного хора. Как мерцающая драгоценность воспринималась в нем золоченая деревянная сень над гробом господним, возвышающаяся посредине зала. Пространственно пластические эффекты барокко получили здесь наиболее яркое выражение. Немаловажная заслуга в создании этого архитектурного шедевра принадлежит и К. И. Бланку, выполнившему лепной декор ротонды.

Зрелищный синтетический характер искусства барокко наиболее ярко отразился в архитектуре подмосковных усадеб. В грандиозной царской усадьбе Анненгоф (1730—1731 гг.) на Яузе, созданной по проекту В. В. Растрелли, оформились основные идеи регулярного паркостроения и загородной дворцовой архитектуры; они прослеживаются и в подмосковных дворянских усадьбах. Здесь происходит дальнейшее усложнение планировки парка: на прямоугольную сетку первоначального плана накладывается лучевая система аллей, ориентированных на отдельные архитектурные компоненты пространственного ансамбля, обеспечивая их более тесную взаимосвязь. Регулярность достигает идеального выражения с выявлением единой организующей оси, ориентирующей усадьбу к Яузе. Новое качество сказалось и в наиболее просторном размахе регулярного парка, которого еще не знало подмосковное усадебное строительство. Необычна была и сама

Ротонда Воск
1658—1685 гг.

архитектура дворца с растянутым вдоль Яузы фасадом, в котором предвосхищались торжественные линейные композиции загородных дворцов Петербурга. Однако московская архитектурная традиция проявляется здесь в выявлении поперечного глубинного акцента, создаваемого корпусами и галереями большого парадного двора. Прием замыкания композиции в каре также получит раз-

витие в дворцовом строительстве Петербурга. В бесконечно повторяющихся окнах дворца и мотивах декорации отражена анфиладная структура его парадно выстроенных комнат. В напряженном абрисе наличников и пышных завершениях фронтонов ощущается дальнейшая тенденция стиля к усложненности и декоративности.

Последующее развитие анненгофского ансамбля с переносом сюда из Кремля зимнего Анненгофа и пристройкой к нему Тронуемой залы (1742 г.) усилило в этой усадьбе московские черты. Регулярность была нарушена, появилась асимметрия, хотя поддерживался линейный фронт фасадов со стороны Яузы. Зимний Анненгоф ориентирован торцом к Яузе, что еще более акцентировало глубинное восприятие ансамбля. Асимметрия внесла истинно московское живописное начало в композицию двух сопоставленных рядом дворцов. Так постепенно побеждала традиция. Не прижились на московской почве и строгие линейные планы В. В. Растрелли. Нигде не повторенный буквально, Анненгоф тем не менее стимулировал дальнейшее развитие усадебного строительства Подмосковья.

Сначала это отозвалось в переустройстве усадеб знати, расположенных в ближайшем соседстве с Анненгофом по течению Яузы. Совершенно новый облик приняла усадьба Бахартова двора (середина XVIII в.) с динамичным разлетом лучевых аллей, идущих от дворца к Яузе. Здесь произошло усложнение всей системы барочного паркостроения, достигшего своей зрелости, но с сохранением присущей московской архитектурной традиции свободы и живописности в геометрическом рисунке парка с его боскетами и газонами.

В небольшой увеселительной усадьбе Н. Трубецкого (1753 г.) на Воробьевых горах в Москве геометризм планировки распространен и на растительный зеленый убор, которому тоже приданы нарочито геометризованные формы. Теперь очень ценится стрижка деревьев и кустарников, образующих целые лабиринты из зеленых стенок боскетов, выявляющих пространственную структуру регулярного парка. Через геометризацию природы архитектура барокко как бы сама себя утверждала в ней, и, наоборот, в мотивах архитектурной декорации присутствовала сама природа.

Развитием планировочных и архитектурных идей Анненгофа стала подмосковная усадьба Кусково (середина XVIII в.) графа Б. Шереметьева. Это — самая крупная после Аннегофа усадьба в Подмосковье. В ее строительстве принимали участие К. И. Бланк и Ф. С. Аргунов. В Кускове не менее сильно выявлена строго осевая организация всей композиции, также ориентированной на воду в сторону пруда. Сложная геометрия регулярного парка с системой прямоугольных и диагональных аллей, с выстроенными вдоль них боскетами и скульптурой закреплена еще в пространстве многочисленными малыми формами и павильонами, которые образуют типично барочный зрелищный ансамбль.

Влияние Анненгофа сказалось здесь в выявлении парадного фасада усадьбы со стороны пруда, где в одну линию поставлены дворец, службы и церковь, хотя они не образуют сплюснутого фронта построек и каждая из них воспринимается в своей объемности.

В соответствии с новыми представлениями о паркостроении получают регулярную планировку сады при старом Воробьевском дворце. Перепланировке подвергались и некоторые рядовые дворянские усадьбы. Планы генерального межевания земель, снятые скатертинской комиссией, показывают, что регулярные сады были довольно широко распространены в усадьбах Подмосковья.

Стилевые особенности московского барокко отразились и в архитектуре подмосковных дворцов. Фасад усадебного дома в Кривякине (1760—1770 гг.) имеет характерные барочные сгущение колонн и сильные креновки в центре. Барочное убранство окон с пластичными формами наличников сохранил дом в усадьбе Лопасня-Зачатьевская (середина XVIII в.).

Московская архитектурная традиция в усадебном строительстве проявилась в особой склонности к декоративным решениям, причем не только в пышном убранстве дворцов, но и в вычурных формах увеселительных парковых сооружений с их изогнутыми криволинейными планами. Эта тенденция усадебной архитектуры Подмосковья связана с деятельностью Д. В. Ухтомского, К. И. Бланка и Ф. С. Аргунова.

Фасад увеселительного дома в усадьбе Трубецкого указывает на увлечение декоративными формами зрелого барокко с его пышными наличниками, но при довольно строгом плане. По своему по-московски выглядит фасад увеселительного дома, спроектированного для одной из усадеб, но-видимому, Ф. С. Аргуновым, с вычурной декорацией фасадов и сложным планом с криволинейными элементами. «Кудрявое» завершение верха дворца напоминает прыгающие языки пламени. Особая склонность московского барокко к декоративизму сказалась и в дворцовом строительстве самой Москвы.

Вместе с тем характерно стремление к выявлению объемности композиции, что особенно проявилось в «малых формах» — парковых павильонах. Объемность композиции, соединившись с декоративной тенденцией стиля, дала специфически московское его ощущение. Характерен в этом отношении павильон «Грот» в усадьбе Кусково с его грузным силуэтом и дробной рустикой муфтированных колонн на фасаде при еще более вычурном убранстве внутри. Затеяна по формам и павильон «Эрмитаж» в той же усадьбе со скругленными линиями башенных прилпцов. Подмосковные усадьбы славились и красотой своих решетчатых оград и ворот, в которых проявилась декоративная фантазия зодчих.

В середине XVIII в. в Подмосковье получает дальнейшее развитие тип дворца «в ризалитах» с группой расположенных в цент-

Дом Мещаниновых в Коломые, 1760-е годы

ре парадных помещений. Такую композицию имеют усадебные дома в Дубровицах, Лопасне-Зачатьевской, Кривякине, сохранившие свою первоначальную планировочную основу, а также проекты перестройки дворцов в Перове и Покровском, составленные В. В. Растрелли. Характерна и трехризалитная композиция первоначального Кусковского дворца Шереметьева. В проектах перестройки дворцов в Перове и Покровском можно видеть усложнение планировочной схемы и возрастание роли парадного элемента. В растянутости фасадов по продольной оси сказалось влияние приемов Анненгофа и других дворцов, выстроенных Растрелли. Но бытует и прием композиции в виде единого нерасчлененного блока с линейным двухрядным расположением помещений, восходящий к традициям палатного строительства XVII в. и посадским домам, но уже с характерной для барокко анфиладной взаимосвязью пространства. Эти черты сохранили городской усадебный дом Мещаниновых в Коломые, загородный дом в усадьбе Перхушково и некоторые другие подмосковные постройки.

В оформлении интерьера к середине XVIII в. окончательно складываются черты зрелого барокко. Компликативность петровского интерьера уступает место большей стилиевой цельности. Характерным приемом организации пространства становится церемониальная анфиладность с регулярным линейным расположением залов. В системе вызревающего барочного интерьера разрастается чувственно-пластический скульптурный компонент, заставляющий первоначальную рациональную и графичную основу петровского интерьера. Стены парадных залов теперь почти сплошь покрыты пышной золоченой резьбой, воспроизводящей буфное цветение растительных форм, «населенных» множеством

живых существ. Чисто органическая интерпретация системы барочного интерьера придаст динамические качества и пространству и декорации. Сквозь плотную скульптурную вязь растительной декорации в отдельных местах дается порыв в иллюзорное пространство живописных панно и зеркал, в бесконечное продолжение анфилад и раскрывающиеся через окна перспективы регулярного парка. С помощью чувственного ощущения материалов барокко приходит к выявлению декоративных эффектов различных фактур. Отсюда столь большая роль в оформлении интерьера позолоты, стекла, перламутра, янтаря и других отделочных материалов. Обстановка интерьера барокко всегда оставляет впечатление количественной избыточности, перенасыщения. Эти черты интерьера зрелого барокко наиболее ярко выразились в Анненгофских дворцах на Яузе. Отголоски их стиля прозвучали и в некоторых загородных подмосковных домах.

Барокко проявило себя и в архитектуре города. Если рядовая жилая застройка реагировала на этот стиль довольно сдержанно и восприняла лишь некоторые его декоративные мотивы, главным образом в убранстве наличников и ворот, причем в упрощенной вариации, то дворянская знать и богатое купечество видели в барокко большой соблазн прославиться роскошью своих палат. Их привлекали прежде всего мотивы вычурной декорации барокко, появившейся на фасадах домов и особенно в отделке помещений, где широко применяли резьбу и лепнину. Чудом своего времени прослыл дом Апраксина на Покровке в Москве за вычурную декорацию фасадов, унизанных лепниной и целым сгустком колонн, образовавших пластические наросты на углах и в центре. Живописное зрелище фасада дополняли яркая окраска стен и обилие декоративной скульптуры, помещенной на карнизе. Этот дворец был необычен и внутри. Группа небольших комнат и скругленных помещений с овальным залом в центре придавали живописность его пространству. Вместе с низкими служебными корпусами дворец образовал выразительную силуэтно-объемную композицию, характерную для московской архитектурной традиции.

Под влиянием московского строительства пышные барочные палаты появились и в некоторых городах Подмосковья. Богатством убранства — с обильной лепниной внутри на потолках и эффектными изразцовыми печами отличался дом купцов Мещаниновых в Коломне (60-е гг. XVIII в.). Фасады дворца с пучками сдвоенных колонн и пышными наличниками сделаны в подражание растреллиевским дворцам, но в провинциальном исполнении. В нижнем этаже стены оформлены рустом. Когда-то дворец имел обширный балкон со стороны парка и барочный фронтон в центре фасада. Провинциальной репликой на декоративно-парковые сооружения того времени является и расположенная в саду двухэтажная постройка «Эрмитаж» с обилием барочного декора, но выполненного в грубой манере.

Барокко с его вычурными формами держалось на московской земле довольно долго. В этом стиле здесь строили еще в 60-е годы XVIII в., тогда как в Петербурге уже возникла отрицательная реакция на барокко и появились первые образцы новой классической архитектуры.

ГОРОДА И АРХИТЕКТУРА ПОДМОСКОВЬЯ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ КЛАССИЦИЗМА (конец XVIII в.)

Несмотря на стилистические веяния барокко, подмосковные города сохраняли свои средневековые черты вплоть до конца XVIII в., когда началась их кардинальная перестройка на основе градостроительных принципов классицизма. Первые признаки этого стиля появились в архитектуре Москвы и Петербурга уже в 60-е годы, хотя в провинции он утвердился позднее. В основе классицизма лежали просветительские идеи разумного и гармоничного начала, переносимого на общественное устройство и искусство. За эстетический идеал теперь берется античность, в которой привлекают гармония, логичность, гуманистическая и гражданственная сущность ее образов. Поэтому стиль барокко очень скоро девальвируется в глазах русской общественности как противоестественный, не отвечающий изменившимся художественным требованиям. Рациональное начало, заложенное в основе классицизма, особенно предрасполагало к воплощению его в архитектуре и градостроительстве, где он получает наиболее яркое воплощение. Под воздействием идеалов классицизма сначала в столицах, а затем и в провинции начинается переход к гармоничным архитектурным формам, основанным на соразмерных ордерных построениях.

В градостроительстве художественные принципы классицизма утверждают себя в рациональных планово-композиционных построениях, и создании завершенных гармоничных ансамблей, в регулировании городской застройки. Старые города России, сложившиеся еще в древности, перестали отвечать изменившимся требованиям жизни и новым эстетическим взглядам. Специальная Градостроительная комиссия Москвы и Петербурга возглавила работу по составлению новых генеральных планов всех губернских и уездных городов России.

Екатерининская административная реформа закрепила границы Московского наместничества и учредила в нем ряд новых

уездных городов, создаваемых на базе существовавших крупных сел и ямских слобод. Так возникли Бронницы, Богородск, Никитск, Подольск, Воскресенск. Приравненные к статусу городов, они также получили регулярные планы и были перестроены. Однако учреждение некоторых новых городов в Подмосковье не всегда было мотивировано их экономическим развитием и носило формальный характер.

Внешним поводом к составлению новых генеральных планов городов послужил большой пожар Твери в 1763 г. Город подвергся полной перепланировке на новых регулярных началах классицизма. После своего воссоздания Тверь стала эталоном реконструкции для остальных городов Российской империи, и в том числе подмосковных.

Города Подмосковья предстояло превратить в совершенные регулярные образования с правильной геометрической структурой, в соответствии с новыми градостроительными требованиями и тем положением, которое они занимали в Московском наместничестве. Разрабатывая генеральные планы уездных городов Подмосковья, Градостроительная комиссия сознавала всю трудность этого предприятия и тем не менее шла на очень решительные меры по упорядочению их планировки и застройки. Генеральные планы должны были устранить прежнюю, раздробленную на отдельные слободы структуру подмосковных городов и создать более компактные градостроительные образования. Регулярную планировку предстояло прямо наложить на их старую живописную основу, что требовало кардинальных методов реконструкции и неизбежно вызывало большие практические трудности. Решающее значение теперь имела сама регулярная планировка, способствующая упорядочению структуры городов, их уличной сети и застройки.

Взросшие административные функции городов вызвали необходимость организации общественных центров в виде публичных площадей с присутственными местами, торговым комплексом и другими общественными зданиями. В генпланах городские центры получали правильную геометрическую форму, закрепленную периметральной застройкой; их городообразующее значение часто подчеркивалось и стоящими посередине зданиями. Площади проектировали и для торговли, которая приобрела организованный, регламентированный характер. Помимо главной торговой площади, в генпланах были предусмотрены специальные места для продажи различных съестных припасов, сена, дров и прочего. Генпланы закрепляли значение главных улиц и площадей, служивших основой городообразующей композиции и формирования организованного общественного фона города. Большое внимание в связи с этим обращалось на регулирование застройки, особенно в центральной части, где для казенных и жилых зданий предусматривались типовые проекты.

Во всех городах Подмосковья в связи с их перепланировкой

были установлены нормы ширины улиц и площадей в зависимости от их назначения. Расширение улиц отвечало и противопожарным требованиям.

Комиссия обращала внимание и на благоустройство уездных городов Подмосковья, предусматривая их озеленение, замощение центральных улиц и площадей. В генпланах с учетом санитарных требований указаны специально отведенные места для скотобоев и мясных рядов, пивоварен; за пределы города были выведены кладбища.

С реализацией этих планов подмосковные города превращались в открытые поселения гражданского типа, без крепостных сооружений. В ряде проектов в связи с разбивкой новой уличной сети было намечено срытие прежних земляных укреплений, однако в некоторых городах сохранились остатки прежних кремлей как исторических реликвий. Стремление к идеальным геометрическим построениям было настолько определяющим, что даже старые иррегулярные крепости показаны на некоторых планах правильными фигурами, хотя в натуре они никогда такими не были (например, план Дмитрова). Неправильному контуру Коломенского кремля нарочито противопоставлена примыкающая к нему прямоугольная площадь и регулярная сетка улиц.

Новые генеральные планы определили четкие геометрические границы подмосковных городов, очерченные земляным валом и рвом, но уже чисто административного значения. Особое внимание в них обращено на главные дороги, выводящие из города, служившие продолжением их основных городообразующих осей, причем на границе земляного вала они отмечались караульными заставами. Все эти меры должны были усовершенствовать планировку и застройку городов, чтобы создать возможность для новой городообразующей композиции.

Градостроительные композиции мыслятся как законченные равновесные статические образования с четкой планировочной сетью и строго упорядоченной структурой, в чем отразились идеальные представления о городе, характерные для градостроительной эстетики классицизма. Для большинства малых городов уездного значения наиболее целесообразной была признана простейшая прямоугольно-параллельная разбивка улиц, дающая кратчайшую связь между кварталами как в продольном, так и в поперечном направлениях. Такая планировка обеспечивала и наиболее компактный раздел городских земель, и упорядочение застройки дворовладений. Прием элементарной шашечной разбивки уличной сети истоками своими восходит к древнейшей гипподамовой системе, и это неудивительно, учитывая ориентацию классицизма на античное наследие. Но при столь однообразной и механистической планировке осложнялось решение композиционно-городообразующих задач.

В случае простейшей прямоугольно-параллельной планировки единство городообразующей композиции достигалось выделением

осей, приходящихся на главные улицы и площади города. Характерна в этом отношении планировка Богородска, Никитска, Рузы, Клина, Бронниц, Можайска. Однако чем крупнее был город, тем заметнее сказывалось влияние рельефа местности, отдельные его регулярно спланированные участки сопоставлялись под разными углами, образуя более свободную и живописную планировочную схему. Так спланированы Серпухов, Коломна, Кашира.

Для достижения цельности градостроительной композиции прямоугольно-параллельная разбивка иногда сочеталась с радиально-лучевой и косоугольной, как это было сделано при составлении планов Вереи, Воскресенска, Дмитрова, Звенигорода, Волоколамска. Градостроительство классицизма отвергло свободную живописную систему древнерусского города. Архитекторы, составляя генеральные планы подмосковных городов, не пытались совместить новую регулярную планировку со сложившейся сеткой улиц, ибо она была неправильной, противоречащей самой идее регулярности.

Однако это не значит, что архитекторы игнорировали вообще всякую преемственность. Генеральные планы в большинстве случаев закрепляли местоположение старых сложившихся центров, дополнив их публичными площадями и общественными зданиями. Градостроительное значение исторического центра получило подчеркнутое выражение в Дмитрове и Верее ориентацией сходящихся к нему улиц. Лишь в некоторых городах центры пришлось устроить на новом месте, на значительном удалении от старой крепости, как, например, в Серпухове, с его сильно пересеченным рельефом вблизи кремля. В Воскресенске (ныне Истра) для подключения комплекса Ново-Иерусалимского монастыря к композиции города были намечены вторая поперечная ось, перпендикулярная к основной продольной его оси, и веер ориентированных на монастырь улиц, отчего вся градостроительная композиция Воскресенска приобрела большую цельность.

Архитекторы учитывали и преобладающее направление улиц, их тяготение к тем или иным городообразующим элементам. Так, сложившаяся закономерность уличной сети, определяемая направлением главной дороги с поперечниками, ориентированными к реке, учтена при составлении новых генеральных планов Бронниц и Богородска, хотя регулярная сетка непосредственно и не совпадает со старой трассировкой улиц. Приступая к перестройке городов на основе регулярных планов, Комиссия стремилась по возможности сохранить наиболее ценные каменные строения как компоненты нового ансамбля. Это касалось прежде всего церквей, а затем казенных и некоторых жилых зданий. Но учитывались лишь основные закономерности сложившейся планировочной ситуации, что давало возможность свободно и по-новому разрешить градостроительные задачи.

Соблюдение прямизны улиц стало определяющим требованием, ради которого довольно часто «зарезалась» старая застройка

ли или наиболее важные в градостроительном отношении постройки оказывались во внутриквартальном пространстве, а не на красной линии. В отличие от барокко классицизм с его естественными представлениями о природе не допускал какой-либо ее геометризацию. Поэтому на всех планах геометризованная искусственная среда города сопоставлена с естественной кривизной рек, прудов, оврагов.

В 1784 г. Градостроительная комиссия Петербурга и Москвы утвердила новые генеральные планы городов Московской губернии. Реализация этих градостроительных мероприятий началась с перепланировки подмосковных городов. Это была самая трудная часть работы Комиссии, поскольку наложение регулярной уличной сети на тело исторически сложившихся городов потребовало переноса на новые места значительной массы существующей застройки. Уже одно это мероприятие отняло много времени и вызвало немалые хлопоты. Однако намерения Градостроительной комиссии настоятельно проводились в жизнь. Прерванная войной 1812 г. работа по перепланировке подмосковных городов продолжалась вплоть до середины XIX в. Постепенно шло и стилевое обновление городов; их казенные и партикулярные строения возводились в стиле классицизма и затем в ампире на основании типовых проектов, разработанных Градостроительной комиссией.

Изменение эстетического идеала эпохи способствует утверждению в архитектуре стиля классицизма, с приматом логичной ясной формы, абсолютного покоя и равновесия, соразмерных гармоничных отношений. Вся художественная система основывается теперь на строгих канонах, определяемых закономерностями классических ордеров. Идеальным нормативным выражением становится стиль А. Палладио, отсюда то большое место, которое занимает «палладианское направление» в русской архитектуре, оставив заметный след и в Подмоскovie.

Конечно, художественный уровень строительства не везде был одинаков, подчас рождались и провинциальные вещи, но тон задавали первоклассные творения работавших здесь прославленных столичных зодчих В. И. Баженова, М. Ф. Казакова, Н. А. Львова, П. Р. Никитина, К. И. Бланка, И. Е. Старова. Подмоскovie стало и благоприятной средой для появления здесь романтических реминисценций в архитектуре на основе сентиментализма.

Резкие стилевые изменения в архитектуре Подмоскovie произошли лишь в конце XVIII в., после того, как в Петербурге и Москве утвердился новый стиль. Он пришел сюда с некоторым запозданием, поскольку всецело был связан с эстетическими запросами столичного общества. Благодаря рациональности и общедоступности классицизм оказался не менее приспособленным и для внедрения его в архитектуру жилища — от дворянского и купеческого особняка до самого простого рядового дома, в чем

проявился его большой демократизм по сравнению с претензиозным великосветским барокко.

Для городского жилища Подмосковья характерна определенная его типизация, связанная с градостроительными требованиями и предрасположенностью в ней самого стиля классицизма. В конце XVIII в. среди каменных домов в подмосковных городах по-прежнему бытует дворянский особняк. Много каменных домов стали строить и купцы, приспособлявая для себя тип дворянского особняка. Но в них стали необязательными антресольный и мезонинный этажи, хотя они еще и встречаются, но зато в первом сводчатом этаже теперь обязательно устраивают кладовые. Купцы строили себе дома преимущественно в один или два этажа.

Дворянский городской особняк обычно не превышал трех этажей; нижний этаж имел вестибюль и различные служебные помещения, парадные комнаты располагались анфиладой во втором этаже, а третий антресольный этаж использовали как жилой. По улице и со двора располагались еще служебные и хозяйственные корпуса, образующие вместе с домом архитектурный ансамбль. Как и в московских особняках, вход обычно устраивался со двора, куда вели парадные ворота дома.

Для городских особняков конца XVIII в. характерна двухрядная анфилада парадных комнат. Однако в начале XIX в. этот планировочный принцип нарушается, появляется разделение собственно жилых и парадных помещений дома коридором с двумя входами — парадным и черным. Такая планировка особняков получила повсеместное распространение и в дальнейшем стала характерной и для квартир городских доходных домов. Снаружи почти всюду преобладает филантовая разделка междуоконных простенков, придающая конструктивный характер стене. Во многих домах она остается единственным украшением фасада. Но в них еще нет сколько-нибудь выраженного центра и характерно четное количество окон. Однако в дальнейшем центр начинает выcentрироваться нишами, декоративными элементами, крестовыми стенами, что приводит к симметричности и выраженной трехчастности фасада. В таких домах обычно уже нечетное число окон. Теперь встречаются фасады домов, решенные в пилястры, с тонкой филигранной проработкой ордерных элементов. Стол в провинцию проник и типично московский вариант городского особняка с мезонином, украшенным колонным портиком и фронтоном с абсолютной симметрией и законченностью фасада. На этом этапе портики и накладные ордерные элементы отличаются стройностью и вертикальностью пропорций.

Наглядную картину развития архитектуры городского особняка можно проследить в Коломне, где особенно много каменных домов, построенных на рубеже XVIII—XIX вв. Так, в Запрудной слободе примечателен своей изысканной благородной внешностью каменный двухэтажный дом времени раннего классицизма с на-

Дом Озерова в Коломие, конец XVIII—начало XIX в.

угольной ротондой, обработанной тонкими филеками и сандриками над окнами. Этот дом создавался, видимо, не без участия московского зодчего. На его фоне боле провинциально выглядит дом в Ямской слободе с деревянным фронтоном и графичными лопатками в центре. В изогнутых линиях его тонких и хрупких наличников звучат отдаленные reminiscences мпнувшего стиля рококо. Среди коломенских домов особенно запоминается особняк Озерова на Базарной площади с рустованным нижним этажом и коринфским портиком, поднимающимся на высоту мезонина. Характерны и пилонообразные ворота этого дома с колоннамп. Фасад дома со двора удивляет неожиданным сопоставлением разномасштабных фронтонов и членящих его арок, опирающихся на едвоенные колонны, — намек на казаковскую фантазию, но в неумелой провинциальной интерпретации.

Из купеческих домов этого времени в Коломие интересен одноэтажный, на приземистом глухом подклете, дом Шевлягина, обработанный в центре и на углах плоскими лопатками с фигур-

Дом Тугариновых в Дмитрове, 1785 г.

ным чердачным окном над входом. Но эта декорация, видимо, следствие более поздних его переделок. От классической поры здесь уцелела дивная кафельная печь лилово-синих тонов в виде архитектурного объема, оформленного ордерам с мотивом ниши в центре. На всех деталях лежит отпечаток хрупкой грации раннего классицизма. В Коломне уцелели ограды и ворота многих городских усадеб (дом Озерова). Как и архитектура домов, пилоны ворот решались в ордере, то есть оформлялись колоннами и украшались наверху декоративными вазонами. Эти малые архитектурные формы входили в композицию уличного оформления наряду с главным фасадом дома и службами.

В художественном отношении интересен дом купцов Тугариновых, сохранившийся в заречной части Дмитрова. Его уравновешенный фасад с тремя неглубокими раскреповками, разбитый на 9 осей, представляет собой качественный образец раннего классицизма. Со двора дом имеет антресольный этаж. В обработке центральной и боковых креповок использованы каннелированные ионические пилястры, придававшие дому изящество. Средствами пластической разделки стен между окнами служат неглубокие прямоугольные ниши с лепным декором. В доме когда-то были стенопись и плафонная живопись, кафельные фигурные печи, лепные карнизы.

В Серпухове сохранился двухэтажный типовый дом купца Воронина довольно хороших пропорций, с тщательно прорисованными деталями. Центр его отмечен неглубокой креповкой и мезониным этажом с фронтоном, а окна украшают красивые сандрики. Композиционные акценты фасада усилены также рустовкой.

Дворец в усадьбе Валуево, конец XVIII—начало XIX в.

При этом доме уцелели пилонообразные ворота с нишами для статуй.

На классические веяния в архитектуре реагировало и усадебное строительство Подмоскovie как сфера непосредственного проявления вкусов утверждающейся дворянской личности. В это время усадебное строительство Подмоскovie развивается особенно интенсивно: дворянство, освобожденное от обязательной службы, хлынуло в Москву, на тихое житье, и занялось устройством своих усадеб. Наследуя некоторые приемы барокко в организации парадной зоны усадьбы, классицизм выработал большое разнообразие новых композиционных схем, в которых отразились его собственные эстетические принципы. Регулярность парадной зоны усадьбы выражает теперь представительное гражданское начало жизни, то есть в миниатюре здесь как бы препарируется идея классического города — регулярный гармоничный ансамбль с организованным общественным фоном.

В застройке регулярного ядра усадьбы применяются композиционные схемы в виде покоя или каре с замкнутым двором, известные со времени барокко, но получившие теперь уравновешенное гармоничное построение. Так были задуманы многие подмосковные усадьбы: Большие Вяземы, Валуево, Горки, Зендиково, Рай-Семеновское, Петровское, Марфино, Введенское и другие. Распространена и дугообразная композиция парадного двора, образованная домом и корпусами служб, соединенных с ним галереями или оградами. Характерны, например, усадьбы Никольское Гагариных, Поречье, Никольское-Обольяново и некоторые другие. В организации парадного двора широко используется и прием, когда дом с флигелем и соединяющие их переходные галереи выстраиваются в линию, образуя симметричную компози-

цию, как, например, в усадьбах Гребнево, Фряново, Васькино, Богородское, Алешково, Вороново, Виноградово, Остафьево.

В некоторых усадьбах можно видеть комбинации этих основных планировочных схем, дающих более сложное композиционное решение их регулярного парадного ядра. Так, композиция парадного двора в усадьбе Горенки сочетает дугообразный вариант с формой покоя. В усадьбе Ярополец Чернышевых композиция покоем повторена в небольшом масштабе служебных корпусов и в форме всего парадного двора. В Яропольце Гончаровых дугообразное расположение служебных корпусов сочетается с линейной композицией собственно дворца и павильонов. В усадьбе Середниково форма покоя, приданная дворцу, сочетается с двумя замкнутыми в каре служебными корпусами, а в усадьбе Отрада она вписана в обширное каре служебных корпусов.

В такого рода усадьбах организация парадного двора строится на преимущественном выявлении продольной или поперечной композиционной оси; в первом случае — это композиция усадьбы Ярополец Гончаровых, а во втором случае — Ярополец Чернышевых.

В связи с оформлением представительного общественного ядра усадьбы становится характерным и увлечение мотивом колоннад, огораживающих парадное пространство двора на манер палладианских вилл в форме полукруга (например, в усадьбах Горенки и Пехре-Яковлевской), или замыкающих отдельные стороны каре (как в усадьбах Архангельское и Середниково), или соединяющих отдельные павильоны усадьбы (Остафьево) по прямой в линию.

Но есть в усадьбах и композиции с открытым двором, со стоящими на нем отдельными, не сомкнутыми друг с другом корпусами, образующими регулярный ансамбль.

В некоторых из них под влиянием идей палладианства обнаруживается тяготение к центричности планировочной схемы с равнозначностью композиционных осей. Так, в усадьбах Петровское-Алабино, Богородское и Федоровское расположенный в центре дом на продолжении своих диагоналей имеет четыре симметрично расположенных павильона, закрепляющих углы парадного двора. В усадьбе Денежниково дом и корпуса расположены по концам взаимноперпендикулярных осей, выявляя свободный двор. В усадьбе Полуэктово центричность достигнута круговой композицией корпусов.

Наряду с абсолютно правильным регулярным построением парадного двора, с домом, флигелями и корпусами служб в Подмосковье бытует и прием более свободной композиции, когда все элементы усадьбы, рассредоточенные в пространстве в виде отдельных построек или комплексов, образуют в целом живописную ее панораму. Она может раскрываться при постепенном круговом движении; так построены, например, усадьбы Знаменское-Губайлово, Никольское-Урюпино. Но не менее характерен и прием ли-

нейного разворота панорамы вдоль проходящей дороги — аллеи или берега реки, пруда. Показательны в этом отношении усадьбы Спасское-Воскресенск, Демьяново, Ивановское, Поречье, Ново-Михайловское, Ольгово. В развитии свободного живописного начала сказались воздействие традиций древнерусского ансамбля старинных усадеб XVII в.

Почти во всех усадьбах Подмосковья парадное ядро их все еще включает регулярные парки, с геометрически правильной планировкой, простирающиеся с противоположной фасаду стороны дома. Некоторое время применяется и прежняя барочная стрижка деревьев и кустарников под геометрические формы. Однако в «картах» регулярных партеров теперь преобладают простейшие геометрические фигуры, определяемые четкой системой аллей, а газоны освобождаются от витиеватого рисунка барочных цветников, уступая место гладкому зеленому ковру их. Характерно, что в некоторых подмосковных усадьбах (Гребнево, Виноградово, Марфино) их регулярные парки не приходятся по оси парадного двора и дома, а расположены где-то поодаль, сбоку; в этом проявилась традиционная московская склонность к более свободным построениям.

Вместе с тем все большее значение в художественном образе подмосковных усадеб начинает приобретать сама природа в виде живописного пейзажного парка. Парки английского типа на большом пространстве окружают регулярное ядро усадьбы. Увлечение пейзажными парками под влиянием сентиментализма в дальнейшем приводит к окончательному изживанию старых барочных садов с их регулярными формами и планировкой; они нарочито запускаются, зарастают и превращаются в подобие девственного леса. В культивируемых природных парках водоемы в виде живописной системы прудов и водных протоков естественных неправильных очертаний составляют наиболее эффектную видовую часть ландшафта.

В это время широкое распространение получают террасные — расположенные на разных уровнях пруды, образующие целые каскады их; для создания большого зеркала воды используют запруды речек. Богаты каскадными прудами подмосковные усадьбы Рай-Семеновское, Лопасня-Зачатьевская, Садки, Молоди, Даниловское, Зендиково, Петрово-Дальнее, Знаменское-Садки, Суханово, Кишкино. Уникальная система прудов с островами и каналами была создана в усадьбе Алмазово. Большие водоемы на запруде образованы в Горенках, Пехре-Яковлевской, Гребневе. Особенной красотой парков и прудов славилась Царицыно, Марфино, Никольское-Обольяново, Быково, Введенское, Вороново, Ольгово, Валуево и некоторые другие подмосковные усадьбы.

В разбивке пейзажных парков наряду с живописной сетью дорожек, петляющих среди леса, устраивались прямолинейные просеки, образующие лучевую и звездчатую планировку. По луче-

вой системе, например, спланирован пейзажный парк в усадьбе Молоди, а в Гребневе определилась более сложная звездчатая планировка аллей-просек. Дополнением природной парковой среды были различные малые архитектурные формы — беседки-миловиды, поставленные у воды на самых эффектных местах, руины, павильоны, мемориальные обелиски.

В архитектуре подмосковных усадеб складывается тип классического дворца с гармонически уравновешенной композицией, вписанной в природу прилегающего парка. Уже в 60-е годы XVIII в. здесь появляются первые образцы раннего московского классицизма — усадебные дома строгих четких очертаний с графической филенчатой разделкой стен и стройными гармоничными пропорциями. По-прежнему бытует дом в ризалитах или в виде единого протяжного блока, но теперь встречаются и более компактные решения, тяготеющие к кубичному объему.

Черты раннего классицизма чувствуются в грации и хрупкости форм ныне руинального большого дворца, построенного в 60—70-е годы XVIII в. архитектором П. Р. Никитиным в Яропольце Чернышевых, где основным мотивом оформления фасадов служат лопатки и филенки. Центральный корпус дворца подковообразными крыльями переходов соединен с пространными каре служб, образовав с ними уравновешенный симметричный ансамбль с большим парадным курдонером.

Приемы разделки стен, характерные для раннего классицизма, обнаруживают и небольшие усадебные дома, связанные с деятельностью в Подмосковье петербургского архитектора И. Е. Старова. Показательна известная его усадебная постройка в Никольском-Гагарине: дом в виде виллы с бельведером обработан по низу рустом, а в верхнем этаже — тонкими графичными филенками. Пластически выразительная композиция построена на сочетании овальных и прямоугольных форм; нижний овальный выступ превращен в открытую веранду — балкон второго этажа с вогнутой стеной, зажатой между двумя выступающими ризалитами. Но эта усложненность — последняя дань барочным приемам у И. Е. Старова, всецело связанного со стилем классицизма. К кругу его построек следует отнести и усадебный дом в Середникове с тонкими филенками и графичными пилястрами, отвечающими расположенному по центру фронтону. Центр также подчеркнут бельведером на крыше. Расположением дома, флигелей и служебных корпусов здесь также созданы равновесный ансамбль и интересная пространственная композиция в виде малого и большого курдонеров и двух каре симметрично расположенных конных дворов. Приемы раннего классицизма проявились и в разделке стен Вяземского дворца — уже сравнительно поздней постройке (1784 г.), где равномерный ритм лопаток и филенок акцентирован интенсивной двухцветной окраской фасада.

Но уже с 70-х годов в строительстве усадебных домов начинается увлечение мотивами колонных портиков как истинного

воплощения духа античности, отмечающих центр фасада, а часто и крайние его ризалиты, то есть складываются типичные приемы оформления классического усадебного дома. Велеречивая парадность барокко уступает место духу благородства и гармонии, который царит теперь в образном строе многих усадебных домов. Архитектура их очень чутко отражает духовные запросы дворянского сословия и дает исключительно многообразное выражение классической темы.

Черты сложившегося стиля определились в такой совершенной постройке архитектора И. В. Еготова, как дом в усадьбе Ярополец Гончаровых (конец XVIII в.) с абсолютной уравновешенностью фасадов и стройным коринфским портиком в центре, несущем фронтон. Графичная вариация портика повторена в виде пилястр на фасадах примыкающих к дому боковых флигелей. Характерны для классицизма рустика соединительной ограды, разделанной арками, и прием сдвоенных окон, оформленных колонками. Тектоничность постройки определяет ее ордерная декорация, читающаяся на фоне темноокрашенных стен. Симметрично расположенные флигели и подковообразные служебные корпуса образуют перед домом гармоничный парадный двор с мягким скруглением со стороны въезда.

Образцом зрелого классицизма стал двухэтажный каменный дворец в усадьбе Архангельское, построенный в 1780—1790 гг. по проекту французского архитектора де Герна. В нем откристаллизовались все характерные черты подмосковных загородных дворцов того времени. Уравновешенная трехризалитная композиция фасада в центре отмечена портиком ионического ордера, а со стороны парка — скругленным выступом овального зала, оформленного сдвоенными колоннами. Как и в старовских виллах, значение центра подчеркнуто вертикалью вышки бельведера, установленной на крыше. В целом образ его прост и строг, но не лишен изящества, особенно благодаря гармоничным пропорциям и тонкой прорисовки ордерных элементов. Филенчатая разделка стен сменилась выявлением их глади с подчеркиванием лишь междуэтажного членения. Красивы и лиричны малые входные портики боковых ризалитов. Развитием парадного пространства является не только его замкнутый подъездной двор, но и простирающийся за ним двухтеррасный регулярный партер.

Подмосковный дворец Кусково (70-е гг. XVIII в.) — редкий сохранившийся образец классицизма с имитацией в дереве каменной архитектуры. Но его изящный портик с широко расставленными колоннами ионического ордера выдает деревянные конструкции постройки. С противоположной садовой стороны тема портика сменяется лоджией со вписанной колошадой. По существу в дереве здесь воссоздана типичная трехризалитная схема каменного дворца. Этому соответствует крупность форм и характерная для раннего классицизма филенчатая разделка стен. Образ дворца полон лиризма, особенно его портик с красиво

прорисованными
пруда.

приветливо раскрытый в сторону

Среди дворцов типа центрической виллы выделяется своими исключительными художественными качествами ныне руинальный дворец графа Демидова в Петровском-Алабине (1775—1785 гг.), построенный по проекту М. Ф. Казакова. Кубичная его форма со скошенными углами, несущая купол центрально расположенной ротонды, воплощает идею пластического совершенства, абсолютной гармонии. Со всех сторон он воспринимается как четко осязаемое трехмерное тело в духе классических представлений о форме, воспитанных А. Палладио. Диагональный аспект дает неожиданный эффект перехода кубического объема в треугольную призму, столь же гармоничную и излюбленную в классицизме. Основным акцентом фасадов дворца служат заключенные в лоджии пространные портики тосканского ордера, фланкируемые глухими стенами массивных угловых устоев постройки. Крупный масштаб их оттеняют колонки малого ордера, обрамляющего окна. Дворец отличается исключительной слаженностью своих пропорций и абсолютной законченностью образа.

Тенденция стиля к лаконизму стала особенно заметной в крупных дворцовых постройках 80—90-х годов XVIII в. Огромный трехэтажный дом в Горенках с многоризальитным фасадом и подковообразными крыльями соединительных галерей напоминает городские здания. На фоне гладких стен выделяются колоннады его величественного портика и лоджии. По характеру форм близки к дому в Горенках и дворцы в усадьбах Пехра-Яковлевская и Никитское (1783—1786 гг.). Такой же строгий лаконичный облик с величественной колоннадой портика принял и дворец в Ольгове, значительно расширенный после перестройки в 1786 г.

Для среднепоместного дворянства характерны сравнительно небольшие дворцы с их по-московски уютными и лиричными портиками, украшающими фасады, и низкими корпусами служб, замыкающих парадный двор. В усадебном доме в Горках (Ленинских), построенном в конце XVIII в., в небольшом масштабе воспроизведена характерная трехризальная схема большого дворца. В совсем скромном домике в усадьбе Ляхово с мезонинным этажом и балконом перед ним на колонном портике предвосхищается тема мелкопоместного дворца времени ампир.

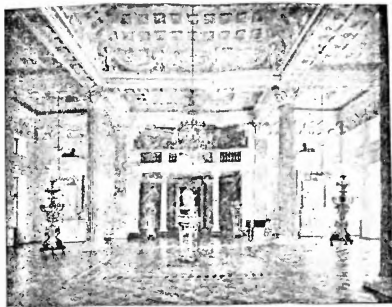
В подмосковных загородных дворцах времени классицизма широко бытует двухрядная система разбивки помещений, часто разделенных коридором с выявлением преобладающей продольной оси. Этот планировочный прием восходит еще к традициям первой половины XVIII в., тогда как тенденция к центричности композиционной схемы приводит к организации помещений по двум взаимноперпендикулярным осям с выявлением главного парадного зала дворца по типу палладианской виллы. Однако кристаллическая четкость плановых построений отличает лишь немногие подмосковные дворцы, сохраняющие в основной своей

массе даже при симметричности фасадов большую свободу и разнообразие планировки помещений. Классицизм наследует от барокко и приемы расчленения объема дворца на ризалиты, но они подчеркивают теперь характер классической формы и логику построения самой композиции.

Классицизм избегает барочных длиннот в расположении залов, стремясь по возможности успокоить и гармонизировать пространственную систему приемами центрической планировки, когда анфилада рассекается на несколько отсеков, или разнообразной ориентацией помещений. Обычно статическим фокусом пространственной композиции дворца теперь служит круглый или овальный зал.

В гармонизации пространств немаловажное значение имеет ордерная декорация, соизмеримая с фигурой человека. Своим логичным строем она подчеркивает конструктивную природу классического интерьера. В оформлении помещений используются накладные ордерные элементы и отдельно стоящие колонны, образующие пространственно-конструктивную раму для всех остальных, включаемых в систему компонентов. И мебель, и все настенные предметы своим местоположением «привязаны» к этой раме, образуя с ней тектоническое целое; создается ощущение логической построенности и абсолютной законченности всей системы интерьера, в которой как бы заранее predetermined роль и положение каждой вещи. Однако в рамках нормативности классический интерьер дал исключительно многообразное проявление стиля. По сравнению с ним парадные барочные анфилады покажутся слишком однозначными.

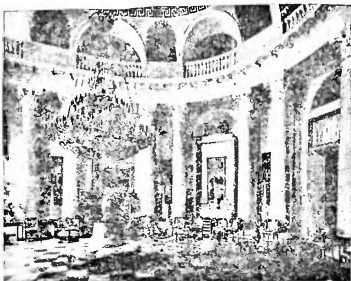
Интерьер классицизма демонстрирует прежде всего идеальную духовную жизнь его владельца. Этому отвечает назначение парадных залов в виде системы гармоничных пространств, насыщенных произведениями классического искусства. В такой среде не столько жили, сколько созерцали красоту, где все было рассчитано на самые возвышенные чувства. Идеальная форма расположенного в центре круглого или овального зала, перекрытого куполом, с мягким рассеянным освещением ассоциировалась с величественной красотой античности. Это духовный эпицентр дворца, античная тема которого получила развитие в анфиладах окружающих его комнат. Показателем духовного благородства владельца дворца были такие помещения, как кабинет и библиотека с изысканным подбором книг, говорящим о широте запросов и тонком вкусе. Кухня, помещения дворни и все прочее, связанное с хозяйственным обслуживанием дворца, относились в отдельные корпуса. В парадных покоях не жили и владельцы дворца; жилые комнаты обычно размещались в верхнем антресольном его этаже. Представление о парадном интерьере этого времени дают хорошо сохранившиеся дворцы в Кускове и Останкине, отчасти Архангельский дворец, перестроенный после пожара в стиле ампир.

Концертный зал в усадьбе Останкино, 1791—1798 гг., архитекторы П. Аргунов, А. Миронов, Г. Динушин, П. Бизяев

Примечательны своей архитектурой и хозяйственные постройки многих подмосковных усадеб. Используя разнообразные композиционные приемы и декоративные мотивы, московские зодчие создали великолепные образцы выдержанной чистой классики с чертами городской общественной архитектуры.

Как монументальные «пропилеи» воспринимаются колонные портики корпусов псарен, поставленных симметрично на продолжении парадной аллеи, подводящей к дому в усадьбе Марфино. Выразительны фасады конного двора в Середникове, обработанные стройными лопатками с повторяющимся мотивом арок и люкарнов над ними; даже неоштукатуренные, они смотрятся величественно. Разнообразны такого рода постройки и по композиции. В усадьбе Богородское корпуса конного двора, замыкая перед собой часть пространства, образуют выразительный полукруг; в Марьишке композиция строится из сочетания двух глаголеобразных корпусов, заканчивающихся башнями. В Марфине корпуса конного двора, замыкая трапезный двор, образовали целый комплекс с воротной и наугольной башнями, а в усадьбах Валусово, Знаменское-Губайлово, Алешково, Ивановское, напротив, применен прием развернутой в линию композиции с выявлением центрального объема, отмеченного фронтоном, портиком

Овальный зал в усадьбе Архангельское, 1780-е годы, 1831 г., архитекторы Де Гери, С. Мельянков и др.

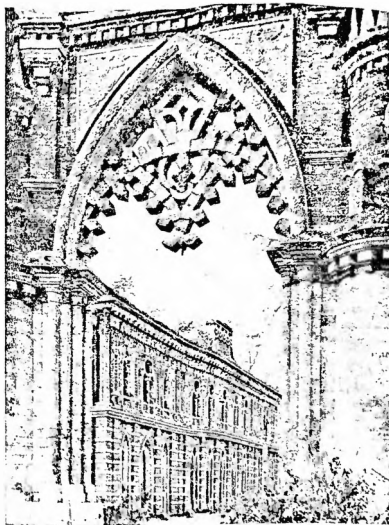
пли пилястрами, которому подчинены симметрично пристроенные крылья корлусов.

Высокими художественными достоинствами отличались беседки-миловиды, кое-где сохранившиеся в подмосковных усадебных парках. Большинство из них — круглые ротондальные сооружения со свободно стоящими колоннами, несущими купол. Поэтично вписана в природу парка миловиды усадьбы в Быкове, с обзором в сторону пруда, откуда воспринимаются ее изящные стройные колонны. Ротондальная часть миловиды в Марфине для лучшего обзора вознесена на рустованное кубическое основание, раскрытое арками. Славилась своей красотой и миловиды в Царицыне, стоявшая над высоким берегом пруда.

Совершенством форм отличались и парковые павильоны. Среди них особенно примечателен своим изяществом павильон в усадьбе Отрада.

Черты строгой классической архитектуры получали ограды и воротные сооружения усадеб. Например, в Аleshкине проезд на парадный двор оформлен огромной аркой, фланкируемой с двух сторон пилястрами. В эту арку по бокам вписаны колонны, придающие неожиданную изысканность всей композиции ворот. Мотив арки в виде глухих впадин повторен и в ограде двора.

На почве сентиментализма и зарождающихся романтических настроений в архитектуре Подмосковья складывается направление

Усадьба Царцыно.
Вид на «Оперный дом» и «Виноградные ворота», 1775—1785 гг.,
архитектор В. Баженов

ние псевдоготики как некий антипод строгому нормативному стилю классицизма и проявление свободного чувствительного начала, восстающего против разума. И не случайно это направление в основном проявило себя среди природы, в загородной мест-

ности, и прежде всего в мире усадеб; в готическом стиле стали возводить усадебные дома, церкви, надворные хозяйственные постройки, а также различные малые архитектурные формы — ограды, ворота, беседки, павильоны. Включенные в среду пейзажных парков и сливаясь с ними, готические постройки вносили ноты мечтательности, элегии, рождали ассоциации с образами средневековья. Однако применительно к российским условиям конца XVIII в. скорее можно говорить о гармонизированном варианте готики; ее свободная система, спроецированная на классические членения построек, дала равновесное ощущение свободного и рационального начала, не разрушив позитивной основы господствующего стиля. Характерно, что в готических постройках интерьер чаще решался в стиле классицизма, то есть противоположные системы уживались здесь еще бесконфликтно.

В условиях Подмосковья готика в большей мере ассоциировалась с собственным национальным средневековьем, чем с европейскими истоками. Исходным материалом в большинстве случаев служили декоративные формы архитектуры конца XVII в., то есть стиля павловского барокко с добавлением только некоторых элементов европейской готики — арок стрельчатого очертания, островерхних фиал, колючего оперения карнизов.

Наиболее впечатляющие постройки этого стиля, созданные в конце XVIII в. в Подмосковье, связаны с деятельностью архитектора В. И. Баженова. Его знаменитый Царицынский ансамбль (1775—1785 гг.) стал самым ярким воплощением национально-романтического направления в подмосковной архитектуре. Павильоны, Оперный и Хлебный дома, фигурные мосты и совершенно фантастические ворота — не что иное, как вольный парадраз на старорусскую тему, подлинная сказка, овеянная духом старины и пылкого романтического воображения, присущего Баженову, — отсюда убеждающий художественный образ всего ансамбля. Слитые с природой пейзажного парка, баженовские павильоны с их живописностью и красочностью вызывают ассоциации с архитектурой павловского барокко и с характером древнерусского архитектурного ансамбля. Зарождающиеся вместе с сентиментализмом романтические настроения не в меньшей мере стимулировали развитие пейзажных парков с живописными прудами и зарослями леса. Так задуман и Царицынский ансамбль, где свободно расставленные павильоны воспринимаются как смена живописных картин, раскрывающихся перед зрителем по мере движения по дорожкам парка. В этом стиле в загородной местности строил и М. Ф. Казаков, хотя и без такой малкой фантазии и романтики, какую вложил в свои создания В. И. Баженов. Это наложило отпечаток на характер его готического стиля, где рассудок преобладает над чувством. Различие в подходе к готике заметно чувствуется в том же Царицыне при сравнении баженовских павильонов с большим дворцом, построенным М. Ф. Казаковым. Показательна в этом отношении и такая

крупная его постройка, как загородный подъездной дворец в Петровском парке.

Национальные истоки подмосковной готики особенно очевидны в церковных постройках, где в столь же вольном парафразе воспроизводились мотивы нарышкинского барокко с его эффектным кирпичным и белокаменным убором. Так, интересны некоторые баженовские церкви, выстроенные в Подмосковье в селе Знаменки, Черкизово-Старки, Поджигородово. Но, пожалуй, самым впечатляющим сооружением этого стиля можно назвать церковь в селе Быково (1789 г.), где классическая основа постройки получила изящный готический наряд, уподобивший ее сказочному средневековому замку. Однако в хрупкой грациозной декорации и шпилевидных фиалах церкви чувствуется влияние английской готики, характерной для некоторых построек Петербурга, и в частности Чесменской церкви архитектора Ю. М. Фельтена.

Не менее показателен в этом отношении тонкий кружевной наряд Ново-Никольского собора в Можайском кремле (1779—1812 гг.), построенного архитектором казаковской школы. Примечательна своей фантастической внешностью и церковь (1812—1815 гг.) села Царево, приписываемая архитектору П. В. Егорову. Декоративные мотивы готики проникли и в монастырские постройки. Необычны своими готицизмами ограды монастырей Старого и Нового Голутвинского, Брусеновского, Бобренева в Коломне, башни их уподоблены сильно вытянутым фиалам с накладным белокаменным декором, имитирующим формы стрельчатых арок.

Из хозяйственных построек в стиле готики интересны конные дворы в усадьбах. Так, совершенно романтически выглядит конный двор в Марьинке; его массивные круглые башни на углах, несущие белокаменный готический убор, ассоциируются со средневековым замком. Черты романской крепостной архитектуры с мотивами зубцов, стрельчатых арок и тяжелой рустовкой стен придал конному двору в Красном В. И. Баженов. Фантастическую внешность имеет кузница в усадьбе Отрада, оформленная массивными пилонами, перерастающими в фиалы, между которыми читаются стрельчатые окна и пощипцовые завершения постройки. Среди малых архитектурных форм особенно эффектны готические воротные башни подмосковной усадьбы Мельки с хрупкой стрельчатой декорацией краснокирпичных стен и камнями колонн на углах (архитектор В. И. Баженов). Образы крепостных средневековых сооружений в парке этой же усадьбы напоминают две другие башни восьмигранной формы, украшенные зубцами. Своеобразной формой тех же готических башен в сочетании мотивами средневековой голландской архитектуры уютных голландских домиков с высокими белыми стенами и темно-кирпичными фасадами. Некоторые из этих построек архитектором К. П. Бланком, сохранились до сих пор в парке в Кусковском парке и усадьбе Воронцово (обс. г. XVIII в.).

Готика коснулась лишь декоративной стороны церковных по-

строек, тогда как более существенные перемены, относящиеся к их пространству и композиции, принес классицизм. Именно под влиянием этого всеохватывающего художественного движения, порожденного просветительством, меняется характер церковной архитектуры Подмоскovie, которая также становится выразительницей прогрессивных идей своего времени. Осмысление образа христианского храма с гуманистических позиций просветительства и античных представлений изменяет характер его архитектуры, и здесь широко утверждает себя стиль классицизма, характерные для него приемы композиции, выработанные в общественном и дворцовом строительстве. Сфера светского искусства оказывает все более заметное влияние на церковное зодчество. Многие выстроенные в Подмоскovie церкви приобрели вид дворцовых построек или парковых павильонов. Каноничная объемная композиция храмов получает переработку и интерпретацию на основе классических закономерностей и гармоничных ордерных построений, появляются сходные с дворцовой архитектурой приемы разделки стен филеями и пиластрами, приставные колонные портики, акцентирующие главные элементы композиции. Над архитектурой церкви работала целая плеяда московских зодчих и среди них В. И. Баженов, М. Ф. Казаков, Н. А. Львов, И. В. Егоров, И. Е. Старов. Участие прославленных зодчих в сооружении в Подмоскovie церковных построек определило их исключительно высокие художественные качества.

В Подмоскovie классицизм порождает множество различных композиционных вариаций храмов. Сфера усадебного строительства особенно благоприятствует поискам новых пространственно-композиционных решений, продолжающихся вплоть до середины XIX в. Поиски классического совершенства в церковной архитектуре толкают на создание гармоничных зальных пространств с их выраженной центричностью, получивших преимущественное распространение в усадебном строительстве. Причем в разработке основного объема используются и традиционный четверик, и мотив ротонды, особенно излюбленный в классицизме. Но четверик теперь завершается круглым световым барабаном, служащим основанием для купола. Иногда используются формы овала, треугольника, октаэдра (восьмиугольника), также дающие эффект центричности пространства (церкви в Быкове, Виноградове, Рагунове). Симметричная комбинация основного объема с пристройками образует крестообразные, лепестковые правильные геометрические фигуры в плане церквей (в усадьбах в Богомолово, Гребневе, Никольском-Гагарине). В композициях подобного типа получает дальнейшее развитие линия центральных вотивных храмов петровского времени, но достигшая теперь высшего «палладианского» совершенства. Возродилась и разновидность центрального храма со звоном («иже под колокола»), столь характерная для московской архитектуры конца XVII в. (например, Никольская церковь в Гребневе, Дмитровская в Рузе). В основе

композиции церквей, связанных с мастерами казаковской школы (например, в Шиманове, Цареве), лежат сопрягаемые круги, полукружия и овалы, давшие интересные пластические и пространственные решения. Совершенно необычна композиция церкви в усадьбе Ярополец Чернышевых из двух поставленных в линию продолговатых четвериков, соединенных общими стенами, причем в одном из них помещен собственно храм, а в другом расположена усыпальница.

Однако традиционная трехчастная схема композиции остается все еще довольно устойчивой для основной массы приходских и усадебных храмов. Но и в этих постройках под влиянием центрических композиций происходит основательная переработка плано-композиционной основы. В решении главной части храма используются различные варианты тех же зальных построений, характерных для усадебного строительства. Композиция «восьмерик на четверике» теперь встречается в подмосковных храмах намного реже; ее вытесняет характерная для классицизма купольная форма с круглым световым барабаном, переходящая на четверике. Основной объем komponуется здесь с трапезной и колокольней, образующими строго осевую трехчастную композицию.

В Подмоскowie заново воссоздается переработанный на основе классицизма традиционный тип храма со столбовыми опорами внутри. Но теперь это либо абсолютно уравновешенная центрическая постройка с квадратным планом или включенная в более сложную трехчастную композицию (церковь Рождества (1795—1796 г.) в Талезе, Благовещения в Поливанове, Михаила архангела в Коломне). Под влиянием столичной петербургской школы в ряде усадеб Подмоскowie (церкви в Пехре-Яковлевской и Троицком-Кайнарджи — 1775 г.) появились варианты Троицкого собора Александра-Невской лавры с двумя симметрично поставленными колокольнями по западному фасаду.

Среди обилия выстроенных в стиле классицизма церквей некоторые отличаются особым художественным совершенством. Так, из ранних построек обращает внимание церковь в Корневе

Церковь—колокольня в усадьбе Гребнево, 1817—1823 гг., архитекторы И. Ольделли, Н. Дерюгини, Д. Жиларди

(1762—1777 гг.) с восьмериковым основанием, переходящим в граненый барабан с куполом. В ее хрупкой графичной декорации, в мотивах круглых окон барабана и его лучковых фронтонах чувствуется грация стиля построек А. Ринальди. Для раннего классицизма характерна церковь в Троицком-Борки (1774 г.) с логичным ордерным построением фасадов, разделанных изящно прорисованными лопатками и филенками. Близки к ней уже сравнительно поздние церкви в усадьбах Остафьево (80-е гг. XVIII в.) и Белая Колпь (1807 г.).

К стилю раннего классицизма относится красивая церковь в усадьбе Поливаново, по всей видимости выстроенная В. И. Баженовым. Кубичный ее массив со столбами внутри несет восьмигранный барабан с куполом, увенчанным шпилем. Печать тонкой грации и изысканности лежит на фасадах церкви, оформленных пилястрами и филенками. Лишь со стороны входа церковь имеет стройный колонный портик ионического ордера. Характерен и баженовский прием сочетания прямоугольного окна с люкарном. Баженову, видимо, принадлежит и перестройка церкви в усадьбе Троицкое-Кайнарджи с двумя симметричными изящными колокольнями, объединенными мотивом триумфальной арки над входом. Оригинален и ее крестообразный план с восьмигранной осевой. В несколько иной вариации тема двух колоколен прозвучала в усадьбе Пехра-Яковлевское. Но здесь объединяющим мотивом стал колонный портик с фронтоном, а собственно храм приобрел идеальную форму круга—ротонды.

Красотой своих форм выделяются церкви, построенные М. Ф. Казаковым и представителями его школы. Спасская церковь (1765—1774 гг.) в Рай-Семеновском — высокая, стройная, с красиво прорисованными пилястровыми портиками и барабаном. Основной ее четвериковый объем с одинаковыми пристройками решен симметрично, хотя он соединен узким переходом с колокольней. Церковь эта знаменита и высокохудожественной отделкой внутри. Совершенно необычно и построенная М. Ф. Казаковым церковь в усадьбе Виноградово (1772—1777 гг.) в виде зала-ротонды, вписанной в треугольную основу здания. Но в отделке фасадов здесь применены более пластичные ордерные элементы в виде полнообъемных сдвоенных колонн, образующих входные портики церкви и декорацию круглого барабана, несущего купол. В церкви села Шиманово (1801 г.) с ее гладкими цилиндрическими объемами основного помещения и приделов почти повторена казаковская церковь Косьмы и Дамиана на Маросейке в Москве. М. Ф. Казакову, по-видимому, принадлежит и Вознесенская церковь (1792—1799 гг.) в Коломне с изящными портиками и куполом, венчающим ее массивный цилиндрический объем.

Произведением мастера казаковской школы можно считать и изящную церковь в усадьбе Гребнево (1786—1791 гг.) с крестообразным планом на прямоугольном основании. Над стройными

колонными портиками ее возвышается величественный барабан с куполом. Но особенно впечатляет овальный зал церкви, образованный вписанной в прямоугольник колоннадой. Строил ее архитектор И. И. Ветер. В Подмосковье есть церкви, удивляющие своим необычным поистине городским масштабом, как, например, церковь в селе Шкинъ (1794—1800 гг.). Обилие стройных колонн декорирует полукружие ее абсиды, пространственные портики и барабан купола. По своим формам она сходна с церковью Мартина исповедника в Москве (постройка Р. Р. Казакова), хотя в отличие от нее с западной стороны имеет парные колокольни. Не исключена возможность, что ее также строил Р. Р. Казаков.

Совершенны и некоторые центрические церкви, построенные в Подмосковье. В усадьбе Гагариных Никольское церковь (1773 г.), построенная по проекту архитектора И. Е. Старова, имеет вид замкнутого куба с покоящимся на нем пологим куполом и выступами полукружий, образовавших ее уравновешенный лепестковый план. В этой постройке И. Е. Старов приблизился к воплощению идеальных палладианских нормативов в архитектуре. Выразительна и ее колокольня с поставленными друг на друга цилиндрами. Нижний ее глухой ярус обработан рустом и имеет сочные колонные портики, тогда как верхний преднамеренно облегчен разрядкой его массы колоннадой. Лапидарностью и героической мощью форм церковь в Никольском предвосхищает черты стиля ампир. В основу центрической церкви в Богомолове положена ротонда с куполом, окруженная снаружи венцом колонн и имеющая симметричные пристройки алтаря и притвора. Боковые входы ее отмечены изящными портиками. Сходное решение повторено в церкви села Иславское. Судя по характеру форм, обе принадлежат, вероятно, к творениям мастеров казаковской школы.

Однако в конце XVIII в. иногда появляются отголоски храмов петровского времени или барокко середины века с архаичным композиционным приемом — «восьмерик на четверике» и старомодным декором. Строили их обычно местные мастера, далекие от столичных вкусов, по желанию самих прихожан. Да и среди классических построек есть отмеченные явным провинциализмом, несущие следы примитивной доморощенной работы с грубыми и упрощенными деталями, несоразмерными пропорциями, архаичным ощущением тяжелой массы. Эти анахронизмы можно объяснить лишь устойчивостью традиций в провинциальных уголках Подмосковья.

КАРТИНАЛЬНОЕ ОБНОВЛЕНИЕ ГОРОДОВ И АРХИТЕКТУРЫ ПОДМОСКОВЬЯ НА ОСНОВЕ КЛАССИЦИЗМА И АМПИРА (первая половина XIX в.)

Французское нашествие, разорившее западную часть Московской губернии, затормозило реализацию градостроительных планов. Наполеонская армия захватила Можайск, Звенигород, Малоярославск, Вязьму, Рузу, Воскресенск, Беркут и многие другие мелкие селения Подмосковья. На пути ее следования монастыри, церкви и усадьбы были разграблены или сожжены, и пожарами погибли многие произведения архитектуры и искусства. После изгнания неприятеля градостроительные работы возобновились и продолжались вплоть до середины XIX в.

В искусстве и архитектуре усиливаются героико-гражданственные и демократические черты, вызванные событиями Отечественной войны 1812 г. Классицизм перерастает в свою высшую фазу — ампир, на который разливается сначала столица Петербург, а потом и Москва. Послепожарное восстановление Москвы, целью и осуществленное в стиле ампир, отозвалось и на архитектуре Подмосковья, где также появились черты этого стиля, особенно в восстанавливаемых после разорения городах и усадьбах. Стиль ампир воплощается в все большем выявлении в архитектуре зданий городского начала, когда особое значение приобретает оформление городского фасада; стиль ампир выдвигает на характере застройки улиц и площадей в новых типах застройки. Планировка домов, в виде растянутого по улице блока зданий, разработанная в Москве и Петербурге, разработала в Петербурге и в Москве дом с формой ротонды или скругленного фасада. Такие дома еще и сейчас можно видеть, например, в центре Петербурга и Москвы. Обязательным правилом стало оформление и бокового фасада.

Преобразование подмосковных городов началось с перестройки их центров — улиц, площадей и главных улиц. После реконструкции архитектурное лицо торговых площадей многих подмосковных городов определяли протяженные фасады гостиных дворов и торговых рядов с их монотонным ритмом аркад. От конца XVIII в. сохранилась часть гостиного двора в Коломне, когда-то большого торгового комплекса города. До сих пор сохранился конный двор, построенный в конце XVIII в. в Сергиевом посаде (ныне Загорск).

Однако большинство таких комплексов было построено в под-

Торговые ряды в Кашире, начало XIX в.

московных городах и первой половине XIX в. Торговые ряды, введенные на городской площади Верей, — типичный образец провинциального ампира с извилистыми и криво корпусами, раскрытыми наружу арками, при довольно массивных стенах и опорных столбах с помещением рядов оформляется застройкой торговой площади в Кашире. Окружая по полукругу стоящий посредине площади собор, ряды образуют с ним законченный классический ансамбль, построенный на сочетании двух составленных дуг — скрученная абсид и корпуса лавок. Абсид завершает огромный пьестал колокольный того же времени. Основным мотивом оформления фасадов рядов стала двухъярусная аркатура, соответствующая шум лавкам. Каждому (внутреннему) пролету шпиль соответствуют два малых вверху, что придает четкую ритмичность всей композиции. Абсолютная уравновешенность комплекса подчеркнута центральным положением собора, абсиды которого приходится на геометрический фокус ряда лавок — прием, характерный для классицизма. Его четко определяет и архитектура собора, построенного в 1802—1807 гг. с характерными классическими формами. В пятидесятых годах ансамбль собора с равновеликими пространными пространными лавками повторились приемы облегчения масс, применены в 1819—1823 гг. в стилистическом в знаменитой колокольне Троицкого монастыря, но только уже в классической интерпретации с завершенным ансамблем торгово-зональными карниза.

Такая вариация ансамбля жила в Кашире. Эти составленные ряды согласованы со скрученной абсидой собора, выходящие обратно составленных дуг. Абсиды в середине подковы рядов прервана, чтобы отарыть вид на собор. Архитектура лавок также определяет мотив аркатур, но только одноэтажные. Рациональность ансамбля придает центральное положение собора, приходится на фокус дуг рядов, и его статичное пятнаглавие. В этом комплексе (1819—1823 гг.) и в архитектуре собора и самих рядов чувствуются уже черты зрелого ампира.

Объединение торговых рядов с церковью — довольно частый композиционный прием, встречающийся в застройке площадей того времени. Интересный ансамбль сложился в первой полови-

Дом Казначейства в Кашире, вторая пол. XVIII в.

не XIX в. в Коломне, где каре рядов включило в себя старый собор и вновь построенную высокую ампириную колокольню. Но ряды «смотрят» наружу, ориентируясь на открытое пространство городской площади. И здесь по наружному фасаду повторен мотив ритмичной аркатуры, крупностью своей определивший городской представительный масштаб постройки. На ее фоне формы храма кажутся особенно измельченными. Довольно суховатая декорация фасадов рядов оттеняется сочностью ампириных деталей колокольни, венчающей ансамбль с запада. Своим силуэтом ее многоярусная громада акцентирует объемное пластическое начало, характерное для московской архитектурной традиции.

В Бронницах торговый центр возводится с крупным гостинным двором из составленных в каре корпусов, решенных в стиле суровой мужественной дорики, и торговыми рядами (не сохранились). Торговый центр Дмитрова определял его деревянный гостинный двор (не сохранился) с крупными деталями, имитирующими каменный ампир.

Словом, торговые и хозяйственные комплексы стали заметным явлением в архитектуре подмосковных городов.

На центральных улицах и площадях в первой половине XIX в. возводятся и другие общественные здания. Из каменных построек конца XVIII в. особенно интересны каменные здания казначейства в Кашире, дом общественного собрания в Коломне. Казначейство — один из редких примеров общественного здания раннего классицизма, сохранившегося в Подмоскovie. Его строгий нерасчлененный объем отмечен в центре лишь неглубоким ризалитом, обработанным внизу рустом. Столь же строгий и почти графичный

по ощущению фасады этой двухэтажной каменной постройки с простыми побеленными наличниками и филенками междуоконных простенков, хорошо читающихся на фоне светло-оранжевых стен и придающих ей нарядность. Здесь нег еще ни колонных портиков, ни пилястр, но есть своя изысканность стиля. Для первой половины XIX в. характерен и дом казначейства, сохранившийся в Богородске, с простым ампирным фасадом. Крупные казенные здания в стиле ампира возводятся и на территории Волоколамского и Коломенского кремлей. Небольшие казенные строения сохранились от этого времени на Базарной площади Рузы, а в Покрове — бывший полицейский дом в два этажа с растянутым по улице фасадом, центр которого акцентирован неглубоким ризалитом и тройной аркой входа. И в их облике господствует строгая гладь ампирных стен с небольшими полочками над окнами, выдержанными в соразмерных пропорциях.

В центрах уездных городов Подмосковья строили учебные и больничные заведения. Для конца XVIII в. характерно также здание уездного училища в Верее в виде двух сопоставленных «глаголем» коротких корпусов с мотивом купольной ротонды на углу, выявляющей его объемную трехмерную характеристику. В скругленной части фасада применена тектоническая разделка стены сдвоенными пилястрами при небольших фронтонах, фланкирующих купол ротонды. В связи с этой постройкой невольно вспоминаются творения Д. Кваренги и Н. А. Львова, но в наивной провинциальной интерпретации. Дом народного училища в Коломне — скромная двухэтажная постройка с уплощенным портиком и фронтоном, расположенным строго по ее центру. Строгие ордерные формы, простые ленты карнизов и гладь охристых, ничем нерасчлененных стен указывают на переходный характер ее архитектуры. Но большая часть выстроенных зданий приходится на первую половину XIX в.

Рядовое здание больницы сохранилось на площади Павлова Посада. Привлекает своей архитектурой каменное двухэтажное здание больницы на Красной улице в Коломне; его стройный колонный портик в центре охватывает антресольный этаж, увенчанный аттиком и фронтоном. Вертикальной ориентации портика противопоставлены основной протяженный блок дома и горизонталь цокольного этажа, обработанного рустом. Признаки ампира особенно ощутимы в лаконичных гладях стен, почти лишенных декора. Стереотипный фасад воплощает характерные черты московского ампирного особняка. Еще больше их в уютном двухэтажном здании с мезонином городского училища (позднее гимназии) в той же Коломне. Парадный этаж его украшают уплощенный портик центрального ризалита и утопленные в неглубокие ниши гипсовые барельефы, а массивность цоколя подчеркнута рустом. В организации плоскости фасада здесь значительно большее место принадлежит горизонталям.

Крупное здание пожарной части в Коломне напоминает дво-

Здание быв. казарм в Коломые, конец XVIII—начало XIX в.

рянский особняк. Три симметрично поставленных корпуса образуют законченный ансамбль. Главный двухэтажный его корпус имеет небольшое подвышение фронтона в центре при очень уплощенной пилястровой декорации стен и рустовке нижнего цокольного этажа. На кровле этого корпуса, строго против фронтона, возвышалась деревянная надстройка пожарной каланчи. Столь же графично решены и одноэтажные служебные корпуса, обработанные плоскими арками и рустовкой. При скромной сдержанной декорации архитектура зданий выигрывает благодаря своим сложным пропорциям.

В некоторых подмосковных городах появились такие характерные казенные строения, как казармы. Самые большие из них в стиле зрелого ампира в крупных монументальных формах были выстроены в Бронницах для расквартированного здесь конного полка. Корпуса казармы замкнуты в каре, ориентированы своими наружными фасадами в сторону города. Центром главного фасада является его воротная башня, увенчанная бельведером; башни закрепляют и углы каре, придавая абсолютную уравновешенность композиции. На всем здании лежит печать суровой мужественной героики стиля ампир с характерными квадратными пропорциями, глухими глазами стен, обработанными рустом, рельефными арками и редко расставленными проемами. Характерно и строгое протяженное здание каменных казарм на Рождественской улице в Коломые также в стиле ампир. Его огромный уличный фасад с монотонным ритмом окон оживлен в центре протяженным портиком с фронтоном. Необычность этой казенной постройки придают ее неоштукатуренные краснокирпичные стены, на фоне которых эффектно выделяются побеленные наличники и портик.

В Сергиевом посаде, притягивавшем к себе массу богомоль-

цев, на торговой площади было выстроено крупное здание гостиницы. Двухэтажные ее корпуса, растянутые и по соседней улице, образуют форму «глаголя». Нижние торговые помещения оформлены арками, определившими архитектурный фасад площади, а вереница окон второго этажа отвечает отдельным гостиничным номерам. Однако здание несет на себе следы поздних перестроек.

Обязательным компонентом архитектуры городских площадей стали и такие казенные постройки, как гауптвахты. Одна из гауптвахт (начало XIX в.) с совершенно простыми гладкими стенами, приземистым и грубоватым портиком на их фоне до сих пор сохранилась на городской площади Коломны. При выходе из города, на его границах устраивались заставы с обелисками и караульными таких же строгих классических форм, образующие уравновешенные симметричные композиции (например, застава в Коломне).

Казенное строительство во многом развивает планировочные приемы, выработанные в архитектуре жилых и дворцовых зданий. Так, распространена двухрядная анфиладная комбинация помещений (дом казначейства в Кашире), в некоторых случаях попадают и совсем архаические приемы организации помещений, восходящие к посадскому и хоромному строительству с уступчатыми живописными планами, как в доме общественного собрания в Коломне. Для казарменных построек характерна коридорная система планировки; она применялась в гостиных дворах и торговых рядах, где коридором служит обходная наружная галерея, объединяющая изолированные ячейки торговых помещений.

Однако застойка центров подмосковных городов осуществлялась с большими трудностями. В большинстве городов обстройка площадей и главных улиц казенными зданиями затянулась на долгие годы и не была до конца осуществлена. Под казенные здания приходилось приспособлять капитально выстроенные жилые строения. Даже в таком большом и богатом в первой половине XIX в. городе, как Коломна, не удалось выстроить специального здания Присутственных мест. Здание Присутственных мест, сохранившееся в Верее, указывает на весьма ординарные архитектурные качества казенного строительства. К тому же огромные размеры торговых площадей не всегда определялись нуждами самих городов; то же самое можно сказать и о числе запроектированных площадей. Некоторые из них застраивали потом кварталами, как это было, например, с большой торговой площадью Богородска.

Для центров некоторых подмосковных городов большое городообразующее значение имело возведение высоких колоколен. Так, в Коломне, Кашире, Богородске колокольни акцентировали местоположение их главных торговых площадей. Силуэт Серпухова обогатился вертикалью колокольни церкви Николы Белого, объединившей старый и новый центры города. Колокольня стала доминантой в композиции Павловского Посада. Новые высотные

акценты появились и в панораме некоторых подмосковных монастырей в виде надвратных колоколен. Одна из таких колоколен была воздвигнута в 40-х годах XIX в. в Высоцком монастыре Серпухова. Всюду колокольни своим силуэтом предваряют восприятие города на дальних к нему подходах. Появление в силуэте подмосковных городов высоких колоколен в какой-то мере противоречило установке классицизма на создание замкнутых пространственных ансамблей, с горизонтализмом растянутой в линию застройки, обрамляющей улицы и площади. Сооружение колоколен усиливало открытый панорамно-зрелищный характер ансамбля города.

Согласно генеральным планам, разработанным комиссией в конце XVIII в., намечалось регулирование и жилой застройки по типовым проектам. Однако «образцовые проекты» не сразу достигли городов Подмосковья; их прямое воздействие на жилую застройку сказалось здесь позднее — в первой половине XIX в., когда в Петербурге были разработаны новые их серии, ставшие обязательным образцом для застройщиков уездных городов многих губерний, и в том числе Московской. Но на них уже лежит печать изменений, которые произошли в стиле архитектуры. Городской особняк этого времени отличают большая протяженность и горизонтализм пропорций, тенденция к уплощению ордерных элементов. Подвышение центральной части уже не столь резко, вместо фронтовых завершений теперь появляются пологие аттики, стройные колонные портики сменяются пилястрами, выявляется лаконичная гладь стены с накладными декоративными элементами. Часто для украшения балконов и входа теперь стали применять металлические решетки и козырьки, характерные для стиля ампир. Появляется разделение собственно жилых и парадных помещений дома, коридоров двумя входами — парадным и черным. Такого рода планировочная схема, отвечая удобствам организации быта, на протяжении XIX в. становится особенно распространенной, причем, не только в особняках, но и в планировке квартир многих доходных домов. Эти перемены можно видеть в типовых домах Коломны да и многих других подмосковных городов. Примечательны трехэтажный ампирный дом в пилястрах в Малом Запрудном переулке, дом на бывшей Вознесенской улице — пример гладкого ампира без пилястр, уютный особняк с мезонином и накладной ордерной декорацией в Кремле, а также краснокирпичные дома с лепными деталями в стиле ампир на Пражданской улице и у Пятиницких ворот Кремля. В Можайске бывший дом Бакульяна, двухэтажный с глухим подвалом, интересен как типично провинциальный ампир. В Павловом Посаде особняк на Кропоткинской улице (бывшей Дмитровской) с двумя симметричными, воротами и уцелевшим приусадебным садом сильно искажен последующими переделками. Примерами рядовой застройки в провинциальной вариации могут быть ампирный особняк на Ко-

оперативной улице в Сергиевом посаде и на Больничной улице в Рузе, двухэтажный каменный особняк с деревянным мезонином на Пушкинской улице в Кашире — довольно поздний по времени, но сохранивший типичные ампирные решетки. Каменные ампирные домики рассеяны и в районе речки Яхромы в Дмитрове. Рядовые образцы ампира с мезониным этажом сохранились в Бронницах, в Волоколамске (на Комиссариатской улице). Жилая застройка в стиле ампир попадается и в Верее — типичном провинциальном городе Подмосковья. Характерен двухэтажный дом с мезонином на Торговой улице с ордерной поэтажной декорацией фасадов. Два других дома, образующие угол площади, — примеры «гладкого ампира» без пилястр; один из них с деревянным

Дом-особняк в Верее, начало XIX в

мезонином, другой с балконом и довольно эффектной чугунной решеткой дворовой ограды. Особо можно выделить здесь дом Стриптихеевых на Зеленой площади, построенный в начале XIX в. фланг дер Боленом. Наугольное положение усадьбы определило его глаголеобразную композицию, завершенную на обоих концах небольшими служебными корпусами и воротами; участок со стороны двора замыкает по полукругу еще подковообразный корпус служб, оформленный арками. Фасады этого дома, соотносящиеся с улицей, имеют колонные портики с фронтоном, а со двора наружную галерею с входным крыльцом. Архитектура усадьбы несет все характерные черты провинциального ампира.

Однако в провинциальных условиях образцовое домостроение не сумело подняться на достаточно высокий художественный уровень. Лишь немногие дома по своей архитектуре приближаются к столичным образцам. В основной массе из-за недостатка на месте квалифицированных мастеров и консерватизма вкусов самих застройщиков здесь подчас создавались весьма наивные провинциальные пародии на стиль городской архитектуры того времени, с непритязательной упрощенной внешностью, часто совершенно без декора, с гладкими стенами. На некоторых каменных домах сохранились деревянные мезонины или фронтоны, несуразно врезанные балконы или непомерно крутые и высокие крыши. Кое-где уцелели такие домики в Верее (на Бутырской улице), в Павловом Посаде (на Павловской улице). С пилястрами на углах, они скорее напоминают обработку сруба, чем формы каменных построек.

Проекты образцовых домов оказали влияние и на рядовую деревянную застройку подмосковных городов. В подражание ка-

менным строгим бревенчатые стены и торцы обшивали гладким тесом с простыми строгими наличниками, имитирующими классические формы. Для рядового жилища наиболее характерна торцовая ориентация дома с развитием его в глубину участка и с расположением входа со двора; такая ориентация восходит к традиционным приемам построения народного жилища — простейшей избе. Обязательным элементом городского дворовладения по улице был забор с воротами и калиткой, смыкающий фронт соседствующих домов. Створки ворот и калитки также получали классическую обработку в виде филеичатой разделки. Такие деревянные домики с ампиричными фасадами есть в Коломне, Богородске, Кашире, Дмитрове, Волоколамске и других городах Подмосковья. Под влиянием столичной городской культуры в Подмосковье проник тип дома с протяженным уличным фасадом в 6 и более окон, когда комнаты выстраивали не только в глубину, но и по улице. Однако такие дома могли строить и зажиточные городские слои. Деревянные дома с протяженным фасадом также имитировали формы каменной архитектуры стиля ампир. Среди них были дома с мезониной надстройкой в центре; она придает ступенчатый характер фасаду, столь характерному для деревянной застройки послепожарной Москвы. Дома такого типа встречаются в Дмитрове, Подольске, Рузе, Покрове, Можайске, Верее. В деревянной застройке Коломны московский вариант дома с мезониной не получил распространения.

Работа по реконструкции подмосковных городов на основании классического градостроительства продолжалась вплоть до середины XIX в. Их первоначальный облик заметно изменился. Несмотря на отсутствие опыта и возникшие трудности, Градостроительная комиссия сумела произвести перепланировку подмосковных городов, сохранивших и пониние четкую регулярную сетку улиц, в чем собственно и состоит основная ее заслуга.

И тем не менее приходится признать, что реализация градостроительных идей комиссии на территории Московского наместничества вылилась в нечто более скромное, чем задумывалось. Это была первая попытка приведения городов Подмосковья в соответствие с новыми градостроительными требованиями в виде планомерно осуществляемого мероприятия. К тому же некоторые из них только номинально числились городами, а по существу еще долго сохраняли патриархальное сельское состояние, не получив достаточного развития элементов городской жизни. Применительно к таким городам идеальные проектные предложения выглядели особенно утопично. Наиболее трудным делом оказалось осуществление идей регламентированного каменного строительства по образцовым проектам. Учитывая это, комиссия не предъявляла строгих мер к застройщикам, поэтому многое и осталось лишь пожеланием. Для городов Подмосковья возможной могла бы оказаться типизация деревянного жилища, хотя комиссия уделила ему несравненно меньше внимания; это затрудняло

регламентацию такого строительства. Среди подмосковных городов, в основном в Коломне удалось построить много каменных домов по образцовым проектам. Жестко соблюдался лишь закон, предписывавший застройщикам ставить свои дома по линии улиц и переулков, поэтому в подмосковных городах произошла переориентировка дворовладений на общественный фон города с ритмически повторяющимся мотивом жилых строений, ворот и заборов. В отличие от столичных и губернских городов здесь не было жесткого контроля и в отношении архитектуры фасадов. К тому же художественный уровень образцового каменного строительства по сравнению со столичным был невысок. Это в основном провинциальные реплики проектов типовых домов, разработанных Комиссией.

Отдельные разрозненные жилые дома, решенные по типовым проектам, в системе сложившейся жилой застройки, разумеется, не могли дать того градостроительного эффекта, на который они были рассчитаны как ритмически повторяющиеся элементы регулярного ансамбля. Поэтому удачными оказались лишь отдельные фрагменты уличного фронта, застроенного типовыми домами. Кое-где их еще и сейчас можно видеть в подмосковных городах — Коломне, Серпухове. Как и в самой Москве, в подмосковных городах утвердился прием застройки по красным линиям, но с разрывами, что придало специфический облик улицам. Разрыв фронта фасадов акцентировал объемность и глубинность застройки, разрушая замкнутый характер уличного пространства. Таким образом, и на этом этапе развития в подмосковных городах удерживается объемная характеристика ансамбля, столь свойственная древнерусскому городу.

Градостроительная комиссия, разрабатывая генеральные планы подмосковных городов, стремилась придать им характер идеальных регулярных образований. Но такими идеальными были они только в чертежах. В конкретной же ситуации даже самая идеальная схема, наложенная на местность, теряла ощущение нарочитого геометризма и искусственности. За счет рельефа жесткость ее обычно смягчалась, уступая место объемно-силуэтной живописной характеристике города, что особенно ощутимо при общем восприятии его панорамы. Так, в панораме Богородска и Бронниц этот эффект достигнут постепенным понижением рельефа к реке, усилившим ощущение живописности застройки. В Подольске, Клину, Рузе, Никитске жесткость схемы смягчили живописные очертания берегов протекающих через них речек и ручьев. Если в организации общественного пространства городов заметно выступало регулярное начало, то при далеком панорамическом восприятии решающими становились живописная объемно-силуэтная разработка композиции и прежде всего вертикали церквей, отмечавшие положение кремля, торгового центра и других важных городообразующих элементов. Подмосковные города не обладали цельностью классического облика, сохраняя пестро-

ту застройки и после перепланировки Наряду с новыми в ткани города остались многие средневековые строения. Разностильность архитектуры второй половины XIX в. особенно усилила пестроту застройки. Лишь центральная часть некоторых подмосковных городов получила стилистическую цельность облика, определенного классицизмом.

Наиболее последовательно из всех городов Подмосковья была перестроена Коломна, где реконструкция коснулась основной массы строений, возведенных в стиле классицизма. Внушительное впечатление производит центр Коломны. Законченный ансамбль сложился и на торговых площадях Серпухова, Подольска, Верен.

Ампир принес новые веяния и в усадебное строительство Подмосковья. На рубеже XVIII—XIX вв. кое-где в Подмосковье еще строят крупные дворцы вроде трехэтажного каменного дома в усадьбе Гребнево или в Ивановском, с отпечатком представительной городской архитектуры, да и то это — перестройки зданий конца XVIII в. В тенденции же усадебные дома первой половины XIX в. тяготеют к большей скромности, лишены былого размаха. Однако такая тенденция не снижает монументальных возможностей самого стиля.

Образный строй усадебных домов несет отголоски героико-торжественных настроений — стиль становится более лаконичным и мужественным, укрупняется масштаб форм, филеичатая разделка стен сменяется выявлением гладких, ничем не расчлененных поверхностей, на фоне которых, как сочный барельеф, читаются портки. Пропорции их тяготеют к горизонтализму и становятся отяжеленными. Теперь предпочтение отдают тосканскому, дорическому или коринфскому ордерам. Особенно характерной становится охристая окраска стен с побеленными гипсовыми деталями.

Типичен в этом отношении дом в усадьбе Ершово, построенный архитектором А. Г. Григорьевым. На лаконичной глади его глухих стен выделяется четырехколонный портик, вписанный в лоджию. В усадебном доме в Старо-Никольском характерны для ампира накладные лепные детали при большой массе глухих стен с редко расставленными окнами. Черты стиля не менее ярко воплотились и в усадебном доме в Кишкине с мотивом арочной лоджии посредине и вписанными в нее двумя колоннами. Примечателен и дом в усадьбе Константиново с несколько грубоватыми провинциальными чертами его многоколонного портика и фронтона над мезонином, с рустованными стенами и арочной разделкой окон. Среди каменных усадебных домов в Подмосковье попадаются и провинциальные пародии на ампир, вроде большого дома в Никольском-Урюпине с непомерно высоким тяжелым фронтоном при слишком тонких колоннах портика.

Провинциализмы и усиливающееся интимное лирическое начало особенно проявилось в деревянных усадебных домах Под-

Библиотека в усадьбе Никольское-Урюпино, начало XIX в.

московья. Хорошо сохранился усадебный дом в Васние — редкий пример деревянного ампира с колонным портиком и обшитыми тесом стенами, имитирующими каменные формы. Центр его строго против портика венчает пологий купол. Первоначальные формы деревянного дома угадываются в каменной перестройке усадьбы в Васькине, где повторен его пространственный колонный портик, образующий в центре широкую крытую веранду. Во Фрянове можно видеть вариацию деревянного ампиричного дома с мезонинным этажом в центре и балконом перед ним, образованным колонным портиком. Стены дома оштукатурены «под камень». Сходное решение прослеживается в деревянном доме усадьбы Измаково. Прием введения портика в лоджию, распространенный в каменных усадебных домах, осуществлен в деревянных домах усадеб Никольское-Обольяново, Валуево, Флимонки. Дом в усадьбе Флимонки особенно умилителен в своей провинциальной наивности, стремлении воспроизвести каменные образцы: совершенно не масштабы его тонкие колонки, несуразно вставленные в лоджию. Среди деревянных домиков Подмосковья попадаются и совсем упрощенные, вроде дома в Малых Садках, с одним мезонинным без портика и множеством окон с примитивными наличниками; этот дом напоминает длинные кулеческие дома в городах. Миниатюрные домики в Высоком и в Вешках с фронтоном на де-

ревянных колонках дают представление о типе мелкопоместной усадьбы первой половины XIX в.

Вместе с ампиrom в архитектуру подмосковных усадеб пришли и большая свобода и непринужденность как первые предвестники романтического мышления. Решение фасада усадебного дома теперь не столь строго зависит от внутренней планировки, вход не всегда располагается по центру, чаще сбоку, нарушаются абсолютная симметрия и равновесие форм.

Меняется и пространственная организация усадебного дома, помещения его komponуются более свободно и естественно из соображения удобства, а не отвлеченной симметрии плана. Вместо парадных залов преобладают жилые комнаты каждодневного бытования с разделением их коридором на две параллельные анфилады. Эта планировочная схема становится характерной и для усадебных домов, и для городского особняка стиля ампиr. Таков, например, уютный старопоместный дом в усадьбе Абрамцево со ставнями на окнах, мезонинным этажом и открытой верандой, обращенной к речке Воря, принадлежавший когда-то С. Т. Аксакову.

Распад единого парадного пространства приводит и к большей дифференциации помещений, варьируются их размеры и высота, становится возможным несовпадение комнатных перегородок с основными членениями фасада, то есть происходит как бы расщепление интерьера с внешней оболочкой. В стиле ампирного интерьера наблюдаются уже некоторые симптомы нарождающейся свободной системы. Прежде всего он не столь конструктивен, как интерьер классицизма, гораздо большее значение в нем приобретает сама плоскость стены, которая, уплощая и графичизируя конструктивную систему ордера, превращает ее в образительный мотив. Роль собственно стеновой поверхности подчеркивается уплощением и горизонтальной растянутостью барельефных и живописных фризov, часто заменяемых гризалью. Вместе с тем начинается нарушение прежнего строго архитектурного сцепления ордерной декорации с мебелью, настенными и всеми другими предметами интерьера. Мебель может теперь самостоятельно формировать какую-то часть пространства, хотя еще увязана с основными его архитектурными членениями. В системе ампирного интерьера мебельный компонент более развит и в количественном отношении. Признаки некоторой раскованности от жестких рамок нормативного стиля проявляются и в возможности допущения в систему разностильных элементов; действительно ампирный интерьер уже содержит такие элементы, особенно в жилых покоях в верхних антресольных этажах, где непринужденная обстановка уравнивает подчас разностильные вещи.

Под влиянием романтизма в усадебных парках побеждает свободное живописное начало; регулярная планировка теперь почти полностью исчезает, ограничиваясь лишь зоной парадного двора.

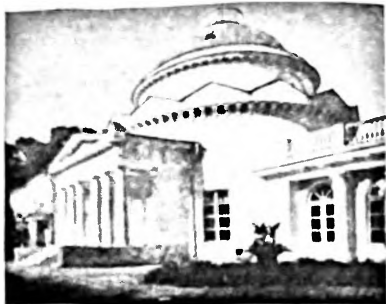
Отходя от строгих планировочных схем, усадебное строительство возвращается к типу свободного ансамбля. Архитектурное ядро усадьбы формируется естественно, непринужденно. Организующим его началом теперь обычно служат те или иные элементы пейзажа (например, водоем), вокруг которых группируются отдельные постройки, образующие художественное единство. Свободный пейзажный характер ансамбля выражается в рассредоточенной на павильоны композиции. Незапрограммированность движения и восприятия определяет множественность точек зрения и неожиданность сменяющихся картин. В системе всей усадьбы возрастает участие самой природы как основной среды настроения ее обитателей. Теперь всюду применяется живописная планировка аллей, характерная для английских парков. Эти черты усадебного строительства первой половины XIX в. наиболее ярко воплотились в усадьбе Кузьминки.

Вместе с культивированием естественного пейзажного парка нарастает интерес к романтическому восприятию природы, подчеркнутому руинами и различными готическими сооружениями. В окружении природы героическая тема приобретает лирико-романтические оттенки, иногда переходящие в элегичность, особенно в таких постройках, как мавзолей. Их особенно много в подмосковных усадьбах 20-х годов XIX в. Интересен мавзолей Тучкова, поставленный на Бородинском поле в Семеновском (1818—1820 гг.); кубовидный глухой объем его целлы увенчан пологим куполом и пристроенным с одной стороны дорическим портиком. Это один из самых лапидарных мавзолеев стиля ампира. В мавзолее Румянцева в его родовой усадьбе Троицкое-Кайнарджи колонные портики с фронтонами окружают кубовидную целлу, со всех четырех сторон создавая абсолютно уравновешенное решение, завершенное низким круглым барабаном и куполом. Увлечение Д. И. Жилярди мотивом купольной ротонды определило решение мавзолея Орлова в усадьбе Отрада. Вход его отмечен единственным дорическим портиком, зажатым между массивными пилонами тамбура. Круглый барабан, несущий купол, соответствует малой ротонде собственно целлы, вписанной в наружную ротонду мавзолея.

Самый впечатляющий мавзолей построен московским архитектором Д. И. Жилярди в Суханове; это мощная ротонда с куполом и пристроенными к ней с четырех сторон портиками. В лапидарной гладь стен и необычайно крупном масштабе мавзолея великолепно выражена героическая тема. Но здесь мавзолей — центр сложной композиции, дополненной проходными галереями, завершенными на концах павильонами.

Героические события войны 1812 г. получили отражение и в воротных сооружениях некоторых подмосковных усадеб. Среди них особенно величественны парадные ворота в Гребневе в виде триумфальной арки с ордерной декорацией.

В ампирических усадьбах Подмосковья заметна и тенденция к

Многозальный усадьбе Сушино, 1813 г., архитекторы Д. Жиларди (?),
А. Григорьев (?)

монументализации форм различных хозяйственных сооружений. Архитектура конного двора в Кузьминках (20-е гг. XIX в.) звучит как героическая симфония и честь русского народа. Прямоугольный двор со стороны пруда имеет центральный навес в виде триумфальной арки со ионической в две двухрядной дорической колоннадой увенчанной аллегорической скульптурой. Массивные главные стены навеса служат фоном для конных групп П. Калета фланкирующих арку. Монументальность достигнута применением крупными масштабом. Характерны для ансамбля атлантический завершение навеса и навесные барельефы. Вместе с фронтальной симметрично расположенными навесами и глубокими портиками, обрамленной арками, центральный навес образует примечательный фронт конного двора. Это одно из самых впечатляющих творений Д. П. Жиларди и усадебной архитектуры Подольского. Не имеет себе равных и большой конный двор в усадьбе Чашинково (первая четверть XIX в.). Особенно впечатляет торжественный разворот воротной в лизию и мощные колоннад в портике, промежуточных галереях и лоджиях боковых навесов. В крупном масштабе этой, городской по ощущению постройки, в ее декоративном убранстве заметно влияние общественной архитектуры времени ансамбля.

При перестройке усадеб, сложившихся еще в конце XVIII в. и

собор (1829—1842 гг.) в Кашире, церкви в Ловцах (1835—1843 гг.) и Ильинском погосте (1840 г.). Церковная архитектура Подмосковья, выражающая стиль ампир, связана с деятельностью выдающихся московских архитекторов О. И. Бове, Д. И. Жилярди, А. Г. Григорьева, Р. Р. Казакова, Ф. М. Шестакова.

Примечательна своей незаурядной архитектурой усадебная церковь в Ахтырке (20-е гг. XIX в.) гармоничными пропорциями и строгой ордерной декорацией на фоне темноокрашенных стен. Основной кубичный объем ее, увенчанный куполом, имеет идентичные скругления с западной и восточной сторон, что приближает этот храм к типу центральных, хотя он соединен узким переходом со стоящей рядом колокольной также очень хороших пропорций. Строил церковь московский архитектор А. С. Кутепов. Аналогичный композиционный прием встречается и в Троицкой церкви (1815—1820 гг.) села Каледино, построенный с участием О. И. Бове и Д. И. Жилярди.

Воскресенская церковь (1807 г.) в Дединове несет отпечаток стиля петербургских построек; ее отличают правильно прорисованные формы и протяженное базиликальное пространство внутри. Когда-то завершаемый пятиглавием, храм этот имел равновесную торжественную композицию. Обращают на себя внимание его красивые портики в антах, с ионической колоннадой. Для О. И. Бове и Д. И. Жилярди, строивших в это время в Подмосковье, характерно увлечение мотивом ротонды, лежащей в основе Покровской церкви (1825—1828 гг.) в Перхе-Покровском и Михаила архангела (1822 г.) в Архангельском.

Красива Знаменская церковь (1806 г.) в Нецепине. Изящными стройными портиками ионического ордера она напоминает парковые постройки и хрупкостью форм ассоциируется с ушедшим XVIII в., на что указывает и обработка барабана купола с мотивом тройного окна. Тонкой прорисовкой деталей отличается кладбищенская крестообразная церковь в Белоомуте с заключенной в ней ротондой, выявленной наружу высоким барабаном с куполом и люкарнами. И здесь есть мотив тройного окна. Церковь и ее изящная колокольная отличаются слаженностью пропорций. Колонные портики и ордерная разделка стен придают тектоническое ощущение всей постройке. Фоном для этих высококачественных произведений служит масса рядовых церковных построек того или иного типа, не столь профессиональных, но не лишенных обаяния, рассеянных в городах и загородной местности Подмосковья. Среди них есть и совершенно примитивные сооружения, с почти средневековым ощущением массы, вроде храма Флора и Лавра (1800 г.) в Игумнове и Борисоглебской церкви (1828 г.) в Енине.

Подмосковье прославилось и великолепными ампирами колокольнями, в образе которых отразились триумфальные победные настроения героической эпохи 1812 г. Поражала монументаль-

ностью колокольня в селе Ершово, взорванная во время Великой Отечественной войны фашистами. Опирируя лаконичными плоскостями и объемами, архитектор А. Г. Григорьев сумел создать впечатляющий образ мужества и героики.

В первой половине XIX в. намечается тенденция к созданию высотных сооружений с гармоничным ярусным построением композиции на основе ордерных отношений. Совершенство форм характеризует колокольню Ново-Голутвинского монастыря (1825 г.) в Коломне, отличающуюся уже не столько высотой, сколько слаженностью своих четвериковых объемов, несущих барабан со шпилевидным завершением. Не лишена выразительности и ее ампирическая декорация в виде рустики и сдвоенных колонн. Очень красива и четырехъярусная колокольня Павлова Посада (1839 г.), построенная на сочетании четвериковых и цилиндрических объемов и обогащенная сочной лепкой ордерной декорации, а внизу рустовкой и прорезанными арками. Украшением Серпухова является надвратная колокольня Высоцкого монастыря (1840 г.) с восьмигранной башней звона, установленной на двухъярусном крещатом основании. Не очень слаженная в целом, она тем не менее интересна своей ордерной декорацией, отмечающей ее ярусы. Особенно выразительна колокольня (1846 г.), возведенная на торговой площади Коломны, огромной высоты с ярусами четвериков и мягким лепным декором, характерным для московского ампира. Характерно, что в построении композиции колоколен сочетаются объемы четвериков, восьмериков, цилиндров и прочих простейших геометрических фигур.

Как и барокко, стиль классицизма, пустив глубокие корни, держался в архитектуре Москвы и Подмосковья до середины XIX в., а в некоторых проявлениях и позднее, пока не был вытеснен эклектикой и различными вариациями национального стиля.

ГОРОДА И АРХИТЕКТУРА ПОДМОСКОВЬЯ В ПОРУ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА — НАРАСТАЮЩЕЙ ЭКЛЕКТИКИ И СТИЛЯ МОДЕРН

(вторая половина XIX—
начало XX в.)

До середины XIX в. города Подмосковья сохраняли структуру и архитектурный облик, каким он сложился после их реконструкции. Развитие капитализма нарушило их прежнее статичное состояние, хотя результаты этого

процесса стали здесь более заметны на рубеже XIX—XX вв. С отменой крепостного права в России создаются условия для развития промышленности. Начинают строиться фабрики, заводы, железные дороги. Города становятся концентрацией рабочего населения, что вызвало необходимость жилищного и общественного строительства.

Таким образом, градостроительство России вступало в полосу важных перемен, которые стали особенно ощутимы в крупных промышленных центрах страны. На протяжении второй половины XIX в. постепенно меняла свой облик Москва.

Приметой начавшегося промышленного развития Подмосковья стало прежде всего строительство текстильных предприятий в его городах и селах. Здесь развивается также машиностроение, возрастает торговое значение ряда городов. Капиталистическому развитию Московской губернии особенно благоприятствует прокладка железных дорог. В 1851 г. через губернию была проложена Николаевская железная дорога, соединившая первопрестольную столицу Москву с Петербургом. В 1862 г. открылись Северная и Казанская железные дороги, а годом ранее — Нижегородская; в 1870 г. — Белорусская.

Облик российских городов, их архитектура изменялись и под воздействием новых художественных тенденций времени. К середине XIX в. вместе с крушением идей просветительства нормативный стиль классицизма переживает кризис и перестает казаться рациональным и целесообразным. На смену просветительской концепции разумного и гармоничного миропорядка приходит романтизм, в котором отразилось мироощущение развивающейся буржуазной личности, отвергающей прежнее нормативное общество и его художественные представления. С романтизмом приходит обостренное чувство историзма, осознание разных художественных культур и возможности «свободного выбора» любых стилевых форм, приспособлявая их к характеру тех или иных построек. Ситуация свободного выбора способствовала увлечению различными ретроспективными стилями, ассоциирующимися с теми или иными историческими эпохами. На первых порах особую популярность в России приобретают западноевропейские средневековые стили — готический, романский, мавританский. Но исторические первоисточники были поняты только на уровне деталей, декорации, а не главных формообразующих принципов. Отсюда становится возможным и смешение стилевых форм, что приводит к эклектизму в архитектуре. Он характерен и для той линии поисков, которая исходила из традиционных классических форм. С воцарением эклектики архитектура лишилась своей органичности — ретроспективная декорация уже не отражала складывающейся рациональной пространственной структуры построек. Но вместе с тем она и не препятствовала свободному формообразованию, что представляло прогрессивное начало в эклектике.

В условиях России среди ретроспективных течений, ориентированных на средневековье, особое значение имели поиски национального стиля, его истинно народных истоков. Хотя само понимание истинно народного, национального было предметом дискуссий. Самодержавие и официальное православие усматривали его в византийских истоках русской архитектуры: отсюда апелляция к мотивам византийского стиля в творчестве архитектора К. И. Тона и его последователей. Славянофильские слои русской общественности идеализировали русскую архитектуру XVII в. как воплощение подлинно национального и народного. Эта концепция русского стиля также получала поддержку самодержавия и официального православия. Зародившись еще в 30-е годы XIX в., обе линии поисков национального стиля, переплетаясь, образовали самое значительное ретроспективное течение в русской архитектуре второй половины XIX в.

В этой ситуации первопрестольная столица Москва становится основным очагом поиска национального стиля в России и оказывает влияние на петербургскую школу. Возрождению национального стиля в русской архитектуре способствовала деятельность В. В. Стасова, И. Е. Забелина, Н. В. Султанова, В. В. Суслова, А. Павлинова, архитекторов В. А. Гартмана, А. Н. Померанцева, Д. Н. Чичагова, В. О. Шервуда, И. Н. Петрова (Ропета). Популяризацией и распространением «русского стиля» в архитектуре занимались абрамцевские художественные мастерские, возродившие декоративные узорные мотивы старинных народных промыслов в виде пропиленной и объемной резьбы по дереву, широко применяемой в украшении фасадов, интерьеров и мебели. Само здание абрамцевской художественной мастерской, построенное архитектором В. А. Гартманом, стало наглядным экспонатом «русского стиля».

Но и эта линия поисков сводила понимание народного прежде всего к узору, то есть к декорации; отсюда та же неорганичность многих созданных в русском стиле построек. Лишь в 70-е и 80-е годы В. А. Гартман, а затем И. Ропет и его последователи стремятся преодолеть неорганичность путем непосредственного обращения к народному зодчеству и культивирования «кирпичного стиля», где не было штукатурных декоративных деталей. Но и это направление не приблизилось к пониманию истинной сущности древнерусского зодчества. Лишь в отдельных своих произведениях Гартман сумел преодолеть ограниченность метода эклектики и с деталей переключиться на целостное образное осмысление древних первоисточников, вплотную подойдя к стилю модерна.

Вместе с тем на развитие архитектуры во второй половине XIX в. оказывала влияние инженерная мысль; все более зрело убеждение, что выход к новому стилю лежит на путях освоения новых пространственных структур, современных строительных материалов и конструкций, и прежде всего железа. Правоту идей

Застройка г. Богородска (ныне Ногинск). фотография конца XIX в.

А. К. Красовского о преобразовании полезного в изящное как бы подтверждала сама практика строительства, — в камуфляже ретроспективных стилей всюду зрели рациональные объемно-пространственные решения возводимых зданий и сооружений.

Под влиянием всех этих изменений с середины XIX в. в архитектуре начался процесс постепенного разрушения нормативной, классической системы. В градостроительстве снова возрождается тип свободного открытого ансамбля, рассчитанного на внешнюю панорамическую зрелищность. Становится принципиально возможным застраи-

вать города разностильно, не препятствуя их свободному и естественному развитию. Эклектика начинает преобладать над классическими зданиями и ансамблями; в застройке появляется больше свободы, живописности и пестроты, возвращающих городам их прежний национальный колорит. Этому способствует и тенденция к выраженной силуэтности городов за счет появившихся в панораме множества новых вертикалей, главным образом колоколен и церквей. Развитие силуэтно-живописного начала переносило акцент с планиметрических особенностей городов на объемную их характеристику, где, как и в древнерусских городах, основой в композиции становится баланс свободно сопоставленных в пространстве элементов. Прямые ассоциации с древнерусским городом возникали и вследствие того, что большинство крупных общественных построек возводили в национальном «русском стиле», подражая архитектурным формам XVII в.

Раньше всего проявились в застройке Москвы, этот процесс затронул затем и Подмоскovie. Во второй половине XIX в. в силуэте подмосковных городов появились новые высотные элементы, усилившие градостроительную выразительность и живописные качества их панорамы. Введение высотных элементов в композицию подмосковных городов было продолжением тенденции, наметившейся еще в амьпире, хотя теперь все это приобрело выраженную национальную ориентацию. В это время церкви все еще сохраняли свое основное ~~городообразующее~~ значение в композиции городов Подмоскovie; в складывающейся капиталистической застройке еще не оказалось такого типа общественного здания, который мог бы взять на себя роль доминанты. Так, на торговой площади Серпухова возводится новый собор в «русском стиле»,

ставший наиболее крупным зданием города. Удачно введены в градостроительную композицию новые соборные колокольни в Бронницах и Волоколамске. В некоторых подмосковных городах продолжалась обстройка их торговых улиц и площадей. Так, довольно поздним нововведением в застройку центра стали Гостиные дворы в Богородске и Сергиеве посаде (не сохранился), но уже выстроенные в краснокирпичном стиле. Примечательностью Егорьевска стало крупное здание технического училища им. Бардыгина с чертами романской архитектуры. В окраинных рабочих районах промышленных городов среди деревянной застройки слобод появляются силуэты новых приходских церквей, выстроенных также преимущественно в «русском стиле».

Специфический облик получают кулеческие и мещанские дома подмосковных городов. К концу XIX в. определилось архитектурное лицо их деревянной застройки. Находит широкое применение пропильная и накладная деревянная резьба, с ней снова пробудились вкусы простонародных слоев к узорочью. Самодельная струя народного искусства соединяется здесь с тем, что шло от профессионального осмысления его в самой Москве в постройках И. Ропета, В. А. Гартмана, дав причудливый симбиоз форм. Декоративное начало побеждает конструктивное, узор почти сплошь покрывает стены домов, концентрируясь на карнизе, наличниках, фронтонах и других частях фасадов. Фантазия мастеров неистощима, в каждой местности Подмосковья мы найдем свои неповторимые мотивы деревянной резьбы; пропильной резьбой стали обильно украшать и деревенские дома.

Купеческое сословие не выработало самостоятельного типа жилища, приспособив для своих потребностей традиционную планировку особняка с двумя рядами комнат, разделенных коридором. Однако первые этажи, как правило, занимали лавки. Очень часто кирпич использовали лишь для первого этажа торгового дома, а верх его делали деревянным. Такой вариант купеческих домов получил широкое распространение в городах Подмосковья. Стремление сдавать жилые помещения внаем заставило приспособить для этой цели и барские особняки, где 2—3 изолированные квартиры имели отдельные входы.

Для пролетарских слоев населения становится характерным казарменный тип жилища с общими спальными комнатами и двойными ярусами нар; здесь же находилась печь для подогрева пищи и сушки одежды. К спальным комнатам обычно примыкали коридор или сени с умывальниками и туалетом. Этот тип рабочего жилища, лишенный каких-либо удобств и элементарных эстетических признаков, отразил удручающее социальное положение рабочего класса тогдашней России.

Византийский и русский стили получили особенно широкое распространение в архитектуре строящихся тогда церквей. Воплощением византийского направления в русской архитектуре стал построенный по проекту К. И. Тона храм Христа спасителя

в Москве (1837—1883 гг.). К. И. Тон и другие архитекторы разработали типовые решения церквей в национальном «русском» и византийском стилях для повсеместного их строительства, в том числе и в Московской губернии.

На этом этапе русское храмоздanie не пыталось создавать что-либо новое, а скорее консервировало выработанные веками в русском зодчестве каноничные композиционные приемы. В приходском строительстве широкое распространение получает трехчастная композиция храма с пятиглавым или одноглавым завершением и шатровой колокольней. Такие церкви встречаются всюду на окраинах старых городов, где выросли новые рабочие слободы (например, в Богородске, Серпухове, Можайске), а также и в сельской местности, но особенно там, где вблизи промышленных предприятий сложились новые фабричные поселения (например, Орехово-Зуево, Егорьевск, Глухово).

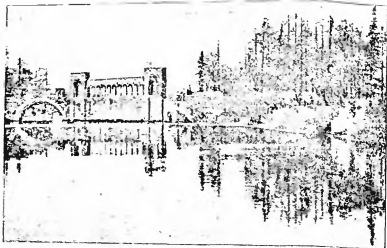
В городах и монастырях насаждается тип большого собора, восходящий к традициям XV—XVI вв. Но и здесь стиливое звучание в основном достигается средствами декорации с чертами того или иного первоисточника. Почти всегда это краснокирпичные фасады с узорной выкладкой кирпича в подражание декоративным мотивам церковной архитектуры XVII в. — кокошникам, шпилькам или византийским формам. Характерны в этом отношении собор, выстроенный на торговой площади Серпухова (ныне не существует), храм подмосковного Перервенского монастыря с гигантским кокошником центральной закомары, собор Спасо-Богородского монастыря на Бородинском поле. В ограде Николо-Угрешского монастыря можно видеть обращение к древним палестинским мотивам, здесь была воссоздана «палестинская стена». В псевдорусском и готическом стилях возводятся пристройки к некоторым старым соборам и церквям (например, готическая паперть собора в Дмитрове). Но все это носило характер чисто декоративных археологических имитаций, не затрагивающих принципиальных осей древнейшего наследия. «Русский стиль» с уздой кирпичной кладкой проник и в малые архитектурные формы — часовни, надгробные сооружения, ограды. Как и церкви, поздние монастыри, выстроенные на территории Подмосковья, в основном консервировали традиционные приемы композиции.

Развитие капитализма в Подмоскowie определило дальнейшие судьбы усадебного строительства. На протяжении XIX в. подмосковные усадьбы мельчают, аристократия разоряется, среднечестное и мелкое дворянство довольствуется сравнительно небольшими скромными домами типа загородной дачи, не претендуя на былой размах дворцового строительства екатерининского времени. В середине XIX в. последним отголоском дворцового величия в самой Москве было возведение царским архитектором К. И. Тоном большого кремлевского дворца. С тех пор дворцы уже более не строили. Дворцы разоряющейся дворянской знати

переходят к новым владельцам — выходцам из крупной буржуазии. Однако большим спросом у буржуазии пользуется теперь не дворец, а особняк, приспособленный к изменившимся условиям жизни.

Стиль классицизма в усадебном строительстве клонился к закату, все проще и скромнее решались усадебные дома; с их фасадов исчезли величественные портики, лишь в разделке стен и членениях на ризалиты сохранились классические приемы. Эти изменения в усадебном строительстве стали заметны уже с 40-х годов XIX в. Как нельзя лучше их иллюстрирует совсем окромная подмосковная усадьба Мураново. В целом быт усадьбы тяготеет к интимности и уюту, которые приходят на смену парадности. Это особенно сказывается на внутренней обстановке дома. Интерьер приобретает выраженный отпечаток личностных вкусов его обитателей. Именно здесь ранее всего начинают утверждать себя свободные принципы эклектики. Происходит дальнейший распад архитектурного пространства интерьера, основанного на ордерной системе. Мебель смещается со своих навсегда закрепленных мест, образуя самостоятельные обжитые уголки пространства, независимо от декорации стены. Для этого времени характерна гарнитурная мебель, рассчитанная на различные пространственные ее комбинации в интерьере. С потерей организующей роли ордера сдвигаются со своих мест и все настенные предметы; теперь естественнее воспринимается асимметричная свободная развеска картин, светильников, зеркал и прочих вещей. Наряду с гарнитурной мебелью появляется масса всяких безделушек; интерьер насыщается обилием тяжелых драпировочных тканей в виде занавесок, гардин, пологов; модным становится разведение комнатных цветов, затеняющих пространство и усиливающих ощущение его многопредметности. Благодаря ворсистой обивке мебель получает мягкие оплывшие очертания, теряет свою былую архитектурность. Со второй половины XIX в. большую роль в оформлении интерьера начинает играть фотография: семейные портреты размещают на стенах, письменных столах, подзеркальниках и везде, где это возможно; это перенасыщает и без того пеструю обстановку дома. Вся система обретает способность к неограниченному компилятивному объединению разнотильных элементов. Количественное разрастание в ней вещевого компонента поглощает пространство, в нем становится тесно и душно.

В середине XIX в. увлекаются романтическими стилями средневековья, особым успехом пользуется готика. В усадебном строительстве Подмосковья этот стиль особенно ярко проявился в работах известного московского архитектора М. Д. Быковского и его последователей. После перестройки в 30-е годы романтический облик приобретает усадьба Марфино с живописными прудами и готическими парковыми сооружениями. Готические черты были приданы и старому усадебному дому. Это творение

Усадьба Марфино. Вид с пруда на «Готический мост», 1830-е годы, архитектор М. Д. Быковский

М. Д. Быковского оказало влияние и на другие усадьбы Подмосковья. Паркостроение под влиянием романтических тенденций в искусстве все более тяготеет к естественному «пейзажному» предподнесению природы — с зарослями леса и кустарника, запущенными прудами, тенистыми живописными дорожками, ведущими к таинственным заброшенным местам парка и руинам.

Готическое направление особенно ярко проявилось в архитектуре парковых и хозяйственных построек. Стало модным возводить конные дворы в усадьбах в готическом стиле. Показателем в этом отношении конный двор в Дубровницах с его башнеобразными объемами и хрупким убором стен. В соответствии со вкусом времени перестраивают и многие старые усадьбы. С добавлением новых элементов возникает разностилье, разрушающее их былую художественную цельность, как это случилось, например, с усадьбой Абрамцево, перешедшей к ее новому владельцу С. И. Мамонтову.

Новым архитектурным явлением в пригородной зоне Подмосковья стало деревянное дачное строительство, осуществляемое купцами, чиновниками, интеллигенцией. Многие дома строили для сдачи внаем; это приводило к удорожанию земли, уменьшению размеров участков, но вместе с тем толкало на поиски более эффективных архитектурных решений. Под Москвой были целые поселки деревянных дач, выстроенных в определенных стилях. Широкой известностью пользовались дачные поселки в Зыкове и Всехсвятском. «В стилях» стали возводить и различные парковые и садовые сооружения, жанр которых предраспо-

лагал к необычным фантастическим формам, причем и здесь заметно увлечение деревом.

Со второй половины XIX в. в Подмоскowie появляется много деревянных дач, выстроенных в русском стиле, с узорными мотивами пропиленной резьбы. Создается целое направление ропетовской архитектуры, культивирующей народный стиль. В самой Москве воплощением этого стиля стала знаменитая Погодинская изба. В Подмоскowie представление о постройках этого направления дает дача Мамонтова в селе Киреево, построенная в 1877 г. архитектором В. А. Гартманом.

Развитие промышленности в Подмоскowie привело к поискам новой архитектуры в строительстве различных фабричных зданий и сооружений. В это время большинство промышленных зданий еще возводили в традиционном материале — кирпиче; в основе их планировки и композиции лежали уже сугубо утилитарные принципы. Частым композиционным приемом в фабричном строительстве было расположение отдельных производственных корпусов в виде группы сомкнутых, живописно сопоставленных объемов, объединенных каким-либо крупным или высотным элементом (чаще всего фабричной трубой). Такой многообъемный тип композиции мог возникнуть в результате постепенного развития комплекса фабрики с пристройкой к нему новых корпусов. В постепенном развитии формы и ее живописном построении сохранялась определенная общность с хоромными и палатными постройками XVII в. Обилие ритмично повторяющихся одинаковых окон, с лучковыми перемычками и сдержанная кирпичная орнаментация стен составляли характерную особенность фасадов фабричных корпусов. Здесь также утверждал себя кирпичный стиль. Строительство крупных промышленных зданий сопровождалось техническими нововведениями. В перекрытиях многопролетных цехов наряду с деревянными стали применять металлические ферменные конструкции. Архитектура утилитарных фабричных зданий своими рациональными формами и конструкциями, ритмической повторяемостью элементов предвосхищала эстетические принципы современного индустриального строительства. Среди выстроенных во второй половине века больших текстильных фабрик характерны комплексы Глуховско-Богородской, Орехово-Зуевской и Егорьевской мануфактур, а также фабрика в селе Озеры.

Внимание архитекторов привлекает железнодорожное строительство Подмоскovie. Интересным архитектурным явлением стали некоторые вокзалы. Здания вокзалов возводят в свободном «романтическом» стиле, с островерхими крышами и готической декорацией, которая придает им вид старинных средневековых построек. Понимание стиля, сводимого лишь к декору, не препятствовало формированию их целесообразных пространственных решений. Вслед за вокзалом в Петергофе (архитектор Л. Н. Бенуа) такого рода постройки появились и на подмоскovieных желез-

Изда с деревянной резьбой близ Звенигорода, фотография конца 1880-х годов

ных дорогах — вокзалы в Кунцеве и Голицыне Белорусской железной дороги. В романтическом стиле решались и различные путевые сооружения. При строительстве Николаевской железной дороги была сделана попытка спроектировать все ее сооружения в едином стиле, с повторяющимися типовыми решениями. В оформлении промежуточных вокзалов К. И. Тон применил излюбленный им мотив двоянных арочных окон, определивших архитектурное лицо фасада. В крупности самих объемов, в равномерной их повторяемости ощущается стандартизированная рациональная основа такого рода сооружений. Не менее очевидно она проступает и сквозь пышные, с чертами византизма

ма «дворцовые» фасады Московского и Петербургского вокзалов. Николаевская дорога стала образцом комплексного проектирования железнодорожных сооружений. Но это был особый престижный объект царского правительства, рассчитанный на демонстрацию строительных возможностей России. Железнодорожное строительство дало первые образцы первоклассной инженерной техники — эстетическими достоинствами отличались металлические мосты с ажуром решетчатых косоугольных конструкций, на вокзалах появились металлические перекрытия дебаркадеров с литыми чугунными опорами фигурного профиля. В частности, их использовал К. И. Тон при строительстве вокзала в Клину.

Конец XIX в. — начало XX в. — новый и последний этап в предреволюционном развитии городов Подмосковья, когда Россия вступила в стадию империализма. В этот период резко обострились все противоречия буржуазной культуры. С одной стороны, в России наблюдается дальнейшая демократизация художественной жизни, а с другой — усиливаются элитарные претензии буржуазной личности на особую рафинированную культуру. Общественным идеалам противостоят индивидуалистические тенденции, социальная нивелировка общества сопровождается выделением элитарного его слоя. Общевропейские тенденции в искусстве этого времени встречают сильное сопротивление со стороны собственной национальной культуры. Развитие науки и техники все-

ляет всру в светлое будущее человечества, но и вместе с тем вызывает страх за судьбы гуманизма и культуры. Следует иметь в виду, что Россия в начале XX в. находилась в состоянии почти непрерывной революционной ситуации.

Все это и рождает новую волну романтизма в художественной культуре и надежду на великую социальную миссию искусства — перестройку жизни средствами красоты, которая должна стать достоянием всех. Таким образом, идеи основоположников нового художественного движения Д. Рескина и У. Морриса становятся актуальными и в России. Под влиянием романтизма русская художественная культура рубежа XIX—XX вв. находится в состоянии особой активизации, пробуждается огромная духовная энергия, способствующая обновлению и общему подъему искусства на качественно новый уровень. В этой ситуации остро стоят проблемы нового стиля, взаимодействия разных видов искусств, развития художественной промышленности и оформления интерьера.

С ростом материальных потребностей капиталистической России значительно больше строится промышленных предприятий и железных дорог. В связи с бурным развитием промышленности и ростом рабочего населения в больших городах острее стоит жилищная проблема. К этому времени основным типом массового жилища становится доходный дом. Рост городского населения стимулирует строительство социальных и культурных учреждений. Этого требовала и демократизация жизни. К образованию теперь приобщаются средние и отчасти низшие слои населения, что повлекло строительство реальных и ремесленных училищ, гимназий и других учебных заведений. Для нужд населения в городах создаются больницы. Характерно, что такого рода здания возводятся теперь не только в центре, но и на окраинах промышленных городов, где сложились новые жилые районы.

На рубеже XIX—XX вв. решительно обживается капиталистическая Москва. В состоянии подмосковных городов усугубляются те процессы, которые стали намечаться в связи с развитием капитализма еще во второй половине XIX в. К началу XX в. заметно возрос промышленный потенциал Московской губернии за счет строительства новых и расширения старых предприятий. Стала определяться и промышленная специализация Подмоскovie: в Богородске, Орехово-Зуеве, Серпухове, Егорьевске образовались текстильные центры, в Коломне, Кашире и Подольске развивается машиностроение. Лишь западная часть Московской губернии сохраняет преимущественно аграрный профиль.

Перед Октябрьской революцией с помощью иностранных компаний были начаты изыскательские работы по выявлению энергетических ресурсов Подмоскovie. На базе торфяников в районе Шатурских болот был получен первый пробный электроток из построенного здесь маломощного движка. В 1914 г. на месте нынешнего Электрогорска по проекту инженера Р. Классона строит-

ся первая крупная электростанция Подмосковья. Промышленному развитию Подмосковья способствовала также дальнейшая прокладка железных дорог. В 1899 г. была пущена Брянская железная дорога, а в начале 1900-х годов вошли в строй Савеловская, Рязано-Уральская (Павелецкая) и Виндавская железные дороги.

В Подмосковье обновлялись прежде всего города, где развивалась промышленность и росло рабочее население. При железнодорожных путях располагались фабрики, а по соседству с ними возникали жилые рабочие районы — новые притягательные очаги, оказавшие влияние на дальнейшее сложение планировки и композиции городов. В связи со строительством железнодорожных вокзалов вблизи них разрастается сеть путей и складское хозяйство, отчуждающие значительные городские территории. Развитие водного транспорта привело к строительству фабрик в прибрежной зоне рек.

Особенно разрастаются к началу XX в. окраинные территории промышленных городов Подмосковья, где образовалось много новых рабочих слобод. Территориальный рост торгово-промышленных городов сопровождается и разрастанием их центров, распространяющихся не только на площади, но и на большие торговые улицы, где концентрируется множество различных магазинов, образующих почти сплошные ленты торговых помещений. Здесь на людных местах появляются рекламы, вывески, фонари, усиливающие живописность уличной застройки. Перед торговыми помещениями пристраиваются вынесенные вперед крыльца и сплошные навесы на тонких деревянных и металлических опорах; пространство улицы все более «оживляется» и приобретает черты многопредметности. Приметой демократизации культурной жизни городского населения Подмосковья стало строительство первых клубов, кинематографов, театров, парков отдыха со спортивными и увеселительными сооружениями. Во второй половине XIX в. применяются меры по благоустройству наиболее крупных подмосковных городов, на главных улицах и площадях появились булыжные мостовые, керосиновое освещение.

Но эти перемены затронули лишь центры и то только некоторых наиболее развитых промышленных городов Подмосковья, тогда как остальная застройка на тихих улицах почти не изменилась. В городах, где не было собственной промышленности, застройка оставалась в том состоянии, как она сложилась к середине XIX в. В отличие от Москвы рост промышленности и рабочего населения в подмосковных городах не привел к сколько-нибудь заметному повышению этажности застройки, всюду жилой фонд был почти сплошь деревянный, малоэтажный. Размещение нового населения здесь в основном шло путем территориального разрастания окраин.

В подмосковных городах с развитой промышленностью и растущим населением местное купечество стало возводить дома для

сдачи внаем. Для временного размещения приезжих в городах торгового и религиозного значения строят гостиницы и постоянные дворы. При фабриках, стягивающих к себе рабочий люд, по-прежнему возводят казарменные жилища. В начале XX в. в Серпухове, Коломне, Подольске появились первые многоэтажные доходные дома с секционной планировкой квартир, но они остались лишь единичным явлением среди массы малоэтажной застройки; в отличие от самой Москвы тип многоэтажного доходного дома не привился в Подмосковье.

Для подмосковных городов не стала характерной и застройка «сплошной фасадом», образующей улицы-коридоры. Напротив, благодаря разрыву сплошного фронта и малоэтажных строений здесь всюду удерживается объемная трехмерная характеристика города с открытым панорамическим восприятием его ансамбля. Лишь только в некоторых городах (Серпухов, Богородск, Подольск, Коломна) сложились небольшие фрагменты сплошной уличной застройки.

Развитие подмосковных городов по капиталистическому пути усилило стихийность их застройки. Они росли хаотично, особенно неорганизованы были их окраины, где ютилось много рабочего люда. Размещение промышленных предприятий на берегах рек ухудшило санитарное состояние городов и нарушило их градостроительную композицию; громады фабричных корпусов заслонили виды на застройку с ее примечательными зданиями, как это случилось, например, с прибрежной полосой в Серпухове, Богородске, Коломне и других городах Подмосковья. Регулирование строительства сводилось лишь к разбивке участков по простейшей прямоугольной сетке, без всякого благоустройства. Так застраивались и промышленные поселения — поселки на станции Затишье (ныне г. Электросталь), в районе Орехово-Зуева, Коломны, Каширы, Павлова Посада и других мест. Большинство новых поселков росло отдельными слободами, растягиваясь в ленту вдоль дорог, реже возникала многополосная или шашечная разбивка уличной сети.

Одним из ранних опытов социально-благотворительного строительства в Подмосковье был поселок Глуховско-Богородской мануфактуры. Перед Октябрьской революцией здесь возводят клуб с магазинами в первом этаже, больницу, училище и другие учреждения. Ремесленное и реальное училища, а также женская гимназия выстроены были в самом Богородске. Служащих мануфактуры расселили в деревянных коттеджах, а рабочие жили в казармах и частных домах. В Глухове на запруде притока Клязьмы создан был спортивный центр с купальнями, стадионом и велотреком. Словом, поселок стал одним из первых в дореволюционном опыте комплексов, где наряду с промышленными предприятиями и жилищами для его населения создавалась сеть культурно-бытовых учреждений. Поселок вырос среди соснового леса на берегу Клязьмы. Но и такого рода поселки еще не отли-

чались совершенством своей структуры и планировки. Глухову не хватало четкого генерального плана: застройка велась разбросанно, отдельными очагами вдоль дороги, ведущей к фабрике.

Лишь перед самой революцией делаются попытки улучшить планировку и застройку подмосковных поселков, их общую градостроительную композицию. Исходя из потребностей разуплотнения больших городов, еще в середине XIX в. в градостроительной мысли Запада зарождается идея «городов-садов» Э. Говарда, ставшая затем популярной и в России. Английские пригородные поселки с их малоэтажной коттеджной застройкой, обильно озелененной, благоустроенные и хорошо спланированные, послужили примером для некоторых новых поселков, проектировавшихся в Подмосковье.

Так, по образцу города-сада застраивался поселок на станции Прозоровка (1912 г.) Московско-Казанской железной дороги. Здесь была создана совершенная структура поселка с радиально-дуговой планировкой, прочно связавшей основные элементы его градостроительной композиции. Вся территория поселка расчленена на отдельные функциональные зоны с выделением жилых кварталов, общественного центра, больнично-санаторного комплекса и мест отдыха. Садовый характер обильно озелененных участков с коттеджной застройкой позволял создать здесь подобие города-сада. Поселок получил четко выраженный центр с группой общественных зданий и необходимое благоустройство. Три лучевые его улицы-аллеи сходились к вокзалу. Строительство поселка велось под девизом: «вернуть жителю воздух, зелень и солнце», и отсюда установка на коттеджное дезурбанистическое расселение. Но в предреволюционные годы такой опыт в поселковом строительстве Подмосковья остался редким эпизодом, как и в других промышленных районах России. В условиях частной собственности они не разрешили социальных проблем, которые на них возлагались.

Приемы развивающегося капитализма появились и в ландшафте Подмосковья, по которому пролегали многочисленные железнодорожные пути, расходящиеся веером от Москвы, со станционными и путевыми сооружениями, мостами, семафорами и линиями телеграфных проводов. Земли вдоль железных дорог на ближайших подступах к Москве приобретают особую ценность; их скупают для строительства дач и пригородных поселков. С перераспределением земель в пользу торгового и промышленного капитала рождается расточительное хищническое отношение к природе. В Подмосковье в районах развертывания промышленности начинаются вырубки лесов, загрязнение атмосферы, отравление рек сточными водами.

Однако развитие капитализма в Московской губернии протекало крайне неравномерно и затронуло далеко не все города. Некоторые из них, как, например, Верея, Руза, Бронницы, удаленные от железных дорог, еще долго оставались тихими захолуст-

ными поселениями с патриархальным сельским образом жизни и застройкой XVIII — начала XIX в. И на новых местах, где строили фабрики, не везде возникавшие при них рабочие поселения превращались в города, они так и оставались слободами (например, Зуево, Орехово).

С конца XIX в. заметные сдвиги происходят и в развитии архитектуры Подмосковья. Оно шло по пути преодоления эклектики и решительного обновления форм под флагом стиля модерн. Эпицентром нового художественного движения становится Москва и ее ближайшая округа. Абрамцевские мастерские снова оказались той благоприятной художественной средой, где зародились первые образцы модерна сначала в прикладном искусстве и театре, а затем и в архитектуре в виде неорусского стиля с признаками характерной для модерна стилизации, гротеска — обобщающей образной интерпретации.

В Москве неорусский стиль представляли архитекторы А. В. Шусев, В. А. Покровский, М. Т. Преображенский, С. У. Соловьев, А. А. Остроградский, И. Е. Бондаренко. В этом стиле создавали некоторые свои постройки и мастера модерна — Ф. О. Шехтель, А. У. Зеленко, Н. К. Жуков. В Подмосковье продолжалось увлечение строительством вилл и дач в национальном стиле. Но теперь это уже не копия декора со старинных образцов, а интерпретация в духе модерна образцов древности, что существенно отличало их от подражательных построек в национальном стиле «ропетовского» направления. Новое отношение к древнерусскому архитектурному наследию ощущается уже в абрамцевских постройках В. Васнецова 80-х годов XIX в. и затем в таких зрелых произведениях, как дача Александренко на станции Клязьма (художник С. Вашков, архитектор Г. Зеленский), дача Ф. О. Шехтеля в Кунцево.

На московской почве стиль модерн получит наиболее бравурное и экспрессивное выражение в отличие от умеренного его варианта, сложившегося в условиях классического Петербурга. Родившись в облике неорусского стиля, модерн затем выступает в современной общеевропейской форме с новым декором, хотя в условиях России национальная тема всегда остается как возможная его вариация. В раннюю пору он дал и проявления неоготики — качественно нового явления по сравнению с готическими постройками времени эклектики.

Стиль модерн знаменовал становление качественно новой художественной системы, пришедшей на смену эклектике. Новая художественная система стала оформляться изнутри, с интерьера. Наиболее благоприятной для ее развития оказалась сфера особняков с сугубо индивидуализированной средой бытования. Именно здесь во всей полноте выявились ее особенности. В модерне окончательно распалось классическое нормативное пространство, и организация помещений стала подчиняться исключительно требованиям целесообразности и удобства. В связи с этим

утвердилось характерное асимметричное планово-композиционное построение особняка.

Организирующим пространственным центром такого рода жилища служит холл с включенной в него внутренней лестницей, вокруг которого komponуются все помещения, образуя центростремительную, как бы развивающуюся по спирали систему. В особняке вместо парадных залов появляются обычные жилые комнаты, и именно их оформление становится предметом внимания архитекторов и художников. Через небольшой вестибюль можно было попасть в высокий пространственный холл, а отсюда в любое помещение особняка — общие гостиные, столовую, кабинет, детские комнаты и другие помещения, дифференцирующие многообразный быт его владельца. Модерн изжил эклектический принцип механической компиляции предметов в среде и тем самым освободил интерьер от гипертрофии вещевоего элемента; определяющим в интерьере модерна стало само пространство, а не собственно вещь.

В основе единения и сращивания всех компонентов системы лежал обобщающий художественный метод стилизации — заострения выразительных возможностей новых форм и материалов. Так, в особняках стали акцентироваться перетекаемость объемов и их пластичность, вязкость брутальной массы бетона и прозрачная легкость стекла, непривычно большие окна самых разных очертаний, сильно нависающие карнизы, тягучие орнаментальные линии гнутых переплетов и решеток. Совершенно новое звучание получают керамика, камень, штукатурка; излюбленным материалом при оформлении помещений особняков становится дерево, которым покрываются не только стены, но часто и потолки в подражание стилю «английских кабинетов». Органическое выражение масс и пространств, в раннем модерне уподобленных поведению живых организмов, имеет и свою философскую основу, восходящую к витализму. И декор приобретает органическую интерпретацию, воспроизводя мотивы живой природы. В волнистых изгибах бегущих линий выражается то напряженное, то расслабленное состояние пульсирующих масс и пространства. Вместе с тем декор носит теперь и откровенно декоративный характер, то есть трактуется как украшение стены, не претендуя на архитектурную функцию прежних ордерных форм.

Образный строй особняка раннего модерна стал концентрированным выражением мироощущения буржуазной личности в пору тревожных предчувствий и назревающих великих перемен. Он несет в себе и мечту о возвышенной красоте жизни, и веру в духовную силу искусства, и вместе с тем в нем получили отражение декадентские, упадочные настроения, свойственные части буржуазной интеллигенции.

На новые влияния в архитектуре ранее всего реагировала Москва, где были созданы наиболее типичные особняки модерна. Много дач-особняков в стиле модерна сосредоточено в ближайших

пригородах Москвы (по Казанской, Северной и Петербургской железным дорогам), ныне вошедших в черту города. В Подмоскovie появились и в местах, где была развита промышленность; здесь селились местная буржуазия, интеллигенция и служащие. Очагом модерна стал поселок при Глуховско-Богородской мануфактуре, где до сих пор сохранилось много деревянных дач. Проекты дач часто разрабатывали видные московские архитекторы Ф. О. Шехтель, Л. Н. Кекушев, А. В. Кузнецов, А. У. Зеленко, Г. А. Гельрих, братья Л. А. и В. А. Веснины, чем объясняется довольно высокое качество возведенных здесь построек. В ранних московских особняках наиболее сильно выразилась органическая экспрессия стиля модери. С этой точки зрения особенно характерны дачи с тяжелыми грибовидными верхами и уступчатыми живописными планами, построенные в Подмоскovie А. У. Зеленко, Л. Н. Кекушевым, А. В. Кузнецовым.

Достигнув апогея пластической и декоративной экспрессии, ранний модерн очень скоро вызывает реакцию и сменяется умеренной фазой, когда стиль начинает тяготеть к рациональности, строгости, простоте. Этот поворот наметился в связи с событиями 1905 г., усилившими демократические и рациональные тенденции в культуре и искусстве. Изменения стали особенно заметны в оформлении интерьера, где появились легкая реечная разделка стен, простые окубленные формы мебели с преобладанием строгих прямых линий. Как нельзя лучше этот этап развития московского модерна в особняках характеризуют интерьеры дачи Носенкова, созданные Л. А. Весниным в 1909 г., в Иваново, под Москвой. И наружный облик этой дачи демонстрировал рациональность архитектурного мышления чисто конструктивными средствами уже без всякого декора. Дача Патрикеева в Хлудях, созданная в 1900 г. архитектором Ф. О. Шехтелем, выделяется почти пуритическим ощущением своих ясных и лаконичных объемов. Лишь в абрисе шлемовидных крыш ее башня звучит как-то отдаленные реминисценции средневековья. Тяга к буржуазному модернизму во многих архитектурных проектах того времени выполненных для Подмоскovie (проект дома Тарасова архитектора В. А. Веснина).

На последнем этапе своего развития, в 10-е годы XX в. модерн соприкоснулся с ретроспективным течением классицизма, породив его модернизацию в виде неоклассического стиля. Не воскресались не столько конкретные исторические детали, сколько сам дух классицизма, ее образ. Такое новое отношение к классике дало возможность свободнее интерпретировать классические формы, не скрывая ими современное пространство, порожденное модерном.

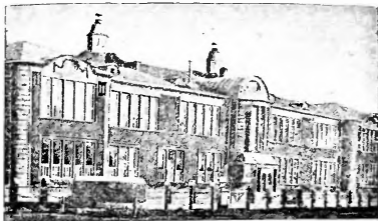
Эта линия некий снова находит благоприятную почву в сфере особняков, причем особенно среди каменных построек, возмущившихся в 10-е годы в Москве и на территории Подмоскovie. гротескном преувеличении их образного строя и классических

деталей узнавался все тот же модерн, характерные для него приемы стилизации. Таковы, например, загородные дома в имении Шеславское И. Морозова (архитекторы В. Д. Адамович и В. М. Маят) и в имении Пыльцовой (архитектор А. Эрхсен). Были попытки стилизации и деревянного ампира. В ряде мест Подмосковья появились небольшие деревянные домики с колонными портиками и накладными декоративными деталями. Об этой линии неоклассицизма может дать представление сохранившийся в Дмитрове особняк Вадбольского (начало XX в.).

В некоторых случаях воссоздание классических образов в архитектуре продиктовано было особыми мемориальными задачами. Так, на месте Бородинского сражения были поставлены многочисленные памятники русским героям, а также учрежден музей «Бородинская битва». Грандиозная мемориальная тема воплощена в формах ампира, в виде классических монументов. В этих же формах выполнено и здание музея. Восприятие мемориала в пределах самой Москвы как бы предваряет новый Бородинский мост, построенный в 1912 г. архитектором Р. И. Клейном, также в стиле ампир. На гранитных обелисках его отлиты из бронзы имена всех прославленных героев Бородинской битвы.

Однако ретроспективные тенденции не поколебали здоровых рациональных основ модерна. Как и всюду, они проявляли себя в архитектуре Подмосковья не в украшении фасада, а во внедрении в жилые и общественные постройки целесообразных приемов планировки и композиции, использовании новых строительных материалов. Отношение к модерну только как к новому украшению вызвало и внешнюю подражательность стилю, сводимую лишь к переоформлению фасадов, тогда как пространственная структура построек оставалась традиционной. Стиль модерн проявился в мотивах манерно изогнутых линий металлических решеток и кронштейнов, в декоративной обработке навесных козырьков, в напряженной конфигурации наличников окон и их переплетов.

Более очевидно рациональные принципы модерна выявили себя в строительстве производственных и хозяйственных сооружений. Развитие производства и техники способствует совершенствованию планировки, композиции и пространственного решения фабричных зданий. Так, московский архитектор А. В. Кузнецов широко применял в перекрытиях производственных помещений новые инженерные конструкции из железобетона и металла. Примечательным явлением в промышленной архитектуре Подмосковья стал новый ткацкий цех Глуховско-Богородской мануфактуры с оригинальным фонарным покрытием на тонких опорах и единым зальным ощущением пространства, обильно освещенного сверху. В некоторых промышленных сооружениях Подмосковья (прядельная фабрика в Раменском, 1910 г.) появились первые каркасные конструкции с облегченным заполнением; они совершенно изменили характер внутреннего пространства цехов и облик стен, создав укрупненную ритмику членений, раскрытых боль-

Здание женской гимназии в Богородске (Ногинск), 1908 г., архитектор А. Кузнецов

шми светлыми окнами. Железобетон с его пластическими качествами стал применяться при возведении элеваторов и водонапорных башен. В корпусе плавильно-механического завода в Глухове появился характерный для модерна мотив большого арочного окна с широко раскрытым внутренним пространством, ставший выразительным элементом их архитектуры. Значительно возросло применение металла в инженерных конструкциях, особенно при возведении мостов и в перекрытиях промышленных зданий.

На высоком техническом и художественном уровне по-прежнему велось и железнодорожное строительство. В этой сфере особенно проявил себя стиль модерн, в котором решались не только вокзалы, но и все станционные постройки, включая и малые формы — решетки, фонари и прочее. На отдельных участках стальных магистралей, ведущих от Москвы, в зоне станций создавались стилистически единые комплексы. Особенно показательна в этом отношении архитектура сооружений Московской Окружной железной дороги, где стиль модерн выдержан на всем ее протяжении, образуя раскрывающееся при движении целостное зрелище. В отделке вокзальных зданий стали широко применять цветную глазурованную плитку и новую декорацию модерна с мотивом изогнутых линий; выразительную пластическую интерпретацию получали крыши с сильным выносом карнизов на металлических кронштейнах. Достоинством новых вокзальных зданий были их удобные, рационально спланированные помещения, оформленные в едином стиле. В железнодорожном строительстве Подмосковья модерн оставил и великолепные образцы деревянной

архитектуры в виде навильонов вокзалов, перронных навесов, киосков, различных служебных и жилых построек. Утилитарность и техническая добротность соединились в них с выразительной художественной проработкой деревянных стропильных конструкций крыш, карнизов и наличников.

В стиле модерн стали строить и различные учебные заведения, а также больницы. В такого рода зданиях в большей мере получили развитие рациональные принципы этого стиля, что сказалось прежде всего в композиции и планировке — в удобном и целесообразном расположении помещений с большими светлыми окнами и широкими коридорами. Нововведением в зданиях учебных заведений стали пространственные рекреационные залы и сплошные ленточные окна классовых комнат. Однако в изгибах линий окон и карнизов, в завитках решеток и скруглениях углов акцентировались своеобразные декоративные признаки стиля модерн. Характерны в этом отношении здания больницы и учебных заведений, выстроенные архитектором А. В. Кузнецовым в Богородске и рабочем пригороде Глухова. Среди них особенно примечательна своей архитектурой женская городская гимназия, спроектированная с учетом самых последних достижений европейского опыта. Но в тенденции строительство учебных зданий и больниц в Подмосковье тяготело ко все большей рациональности и лаконичности решений, почти без декора. В таких постройках начинает акцентироваться сама объемная композиция, часто с асимметричным расположением корпусов и лаконичной гладью стен из облицовочного кирпича или керамической плитки (например, здания городского и ремесленного училищ в Богородске).

Стиль модерн затронул и такую каноничную сферу зодчества, как церковное строительство. И хотя он не разрушил обычных композиционных приемов храмоздания, но в значительной мере способствовал переосмыслению самого архитектурного образа храма в духе художественных принципов модерна. Ранее всего они проявлялись в абрамцевской церкви В. М. Васнецова (1883 г.), с которой обычно принято начинать историю архитектуры русского модерна. Эта постройка стала новым словом в понимании древности, положив начало неорусскому направлению внутри модерна. Метод художественного обобщения позволил довольно свободно интерпретировать исходный исторический материал. Основываясь на традициях новгород-псковского зодчества, В. Васнецов воссоздал здесь сам образ древности, а не тот или иной конкретный исторический прототип. Лиризм внешнего облика церкви сочетается с уютным, почти домашним ощущением ее небольшого «клетского» пространства. На здании лежит печать стилизации — преувеличенного заострения особенностей новгород-псковской архитектуры, что характерно для художественного метода модерна.

Много церквей в национальном стиле строится в это время в самой Москве; они появились в загородной местности, в усадьбах

и подмосковных городах. Но почти везде в качестве исходного прототипа использовалась более пластичная новгород-псковская архитектура. Вольный парафраз этой архитектурной темы в переложении модерна можно видеть в Захарьевской церкви, построенной архитектором И. Е. Бондаренко для фабриканта Морозова на окраине Богородска. Здесь совсем уже в гротескной форме интерпретирован древний образ. Стиль модерн наложил заметный отпечаток и на архитектурные формы надгробных сооружений — кладбищенские памятники, склепы, часовни, где также появились признаки художественной стилизации пластических масс и декорации, причем иногда и с привлечением национальных мотивов.

Вместе с тем в церковной архитектуре Подмосковья продолжала развиваться и линия «псевдорусского стиля» с суммированными декоративными деталями, скопированными с посадских храмов XVII в. Довольно традиционными были и их композиционные решения, хотя при возведении сводов применялся бетон и другие современные материалы. Средствами современной техники имитировались довольно архаичные формы.

В архитектуре некоторых выстроенных в предреволюционные годы церквей прозвучали и поздние отголоски византизма. Наиболее интересное произведение этого направления — церковь в подмосковной дачной местности Кунцево. Ее создатель архитектор С. У. Соловьев, с присущим ему знанием археологии, наиболее приблизился к первоисточнику, воссоздав крестчатую однокупольную композицию византийского храма с характерной полосатой кладкой стен, хотя ему не удалось избежать колышней сухости отдельных деталей. На этом, собственно, и завершилось развитие архитектуры и градостроительства Подмосковья в предреволюционную пору.

Итак, для архитектуры и градостроительства Подмосковья на столь большом историческом отрезке (XIV — нач. XX в.) характерна общность художественных принципов, определяемая непосредственным влиянием строительного искусства Москвы. Вплоть до конца XVII в. Москва и ее ближайшая округа были эпицентром художественной жизни Руси, откуда исходили многие передовые идеи в области искусства и архитектуры. Поэтому не случайно в течение веков в архитектуре и градостроительстве здесь откристаллизовались наиболее характерные черты строительного искусства Руси.

Лишь в пору строительства Петербурга на время меркнет художественное значение московской архитектуры. Однако с середины XVIII в. после освоения европейского опыта дальнейшее развитие русской архитектуры идет с ориентацией на собственные

художественные традиции, в связи с чем снова возрастает авторитет Москвы, когда она становится олицетворением возрождающейся национальной культуры. Именно здесь, на московской земле, в окружении исторического наследия сосредоточились тогда основные искания в области архитектуры и градостроительства и особенно остро ощущалось столкновение истории и современности, иноземного и самобытного, что наложило печать неповторимого своеобразия на художественное лицо Подмосковья. Советская действительность открыла качественно новый этап развития архитектуры и градостроительства Подмосковья².

---

² См.: Кириллов В. В. Градостроительство Подмосковья в первые годы Советской власти (проекты и практика строительства).— В кн.: Русский город (исследования и материалы), вып. 2. М., 1979. Кроме того, о градостроительстве Подмосковья 20-х годов см.: Кириллов В. В. Градостроительство и архитектура Подмосковья советского времени.— В кн.: Города Подмосковья, т. 1. М., 1979.

●
**Основная литература
по архитектуре
и градостроительству
Подмосковья**
●

- Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Книга чертежей и рисунков (планы городов). Спб., 1839.
- Памятники Московской губернии. М., 1842, 1845.
- Нистрем К.* Указатель селений и жителей уездов Московской губернии. М., 1852.
- Самоквасов Д. Я.* Древние города России. Спб., 1873.
- Благовещенский И.* Краткие сведения о всех церквях Московской епархии. М., 1874.
- Носиф.* Путеводитель к святыням и достопримечательностям Москвы. М., 1879.
- Холмогоровы В. и Г.* Исторические материалы о церквях и селах XVI—XVIII столетия, вып. 1—11. М., 1881—1896.
- Чечулин Н. Д.* Города Московского государства. М., 1889.
- Мартынов А.* Подмосковная старина. М., 1889.
- Шмарченко А.* Справочная книжка Московской губернии. М., 1890.
- Шамурин Ю.* Подмосковные, ч. 1, 2. М., 1912, 1914.
- Керов Н.* Экскурсии в подмосковные дворянские гнезда.— «Экскурсионный вестник», кн. 3, 1914.
- Города Московского государства в первой половине XVII века. Киев, 1917.
- Лобанов В. М.* Подмосковные. М., 1919.
- По окрестностям Москвы (под ред. Дрожина и Соколова). М., 1924.
- Перцев Б.* Усадьбные экскурсии. М., 1925.
- Морозов В. В., Ольсон Б. О.* Экскурсии и прогулки в окрестностях Москвы. М., 1926.
- Картавцев И.* Усадьбы Московской губернии. Опыт библиографического указателя. М., 1927.
- Сборники Общества изучения русской усадьбы, ч. 1. М., 1927; ч. 2. М., 1928.
- Памятники усадебного искусства, вып. 1. М., 1928.
- Некрасов А. И.* Возникновение Московской губернии. М., 1928.
- Некрасов А. И.* Возникновение Московского искусства. М., 1929.
- Елагин Н.* По московскому краю. М., 1929.
- Вокруг Москвы. Экскурсии. М., 1930.
- Длугач Д., Шиллер П., Романов С.* Подмосковные. М., 1941.

- Воронин Н.* Древнерусские города. М.—Л., 1945.
- Тихомиров М.* Древнерусские города.—Ученые записки МГУ. М., 1946, вып. 99.
- Горопов С.* Подмосковные усадьбы. М., 1947.
- Памятники, разрушенные немецкими захватчиками в СССР. М.—Л., 1948.
- Воронин Н. Н., Ильин М. А.* Древние Подмосковные (памятники зодчества XV—XVII вв.). М., 1947.
- Рязкин М. М.* Архитектурные ансамбли Москвы и Подмосковья. XIV—XIX вв. М., 1950.
- Тихомиров Н.* Архитектура подмосковных усадеб. М., 1955.
- Тельтевский П.* Древние города Подмосковья. М., 1956.
- По древним русским городам. Путеводитель. М., 1958.
- Ильин М. А.* Из истории московской архитектуры времени Андрея Рублева.—Вопросы истории, 1960, № 12.
- Памятные места Московской области. М., 1960.
- Белецкая Е., Крашенинникова Н., Чернозубова Л., Эри И.* «Образцовые» проекты в жилой застройке русских городов XVIII—XIX вв. М., 1961.
- Подмосковье. Памятные места в истории русской культуры XIV—XIX вв. М., 1962.
- Воронин Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси, т. II. М., 1962.
- Все Подмосковье. Географический словарь Московской области. М., 1967.
- Евангулова О. С.* Дворцово-парковые ансамбли Москвы первой половины XVIII века. М., 1969.
- Косточкин В. В.* Старый Смоленский трактом. М., 1972.
- Ильин М. А.* Подмосковье. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 1974.
- Памятники архитектуры Московской области, т. 1, 2. М., 1975.
- Города Подмосковья. В 3-х книгах. Кн. первая. М., 1979.
- ...в окрестностях Москвы. Из истории русской усадебной культуры XVII—XIX веков. Сост. М. А. Аникст и В. С. Турчин. М., 1979.

●
К БИОГРАФИЧЕСКОМУ
СЛОВАРЮ
МОСКОВСКИХ
ЗОДЧИХ
XVIII—
XIX вв.

(извлечения из архивов) *

●

ЖИЛЯРДИ Александр Осипович (10 января 1806 г. — 1871 г.), род. в Москве, сын О. Д. Жилярди. В июле 1827 г. определен архитекторским помощником к строению Слободского дворца. С августа 1827 г. по сентябрь 1830 г. работал на постройке здания ремесленного учебного заведения в Москве. С сентября 1830 г. — архитекторский помощник Московского Воспитательного дома. С апреля 1832 г. по 1837 г. в связи с отъездом в Италию Д. И. Жилярди работал в подмосковной усадьбе князя С. М. Голицына Кузьминки (Влахернское) и в его московском доме. В 1833—1834 гг. заканчивал строительство в усадьбе графа В. Г. Орлова Отрада и наблюдал за постройкой школы, двух богаделен. В декабре 1834 г. — старший помощник архитектора. В июле 1835 г. послан для осмотра здания Московского Воспитательного дома и бывшего Лефортовского дворца для помещения в них 2-го Московского кадетского корпуса и составления сметы этим зданиям. С 1838 по 1848 г. работал архитектором при Московской Градской больнице. В августе 1838 г. определен младшим архитектором комиссии по сооружению в Москве храма Христа спасителя. В сентябре 1838 г. выполнил проект католической церкви Петра и Павла в Москве (план, разрез, фасад). В июне 1839 г. получил чин коллежского секретаря со старшинством. В августе 1842 г. в усадьбе Голицыных Гребневе осматривал место для размещения на колокольне часов. В мае

---

* Начало публикации М. В. Дьяконова см. в кн.: Русский город (историко-методологический сборник). М., 1976, с. 270—294 (Авдеев А. А.—Выборнов П. К.) и Русский город, вып. 2. М., 1979, с. 255—291 (Гаввердовский П. Р.—Жидовинов А. Н.).

В отличие от 1-го и 2-го сборников принцип подачи материала в сносках здесь и в последующих сборниках изменяется: вместо погодного порядка сноски группируются по фондам.

1846 г. по его проекту в вотчине М. А. Голицына в с. Пушкино, Усманского уезда, Тамбовской губернии строили церковь. В декабре 1846 г. составлял планы и чертежи всех зданий, подведомственных Московскому опекунскому совету. Подписанные им чертежи хранятся в Научно-исследовательском музее русской архитектуры им. А. В. Шусева¹.

ЖИЛЯРДИ Дементий Иванович (1785—1845 гг.), сын И. Д. Жилярди. В марте 1811 г. принят помощником архитектора в Московский Воспитательный дом. В 1812 г. при подходе французской армии к Москве вслед за сотрудниками Воспитательного дома выехал в Казань вместе с А. Г. Григорьевым. В 1817 г. определен для наблюдения за восстановлением главного здания Московского университета (выделено 2000 руб. в 1817 г. и 1500 руб. в 1818 г.). С июля 1817 г. в связи с болезнью отца занимал его должность (архитектора Воспитательного дома) вместе с А. Г. Григорьевым. В октябре 1817 г. доложил ректору И. А. Гейму, что по данным от него рисункам лепная работа лепщиком И. Емельяновым выполнена. В марте 1818 г. утвержден в должности архитектора. В марте 1820 г. за отличную работу по восстановлению здания Московского университета получил чин коллежского секретаря. В октябре 1820 г. представил проект ворот при съезде с Солянки на проспект к Воспитательному дому, на месте ворот, снесенных бурей в 1819 г. В июне 1821 г. были одобрены составленные им план и фасад здания для Московского опекунского совета (смета на постройку составила 828 285 руб.). В августе 1821 г. освидетельствовал вместе с архитекторами И. Д. Жуковым, И. Л. Мироновским, Ф. К. Соколовым, И. Т. Таманским и А. Ф. Элькинским рвы, вырытые для Большого Петровского театра. В марте 1823 г. получил чин титулярного советника со старшинством. В 1824 г. вместе с О. И. Бове, И. Л. Мироновским, Е. Д. Тюриным и каменных дел мастером Л. П. Карлони освидетельствовал здание Арсенала в Кремле. (В июне 1824 г. они представили смету, планы, фасады и профили.) В октябре 1824 г. дал расписку в том, что за отделку Гребневской и Котельнической церквей получил от конторы князя С. М. Голицына 1000 руб. В апреле 1825 г. выдал аттестат М. Д. Быковскому, находившемуся при нем 7 лет учеником и 3 года помощником. В мае 1825 г. после окончания внутренних работ в Большом Петровском театре вместе с О. И. Бове, В. А. Балашевым и Ф. М. Шестаковым освидетельствовал декорации, машины, партерный пол, освещение и украшение театра и сцены. В рапорте об осмотре отмечено хорошее состояние театра.

¹ ГИМ: ОПИ, ф. 14, л. 102—1827 г., д. 27—1842 г., св. 43, д. 434—1846 г.; ЦГИА г. Москвы: ф. 4, св. 1150, д. 721, л. 2—1827, 1830 гг., лл. 3—4—1824—1835, 1838 гг., ф. Голицыных, св. 37, д. 374—1832—1837 гг., св. 38, д. 389—1834 г., св. 40, лл. 401, 403, св. 41, д. 415—1836 г., ф. 454, оп. 4, д. 10, л. 18—1838—1848 гг., ф. 127, оп. 2, д. 3902, л. 5—1846 г.; ЦГИА СССР: ф. 1488, оп. 2, д. 859, лл. 1—3—1838 г., ф. Голицыных, св. 42, д. 424, ф. 4, св. 1150, д. 721, лл. 3—4—1839 г.

В октябре 1826 г. в связи с завершением строительства нового здания опекунского совета награжден годовым жалованьем и орденом св. Анны 2-й степени с алмазными украшениями. В январе 1827 г. участвовал в приемке здания Экзерциргауза (Манежа) в Москве. В апреле 1827 г. произведен в чин коллежского асессора. В августе 1828 г. передал рисунок постройки кладовой для ризницы в с. Влахернском, сделав ее не четырехугольной, а круглой, с таким куполом, как на мыльне и круглой беседке. В октябре 1828 г. сообщил, что из-за болезни глаз выехать за границу скоро не сможет. С октября 1828 г. по апрель 1829 г. был в отпуске. В письме в Академию художеств просил покровительства М. Д. Быковскому. В 1829—1831 гг. выполнил для князя Н. С. Гагарина альбом проектных чертежей московской городской усадьбы (усадьба Найденовых, ул. Чкалова). В июне 1830 г. отказался принять участие в сочинении нового проекта храма Христа спасителя на Воробьевых горах, сославшись на отсутствие свободного времени. С 1826 по 1830 г. перестраивал Екатерининский институт и Слободской дворец в Москве. Сделал смету на пристройку флигелей со службами к училищу ордена св. Екатерины, принимал здание Слободского дворца, переданного Воспитательному дому. В октябре 1830 г. чрезвычайное собрание Академии художеств определило поставить перед публичным собранием Академии вопрос об избрании его в «почетные вольные общники» «по отличному искусству и знанию его по части архитектурного художества». Но вскоре в связи с длительной болезнью вместо него по его же ходатайству перед императором «вольным общником» был избран один из архитекторов Экспедиции Кремлевского строения (далее — ЭКС). В феврале 1831 г. сообщил, что в Слободском дворце иконостас, 8 колонн церкви и 8 колонн в зале собраний по составленному им счету стоят 2592 руб. В июне 1831 г. дал подробные указания о покраске чугунных триумфальных ворот в усадьбе С. М. Голицына Влахернское, а также просил выдать по Слободскому дворцу остальные 1000 руб. скульптору И. П. Витали, за поставленную им на парапете главного фасада большую скульптурную группу. В апреле 1832 г. получил чин надворного советника со старшинством. В июле 1832 г. представил формулярный список о службе, прося о принятии и внесении его в московскую дворянскую родословную книгу. 22 июля 1833 г. собрание Московского Воспитательного дома в связи с его отъездом в Швейцарию, предписало сдать все дела «с должным для окончания работ наставлением» его помощнику титулярному советнику А. Г. Григорьеву².

---

² ЦГИА г. Москвы: ф. 4, оп. 15, д. 143, лл. 2—3 — 1811, 1819, 1820, 1823, 1824, 1826, 1827 гг., ф. 418, оп. 505, д. 3, л. 1, д. 11, л. 1, ф. 127, оп. 2, д. 784, л. 1 — 1817 г., д. 1062, л. 1 — 1820 г., ф. 108, оп. 1, д. 94, л. 211, ф. 163, оп. 4, д. 103, л. 42 — 1821 г., д. 185, л. 164, д. 186, лл. 102—105 — 1825 г., д. 204, л. 47 — 1827 г., д. 242, л. 269 — 1830 г., ф. Голицыных, св. 32, д. 340, л. 339,

ЖИЛЯРДИ Иван Дементьевич (1757 г. — 13 февраля 1819 г.), швейцарец из Лугано. В 1787 г. прибыл в Россию для производства каменного строения в Московском Воспитательном доме. С апреля 1799 г. — архитектор Воспитательного дома, с 1800 г. — архитектор Московского опекунского совета. В декабре 1800 г. вместе с И. Д. Жуковым и Ф. К. Соколовым осматривал обвисшие потолки Большого Петровского театра и представил содержателю театра Медоксу проект их исправления. В феврале 1801 г. получил первый обер-офицерский чин. 12 июня 1803 г. приведен к присяге на вечное подданство России. В 1804 г. жил в Мясницкой части 1-го квартала. В феврале 1805 г. получил направление в Казань для осмотра дома, предназначенного для училища (типа Екатерининского в Москве). В 1808 г. жил в Московском Воспитательном доме. В феврале 1809 г. для строения в Москве нового Вдовьего дома получил предписание взять себе в помощь каменных дел мастера. В апреле 1809 г. избрал своим помощником Д. Г. Григорьева, с которым работал при постройке Павловской больницы, Коммерческого училища и прочих строений в Москве. В 1809 г. составил проект Вдовьего дома (женский Александровский институт). В фундаменте здания находится доска с указанием даты закладки — 5 мая 1809 г. и имени Жилярди. В 1811 г. доложил, что строение Вдовьего дома стоит 335 000 руб. В 1812 г. — титулярный советник, имел квартиру в Воспитательном доме. В январе 1813 г. получил чин коллежского асессора. В марте 1814 г. наблюдал за работами по восстановлению Ивановской колокольни в Московском Кремле. В 1815 г. сделал проект аптеки, лаборатории и людского корпуса у въезда в Воспитательный дом (приложено 3 чертежа). В марте 1815 г. по определению Синода до окончания строительства Ивановской колокольни в Московском Кремле получал 3500 руб. в год сверх жалованья его в Опекунском совете. В 1815 г. составил план и наблюдал за строением дома для московской семинарии в Перервенском монастыре. В июле 1817 г. уволился из-за болезни и выехал для лечения в Италию, где и скончался³.

ф. 4, оп. 15, д. 143, лл. 2—3 — 1828 г., св. 35, д. 359 — 1831 г.; ЦГИАЛ: ф. 789, оп. 1, д. 1025, л. 4 — 1825 г., д. 1212, л. 1 — 1830 г., ф. 1285, оп. 8, д. 2859 — 1828 г.; ЦГАДА: ДО, д. 5726, л. 9 — 1830 г.; ГИМ: ОПИ, ф. 14, д. 2180, л. 22 — 1824 г., д. 4184, л. 3 — 1826—1830 гг., д. 4244, л. 60 — 1830 г., д. 4185, лл. 3—4, 12 — 1831 г., л. 30, ф. 4, оп. 15, д. 143, л. 1 — 1832 г., ф. 327, л. 30, л. 42 — б/даты; ГНИМРА: Альбом проектных чертежей усадьбы Найденовых в Москве — 1829—1831 гг.; Материалы для истории Московского Воспитательного дома М., 1863, с. 95.

³ ЦГИА г. Москвы. ф. 105, оп. 2, д. 415, лл. 173—174 — 1787, 1804 гг., ф. 127, оп. 2, д. 784, л. 7 — 1799, 1801 гг., л. 8 — 1814 г., лл. 1, 7 — 1817 г., лл. 5, 6 — 1818 г., лл. 23, 24 — 1819 г., д. 304, лл. 2, 24, 48—49, 57 — 1809, 1811 гг., д. 379, лл. 1, 2 — 1811 г., д. 799, л. 13 — 1813 г., оп. 3, д. 3, л. 5 — 1805 г., д. 39, л. 5 — 1812 г., ф. 171, оп. 1, д. 1308, лл. 1, 3 — 1800 г., оп. 3, ч. 2, д. 755 — 1803 г., оп. 7, д. 4356, л. 1, ф. 203, оп. 747, д. 819, л. 82 — 1808 г., д. 841, л. 78 — 1812 г., оп. 752, д. 458, лл. 68—69, 73, 74 — 1814 г., д. 1443, л. 19 — 1815 г.; ГНИМРА: № 2631, 5223; ЦГИА СССР: ф. 759, оп. 82, д. 48, черт. 3 — 1815 г.; ЦГАДА: ДО, д. 46925, лл. 46—47 — 1815 г.

ЖИЛЯРДИ Иеремей Осипович (1810—1871 гг.), сын О. Д. Жилярди. Начальные познания в архитектуре получил от отца, учился в коллегии св. Антония в Лугано, а затем поступил в Миланскую академию художеств. В 1832 г., по прибытии в Петербург, определился помощником архитектора И. И. Шарлеманя, под надзором которого производил некоторые постройки. В 1835 г. по приглашению князя Любомирского работал в Волынской губернии; составлял проекты в имении князя и других помещиков, а также в Житомире. В 1840 г. совершил небольшое путешествие за границу. После сдачи архитектурского экзамена в Миланской академии художеств возвратился в Житомир. В 1845 г. приехал в Москву и продолжал занятия у брата — старшего архитектора Воспитательного дома А. О. Жилярди. В феврале 1847 г. представил в Совет Академии художеств программу — проект «Гимназии» на 100 учеников. В апреле 1850 г. уехал за границу⁴.

ЖИЛЯРДИ Осип Дементьевич (1766—1853 гг.), брат И. Д. Жилярди. В марте 1789 г. работал на строительстве Екатерининского дворца в Лефортове архитекторским помощником. В 1796 г. отделявал диким камнем москворецкий берег против Кремля. В апреле 1800 г. вместе с Ф. К. Соколовым представил план с фасадом казарменного дома у Покровских ворот. В декабре 1800 г. вместе с И. Д. Жуковым сообщил о выполнении работ в Екатерининском дворце, который по приказу Павла I переделывали под казармы. В июне 1803 г. доложил, что работал в Московской конторе городских строений мауэрмейстером; после ликвидации ее числился при Герольдии. В июне 1803 г. приведен к присяге на подданство России в церкви Рождества на Кулишках⁵.

ЖУКОВ Иван Иванович, род. в 1715 г. В 1733 г. был определен в ученики к архитектору И. А. Мордвинову. В 1735 г. стал учеником архитектора И. Ф. Мичурина, наблюдал за починкой городских стен в Москве; в свободное время обучался теории гражданской архитектуры. В 1742 г. — ученик И. Ф. Мичурина и И. И. Коробова. В октябре 1743 г. наблюдал за строительством колокольни в Троице-Сергиевой лавре. В июне 1746 г. — архитектуры гезель, определен для безотлучного наблюдения за строительством в Троице-Сергиевой лавре. В январе 1748 г. исправлял строения в лавре под наблюдением Д. В. Ухтомского. В марте

⁴ ЦГИА СССР: ф. 789, оп. 1, д. 3174, лл. 38, 39 — 1832, 1835, 1840 гг., л. 25 — 1845 г., лл. 27, 93 — 1847 гг.; ЦГАДА: ф. 1273, д. 1546, лл. 28, 31, 42 — 1850 г.

⁵ ЦГАДА: ДО, оп. 3, ч. 87, д. 42211, л. 121 — 1789 г., д. 44951 — 1789 г., л. 44958, л. 14, д. 44959, лл. 17, 249 об. — 250 — 1790 г., оп. 3, ч. 95, л. 44965, л. 21 — 1791 г., д. 44970, лл. 85, 173 — 174, 306 — 1792 г., лл. 58, 137, 243 — 1793 г., д. 45013, лл. 53, 101, 174, 177 — 1796 г., д. 45028, л. 61 — 1797 г., д. 46830, л. 6 — 1799 г.; ЦГИА г. Москвы: ф. 171, оп. 1, д. 465, л. 64 об., д. 466, л. 415 об., д. 470, л. 195 — 1800 г., ф. 105, оп. 3, д. 755, лл. 1, 2 — 1803 г.

1752 г. — архитектуры поручик, находился в команде Д. В. Ухтомского. 31 мая ему предложили составить смету на золочение купола и шара над ним на строящейся колокольне. В 1753 г. Ухтомский доложил Московской сенатской конторе, что он сделал вторичный фасад колокольни, по которому она и строится под призором Жукова. В мае 1754 г. за строительство дворца получил чин капитана архитектуры. В 1755—1756 гг. в качестве 3-го помощника Д. В. Ухтомского руководил постройкой колокольни в Троице-Сергиевой лавре. В 1758 г. составил план монастыря Дмитрия Ростовского. В 1762 г. работал в команде К. И. Бланка по строительству к коронации Екатерины II. В 1763 г. после пожара в Твери туда была направлена часть команды П. И. Никитина, Жукову передали оставшуюся часть команды. В 1770 г. — архитектуры майор, жил в Москве, в собственном доме (№ 63) в приходе церкви Преображения в Преображенской солдатской слободе⁹.

ЖУКОВ Илья Данилович (1763 г. — 13 декабря 1837 г.), сын копейца. В мае 1776 г. поступил в школу Каменного приказа в Москве. В 1780 г. — школьник архитектуры 2-го класса Каменного приказа, в 1781 г. — архитектурский ученик Каменного приказа, снимал планы дворов по 8-й команде Москвы. В 1782 г. снимал копии чертежей генпланов московского строительства. В январе 1783 г. работал в архитектурной экспедиции Московской управы благочиния. В июле 1783 г. — архитектуры сержант. В 1784 г. послан для снятия Троицкого посада. В феврале 1786 г. — архитектуры прапорщик. В 1786—1787 гг. работал на строительстве мостов и дворцов по Серпуховской и Троицкой дорогам к шествию Екатерины II. В июле 1788 г. работал в Московской управе благочиния по 6-й части Москвы. В марте 1789 г. находился при экспедиции архитектурных дел Московской управы благочиния. В 1790 г. снимал планы дворов по 7-й и 9-й частям Москвы, в 1791 г. снимал генпланы дома бригадира А. С. Волковенского по 9-й части, камер-юнкера П. И. Панина по 10-й части и др. В декабре 1791 г. получил чин титулярного советника. В декабре 1796 г. — марте 1797 г. исправлял путевые дела и велел по Петербургской дороге к коронации Павла I. В 1797 г. по своему проекту планировал землю для посадки деревьев от Тверских до Никитских ворот в Москве. В марте

ИИДЗД ДИИ., кн. 7639, л. 663, кн. 7688, лл. 389—391. 1733 г., кн. 7744, л. 196. 1753 г., кн. 7854, лл. 196, 196. 1743 г., кн. 674, лл. 1601, 1602. 1752 г., л. 492—1746 г., ф. 248, оп. 12, л. 676, л. 250. 1747 г., л. 676. 1752 г., ДИИ., кн. 7879, лл. 217—218. 1748 г., кн. 2486, лл. 419—421. 1749 г., кн. 175. л. 693—695. 1750 г., КАУ, св. 3, л. 64, л. 139, ДИИ., кн. 7065, л. 492. 1755 г., ф. 289, кн. 411, лл. 389—383. 1754 г., ДИИ., кн. 6473, л. 26. 1755 г. КАУ, св. 4, лл. 221, 222—1756 г., ДИИ., кн. 8017, лл. 28, 30, 31—1758 г., КАУ, св. 6, л. 256—1758 г., ДИИ., кн. 2875, лл. 278—287 и чертежи, лл. 289, 290. 1759 г., кн. 7475, л. 25 и сл.—1762 г., кн. 8036, д. 13, лл. 68—71, 85 и сл. 1762 г., ИИМ ОИИ, ф. 440, д. 632, л. 161—1763 г., л. 168—1742 г., ИИИА г. Москвы: ф. 203, оп. 747, д. 394, л. 353—1770 г.

1799 г. — архитектор Московской конторы городских строений. После окончания работ в Екатерининском дворце в марте 1801 г. получил чин коллежского асессора. В 1802 г. вместе с Ф. К. Соколовым представил план Москвы. В июле 1803 г. награжден золотой табакеркой. В марте 1804 г. получил чин надворного советника. В апреле 1805 г. составлял московский фасадический план (под руководством М. Ф. Казакова). За эту работу награжден табакеркой. В июле 1805 г. выполнил фасад ограды Вознесенской церкви, что на Гороховом поле в Рогожской части 1-го квартала Москвы. В мае 1807 г. осматривал ветхости в Екатерининских казармах и составил смету на их исправление. В 1813 г. вместе с А. Н. Бакаревым, И. В. Егоровым и Ф. К. Соколовым осматривал Ивановскую колокольню в Московском Кремле и сообщил о возможности ее исправления. В июне 1813 г. перешел в открывшуюся Комиссию строений в Москве; при разделении Москвы на 4 участка был назначен руководителем 2-го участка. В октябре 1813 г. получил предписание сочинить особые фасады для перестраиваемой гостиницы в Сретенской части. В августе 1818 г. доносил о завершении отделки в Басманной части съезжего дома каланчи. В 1819 г. получил чин коллежского советника со старшинством. В сентябре 1821 г. сочинил план и фасады на постройку каменной богадельни при Знаменской церкви, что за Петровскими воротами. Тогда же представил сметы и планы Басманного съезжего двора. В январе 1822 г. доложил об окончании работ внутри церкви и строительства каменной бани в московском госпитале. В октябре 1822 г. просил об увольнении по слабости зрения; ему был определен пенсioen 1000 руб. в год. В 1833 г. пожалован знаком отличия беспорочной службы за 35 лет. Похоронен в Симоновом монастыре в Москве⁷.

ЗАВЬЯЛОВ Петр Тимофеевич, из вольноотпущенных, род. в 1786 г. В 1799—1803 гг. учился в Константиновском Межевом училище в Москве. В ноябре 1803 г. принят в архитектурную школу ЭКС учеником 3-го класса. В 1804 г. — архитектурный ученик 2-го класса, в апреле 1805 г. получил чин канцеляриста. В феврале 1807 г. — архитектурный помощник 3-го класса, в октябре 1808 г. получил чин коллежского регистратора. С марта

⁷ ЦГИА г. Москвы: ф. 163, оп. 4, л. 281, л. 280, 177, 178, 179, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 677, 678, 679, 680, 681, 682, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 730, 731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 743, 744, 745, 746, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 758, 759, 760, 761, 762, 763, 764, 765, 766, 767, 768, 769, 770, 771, 772, 773, 774, 775, 776, 777, 778, 779, 780, 781, 782, 783, 784, 785, 786, 787, 788, 789, 790, 791, 792, 793, 794, 795, 796, 797, 798, 799, 800, 801, 802, 803, 804, 805, 806, 807, 808, 809, 810, 811, 812, 813, 814, 815, 816, 817, 818, 819, 820, 821, 822, 823, 824, 825, 826, 827, 828, 829, 830, 831, 832, 833, 834, 835, 836, 837, 838, 839, 840, 841, 842, 843, 844, 845, 846, 847, 848, 849, 850, 851, 852, 853, 854, 855, 856, 857, 858, 859, 860, 861, 862, 863, 864, 865, 866, 867, 868, 869, 870, 871, 872, 873, 874, 875, 876, 877, 878, 879, 880, 881, 882, 883, 884, 885, 886, 887, 888, 889, 890, 891, 892, 893, 894, 895, 896, 897, 898, 899, 900, 901, 902, 903, 904, 905, 906, 907, 908, 909, 910, 911, 912, 913, 914, 915, 916, 917, 918, 919, 920, 921, 922, 923, 924, 925, 926, 927, 928, 929, 930, 931, 932, 933, 934, 935, 936, 937, 938, 939, 940, 941, 942, 943, 944, 945, 946, 947, 948, 949, 950, 951, 952, 953, 954, 955, 956, 957, 958, 959, 960, 961, 962, 963, 964, 965, 966, 967, 968, 969, 970, 971, 972, 973, 974, 975, 976, 977, 978, 979, 980, 981, 982, 983, 984, 985, 986, 987, 988, 989, 990, 991, 992, 993, 994, 995, 996, 997, 998, 999, 1000.

1809 г. по сентябрь 1811 г. работал в Экспедиции винокуренных заводов. С 1812 г. — архитектурский помощник 2-го класса ЭКС. 1813—1814 гг. находился при строении Московской Синодальной типографии. В 1815 г. наблюдал за восстановлением кремлевских стен и башен. В июле 1815 г. за строительство Московской Синодальной типографии награжден золотыми часами. В декабре 1816 г. — архитектурский помощник 1-го класса. В 1817 г. участвовал в работах у Кремлевского дворца, в постройке мезонина и у теремов. С 1822 по 1829 г. работал в округе военных поселений в Новгородской губернии. В январе 1829 г. направлен в ЭКС. В 1829 г. работал при следственной комиссии о перестройке здания Московского кадетского корпуса у архитектора И. Л. Мироновского. В марте 1830 г. Мироновский дал ему аттестат в том, что «по знанию гражданской архитектуры и практике может исполнять должность архитектора». В 1831 г. послан на казенную суконную фабрику в Екатеринославль. В 1843 г. — коллежский асессор; жил в Москве. В 1846—1850 гг. — архитектор Московской удельной конторы. От 1858 г. сохранилась подписанная им смета на постройку новой каменной двухпрестольной церкви в с. Ромашкове⁸.

ЗАЙКИН Семен Иванович, род. в 1726 г. В 1750—1753 гг. — архитектурский ученик. В 1759 г. — архитектуры прапорщик, работал в Москве, жил в собственном доме в приходе церкви Петра и Павла в Лефортове⁹.

ЗАЙЦЕВ Иван, род. в 1736 г., сын шляхтича. В 1751 г. — архитектурский ученик Д. В. Ухтомского; чертил планы дворов Москвы по 1-й и 7-й командам. В 1758 г. находился у строения галереи Оружейной палаты в Москве. В 1761 г. — архитектуры сержант, работал в Московской губернской канцелярии, строил мосты. В 1762 г. работал в команде С. Я. Яковлева на постройках к коронации Екатерины II в Москве¹⁰.

ЗАЛЕССКИЙ Игнатий Павлович, из обер-офицерских детей, род. в 1855 г. В феврале 1883 г. удостоен звания академика архитектуры. С июля 1883 г. работал сверхштатным техником строительного отдела Московского губернского правления. В апреле

---

⁸ ЦГАДА: ДО, л. 7158, л. 5 — 1779—1803, 1804, 1805 гг., д. 46877, л. 80, д. 46886, л. 31 — 1806 г., д. 9294, лл. 12—13 — 1807, 1808, 1809—1811 гг., д. 46895, № 17, л. 14 об. — 1812 г., д. 46890, л. 501 — 1813 г., д. 46923, лл. 87, 99, 117, 132 — 1814 г., д. 46926, № 19, л. 4, д. 46927, лл. 178 об., 179 — 1815 г., ф. 1239, оп. 3, ч. 98, № 13, л. 3 — 1816 г., д. 46937, лл. 208—209, д. 5641, л. 68 — 1817 г., д. 5663 — 1820 г., д. 7158, л. 5 — 1822—1829 гг., д. 5717, л. 23, д. 7158 — 1829 г., д. 47050, л. 244 — 1830 г., д. 6987 — 1831 г.; ЦГИА г. Москвы: ф. 203, оп. 747, д. 1436, л. 32 — 1843 г., оп. 745, д. 460, л. 359 об. — 1850 г., оп. 440, д. 459 — 1858 г.; Адрес-календарь жителей Москвы, составленный К. Нистремом. М., 1854, с. 186.

⁹ ЦГИА г. Москвы: ф. 203, оп. 747, д. 266, л. 229; Москва, Актовые книги XVIII столетия, т. VII. М., 1897, с. 337; т. VIII. М., 1898, с. 177, № 768.

¹⁰ ИИМ: ОПИ, ф. 440, д. 942, л. 39, д. 949а, л. 40 — 1751 г.; ЦГАДА: ф. 297, оп. 1, л. 439 — 1756 г., св. 6, л. 256 — 1758 г., ДПС, кн. 8036, лл. 12, 13, кн. 3575, лл. 32, 33 — 1761 г., кн. 7475, л. 25 и сл. — 1762 г.

1886 г. освидетельствовал ремонтные работы, произведенные в 1885 г. в зданиях Московского технического училища. В ноябре 1890 г. получил чин надворного советника. В мае 1893 г. работал в строительном отделе Московского губернского правления. В июле 1897 г. — архитектор Московского училища св. Екатерины и Вдовьего дома; комиссия по переустройству Московского опекунского совета поручила ему составить акт о произведенных работах¹¹.

ЗАЛЕССКИЙ Павел Петрович. В июне 1864 г. окончил Московское дворцовое архитектурное училище со званием архитекторского помощника. В октябре 1864 г. сделал фасад двухэтажного дома (о 14 осях) Е. М. Урусовой по Брюсовскому переулку (улица Неждановой) в Москве. В 1888 г. работал в провинции в качестве архитектора¹².

ЗАЛУЖСКИЙ Иван Романович (1748 г. — 26 октября 1808 г.), сын протоиерея. В 1771 г. — архитектуры поручик, жил в собственном доме в приходе церкви Сошествия св. духа в Толмачах. В 1776—1780 гг. — архитектуры гезель, проводил ремонтные работы в Новодевичьем монастыре. Похоронен в Даниловском монастыре в Москве¹³.

ЗАПРАВСКИЙ Андреян Михайлович (1768 г. — 4 апреля 1819 г.). В августе 1797 г. — коллежский регистратор, работал по снятию с натуры фасадов, планов, профилей и генеральных планов строений в Москве. В марте 1799 г. — архитекторский ученик вновь организованной Московской конторы городских строений. В июле 1816 г. подал прошение, при котором представил свидетельство об окончании Академии художеств и просил зачислить в Комиссию строений к архитектурным делам. Получил направление на участок к В. А. Балашову младшим архитекторским помощником. В мае 1817 г. составил опись дома для съезжего двора Лефортовской части. В декабре произведен в чин губернского секретаря со старшинством¹⁴.

ЗАХАРОВ Александр. В августе 1811 г. определен учеником в архитектурную школу ЭКС в Москве. В ноябре 1816 г. уволен для поступления на военную службу. В 1836 г. — вольнопрактикующий архитекторский помощник, наблюдал за строительством городских построек в Лихвине¹⁵.

¹¹ ЦГИА г. Москвы: ф. 54, оп. 172, д. 44, л. 40, оп. 178, д. 391 — 1883 г., оп. 173, д. 325, л. 54, л. 80 — 1886 г., оп. 178, л. 391 — 1890, 1893 гг., ф. 108, оп. 1, д. 432, л. 143 — 1897 г.

¹² ЦГИА г. Москвы: ф. 48, оп. 1, д. 3906, л. 4 — 1864 г.; ГИМ: ОПИ, ф. 357, д. 5, л. 181 — 1888 г.

¹³ ЦГИА г. Москвы: ф. 203, оп. 747, д. 409, л. 73 об. — 1771 г., оп. 745, д. 162, л. 370 — 1808 г.; ЦГАДА: ДО, д. 45020, л. 1796 — 1777—1780-е гг.

¹⁴ ЦГИА г. Москвы: ф. 105, оп. 7, д. 3735, л. 13 — 1797 г., ф. 46, оп. 7, д. 6672, л. 1 — 1799 г., ф. 163, оп. 4, д. 36, лл. 296, 648 — 1816 г., ф. 46, оп. 8, д. 2230, л. 3, ф. 163, оп. 4, д. 51, л. 298 — 1817 г., д. 69, л. 818, д. 70, л. 232 — 1819 г.

¹⁵ ЦГАДА: ДО, оп. 187, д. 5630, л. 17 — 1811—1814 гг., д. 46933, лл. 299—300; ГАКО: ф. 1335, оп. 1, д. 39, л. 334 — 1836 г.

ЗАХАРОВ Иван Николаевич (1761 г. — 25 марта 1781 г.), сын прапорщика. В декабре 1773 г. определен в архитектурную школу ЭКС учеником. В 1774—1780 гг. — архитектуры сержант, снимал планы дворов Москвы. В 1780 г. работал архитекторским помощником у С. А. Карина. Похоронен в Покровском монастыре в Москве¹⁶.

ЗАХАРОВ Константин Алексеевич (1790 г. — 4 апреля 1836 г.), сын отставного капитана. В январе 1800 г. определен в Московскую контору городских строений архитекторским учеником. С марта 1805 г. по июнь 1813 г. служил в экспедиции архитектурных дел Московской управы благочиния. В июле 1813 г. перешел в Комиссию строений младшим архитекторским помощником 1-го класса к И. Д. Жукову. В декабре 1816 г. получил чин губернского секретаря, в декабре 1822 г. — титулярного советника. В 1826 г. получил предписание сочинить фасады для Донского монастыря. В январе 1828 г. сделал вновь фасад гостиницы в Клину. В мае 1828 г. в участке архитектора Ф. М. Шестакова ведал Мясницкой и Тверской частями Москвы. В октябре 1832 г. наблюдал за постройками в Арбатской и Пречистенской частях. В 1834 г. сделал много чертежей фасадов зданий в Пятницкой части. С апреля 1834 г. работал у архитектора Н. И. Козловского и заведовал частными домами в Пятницкой и Серпуховской частях Москвы. Похоронен на Пятницком кладбище в Москве¹⁷.

ЗАХАРОВ Михаил. В 1777 г. — архитектуры сержант, делал чертежи Екатерининского дворца в Лефортове. В 1779 г. снимал планы дворов в 14-й части Москвы по Сушевой улице. В июле 1784 г. окончил работу на строении Екатерининского дворца¹⁸.

ЗАХАРОВ Михаил Григорьевич (1818—1858 г.), из дворян. В июле 1825 г. определен учеником в архитектурную школу ЭКС. В 1827 г. получил чин канцеляриста. В 1833 г. — архитекторский ученик 1-го класса. В декабре 1836 г. окончил Московское дворцовое архитектурное училище со званием архитекторского помощника 3-го класса. В 1837 г. поступил в Московский университет

---

¹⁶ ЦГИА г. Москвы: ф. 46, оп. 7, д. 4395, л. 2 — 1773 г., ф. 203, оп. 745, д. 26, л. 32 — 1781 г.; ЦГАДА: ДО, д. 33822 — 1773 г.; ГИМ: ОПИ, ф. 440, д. 945, л. 78, д. 943, лл. 108, 101 — 1773, 1774 гг., д. 945, лл. 90, 95, д. 943, лл. 111, 113, 150, д. 946, л. 276 — 1776 г., д. 951, л. 45, д. 949, л. 264, д. 957, лл. 63, 65—68, 73, 74, д. 943, лл. 116, 118, 123, 129, 132, 134, 135, 138, 139 — 1777 г., д. 945, лл. 119, 125—128, д. 943, лл. 137, 142, 144—148, 154—162, 167—169 — 1778 г., д. 951, л. 63, д. 943, л. 180 — 1780 г.

¹⁷ ЦГИА г. Москвы: ф. 171, оп. 1, д. 472, л. 8 об. — 1800 г., ф. 16, оп. 30, д. 167, л. 28 — 1805 г., ф. 163, оп. 4, д. 227, л. 222 об., д. 5, л. 170 об. — 1813 г., д. 238, лл. 186—187 — 1816, 1822 гг., д. 199, лл. 17—19 — 1826 г., д. 216, л. 33, д. 218, л. 235 — 1828 г., д. 277, л. 628 об. — 1832 г., д. 309, л. 314 — 1834 г., д. 333, л. 452, ф. 203, оп. 745, д. 318, л. 274 об. — 1836 г.; МГИНТА: ф. Пятницкой части, д. 94, л. 1, д. 257, л. 2, д. 388, л. 2, д. 442, л. 2, дд. 329—331, л. 2, лл. 460—461, л. 3 — 1834 г.

¹⁸ ЦГАДА: ДО, д. 1059, л. 17 об. — 1777 г., оп. 24, д. 44928, л. 167 — 1784 г.; ГИМ: ОПИ, ф. 440, д. 953, л. 267 — 1779 г.

для усовершенствования в математике. В сентябре 1838 г. произведен в архитектурские помощники 2-го класса, в ноябре 1840 г. — в архитектурские помощники 1-го класса. В январе 1843 г. назначен членом конференции Московского дворцового архитектурного училища, а в июле того же года окончил Московский университет. В 1856 г. — член конференции и старший преподаватель Московского дворцового архитектурного училища¹⁹.

ЗАХАРОВ Тимофей Никитич (13 июня 1794 г. — 2 июня 1847 г.), из дворян. В декабре 1806 г. определен в архитектурную школу ЭКС учеником 3-го класса. В июле 1810 г. получил чин коллежского регистратора, а в октябре уволен из ЭКС. В 1823 г. — титулярный советник, жил в Москве, в доме графини Орловой на Глинищах. В 1837 г. — надворный советник, жил в Московском Воспитательном доме. Похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве²⁰.

ЗБОРЖЕВСКИЙ Александр Адельбертович, сын титулярного советника. В 1845 г. определен архитектурским учеником в Московское дворцовое архитектурное училище. В октябре 1856 г. окончил теоретическое отделение училища по программе «Церковь». В январе 1857 г. получил звание архитектурского помощника²¹.

ЗБОРЖЕВСКИЙ Наркиз Адельбертович, сын титулярного советника. В ноябре 1841 г., будучи городским архитектором Пятигорска, подал прошение о переводе на работу в Комиссию строений в Москве. В январе 1842 г. принят в Комиссию строений помощником к А. С. Никитину, который в июле того же года дал заключение, что после испытаний нашел Зборжевского «с отличными способностями и превосходными познаниями архитектурного искусства». В 1859 г. — титулярный советник, жил в Москве в приходе церкви Панкратия у Сухаревой башни²².

ЗЕЛЕНИН Никита, род. в 1858 г. В 1890—1893 гг. — классный художник архитектуры, работал сверхштатным техником строительного отдела Московского губернского правления²³.

ЗЕЛЕНСКИЙ Александр Степанович, род. в 1823 г. В июне 1836 г. определен учеником в Московское дворцовое архитектурное училище. В ноябре 1844 г. окончил теоретическое отделение училища; в мае 1845 г. удостоен звания архитектурского помощ-

¹⁹ ЦГАДА: ДО, д. 46995, л. 238—1825 г., д. 47015, л. 180—1827 г., д. 9377, л. 11—1833 г., д. 16097, л. 14—1836 г., ф. 1239, оп. 3, ч. 13, д. 15223, л. 3—1837 г., д. 15223, л. 3—1837 г., лл. 14—20—1838, 1840, 1843 гг.; Адрес-календарь. Спб., 1856, с. 29.

²⁰ ЦГАДА: ДО, д. 46888, л. 7—1806 г.; ЦГИА г. Москвы: ф. 4, оп. 10, д. 756, лл. 2—3—1807, 1810 гг., ф. 203, оп. 747, д. 2071, л. 4—1823 г., д. 1302, л. 20—1837 г.; Московский некрополь, т. I. Спб., 1907, с. 466.

²¹ ЦГАДА: ф. 1239, оп. 3, ч. 13, д. 15258—1845 г., ДО, д. 16111, лл. 1, 4—1856 г., л. 5—1857 г.

²² ЦГИА г. Москвы: ф. 163, оп. 1, д. 6, л. 284, д. 12, л. 223—1841, 1842 гг., ф. 203, оп. 745, д. 843 об.—1859 г.

²³ ЦГИА г. Москвы: ф. 54, оп. 178, д. 391—1890 г., д. 389, лл. 15—16—1893 г.

ника. В ноябре 1845 г. его выпускной проект «Музеум» в числе 11 лучших был рассмотрен в конференции Академии художеств. В 1846 г. определен городским архитектором в Вельегонск²⁴.

ЗЕНИН Вячеслав Иванович, род. в 1801 г. В 1806 г. принят в Академию художеств и в 1818 г. окончил ее с аттестатом 1-й степени и шпагой. В 1821 г. — младший архитекторский помощник в чертежной по постройке храма Христа спасителя в Москве. В 1828 г. — старший архитекторский помощник в участке Ф. М. Шестакова в Комиссии строений, где ему были поручены Пятницкая и Якиманская части Москвы. В 1830 г. работал по перестройке Екатерининских казарм в Москве²⁵.

ЗЛОВ Петр Фомич, родился 7 июня 1824 г., сын капельдинера. В октябре 1835 г. определен учеником в Московское дворцовое архитектурное училище. В мае 1849 г. окончил теоретическое отделение училища по программе «Пожарное депо» и в декабре 1850 г. получил звание архитекторского помощника. В декабре 1884 г. — архитектор, производил оценку трех корпусов Хамовнических казарм в Москве²⁶.

ЗУБАТОВ Николай Сергеевич, сын архитекторского помощника. В октябре 1856 г. окончил теоретическое отделение Московского дворцового архитектурного училища по программе «Церковь», а в январе 1857 г. удостоен звания архитекторского помощника²⁷.

ЗУБАТОВ Сергей Никитич, из приказных, род. в 1796 г. В ноябре 1803 г. определен учеником в архитектурную школу ЭКС. В апреле 1805 г. получил чин канцеляриста. В январе 1812 г. уволен из ЭКС. В ноябре 1817 г. — архитекторский помощник Московской городской думы, копировал планы Семеновской и Преображенской слобод Москвы. В октябре 1822 г. продолжал работать архитекторским помощником в Московской городской думе²⁸.

ЗЫКОВ Павел Петрович (1821 г. — 9 мая 1887 г.), из обер-офицерских детей. В мае 1836 г. определен учеником в Московское дворцовое архитектурное училище. В июле 1841 г. окончил теоретическое отделение училища, а в августе 1841 г. выполнил программу «Соборная церковь» со званием архитекторского помощника 2-го класса. В январе 1842 г. — старший учитель чер-

²⁴ ЦГАДА: ДО, д. 16128, лл. 79—80 — 1836, 1846 гг., д. 16104, л. 1 — 1844 г., д. 16104, лл. 15—16; ЦГИА СССР: ф. 789, оп. 1, д. 2998 а, л. 2 — 1845 г.

²⁵ ЦГИА г. Москвы: ф. 243, оп. 3, д. 35, л. 7 — 1821 г., ф. 163, д. 218, лл. 46, 235 — 1828 г., ф. 16, оп. 7, д. 88772, л. 110 — 1830 г.; ЦГАДА: ДО, оп. 68, л. 13534, л. 25 — 1825 г.; Кондаков С. Н. Юбилейный справочник императорской Академии художеств. 1764—1914, т. 2. Спб., 1914.

²⁶ ЦГАДА: ДО, д. 16117, лл. 50—51 — 1835 г., д. 16108, л. 1 — 1849 г., л. 5 — 1850 г.; ЦГИА г. Москвы: ф. 303, оп. 2, д. 38 — 1844 г.

²⁷ ЦГАДА: ДО, д. 16111, лл. 1, 4 — 1856 г., л. 5 — 1857 г.

²⁸ ЦГАДА: ДО, оп. 187, д. 5562, лл. 20—21 — 1803 г., д. 46868, л. 70 — 1805 г., д. 46891, лл. 93 об., 94 — 1812 г.; ЦГИА г. Москвы: ф. 163, оп. 4, л. 53, л. 102 — 1817 г., ф. 14, оп. 8, т. 1, д. 52486, лл. 8—9 — 1822 г.

чения и архитектуры. В сентябре того же года — учитель архитектуры и архитектор Московской земледельческой школы. В январе 1843 г. — член конференции Московского дворцового архитектурного училища. В сентябре 1848 г. — сверхштатный архитектор чертежной Правления IV округа путей сообщения и публичных зданий. Сохранились чертежи его проектов 1860—1868 гг. (фасад 3-этажного дома, план и фасад дома в Тверской части на улице Большой Никитской (улица Герцена), фасад 3-этажного дома Полуэктова по Малой Никитской улице (улица Качалова). В июле 1871 г. проверял сметы на разные работы в зданиях 1-й Московской гимназии, что у Пречистенских ворот. В марте 1872 г. освидетельствовал работы, произведенные в зданиях гимназии и университета. Похоронен на Калитниковском кладбище в Москве²⁹.

ИВАНОВ Алексей, из крепостных статского советника И. М. Одоевского; получил вольную в 1767 г. С 1767 г. обучался при чертежной ЭКС. В марте 1776 г. определен архитекторским учеником в Каменный приказ в Москве. В 1781 г. — архитекторский помощник³⁰.

ИВАНОВ Алексей, из обер-офицерских детей. В 1819 г. определен учеником в архитектурную школу ЭКС. В 1825 г. — архитекторский ученик 1-го класса, канцелярист³¹.

ИВАНОВ Алексей Иванович, род. в 1764 г., сын садовника. В феврале 1776 г. определен архитекторским учеником в Каменный приказ в Москве. В июне 1780 г. — ученик архитектуры Московской гоф-интендантской конторы, снимал планы дворов по 2-й команде. В январе 1789 г. — архитекторский помощник, работал в Москве. В 1791—1802 гг. жил в казенных покоях Конторы строения домов и садов в Лефортове. В ноябре 1801 г. получил характеристику: «В теории архитектуры и рисования чертежей — знание и искусство имеет хорошее, в производстве практики с успехом познания приобрел»³².

ИВАНОВ Алексей Николаевич, род. в 1805 г., сын титулярного советника. В июле 1816 г. определен в архитектурную школу ЭКС учеником 3-го класса. В марте 1822 г. получил чин канцеляриста. В 1823 г. — архитекторский ученик 1-го класса. В сентябре 1825 г. определен в мастерскую команду военно-рабочей бригады в Москве³³.

²⁹ ЦГАДА: ДО, оп. 50, д. 7199—1836 г., д. 46102, лл 3, 19—1841 г., л. 7199—1842, 1843 гг.; ЦГИА г. Москвы: ф. 54, оп. 184, л. 102, л. 1—1848 г., оп. 129, л. 12511, л. 4—1870 г.; ГИМ: ОАГ, Р. 2269, ланка 15—1860 г., Р. 1499—1863 г., Р. 1386, ланка 17, ОПИ, ф. 327, д. 15, л. 174—1887 г.

³⁰ ЦГАДА: ф. 292, кн. 4, л. 158—1776 г., кн. 27, л. 286—1781 г.

³¹ ЦГАДА: ДО, д. 5688, л. 14—1819, 1825 гг.

³² ЦГАДА: ф. 292, кн. 8, лл. 1118—1119—1776 г., ДО, оп. 50, л. 6989—1780 г., оп. 19, л. 7, л. 33 об.—1789, 1801 гг.; ЦГИА г. Москвы: ф. 203, оп. 747, л. 624, л. 397—1791 г., д. 625, л. 166—1802 г.

³³ ЦГАДА: ДО, д. 46932, л. 13—1816 г., оп. 187, д. 5655, л. 37—1819 г., д. 46966, л. 43—1822 г., д. 5675, л. 14—1823 г., д. 46997, л. 127—1825 г.

ИВАНОВ Виктор Федорович, род. в 1815 г., сын титулярного советника. В январе 1825 г. определен в архитектурную школу ЭКС учеником 3-го класса с чином кописта. В марте 1837 г. окончил теоретическое отделение Московского дворцового архитектурного училища по программе «Картинная галерея» со званием архитекторского помощника 3-го класса. В 1837 г. назначен старшим учителем теории и черчения архитектуры и перспективы. В ноябре 1839 г. — архитекторский помощник 2-го класса. В ноябре 1844 г. — член конференции Московского дворцового архитектурного училища. В июле 1848 г. поступил в чертежную Правления IV округа путей сообщения и публичных зданий в Москве. В 1854 г. — титулярный советник, старший учитель Московского дворцового архитектурного училища, жил на Покровке в приходе церкви на Грязи в доме Карпова. В 1864 г. — архитектор, надворный советник, работал в Москве³⁴.

ИВАНОВ Владимир Сергеевич, род. в 1826 г., сын титулярного советника. В августе 1840 г. определен учеником в Московское дворцовое архитектурное училище. В ноябре 1846 г. окончил теоретический курс училища по программе «Дом инвалидов», в мае 1847 г. удостоен звания архитекторского помощника младшего класса³⁵.

ИВАНОВ Григорий Ильич, из приказных, род. в 1795 г. В августе 1804 г. определен в архитектурную школу ЭКС учеником. В сентябре 1806 г. получил чин канцеляриста. В 1814 г. — коллежский регистратор, архитекторский ученик 2-го класса³⁶.

ИВАНОВ Дмитрий Иванович, сын архитектора. В ноябре 1804 г. определен в архитектурную школу ЭКС учеником. В 1807 г. — канцелярист. В январе 1808 г. от службы уволен. В 1813 г. прибыл в Петербург³⁷.

ИВАНОВ Дмитрий Ильич, из приказных, род. в 1796 г. Брат Г. И. Иванова. В августе 1804 г. определен в архитектурную школу ЭКС учеником с чином подканцеляриста. В марте 1806 г. по рапорту архитектора И. В. Еготова назначен канцеляристом. Работал в ЭКС до 1813 г.³⁸

ИВАНОВ Иван. В июле 1798 г. определен учеником в архитектурную школу ЭКС на собственное содержание. С сентября 1806 г. получал 24 руб. в год³⁹.

³⁴ ЦГАДА. ДО, д. 5688, л. 17 — 1825 г., д. 16098, лл. 1, 9, д. 16118, лл. 145—146, д. 7196 — 1837 г., д. 16127, лл. 47—48 — 1839 г., д. 46104, л. 1 — 1844 г., д. 7196 — 1848, 1864 гг., Адрес-календарь жителей Москвы..., с. 313.

³⁵ ЦГАДА: ДО, д. 16129, лл. 75—76 — 1840, 1847 гг., д. 16105, л. 1 — 1846 г.; ЦГИА г. Москвы: ф. 203, оп. 747, д. 1457, л. 955 об. — 1844 г.

³⁶ ЦГАДА: ДО, оп. 187, д. 5630, л. 11 — 1804 г., д. 5570, л. 148 — 1806 г., д. 5630, л. 11 — 1814 г.

³⁷ ЦГАДА. ДО, д. 46863, 111 — 1804 г., д. 46899, лл. 10—11 — 1807, 1803, 1813 гг.

³⁸ ЦГАДА. ДО, д. 9288, лл. 53—54 — 1804 г., д. 5570, л. 148 — 1806 г., д. 5574, л. 183 — 1807 г., д. 46905, л. 156 — 1813 г.

³⁹ ЦГАДА: ДО, д. 46825, л. 86 — 1798 г., д. 46869, лл. 26 об.—27 — 1805 г., д. 46885, лл. 121 об.—122 — 1806 г.

ИВАНОВ Иван Алексеевич, род. в 1748 г. В 1791—1799 гг. — архитектор дорожной экспедиции, жил в Москве в собственном доме, близ Девичьего поля⁴⁰.

ИВАНОВ Иван Филиппович. В 1772—1780 гг. — архитектуры сержант Московской полицмейстерской канцелярии, снимал и чертил генпланы домов по 2-й команде Москвы⁴¹.

ИВАНОВ Илья Борисович, род. в 1776 г., сын архивариуса. В июне 1796 г. — архитектурский ученик Московской гоф-интендантской конторы, жил в казенных покоях конторы в приходе церкви Петра и Павла в Лефортове. В январе 1803 г. Р. Р. Казаков экзаменовал его и нашел «довольно знающим и заслуживающим звания архитектурского помощника и чина канцеляриста». В мае 1804 г. работал в ЭКС архитектурским помощником 2-го класса. В 1805 г. наблюдал за ремонтом городских стен в Москве. В мае 1806 г. командирован для присмотра за каменными работами в Слободском саду⁴².

ИВАНОВ Михаил Никитич, из приказных, род. в 1795 г. В августе 1806 г. определен в архитектурную школу ЭКС учеником. В октябре 1807 г. по рапорту архитектора И. В. Еготова произведен в чин канцеляриста. В мае 1814 г. — архитектурский ученик 2-го класса⁴³.

ИВАНОВ Михаил Павлович, сын коллежского асессора. С февраля 1852 г. учился в Московском дворцовом архитектурном училище; окончил его в декабре 1864 г. В 1865 г. за проект «Тюремный пересыльный замок» получил звание некласного художника Академии художеств. В 1879—1893 гг. — архитектор Голицынской больницы в Москве; жил в Пречистенской части, в 3-м квартале, по Гагаринскому переулку (улица Рылеева) в доме Сосниной⁴⁴.

ИВАНОВ Николай, сын полкового хирурга. В январе 1811 г. определен в архитектурную школу ЭКС учеником 3-го класса (на собственном содержании). В сентябре 1817 г. помещен на вакансию с жалованьем 36 руб. в год⁴⁵.

---

⁴⁰ ЦГИА г. Москвы: ф. 203, оп. 747, д. 1998, л. 329 об.—1791 г., оп. 745, д. 120, л. 74 — 1799 г.

⁴¹ ГИМ: ОПИ, ф. 440, д. 945, л. 35 — 1772 г., лл. 91, 92 — 1776 г., лл. 96, 97, 99, 101, 102, 104, 106, 118 — 1777 г.; ЦГАДА: ф. 1821, оп. 2, д. 375, лл. 68, 69 — 1780 г.

⁴² ЦГАДА: ДО, оп. 19, д. 7, л. 39 — 1796 г., д. 46840, л. 481 — 1802 г., д. 46841, л. 45, д. 5557, л. 216 — 1803 г., д. 46857, л. 97 — 1804 г., д. 46868, л. 55 — 1805 г., д. 46881, л. 25 — 1806 г.; ЦГИА г. Москвы: ф. 203, оп. 747, д. 2020, л. 24 — 1800 г.

⁴³ ЦГАДА: ДО, д. 9288, лл. 54—55 — 1806 г., д. 46885, лл. 121 об.—122, д. 5574, л. 159 — 1807 г., д. 46915, № 17, лл. 2 об.—3 — 1814 г.

⁴⁴ ЦГИА г. Москвы: ф. 454, оп. 4, д. 10, л. 18 — 1879, 1893 гг.; Собр. к Н. П. Словарь русских художников, т. 2, вып. I. Спб., 1895, стб. 385; Адрес-календарь Москвы. М., 1878, с. 755.

⁴⁵ ЦГАДА: ДО, оп. 187, д. 5630, л. 17 — 1811, 1814 гг., д. 5642, л. 101, д. 5644, л. 25 — 1817 г.

ИВАНОВ Николай Михайлович, ум. 5 апреля 1820 г. В октябре 1813 г. — губернский секретарь, подал прошение на должность архитекторского помощника в Комиссию строений в Москве (направлен к архитектору О. И. Бове). В ноябре 1813 г. О. И. Бове сообщил, что архитекторский помощник Иванов «в архитектурных познаниях им испытан и оказался способным». С июля 1814 г. — помощник О. И. Бове по «фасадической части»⁴⁶.

ИВАНОВ Павел Алексеевич, род. в 1806 г., сын титулярного советника. В сентябре 1819 г. определен в архитектурную школу ЭКС учеником 3-го класса с чином подканцеляриста. В апреле 1823 г. получил чин канцеляриста. В июле 1826 г. — архитекторский помощник. С февраля по май 1827 г. работал в Московской дворцовой конторе, у Барберни, «для рисования в Кремлевских теремах разных украшений». С июня 1828 г. находился на практике на строительных работах на Пресненских прудах. В 1831—1832 гг. наблюдал за постройкой чугунной решетки между соборами в Кремле. В 1833 г. участвовал в работах у малого дворца и церкви Константина в Кремле. В мае 1836 г. — архитекторский помощник 1-го класса. В марте 1838 г. назначен к постройке Большого Кремлевского дворца. С начала 1839 г. получал 1800 руб. в год, что свидетельствует о его отличной работе на строительстве дворца. В декабре 1843 г. за строение Большого Кремлевского дворца награжден годовым окладом. В декабре 1847 г. утвержден в звании архитектора, а также получил чин титулярного советника со старшинством. В 1849 г. награжден золотой медалью за строительство Большого Кремлевского дворца. В 1856 г. работал помощником у архитектора Н. И. Чичагова по отделке церкви Рождества богородицы при Теремном дворце⁴⁷.

ИВАНОВ Павел Иванович, из обер-офицерских детей, род. в 1831 г. В 1842 г. определен учеником в Московское дворцовое архитектурное училище. В феврале 1852 г. окончил теоретическое отделение училища по программе «Загородный дворец». В апреле 1852 г. утвержден в звании архитекторского помощника. В 1854 г. — коллежский регистратор; жил в приходе церкви Воскресения на Остоженке (улица Метростроевская), в доме Лонжюти. В июне 1860 г. утвержден в звании архитектора Московского дворцового ведомства и в чине IX класса. В мае 1867 г. — внештатный техник строительного отдела Московского губернского правления. В мае 1879 г. получил чин надворного советника.

⁴⁶ ЦГИА г. Москвы: ф. 163, оп. 4, д. 4, л. 364, д. 5, л. 171 — 1813 г., д. 15, л. 183 — 1814 г., л. 51, л. 572 — 1817 г., д. 82, л. 723 — 1820 г.

⁴⁷ ЦГАДА. ДО, оп. 50, д. 6927 — 1819 г., д. 46972, л. 176 — 1823 г., д. 47006, лл. 240 об — 241 — 1826 г., д. 26614, лл. 2, 7 — 1827 г., л. 47030, лл. 7—8 — 1828 г., д. 47060, лл. 13, 248, 750 — 1831 г., д. 47062, л. 705 — 1832 г., оп. 26, д. 47065, л. 266 — 1833 г., д. 9348, лл. 32—37 — 1836 г., л. 47084, л. 86 — 1838 г., д. 47089, л. 110, д. 47091, л. 33 — 1839 г., л. 47114, л. 753 — 1843 г., д. 9348, лл. 32—37 — 1847 г., л. 9393, л. 16 — 1849 г.; Адрес-календарь. Спб., 1856, с. 29

В 1888 г. жил в своем доме в Москве в Машковом переулке (улица Чаплыгина) ⁴⁸.

ИВАНОВ Прохор Егорович, из духовного звания, род. в 1772 г. В 1799 г. — коллежский регистратор. В июле 1803 г. — архитекторский помощник Московской городской думы. В декабре 1811 г. получил чин титулярного советника. В апреле 1814 г. обмерял дом московских купцов Усачевых. В сентябре 1814 г. — архитектор Московской городской думы. В 1816 г. жил в собственном доме в приходе церкви Иоанна Предтечи в Старой Конюшенной. В мае 1822 г. ему поручено устройство бульваров и продолжение бульвара от Пречистенских до Арбатских ворот. В октябре 1823 г. делал сметы на исправление ветхостей в Мясницком и Хамовническом съезжих дворах ⁴⁹.

ИВАНОВ Яков, род. в 1765 г. В 1784 г. — архитектуры капрал, снимал планы дворов Хамовнической части Москвы. В апреле 1786 г. — архитектуры сержант. В июле 1788 г. работал в Московской управе благочиния. В 1789 г. жил в собственном доме, в приходе церкви Рождества богородицы за Смоленскими воротами ⁵⁰.

ИВАНОВ Яков Александрович, сын воспитателя Московского Воспитательного дома. В мае 1817 г. определен в архитектурную школу ЭКС учеником 3-го класса с чином кописта. В марте 1819 г. — архитекторский ученик 2-го класса. В марте 1821 г. — архитекторский ученик 1-го класса. В апреле 1824 г. — архитекторский помощник. В июне 1825 г. переведен из ЭКС на Тульский оружейный завод ⁵¹.

ИГНАТЬЕВ Семен Егорович. В августе 1777 г. — архитекторский помощник ЭКС. С начала января 1779 г. работал на строительстве Екатерининского дворца в Лефортове. В сентябре того же года из-за болезни уволился (с аттестатом) ⁵².

ИЕВСКИЙ Николай Никитич, род. в 1738 г. В 1754 г. — ученик архитектурной школы Д. В. Ухтомского, аттестован им во 2-й класс. В 1769 г. архитектуры капитан Московской гоф-интендантской конторы; жил в собственном доме № 216 в приходе

---

⁴⁸ ЦГАДА: ДО, оп. 3, ч. 13, д. 15249, л. 10 — 1842 г., д. 16109, л. 1 — 1852 г.; ЦГИА г. Москвы: ф. 54, оп. 172, д. 44, л. 111—114 — 1852, 1860, 1867 гг., оп. 178, д. 391 — 1879 г.; ГИМ: ОПИ, ф. 357, д. 5, л. 52 — 1888 г.; Адрес-календарь жителей Москвы..., с. 314.

⁴⁹ ЦГИА г. Москвы: ф. 203, оп. 747, д. 2017, л. 363 — 1799 г., д. 899, л. 226 — 1816 г., ф. 163, оп. 4, д. 76, л. 376, д. 121, л. 243 — 1819, 1822 гг., ф. 14, оп. 8, д. 55789, л. 10 — 1803, 1811, 1814 гг., т. 1, д. 53606, лл. 6, 7 — 1823 г., д. 55789, л. 10 — 1824 г.

⁵⁰ ГИМ: ОПИ, ф. 440, д. 963, л. 71 — 1784 г.; ЦГИА г. Москвы: ф. 105, оп. 9, д. 1339 — 1786 г., оп. 7, д. 1199, л. 21 — 1788 г., ф. 203, оп. 747, д. 1995, л. 33 об. — 1789 г.

⁵¹ ЦГАДА: ДО, д. 46937, л. 328 — 1817 г., д. 5655, л. 37 — 1819 г. оп. 187, д. 5644, л. 56 — 1821 г., д. 5675, л. 14 — 1823 г., д. 46980, л. 22 об. — 1824 г., д. 46994, л. 132 — 1825 г.

⁵² ЦГАДА: Госархив, Р. XIV, д. 51, л. 9 — 1777, 1778 гг., оп. 51, д. 305, лл. 9, 49 — 1779 г.

церкви Петра и Павла в Лефортове. В 1780 г. — коллежский асессор, работал архитектором в Воронеже⁵³.

ИВЕСКИН Тихон Феоктистович (1716—1753 гг.). С августа 1733 г. — архитектурский ученик И. Ф. Мичурина. В 1735 г. осматривал ветхости в монастырях. В 1742 г. — ученик И. Ф. Мичурина и И. К. Коробова. В 1744 г. — ученик И. Ф. Мичурина. В 1753 г. жил в собственном доме в приходе церкви Преображения в Преображенской слободе Москвы⁵⁴.

ИЛЬИН Михаил Григорьевич, из обер-офицерских детей, род. в 1796 г. В октябре 1808 г. определен в архитектурную школу ЭКС учеником 3-го класса. В октябре 1811 г. получил чин канцеляриста, в декабре 1814 г. — коллежского регистратора. В феврале 1818 г. по прошению уволен из ЭКС для определения к другим делам⁵⁵.

ИНДЕЙЦЕВ Василий Степанович, из обер-офицерских детей, род. в 1824 г. В мае 1836 г. определен учеником в Московское дворцовое архитектурное училище. В ноябре 1844 г. окончил теоретическое отделение по программе «Триумфальные ворота». В мае 1845 г. удостоен звания архитекторского помощника. В 1854 г. — архитектор сверх штата в Правлении IV округа путей сообщения и публичных зданий; жил в Яузской части Москвы, в Чудовском переулке (у Комсомольского проспекта), в доме Побойнина. В июле 1854 г. делал проект фасада двухэтажного дома купеческого сына В. В. Ломакина. В ноябре того же года составил проект дома Московского дамского попечительства о бедных в Дурновском переулке (Композиторская улица). В марте 1860 г. — архитектор в Правлении IV округа путей сообщения и публичных зданий⁵⁶.

ИНДЕЙЦЕВ Дмитрий Степанович, род. в 1813 г., старший брат В. С. Индейцева. В мае 1823 г. определен в архитектурную школу ЭКС учеником с чином копииста. В марте 1827 г. получил чин канцеляриста. В 1833 г. — архитектурский ученик 1-го класса Московской дворцовой конторы. В начале 1836 г. назначен младшим учителем рисования в Московское дворцовое архитектурное училище. В декабре 1837 г. получил чин коллежского регистратора. В 1846 г. — губернский секретарь; жил в Городской части, в приходе церкви Николая Стрельцкого в Кремле, в Малом

⁵³ ЦГАДА: ДПС, кн. 2844, лл. 591—593 — 1754 г.; ЦГИА г. Москвы; ф. 203, оп. 747, д. 381, л. 146 — 1796 г.; ГАВО: ф. 14, оп. 1, д. 5, л. 2 — 1780 г.

⁵⁴ ЦГАДА: ДПС, кн. 7699, лл. 756, 758, 760 — 1733 г., кн. 744, л. 526 — 1735 г., ф. 279, св. 269, лл. 165, 516, 768 — 1744 г.; ГИМ: ОПИ, ф. 440, д. 632, л. 166 — 1742 г.; ЦГИА г. Москвы: ф. 203, оп. 747, д. 193, л. 156 — 1753 г., д. 206, л. 388 — 1754 г.

⁵⁵ ЦГАДА: ДО, оп. 187, д. 5630, л. 15 — 1808, 1811 гг., д. 9297, лл. 54 — 55 — 1814 г., д. 46929, лл. 49—50 — 1815 г., д. 5649, л. 3, д. 46941, № 13, л. 6, № 17, л. 4 — 1818 г.

⁵⁶ ЦГАДА: ДО, д. 16117, лл. 56—57 — 1836 г., д. 16104, л. 1 — 1844 г., лл. 15—16 — 1845 г.; МГИНТА: ф. Арбатской части, д. 458, л. 5 — 1854 г., ф. Пречистенской части, д. 206, л. 3 — 1854 г., д. 182, л. 4 — 1860 г.; Адрес-календарь жителей Москвы..., с. 205.

дворце. В 1848 г. — преподаватель рисования в Александровском кадетском институте в Москве. В марте 1852 г. — архитектор, пожалован знаком отличия за безупречную службу (15 лет). В 1856 г. награжден чином коллежского асессора со старшинством⁵⁷.

ИПАТЬЕВ Николай Алексеевич. В июне 1867 г. — художник архитектуры, наблюдал за работами при доме купчихи Зайцевой в Москве. В 1878 г. служил в строительном отделе Московского губернского правления; жил в собственном доме в Пресненской части в 3-м квартале в Средне-Пресненском переулке (Пресненский переулочек). В 1883 г. вместе с архитекторами А. А. Ветлицким и П. И. Ивановым одобрил проект пристройки трапезной в церкви в с. Царицыно Московского уезда⁵⁸.

ИСАЕНКОВ Дмитрий Павлович (30 сентября 1817 г. — 22 января 1888 г.), из дворян. В апреле 1830 г. определен в архитектурную школу ЭКС учеником. В июле 1833 г. — архитектурский ученик 3-го класса Московского дворцового архитектурного училища. В ноябре 1834 г. переведен во 2-е отделение училища. В 1845 г. — губернский секретарь, жил в доме архитектора И. Л. Мироновского, работал в Московской дворцовой конторе. В 1865 г. жил в доме Комиссии построения храма Христа спасителя. Похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве⁵⁹.

ИСАКОВ Владимир Васильевич. В сентябре 1742 г. был послан к И. Я. Бланку учеником. В октябре 1745 г. — ученик Д. В. Ухтомского. В июле 1750 г. работал в Нижнем Новгороде у строения Соляного двора. В 1750 г. снимал планы дворов Москвы по 2-й и 12-й командам города. Сохранились планы 1-го и 2-го этажей соляных амбаров в Нижнем Новгороде, подписанные Исаковым. В 1758 г. (по донесению Д. В. Ухтомского) находился у строения конюшен⁶⁰.

КАБАТОВ Арсений Алексеевич, из обер-офицерских детей, род. в 1795 г. В марте 1802 г. поступил в архитектурную школу ЭКС учеником 3-го класса. В 1804 г. — архитектурский ученик 1-го класса, подканцелярист. В июле 1806 г. получил чин канце-

⁵⁷ ЦГАДА: ДО, оп. 50, д. 7195—1823, 1852, 1856 гг., оп. 33, д. 11503, лл. 36—37—1827 г., д. 9377, л. 11—1833 г., д. 7195—1836 г., д. 16129, лл. 58—59—1837 г., д. 16124, л. 67—1841 г.; Адрес-календарь жителей Москвы..., с. 178.

⁵⁸ ЦГИА г. Москвы: ф. 54, оп. 172, д. 13, л. 12—1867 г., оп. 127, д. 541, л. 1—1870 г., оп. 140, д. 5, л. 24—1883 г.; Адрес-календарь Москвы. М., 1878, с. 92.

⁵⁹ ЦГАДА: ДО, оп. 33, д. 11503, лл. 40—41—1830 г., д. 9377, л. 12—1833, 1834 гг.; ЦГИА г. Москвы: ф. 203, оп. 747, д. 1479, л. 701 об.—1845 г., д. 1896, л. 640—1865 г.; Московский некрополь, т. I, с. 504.

⁶⁰ ЦГАДА: ДПС, кн. 7856, лл. 677—680—1742 г., ф. 279, св. 269, лл. 165, 516, 768—1744 г., кн. 7878, л. 173—1745 г., кн. 675, л. 283—1748 г., л. 603—605—1750 г., КАУ, св. 6, л. 256—1758 г.; ГИМ: ОПИ, ф. 440, д. 944, л. 32, д. 956, л. 14—1750 г.; Москва. Актовые книги XVIII столетия, т. VIII, с. 74, № 199; Михайлов А. И. Архитектор Д. В. Ухтомский. М., 1970, с. 283.

лярста, в декабре 1811 г. — коллежского асессора со старшинством. В январе 1812 г. по прошению уволился⁶¹.

КАЗАКОВ Василий Матвеевич, род. в 1772 г. в Москве, старший сын архитектора М. Ф. Казакова. С 1782 г. — архитектурский ученик ЭКС. В 1783—1787 гг. учился в благородном пансионе Московского университета, получив аттестат о похвальных успехах. В июле 1789 г., по окончании архитектурной школы, получил звание архитектурского помощника. В архиве сохранился чертеж от июля 1792 г. — вид соборной церкви в монастыре при Новом Иерусалиме, сделанный пером и подписанный: «Снимал и рисовал архитектора М. Казакова сын Василий Казаков». В дописании из Петербурга в Москву М. Ф. Казаков писал: «Сын мой за перспективный рисунок Воскресенского монастыря получил от е и в золотую с жемчугом и эмалью табакерку, насыпанную червонцами, коих 100». В мае 1796 г. — архитектор, направил в Московский почтамт проект губернского почтового дома в Вологде. В декабре 1797 г. выезжал в города Смоленской губернии Вязьму, Дорогобуж и Гжатск для осмотра домов, которые предполагалось использовать под почтовые конторы. В декабре 1799 г. сделал план и генплан нового Московского почтамта. В 1809 г. — надворный советник, подписал чертежи: план и фасад Ряжской почтовой конторы и планы двух этажей почтового дома в Смоленске. Помимо названных сохранился его чертеж 1817 г.: проект перестройки Тверской почтовой конторы — планы всех четырех этажей⁶².

КАЗАКОВ Матвей Матвеевич (1781 г. — 17 октября 1819 г.), средний сын архитектора М. Ф. Казакова, род. в Москве. Архитектурным наукам обучался у отца и старшего брата Василия. От октября 1797 г. в архиве сохранился чертеж поперечного разреза Экзеркирггауза, подписанный так: «Чертил архитектора Казакова второй сын Матвей Казаков». В ноябре 1798 г. принят в ЭКС архитектурским помощником 1-го класса с чином канцеляриста на своем содержании. В сентябре 1799 г. «за искусство в рисовании чертежей» определено жалованье 100 руб. в год. В октябре 1800 г. поступил в ведение М. Ф. Казакова по составлению Генерального атласа фасадов в планах Москвы. В феврале 1801 г. получил чин коллежского регистратора. В октябре 1801 г. за работы к коронации Александра I пожалован часами. В декабре 1802 г. определен архитектурским помощником в Московскую городскую думу. В июле 1803 г. откомандирован к М. Ф. Казакову для создания фасадических планов Москвы; с

⁶¹ ЦГАДА: ДО, оп. 187, д. 5562, лл. 20—21 — 1802, 1804 гг., д. 46891, л. 72, ЦГИА г. Москвы, ф. 54, оп. 12, д. 348, лл. 2, 3 — 1806, 1811 гг.

⁶² ЦГАДА: ДО, оп. 9, д. 34006, л. 4 — 1782, 1783—1787, 1789 гг., ГРМ. Оп. № 32288 МАТР—276 — 1792 г., ЦГИА г. Москвы; ф. 508, оп. 13, д. 78, л. 18 — 1796 г., д. 74, л. 924 — 1797 г.; ГИМ: ОАГ, Р—1302, папка 21, ЦГИА СССР: ф. 1289, оп. 15, д. 340, лл. 4, 5, д. 372, лл. 1, 2 — 1809 г., д. 407, л. 1 — 1817 г.

этими планами командирован в Петербург. В феврале 1805 г. — архитектор комитета для устройства в Москве казарм при городской думе. В мае 1805 г. за работу по созданию фасадических планов Москвы пожалован золотой с эмалью табакеркой. В мае 1811 г. создал проект (план и фасад) иконостаса для Троицкого собора в Калуге и наблюдал за этими работами. Умер в чине надворного советника, похоронен на Даниловском кладбище в Москве⁶³.

КАЗАКОВ Матвей Федорович (1738 г. — 26 октября 1812 г.), род. в Москве, сын подканцеляриста. По рапорту Д. В. Ухтомского в Сенатскую контору в январе 1751 г. определен к нему в команду. К 1753—1754 гг. относятся первые сведения о его участии в строительстве Головинского дворца в Москве, после окончания которого получил чин архитектуры сержанта. В 1754 г. аттестован в школе Д. В. Ухтомского архитектурским учеником 2-го класса. В ноябре 1755 г. определен в ведомство Берг-коллегии архитектурским учеником. В 1756 г. копировал чертежи на строение «магазинов Камнеостовского питейного дома в Москве». В 1758 г. находился при Д. В. Ухтомском, исправлял чертежи. В октябре 1760 г. получил чин архитектуры прапорщика, обучал учеников школы Д. В. Ухтомского рисовать фигуры и орнаменты. В 1761 г. в г. Яблонино обследовал деревянную церковь, снял фасад и план ее и представил проект каменной церкви (первая самостоятельная работа). В 1762 г. работал на постройках к коронации Екатерины II при Д. В. Ухтомском, а также составлял чертежи палат Сибирского приказа, старого и нового Гостиных дворов и прочих строений. В 1763 г. работал на строительстве галерей мастерской и Оружейной палат в Кремле; назначен к Д. В. Ухтомскому на строительство колокольни в Троице-Сергиевой лавре. В феврале 1763 г. произведен в чин архитектуры поручика. В сентябре 1763 г. назначен в Тверь, в команду архитектора П. Р. Никитина. В 1764—1767 гг. работал на строительстве Архиерейского дома в Твери. В 1767 г. составлял проект зданий на Фонтанной площади и провиантских складов в Твери. В январе 1768 г. — за архитектуры поручика, коллежский ассессор, поступил на работу в ЭКС. В апреле 1768 г. получил аттестат с характеристикой отличной работы в Твери. В декабре 1768 г. — помощник архитектора В. И. Баженова, выезжал с ним в Петербург для представления Екатерине II проекта Кремлевского дворца в Москве. В 1769 г. — рапорт о повышении Казакова в чине с изложением отзыва о нем В. И. Баженова. В 1769—1770 гг. производил осмотр кремлевских стен и составил план Кремля со старинными постройками и абрисом дворца по про-

⁶³ ГРМ: Р₁ — 5498 — 1797 г.; ЦГАДА: ДО, оп. 9, д. 34055 — 1798 г., д. 46831, л. 3 — 1799 г., д. 46834, л. 35 — 1800 г., д. 46837, л. 4 — 1801 г.; ЦГИА г. Москвы: ф. 4, оп. 10, д. 865, л. 2 — 1801, 1803—1804, 1805 гг., ф. 203, оп. 745, д. 224, л. 655 — 1819 г.; ГАКО: ф. 32, д. 161, лл. 202, 210 — 1811 г. ЦГИА СССР: ф. 1285, оп. 8, д. 371 — 1811 г.

ска В. И. Баженова В 1769—1772 гг. произвел большие подготовительные работы по проекту В. И. Баженова (обследование строительных материалов и сырьевых баз, организация на Калитниковском поле кирпичных заводов, разработка карьеров в Хорошеве, Мячкове и других местах, обследование месторождения кирпича вблизи Серпухова). В марте 1771 г. получил чин титулярного советника В августе 1772 г. оформлял перемоню в честь начала земляных работ в связи с закладкой Кремлевского дворца. В ноябре 1773 г. выезжал в Петербург с моделью Кремлевского дворца, получил наставление В. И. Баженова. В конце августа 1774 г. вернулся из Петербурга, составлял проекты перестройки в приезде Екатерины II домов Голицына, Долгорукова и Лопухиной на улице Пречистенке (Кропоткинская улица) с помощью двух архитекторских помощников и четырех архитекторских учеников из команды В. И. Баженова. Сохранились подписанные им чертежи Пречистенского дворца. В мае 1775 г. получил звание архитектора и чин коллежского асессора. В 1775 г. участвовал в строительстве праздничных павильонов на Ходынском лугу в Москве (сохранились их чертежи) по случаю празднования мира с Турцией. В 1775—1779 гг. строил по своему проекту здание Петровского дворца (чертежи — в альбоме казенных строений в Москве) В 1776—1787 гг. строил по своему проекту здание Сената в Московском Кремле. От апреля 1776 г. сохранился чертеж главного фасада здания Сената. В 1777—1788 гг. по проекту Казакова строилась церковь Филиппа митрополита в Москве на 2-й Мещанской улице (улица Гиляровского). В 1778 г. сделал проект иконостаса церкви в с. Рай-Семеновское Московской губернии (подпись: «Проектировал и гравировал архитектор М. Казаков»). В июле 1782 г. достроил дворовые флигели дома Чернышевых (ныне здание Моссовета) на Тверской улице (улица Горького) С 1782 по 1793 г. по его проекту в Москве осуществлялось строительство зданий университета. С апреля по октябрь 1783 г. командирован в распоряжение Г. А. Потемкина для выполнения земляных работ в Екатеринославле, Херсоне и Бухаресте В апреле 1784 г. командирован в помощь к А. К. Савву для отделки Екатерининского дворца в Лефортове с переносом дворца в ЗУС. В январе 1785 г. сделал проект иконостаса в церкви св. Спаса в Звенигороде и смету. В августе 1786 г. руководил отделкой здания университета по его проекту (на плане здания университета в Петербурге). В декабре 1786 г. на дороге из Строганово в Петербург по Петербургской дороге и дворца в с. Шереметьево В апреле 1787 г. (клад по пожеланию Екатерины II) в с. Шереметьево в Петербурге был разобран до основания) строил новый дворец по своему проекту В августе 1787 г. начал постройку дома А. А. Измайлова в Москве В 1788 г. руководил при постройке здания Исполнительного уезда Сената в Кремле В 1790 г. составлял план Москвы с нанесением на него всех существующих строений. В ноябре

1792 г. — его записка об учебе российских мастеров: каменщиков, плотников и столяров. В январе 1793 г. находился при строительстве дворцов в Царицыне и Булатникове, отделке дома Бестужева-Рюмина (Безбородко) и здания Сената. В 1796 г. ему поручено восстановление зданий после большого пожара в Новодевичьем монастыре. В 1796—1798 гг. строил флигели в Лефортовском дворце и перестраивал по своему проекту главный корпус для семьи Павла I. В мае 1797 г. — статский советник, рекомендовал способ извлечения из ямы в Кремле колокола весом 12 тыс. пудов. В марте 1800 г. работал по исправлению Слободского дворца в Москве. В октябре 1800 г. под его руководством составлялся Генеральный атлас фасадов и планов Москвы. В 1802—1807 гг. по его проекту и под его наблюдением строили Павловскую больницу в Москве. 5 ноября 1801 г. по высочайшему указу от 14 октября уволен по старости и болезни от службы с чином действительного статского советника (и обращенном его жалованья в пенсioen до смерти его и его жены). В марте 1805 г. определен архитектором в Московский университет. В мае 1805 г. как главный руководитель составления фасадического плана Москвы награжден орденом св. Анны 2-й степени. М. Ф. Казаков создал много великолепных зданий в стиле раннего русского классицизма и русского романтизма, до сих пор украшающих Москву, Калинин и другие города России, и подготовил много видных зодчих⁶⁴.

⁶⁴ ЦГАДА: ДПС, кн. 7938, лл. 517—529 — 1751 г., д. 249, кн. 6411, лл. 345, 347, 1319 — 1753—1754 гг., кн. 2844, лл. 591—594 — 1754 г., кн. 5002, л. 59 — 1756, 1758 гг., кн. 8036, л. 13, л. 12 — 1760 г., кн. 7475, лл. 25, 55 — 1762 г., ф. 297, л. 235 — 1755 г., КАУ, св. 9, лл. 96, 98, 99 — 1761 г., ф. 297, л. 58, л. 6 — 1762 г., д. 1001, л. 2, л. 1016, лл. 3—4, д. 1044, л. 1 — 17 г. ГИИ: ф. XIV, л. 51, ч. IV, л. 46 — 1763, 1768 гг., ч. II, л. 116 — 1768 г., л. 202 — 1769 — 1772 гг., л. 248 — 1772 г., ч. V, л. 9 — 1778 г., ч. VI, л. 1787 г., ч. VII, л. 155 — 1793 г., р. XVI, л. 971, лл. 9, 10, 4 — 5, 52 — 1767 гг., д. 573, л. 517 — 1775, 1783 гг., лл. 501—505, л. 502, ч. I, л. 104 — 1790 г., лл. 257, 258, 263 — 1792 г., ДЮ, л. 2888, л. 1 — 17 г., он 366, д. 57951, л. 1, д. 46407, л. 4 — 1768 г., он 12, л. 2617, л. 1 — 1769 г., д. 29041, л. 8 — 1769—1772 гг., он 16, л. 2618, л. 1 — 1770 г., д. 46484, л. 893, он 24, л. 44856, л. 148 — 1774 г., д. 29102, 29124, 29211 и др. — 1752—1779 гг., он 24, л. 44857, л. 1 — 1786 г., он 433, л. 23766, л. 10 — 1787 г., л. 55864 — 1788 г., л. 1 — 1797 г., л. 46838, лл. 15 об — 16 — 1801 г., ф. 11, л. 107 — 1774 г., ф. 11, л. 107 — 1774 г., ф. 11, л. 107 — 1774 г., ф. 11, л. 107 — 1774 г. ЦИНА СССР: ф. 515, он 71, лл. 2691, 2692, 2693, 2694, 2695, 2696, 2697, 2698, 2699, 2700, 2701, 2702, 2703, 2704, 2705, 2706, 2707, 2708, 2709, 2710, 2711, 2712, 2713, 2714, 2715, 2716, 2717, 2718, 2719, 2720, 2721, 2722, 2723, 2724, 2725, 2726, 2727, 2728, 2729, 2730, 2731, 2732, 2733, 2734, 2735, 2736, 2737, 2738, 2739, 2740, 2741, 2742, 2743, 2744, 2745, 2746, 2747, 2748, 2749, 2750, 2751, 2752, 2753, 2754, 2755, 2756, 2757, 2758, 2759, 2760, 2761, 2762, 2763, 2764, 2765, 2766, 2767, 2768, 2769, 2770, 2771, 2772, 2773, 2774, 2775, 2776, 2777, 2778, 2779, 2780, 2781, 2782, 2783, 2784, 2785, 2786, 2787, 2788, 2789, 2790, 2791, 2792, 2793, 2794, 2795, 2796, 2797, 2798, 2799, 2800, 2801, 2802, 2803, 2804, 2805, 2806, 2807, 2808, 2809, 2810, 2811, 2812, 2813, 2814, 2815, 2816, 2817, 2818, 2819, 2820, 2821, 2822, 2823, 2824, 2825, 2826, 2827, 2828, 2829, 2830, 2831, 2832, 2833, 2834, 2835, 2836, 2837, 2838, 2839, 2840, 2841, 2842, 2843, 2844, 2845, 2846, 2847, 2848, 2849, 2850, 2851, 2852, 2853, 2854, 2855, 2856, 2857, 2858, 2859, 2860, 2861, 2862, 2863, 2864, 2865, 2866, 2867, 2868, 2869, 2870, 2871, 2872, 2873, 2874, 2875, 2876, 2877, 2878, 2879, 2880, 2881, 2882, 2883, 2884, 2885, 2886, 2887, 2888, 2889, 2890, 2891, 2892, 2893, 2894, 2895, 2896, 2897, 2898, 2899, 2900, 2901, 2902, 2903, 2904, 2905, 2906, 2907, 2908, 2909, 2910, 2911, 2912, 2913, 2914, 2915, 2916, 2917, 2918, 2919, 2920, 2921, 2922, 2923, 2924, 2925, 2926, 2927, 2928, 2929, 2930, 2931, 2932, 2933, 2934, 2935, 2936, 2937, 2938, 2939, 2940, 2941, 2942, 2943, 2944, 2945, 2946, 2947, 2948, 2949, 2950, 2951, 2952, 2953, 2954, 2955, 2956, 2957, 2958, 2959, 2960, 2961, 2962, 2963, 2964, 2965, 2966, 2967, 2968, 2969, 2970, 2971, 2972, 2973, 2974, 2975, 2976, 2977, 2978, 2979, 2980, 2981, 2982, 2983, 2984, 2985, 2986, 2987, 2988, 2989, 2990, 2991, 2992, 2993, 2994, 2995, 2996, 2997, 2998, 2999, 3000, 3001, 3002, 3003, 3004, 3005, 3006, 3007, 3008, 3009, 3010, 3011, 3012, 3013, 3014, 3015, 3016, 3017, 3018, 3019, 3020, 3021, 3022, 3023, 3024, 3025, 3026, 3027, 3028, 3029, 3030, 3031, 3032, 3033, 3034, 3035, 3036, 3037, 3038, 3039, 3040, 3041, 3042, 3043, 3044, 3045, 3046, 3047, 3048, 3049, 3050, 3051, 3052, 3053, 3054, 3055, 3056, 3057, 3058, 3059, 3060, 3061, 3062, 3063, 3064, 3065, 3066, 3067, 3068, 3069, 3070, 3071, 3072, 3073, 3074, 3075, 3076, 3077, 3078, 3079, 3080, 3081, 3082, 3083, 3084, 3085, 3086, 3087, 3088, 3089, 3090, 3091, 3092, 3093, 3094, 3095, 3096, 3097, 3098, 3099, 3100, 3101, 3102, 3103, 3104, 3105, 3106, 3107, 3108, 3109, 3110, 3111, 3112, 3113, 3114, 3115, 3116, 3117, 3118, 3119, 3120, 3121, 3122, 3123, 3124, 3125, 3126, 3127, 3128, 3129, 3130, 3131, 3132, 3133, 3134, 3135, 3136, 3137, 3138, 3139, 3140, 3141, 3142, 3143, 3144, 3145, 3146, 3147, 3148, 3149, 3150, 3151, 3152, 3153, 3154, 3155, 3156, 3157, 3158, 3159, 3160, 3161, 3162, 3163, 3164, 3165, 3166, 3167, 3168, 3169, 3170, 3171, 3172, 3173, 3174, 3175, 3176, 3177, 3178, 3179, 3180, 3181, 3182, 3183, 3184, 3185, 3186, 3187, 3188, 3189, 3190, 3191, 3192, 3193, 3194, 3195, 3196, 3197, 3198, 3199, 3200, 3201, 3202, 3203, 3204, 3205, 3206, 3207, 3208, 3209, 3210, 3211, 3212, 3213, 3214, 3215, 3216, 3217, 3218, 3219, 3220, 3221, 3222, 3223, 3224, 3225, 3226, 3227, 3228, 3229, 3230, 3231, 3232, 3233, 3234, 3235, 3236, 3237, 3238, 3239, 3240, 3241, 3242, 3243, 3244, 3245, 3246, 3247, 3248, 3249, 3250, 3251, 3252, 3253, 3254, 3255, 3256, 3257, 3258, 3259, 3260, 3261, 3262, 3263, 3264, 3265, 3266, 3267, 3268, 3269, 3270, 3271, 3272, 3273, 3274, 3275, 3276, 3277, 3278, 3279, 3280, 3281, 3282, 3283, 3284, 3285, 3286, 3287, 3288, 3289, 3290, 3291, 3292, 3293, 3294, 3295, 3296, 3297, 3298, 3299, 3300, 3301, 3302, 3303, 3304, 3305, 3306, 3307, 3308, 3309, 3310, 3311, 3312, 3313, 3314, 3315, 3316, 3317, 3318, 3319, 3320, 3321, 3322, 3323, 3324, 3325, 3326, 3327, 3328, 3329, 3330, 3331, 3332, 3333, 3334, 3335, 3336, 3337, 3338, 3339, 3340, 3341, 3342, 3343, 3344, 3345, 3346, 3347, 3348, 3349, 3350, 3351, 3352, 3353, 3354, 3355, 3356, 3357, 3358, 3359, 3360, 3361, 3362, 3363, 3364, 3365, 3366, 3367, 3368, 3369, 3370, 3371, 3372, 3373, 3374, 3375, 3376, 3377, 3378, 3379, 3380, 3381, 3382, 3383, 3384, 3385, 3386, 3387, 3388, 3389, 3390, 3391, 3392, 3393, 3394, 3395, 3396, 3397, 3398, 3399, 3400, 3401, 3402, 3403, 3404, 3405, 3406, 3407, 3408, 3409, 3410, 3411, 3412, 3413, 3414, 3415, 3416, 3417, 3418, 3419, 3420, 3421, 3422, 3423, 3424, 3425, 3426, 3427, 3428, 3429, 3430, 3431, 3432, 3433, 3434, 3435, 3436, 3437, 3438, 3439, 3440, 3441, 3442, 3443, 3444, 3445, 3446, 3447, 3448, 3449, 3450, 3451, 3452, 3453, 3454, 3455, 3456, 3457, 3458, 3459, 3460, 3461, 3462, 3463, 3464, 3465, 3466, 3467, 3468, 3469, 3470, 3471, 3472, 3473, 3474, 3475, 3476, 3477, 3478, 3479, 3480, 3481, 3482, 3483, 3484, 3485, 3486, 3487, 3488, 3489, 3490, 3491, 3492, 3493, 3494, 3495, 3496, 3497, 3498, 3499, 3500, 3501, 3502, 3503, 3504, 3505, 3506, 3507, 3508, 3509, 3510, 3511, 3512, 3513, 3514, 3515, 3516, 3517, 3518, 3519, 3520, 3521, 3522, 3523, 3524, 3525, 3526, 3527, 3528, 3529, 3530, 3531, 3532, 3533, 3534, 3535, 3536, 3537, 3538, 3539, 3540, 3541, 3542, 3543, 3544, 3545, 3546, 3547, 3548, 3549, 3550, 3551, 3552, 3553, 3554, 3555, 3556, 3557, 3558, 3559, 3560, 3561, 3562, 3563, 3564, 3565, 3566, 3567, 3568, 3569, 3570, 3571, 3572, 3573, 3574, 3575, 3576, 3577, 3578, 3579, 3580, 3581, 3582, 3583, 3584, 3585, 3586, 3587, 3588, 3589, 3590, 3591, 3592, 3593, 3594, 3595, 3596, 3597, 3598, 3599, 3600, 3601, 3602, 3603, 3604, 3605, 3606, 3607, 3608, 3609, 3610, 3611, 3612, 3613, 3614, 3615, 3616, 3617, 3618, 3619, 3620, 3621, 3622, 3623, 3624, 3625, 3626, 3627, 3628, 3629, 3630, 3631, 3632, 3633, 3634, 3635, 3636, 3637, 3638, 3639, 3640, 3641, 3642, 3643, 3644, 3645, 3646, 3647, 3648, 3649, 3650, 3651, 3652, 3653, 3654, 3655, 3656, 3657, 3658, 3659, 3660, 3661, 3662, 3663, 3664, 3665, 3666, 3667, 3668, 3669, 3670, 3671, 3672, 3673, 3674, 3675, 3676, 3677, 3678, 3679, 3680, 3681, 3682, 3683, 3684, 3685, 3686, 3687, 3688, 3689, 3690, 3691, 3692, 3693, 3694, 3695, 3696, 3697, 3698, 3699, 3700, 3701, 3702, 3703, 3704, 3705, 3706, 3707, 3708, 3709, 3710, 3711, 3712, 3713, 3714, 3715, 3716, 3717, 3718, 3719, 3720, 3721, 3722, 3723, 3724, 3725, 3726, 3727, 3728, 3729, 3730, 3731, 3732, 3733, 3734, 3735, 3736, 3737, 3738, 3739, 3740, 3741, 3742, 3743, 3744, 3745, 3746, 3747, 3748, 3749, 3750, 3751, 3752, 3753, 3754, 3755, 3756, 3757, 3758, 3759, 3760, 3761, 3762, 3763, 3764, 3765, 3766, 3767, 3768, 3769, 3770, 3771, 3772, 3773, 3774, 3775, 3776, 3777, 3778, 3779, 3780, 3781, 3782, 3783, 3784, 3785, 3786, 3787, 3788, 3789, 3790, 3791, 3792, 3793, 3794, 3795, 3796, 3797, 3798, 3799, 3800, 3801, 3802, 3803, 3804, 3805, 3806, 3807, 3808, 3809, 3810, 3811, 3812, 3813, 3814, 3815, 3816, 3817, 3818, 3819, 3820, 3821, 3822, 3823, 3824, 3825, 3826, 3827, 3828, 3829, 3830, 3831, 3832, 3833, 3834, 3835, 3836, 3837, 3838, 3839, 3840, 3841, 3842, 3843, 3844, 3845, 3846, 3847, 3848, 3849, 3850, 3851, 3852, 3853, 3854, 3855, 3856, 3857, 3858, 3859, 3860, 3861, 3862, 3863, 3864, 3865, 3866, 3867, 3868, 3869, 3870, 3871, 3872, 3873, 3874, 3875, 3876, 3877, 3878, 3879, 3880, 3881, 3882, 3883, 3884, 3885, 3886, 3887, 3888, 3889, 3890, 3891, 3892, 3893, 3894, 3895, 3896, 3897, 3898, 3899, 3900, 3901, 3902, 3903, 3904, 3905, 3906, 3907, 3908, 3909, 3910, 3911, 3912, 3913, 3914, 3915, 3916, 3917, 3918, 3919, 3920, 3921, 3922, 3923, 3924, 3925, 3926, 3927, 3928, 3929, 3930, 3931, 3932, 3933, 3934, 3935, 3936, 3937, 3938, 3939, 3940, 3941, 3942, 3943, 3944, 3945, 3946, 3947, 3948, 3949, 3950, 3951, 3952, 3953, 3954, 3955, 3956, 3957, 3958, 3959, 3960, 3961, 3962, 3963, 3964, 3965, 3966, 3967, 3968, 3969, 3970, 3971, 3972, 3973, 3974, 3975, 3976, 3977, 3978, 3979, 3980, 3981, 3982, 3983, 3984, 3985, 3986, 3987, 3988, 3989, 3990, 3991, 3992, 3993, 3994, 3995, 3996, 3997, 3998, 3999, 4000, 4001, 4002, 4003, 4004, 4005, 4006, 4007, 4008, 4009, 4010, 4011, 4012, 4013, 4014, 4015, 4016, 4017, 4018, 4019, 4020, 4021, 4022, 4023, 4024, 4025, 4026, 4027, 4028, 4029, 4030, 4031, 4032, 4033, 4034, 4035, 4036, 4037, 4038, 4039, 4040, 4041, 4042, 4043, 4044, 4045, 4046, 4047, 4048, 4049, 4050, 4051, 4052, 4053, 4054, 4055, 4056, 4057, 4058, 4059, 4060, 4061, 4062, 4063, 4064, 4065, 4066, 4067, 4068, 4069, 4070, 4071, 4072, 4073, 4074, 4075, 4076, 4077, 4078, 4079, 4080, 4081, 4082, 4083, 4084, 4085, 4086, 4087, 4088, 4089, 4090, 4091, 4092, 4093, 4094, 4095, 4096, 4097, 4098, 4099, 4100, 4101, 4102, 4103, 4104, 4105, 4106, 4107, 4108, 4109, 4110, 4111, 4112, 4113, 4114, 4115, 4116, 4117, 4118, 4119, 4120, 4121, 4122, 4123, 4124, 4125, 4126, 4127, 4128, 4129, 4130, 4131, 4132, 4133, 4134, 4135, 4136, 4137, 4138, 4139, 4140, 4141, 4142, 4143, 4144, 4145, 4146, 4147, 4148, 4149, 4150, 4151, 4152, 4153, 4154, 4155, 4156, 4157, 4158, 4159, 4160, 4161, 4162, 4163, 4164, 4165, 4166, 4167, 4168, 4169, 4170, 4171, 4172, 4173, 4174, 4175, 4176, 4177, 4178, 4179, 4180, 4181, 4182, 4183, 4184, 4185, 4186, 4187, 4188, 4189, 4190, 4191, 4192, 4193, 4194, 4195, 4196, 4197, 4198, 4199, 4200, 4201, 4202, 4203, 4204, 4205, 4206, 4207, 4208, 4209, 4210, 4211, 4212, 4213, 4214, 4215, 4216, 4217, 4218, 4219, 4220, 4221, 4222, 4223, 4224, 4225, 4226, 4227, 4228, 4229, 4230, 4231, 4232, 4233, 4234, 4235, 4236, 4237, 4238, 4239, 4240, 4241, 4242, 4243, 4244, 4245, 4246, 4247, 4248, 4249, 4250, 4251, 4252, 4253, 4254, 4255, 4256, 4257, 4258, 4259, 4260, 4261, 4262, 4263, 4264, 4265, 4266, 4267, 4268, 4269, 4270, 4271, 4272, 4273, 4274, 4275, 4276, 4277, 4278, 4279, 4280, 4281, 4282, 4283, 4284, 4285, 4286, 4287, 4288, 4289, 4290, 4291, 4292, 4293, 4294, 4295, 4296, 4297, 4298, 4299, 4300, 4301, 4302, 4303, 4304, 4305, 4306, 4307, 4308, 4309, 4310, 4311, 4312, 4313, 4314, 4315, 4316, 4317, 4318, 4319, 4320, 4321, 4322, 4323, 4324, 4325, 4326, 4327, 4328, 4329, 4330, 4331, 4332, 4333, 4334, 4335, 4336, 4337, 4338, 4339, 4340, 4341, 4342, 4343, 4344, 4345, 4346, 4347, 4348, 4349, 4350, 4351, 4352, 4353, 4354, 4355, 4356, 4357, 4358, 4359, 4360, 4361, 4362, 4363, 4364, 4365, 4366, 4367, 4368, 4369, 4370, 4371, 4372, 4373, 4374, 4375, 4376, 4377, 4378, 4379, 4380, 4381, 4382, 4383, 4384, 4385, 4386, 4387, 4388, 4389, 4390, 4391, 4392, 4393, 4394, 4395, 4396, 4397, 4398, 4399, 4400, 4401, 4402, 4403, 4404, 4405, 4406, 4407, 4408, 4409, 4410, 4411, 4412, 4413, 4414, 4415, 4416, 4417, 4418, 4419, 4420, 4421, 4422, 4423, 4424, 4425, 4426, 4427, 4428, 4429, 4430, 4431, 4432, 4433, 4434, 4435, 4436, 4437, 4438, 4439, 4440, 4441, 4442, 4443, 4444, 4445, 4446, 4447, 4448, 4449, 4450, 4451, 4452, 4453, 4454, 4455, 4456, 4457, 4458, 4459, 4460, 4461, 4462, 4463, 4464, 4465, 4466, 4467, 4468, 4469, 4470, 4471, 4472, 4473, 4474, 4475, 4476, 4477, 4478, 4479, 4480, 4481, 4482, 4483, 4484, 4485, 4486, 4487, 4488, 4489, 4490, 4491, 4492, 4493, 4494, 4495, 4496, 4497, 4498, 4499, 4500, 4501, 4502, 4503

КАЗАКОВ Павел Матвеевич, род. в Москве в 1783 г., младший сын М. Ф. Казакова. С раннего детства обучался у отца гражданской архитектуре. В октябре 1798 г. принят в ЭКС архитекторским помощником 2-го класса с чином канцеляриста на своем содержании. В сентябре 1799 г. за искусство в рисовании чертежей ему определено жалованье 100 руб. в год. В октябре 1800 г. работал у М. Ф. Казакова по составлению Генерального атласа фасадов и планов Москвы. В феврале 1801 г. получил чин коллежского регистратора. В июле 1803 г. возобновил работу по составлению Генерального атласа фасадов и планов Москвы, начатую им в 1800 г. В 1810 г. жил в доме отца на улице Покровке (улица Чернышевского) в Москве⁶⁵.

КАЗАКОВ Петр. В 1784 г. — архитекторский помощник, наблюдал за строительством здания Присутственных мест (Сената в Кремле)⁶⁶.

КАЗАКОВ Родион Родионович (1758 г. — 27 февраля 1803 г.), сын отставного прапорщика. В июле 1770 г. определен учеником к В. И. Баженову в ЭКС. В сентябре 1770 г. работал над моделью Кремлевского дворца. В августе 1774 г. направлен к М. Ф. Казакову в помощь на строительство Пречистенского дворца. В конце 1775 г. после назначения В. И. Баженова к Царицынскому строению оставался в команде М. Ф. Казакова. В начале декабря 1777 г. — архитекторский помощник. В декабре 1777 г. в команде М. Ф. Казакова работал по съемке плана Коломны и проспекта городских стен. В феврале 1778 г. получил чин 14-го класса, в январе 1781 г. — архитектуры поручик. В декабре 1781 г. из-за прекращения строительства в Кремле причисляется к строительству Екатерининского дворца в Лефортове, в команду К. И. Бланка. В декабре 1781 г. ездил в Петербург с планами Екатерининского дворца и моделью моста против дворца. В марте 1783 г. отправлен в Могилев к Г. А. Потемкину. В январе 1785 г. получил аттестат о работе в Херсоне и Крыму от начальника ЭКС М. М. Измайлова. В 1791 г. ему поручили составление проекта церкви Мартина исповедника на Большой Алексеевской улице (Большая Коммунистическая улица) в Москве, сооруженной в 1792—1798 гг. В 1790—1793 гг. вел строительство по своим проектам в московском доме генерал-майора князя А. В. Урусова. В августе 1797 г. принял в ЭКС все дела и планы от И. В. Еготова. В 1799 г. перестраивал дом князя А. Б. Куракина на Новой Басманной улице (расписывал художник Скотти). В октябре 1800 г. в чине архитектора 8-го класса направлен к М. Ф. Казакову для составления Генерального атласа планов и фасадов Москвы. В 1801 г. ему поручили работы по ис-

⁶⁵ ЦГАДА: ДО, оп. 9, д. 34055, лл. 1, 2, д. 46826, л. 53 — 1798 г., д. 46831, л. 3 — 1799 г., д. 24834, л. 35 — 1800 г., д. 46837, лл. 4, 76 — 1801 г., оп. 187, д. 5548, л. 267 — 1802 г., д. 5557, л. 204 — 1803 г.; ЦГИА г. Москвы: ф. 203, оп. 747, д. 835, л. 255 — 1810 г.

⁶⁶ ЦГИА г. Москвы: ф. 54, оп. 175, д. 2435, л. 179 — 1784 г.

правлению Кремлевского дворца. В 1801 г. — архитектор, надворный советник. После ухода на пенсию М. Ф. Казакова 14 октября 1801 г. принял от него дела: «чертежный класс со всеми его чиновниками, сверх того смотрение Кремлевского дворца с городскими стенами и службами, Слободской и Лефортовский дворцы, Старо-Спасский и Марлевские дома, конюшенные дворы». В июне 1802 г. представил рапорт (с рисунками пером и штриховкой) об осмотре ветхостей в Кремле и деревянного дворца в с. Тайнинском Московского уезда и смету на переделки в Запасном дворце в Москве (с рисунками). Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве⁶⁷.

КАЗАКОВ Федор Родионович (1773 г. — 19 октября 1830 г.), из вольноотпущенных. В марте 1784 г. принят в Московский драгунский полк фурьером, в 1789 г. произведен в сержанты, в 1794 г. — в прапорщики. В сентябре 1795 г. определен в ЭКС. В марте 1802 г. принят в архитектурную команду ЭКС с переименованием в городские секретари. В 1802 г. — архитекторский помощник ЭКС. В декабре 1803 г. получил чин титулярного советника. В апреле 1805 г. наблюдал за работами в Кремле. В 1808 г. по прошению уволен к другим делам. В 1811 г. определен в Московскую дворцовую контору, а в сентябре того же года опять работал в ЭКС. В 1815 г. — архитекторский помощник 1-го класса, наблюдал за работами в Грановитой палате Кремля. В ноябре 1819 г. представил фасад, планы и смету для постройки в Заиконоспасском монастыре училищного корпуса. В июне 1820 г. включен в состав комитета по постройке нового здания училища в Заиконоспасском монастыре. В июле 1822 г. работал в Запасном дворце в Москве. В 1826 г. наблюдал за работами в доме графа Разумовского. В апреле 1827 г. назначен для наблюдения за постройкой Арсената в Кремле. В 1828 г. пожалован знаком отличия беспорочной службы 25 лет. В 1830 г. — смотритель Сокольнической слободы и зверинца⁶⁸.

---

⁶⁷ ЦГАДА: ДО, оп. 9, д. 33986, л. 8, л. 46423, лл. 2, 9—11—1770 г., д. 46434, л. 41—1771 г., д. 46844, л. 893—1774 г., д. 46500, лл. 549, 577—1775 г., оп. 9, д. 33986, л. 8, д. 29168, лл. 1, 2—1777 г., оп. 24, д. 44858, л. 108, оп. 9, д. 33986, л. 8—1778, 1781 гг., д. 307, л. 28, д. 46422, оп. 3, ч. 60, д. 29265, л. 1—1781 г., д. 29277, л. 5—1783 г., оп. 9, д. 33986, л. 8—1785 г., оп. 366, д. 57951, л. 1—1791 г., д. 33821, лл. 9, 11—1797 г., оп. 187, д. 5558, л. 13—1803 г., д. 46838, лл. 15 об.—16—1801 г., д. 5549, л. 34, оп. 149, д. 69330, л. 2—1802 г., д. 5548, л. 217, д. 46840, л. 328 об.—1802 г.; Госархив: р. XIV, д. 51, ч. V, л. 23—1779 г.; ЦГИА г. Москвы: ф. 105, оп. 7, д. 2649, л. 19—1793 г., ф. 203, оп. 745, д. 140, л. 429—1803 г.; ГИМ: ОПИ, ф. 3, оп. 1 (старая), д. 179, 374, л. 94—1799 г.; Путеводитель по Москве к V съезду землеч. М., 1913.

⁶⁸ ЦГАДА: ДО, д. 5630, л. 8—1784—1795 гг., д. 5548, л. 192, д. 46840, лл. 98 об., 99—1802 г., оп. 187, д. 5558, л. 101, д. 9374, л. 7—1803 г., оп. 187, д. 5566, л. 64—1805 г., оп. 100, д. 9297, лл. 26—27—1807 г., оп. 50, д. 6805, д. 5607, л. 180—1811 г., д. 46901, лл. 112 об., 113—1813 г., д. 5641, л. 68—1817 г., д. 5670, л. 64—1822 г., д. 5703, л. 113, д. 47007, л. 46 об., д. 47010, л. 21 об.—1826 г., д. 47016, лл. 142 об., 143—1827 г., д. 47030, л. 78—

КАЗАНЦЕВ Осип Семенович, из дворян, род. в 1766 г. В 1778 г. — школьник архитектуры 2-го класса, обучался в Каменном приказе в Москве. В марте 1783 г. — архитектурный сержант, снимал планы дворов Москвы. В 1784 г. снимал планы дворов по Пресненской части. В апреле 1786 г. подал прошение с просьбой о выдаче разрешения на постройку дома. В июле 1788 г. прикомандирован для работы к 8-й части Москвы. В 1790 г. снимал планы дворов Яузской части. В декабре 1791 г. просил записать его в дворянскую родословную книгу. В январе 1804 г. — архитектуры прапорщик, снимал с натуры планы дворов Хамовнической части. В ноябре 1806 г. — архитекторский помощник, снимал генпланы дворов Мещанской части. В августе 1813 г. — коллежский секретарь, работал в Московской управе благочиния, поступил во вновь созданную Комиссию строений. В ноябре 1813 г. (по рапорту старшего архитектора Ф. К. Соколова) «возложенную должность выполнял с отличным усердием и исправностью». В августе 1821 г. остался в Комиссии строений сверх комплекта⁶⁹.

КАЗМИНСКИЙ Андрей Яковлевич. В ноябре 1808 г. — июне 1813 г. — архитекторский помощник в чине канцеляриста в Московской управе благочиния. В сентябре 1815 г. — архитекторский помощник Комиссии строений, аттестован «довольно способным в чистой работе планов и фасадов». В июне 1816 г. уволен из Комиссии строений⁷⁰.

КАЛИКОВ Николай. В сентябре 1806 г. — архитекторский помощник 3-го класса ЭКС. В октябре 1806 г. наблюдал за пристройкой к Потешному дворцу в Кремле новых корпусов⁷¹.

КАЛМЫКОВ Александр Михайлович, дворянин. В 1894 г. — участковый архитектор Якиманской части и 1-го участка Пятницкой части Москвы; жил на Якиманке в доме Ермакова. В 1910 г. жил на Малой Якиманке в доме Панюшкина (№ 22)⁷².

КАЛМЫКОВ Дмитрий Евграфович, из обер-офицерских детей, род. в 1821 г. В январе 1838 г. определен архитекторским учеником в Московское дворцовое архитектурное училище.

1828 г., д. 5717, л. 165 — 1829 г., д. 5723, л. 21 — 1830 г., оп. 187, д. 5724, л. 50, д. 47050, л. 54, д. 47054, л. 1080 — 1830 г.; ГИМ: ОПИ, ф. 327, д. 16, л. 171 — 1815 г.; ЦГИА г. Москвы: ф. 234, оп. 1, д. 158, лл. 76, 81 — 1819, 1820 гг., л. 140 — 1821 г.

⁶⁹ ЦГАДА: ф. 292, д. 81, л. 7 — 1778 г., ЦГИА г. Москвы: ф. 105, оп. 1, д. 2384, л. 5 — 1783 г., оп. 6, д. 1321, л. 43 об. — 1786 г., оп. 7, д. 1199, л. 21 — 1788 г., оп. 2, д. 561, лл. 1—3 — 1804 г., оп. 1, д. 2202, лл. 4—5 — 1806 г., ф. 163, оп. 4, д. 2, лл. 127 об. — 128, д. 5, л. 170 об. — 1813 г., д. 102, лл. 1, 2 — 1821 г.; ГИМ: ОПИ, ф. 440, д. 960, л. 62 — 1784 г., д. 963, л. 112 — 1790 г.

⁷⁰ ЦГИА г. Москвы: ф. 163, оп. 4, д. 28, л. 218 — 1808 г., оп. 2, д. 2, л. 12 — 1813 г., оп. 4, д. 27, лл. 69, 70, оп. 4, д. 30, л. 300 — 1815 г., д. 36, л. 113 — 1816 г.

⁷¹ ЦГАДА: ДО, л. 46885, л. 63, д. 46886, л. 31 — 1806 г.

⁷² Адресная книга. М., 1894, с. 452; Вся Москва. М., 1910.

В 1851 г. жил в Москве в доме родителей, в приходе Покровской церкви в Покровском⁷³.

КАЛМЫКОВ Илья Петрович, род. в 1745 г. В начале 1761 г. — архитекторский ученик школы Д. В. Ухтомского. В 1764 г. — архитектуры сержант; жил в собственном доме, в приходе церкви Преображения в Преображенской солдатской слободе. В 1768—1770 гг. — архитектуры прапорщик⁷⁴.

КАЛМЫКОВ Михаил. В 1787—1793 гг. — архитектуры сержант, работал на строительстве Екатерининского дворца в Лефортове (получал жалованье 100 руб. в год)⁷⁵.

КАЛМЫКОВ Николай Михайлович. В сентябре 1886 г. — классный художник архитектуры, коллежский регистратор, работал в Москве⁷⁶.

КАМИНСКИЙ Александр Степанович (29 ноября 1829 г. — 17 декабря 1897 г.), сын архитектора-художника. В 1848 г. — вольноприходящий ученик Академии художеств. В 1852 г. за проекты, выполненные в Академии, получил 1-ю и 2-ю серебряные медали. В 1854 г. за проект «Публичная библиотека в столице» награжден 2-й золотой медалью. В 1856 г. окончил Академию художеств, получил звание художника архитектуры и чин 14-го класса. В 1863 г. — классный художник архитектуры, жил в Москве в собственном доме в приходе Знаменской церкви на улице Знаменке (улица Фрунзе). В июне 1867 г. дал обязательство наблюдать за работами при доме Н. И. Баранова в Арбатской части, 3-го квартала (№332). В 1869 г. сделал проект переделки здания, принадлежавшего П. М. и С. М. Третьяковым. В 1870—1871 гг. перестраивал по своему проекту особняк на Пречистенке (Кропоткинская улица) (ныне музей Л. Н. Толстого). В 1870—1873 гг. построил по своему проекту Третьяковский проезд на Никольскую улицу (улица 25-го Октября). В марте 1873 г. сделал проект 2-этажного с подвалом корпуса для училища в Малютинском переулке (улица Мархлевского) (сохранились подписанные им чертежи). В мае 1889 г. обвинялся в том, что в 1888 г. обрушился дом Купеческого общества на Кузнецком мосту, который строился по его проекту. В 1891 г. пожертвовал архитектурному отделу Политехнического музея в Моск-

---

⁷³ ЦГАДА: ДО, д. 16120, л. 45 — 1838 г.; ЦГИА г. Москвы; ф. 203, оп. 747, д. 1613, л. 585 об. — 1851 г.

⁷⁴ ЦГАДА: ДПС, кн. 8036, д. 13, лл. 12—13, кн. 3575, лл. 32—33 — 1761 г.; ЦГИА г. Москвы; ф. 203, оп. 747, д. 320, л. 132 — 1764 г., д. 345, л. 152 — 1766 г., д. 370, л. 425 — 1768 г.

⁷⁵ ЦГАДА: ДО, оп. 3, ч. 95, д. 44934, л. 28 — 1787 г., д. 44942, л. 13 — 1788 г., д. 44951 — 1789 г., д. 44959, лл. 18, 249 — 1790 г., д. 44967, лл. 3—4, 112 — 1791 г., д. 44970, лл. 85, 173—174, 306 — 1792 г., д. 44967, лл. 58, 137, 213 — 1793 г.

⁷⁶ ЦГИА г. Москвы; ф. 54, оп. 173, д. 325, л. 99 — 1886 г.

ве свою библиотеку — 2000 томов и более 300 рисунков. Похоронен в Алексеевском женском монастыре в Москве⁷⁷.

КАМИНСКИЙ Иосиф Стефанович (1817—1865 гг.?). В 1837 г. определен в Академию художеств посторонним учеником. В 1838 г. за свои проекты награжден двумя серебряными медалями. В 1839 г. получил звание художника архитектуры, награжден шпагой и чином 14-го класса. В июле 1842 г. определен к строению Кремлевского дворца, на место художника архитектуры А. И. Резанова, отправленного для усовершенствования за границу. В декабре 1842 г. работал в ведомстве по постройке храма Христа спасителя. В 1846 г. — младший архитектор, жил в Тверской части, в доме, принадлежавшем Комиссии по постройке храма Христа спасителя. В том же году стал старшим помощником К. И. Тона — главного архитектора по постройке храма. В 1847 г. получил звание академика архитектуры. В 1859 г. удостоен звания профессора архитектуры за труды по постройке храма Христа спасителя и Кремлевского дворца⁷⁸.

КАМПИОНИ Петр Сантинович (ум. в ноябре 1878 г.), итальянец (сын скульптора и мраморщика, долго и много работавшего в Москве), архитектор. От февраля 1861 г. сохранился его проект «Химической лаборатории Академии», от ноября 1861 г. подписанный им чертеж — часть большого дома в Петровском-Разумовском с надписью «С натурой верно». В ноябре 1861 г. избран председателем Московского архитектурного общества⁷⁹.

КАМПОРЕЗИ Франц Иванович (1747 г. — 2 июня 1831 г.), итальянец, род. в г. Болонья, соотечественник и друг архитектора Джакомо Кваренги. В июне 1782 г. поступил на службу в Петербурге, по повелению Екатерины II в мае 1783 г. послан в Москву. В июне 1783 г. поступил в ЭКС, участвовал в работе по внутренней отделке Екатерининского дворца (архитектурным и лепного дела мастером). В феврале 1786 г. числился «за архитектора». От мая 1787 г. сохранилось письмо Кампорези к Кваренги «о работах в Кремлевском дворце» (автограф на итальянском языке). В июне 1789 г. «правлящему должность архитектора, лепному мастеру Кампорези было поручено после увольнения архитектора К. И. Бланка по слабости здоровья, исправлять долж-

---

⁷⁷ ЦГИА г. Москвы: ф. 203, оп. 747, д. 1856, л. 250 об.—1863 г., ф. 54, оп. 172, д. 13, л. 5—1867 г., оп. 130, д. 15092, лл. 3, 4—1873 г.; МГИНТА: ф. Городской части, д. 29, л. 2—1869 г.; ГИМ: ОПИ, ф. 327, д. 30, л. 60—1889, 1891 гг.; Кондаков С. Н. Указ. соч., т. 2, с. 337; Москва. Архитектурный путеводитель. М., 1960, с. 104, 288—289 (О месте его похорон сообщено архитектором Ю. Н. Гумбургом).

⁷⁸ ЦГАДА: ДО, д. 47108, л. 3—1842 г.; ЦГИА г. Москвы: ф. 16, оп. 203, д. 119, лл. 7—8—1839 г., оп. 223, д. 119, лл. 7—8, оп. 24, д. 70408 а, л. 22—1846 г., оп. 223; д. 119, л. 17—1856 г., ф. 203, оп. 747, д. 1896, л. 360 об.—1865 г.; Кондаков С. Н. Указ. соч., с. 337; Адрес-календарь жителей Москвы, с. 211.

⁷⁹ ГИМ: ОАГ, Р—1297, Р—1236—1861 г.; Архив Музея истории и реконструкции Москвы, ф. архитектора И. П. Машкова—1875, 1878 гг.

ность архитектора при строении Екатерининского дворца». В январе 1796 г. главноначальствующий ЭКС М. М. Измайлов просил об утверждении Кампорези в архитектурском звании, указав, что он «оказал отличное искусство по должности своей». В 1796 г. получил звание архитектора и принял присягу на вечное подданство России. В мае 1797 г. получил чин коллежского асессора. В 1798—1801 гг. жил в Москве в собственном доме в приходе церкви Вознесения на Гороховом поле. В 1801 г. при нем жили его ученики: Иван Петров — 16 лет, Федор Константинов — 26 лет и Сергей Петров — 17 лет. В январе 1804 г. приглашен ЭКС вместе с другими видными московскими архитекторами для приема публичных годовых экзаменов в архитектурной школе. В конце 1808 г. приглашен к участию в конкурсе по установке скульптурной фигуры Екатерины II в зале дома Благородного собрания в Москве. В июле 1815 г. реставрировал дом и гостиницу в Сретенской части Москвы. В июне 1816 г. получил предложение об участии в конкурсе проектов восстановления Большого Петровского театра. В январе 1821 г., будучи уже в отставке, выезжал в Мценск. В 1828 г. участвовал в совещании о достройке здания храма Христа спасителя. Похоронен на Введенском кладбище в Москве; на главной аллее кладбища сохранилось надгробие в виде части круглой каннелированной колонны, увенчанной урной из красного гранита⁸⁰.

---

⁸⁰ ГИМ: ОПИ, ф. 327, д. 5, л. 68 — 1782 г.; ЦГАДА: ДО, д. 46952, № 2, л. 3, д. 6443, л. 2 — 1783 г., оп. 366, д. 57951, л. 1 — 1786 г., оп. 3, ч. 87, д. 42211, л. 119, д. 44951, л. 138 — 1788 г., д. 44950, л. 45 — 1789 г., оп. 149, д. 69326, л. 1 — 1794 г.; оп. 187, д. 5562, лл. 16—17 — 1804 г., ф. 248, кн. 6732, № 12, л. 113, д. 6443, л. 4 — 1796 г., оп. 50, д. 6443 — 1797 г.; ЦГИА г. Москвы: ф. 54, оп. 175, д. 389, л. 1 — 1796 г., ф. 203, оп. 747, д. 2013, л. 128 — 1798 г., д. 2025, л. 166 об. — 1801 г., ф. 163, оп. 4, д. 24, лл. 477—478 — 1815 г., ф. 16, оп. 6, т. II, д. 72029, т. I — 1816 г., ф. 163, оп. 4, д. 42, л. 47 об. — 1816 г., ф. 16, оп. 30, д. 232, л. 9 об. — 1821 г.; ГПБ: ф. 977, № 5 — 1787 г., РО, Р—XIII, л. 191 — 1808 г., Р—XII, № 23, лл. 15—17 — 1828 г.; Московский некрополь, т. II. М., 1908, с. 11.

●
**Названия архивных фондов,
использованных в статье**
●

- ГАКО — Государственный архив Калужской области
ГИМ — Государственный Исторический музей
ОПИ — Отдел письменных источников
ОАГ — Отдел архитектурной графики
Фонды:
14 — Голицыных
327 — Гамбурцевых
357 — Соковинных и Бобринских
440 — И. Е. Забелина
ГНИМРА — Государственный научно-исследовательский музей русской архитектуры
МАА — Музей Академии архитектуры
МГИНТА — Московский государственный инженерно-технический архив
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
Фонды:
ДО — Дворцовый отдел
ДПС — Департамент правительствующего Сената
КАУ — Комиссия архитектора Ухтомского
14 — Придворное ведомство
248 — Московская контора правительствующего Сената
249 — Канцелярия генерал-прокурора
279 — Штатс-контора
286 — Герольдйская контора
292 — Каменный приказ
297 — Канцелярия архитекторов кв. Д. Ухтомского, П. Никитина и И. Жукова
1239 — Дворцовый отдел, Московская дворцовая контора
1821 — Московская полицмейстерская канцелярия
ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР
Фонды:
515 — Главное управление уделов
759 — Собственная е. и. в. канцелярия по учреждениям имп. Марии
789 — Академия художеств
1285 — Департамент государственного хозяйства и публичных зданий
1286 — Департамент полиции исполнительной
1289 — Коллекция чертежей почтового ведомства
1488 — Коллекция планов и чертежей гражданской архитектуры
ЦГИА г. Москвы — Центральный государственный исторический архив г. Москвы

Фонды:

- 4 — Канцелярия Московского дворянского депутатского собрания
- 14 — Московская общая и 6-гласная дума и Московская общая и распорядительная дума
- 16 — Канцелярия московского генерал-губернатора
- 46 — Канцелярия московского градоначальника
- 48 — Управление IV округа путей сообщения и публичных зданий
- 54 — Московское губернское правление
- 105 — Московская управа благочиния
- 108 — Московский Воспитательный дом
- 127 — Московское присутствие Опекунского совета учреждений имп. Марии
- 163 — Комиссия строений в Москве
- 171 — Московская контора городских строений
- 203 — Московская духовная консистория
- 234 — Московская духовная семинария
- 303 — Московское агентство 1-го Российского страхового общества
- 418 — Московский университет
- 454 — Московское археологическое общество
- 508 — Московский почтамт

Список сокращений

- АС — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВАН — Вестник Академии наук
ВИ — журнал «Вопросы истории»
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины, сборник
ВМУ — Вестник Московского университета
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗОРСА РАО — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ИЗ — Исторические записки
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института материальной культуры АН СССР
ЛОНИ — Ленинградское отделение Института истории АН СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ПСЗ — Полный свод законов Российской империи
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА — журнал «Советская археология»
СЭ — журнал «Советская этнография»
ЦГДА — Центральный государственный архив древних актов
ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив

●
Содержание
●

<i>Предисловие</i>	3
<i>Л. Ф. Жидкова</i> К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ГОРОДА ДУБНЫ	5
<i>В. Г. Глушкова</i> ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГОРОДОВ ПОДМОС- КОВЬЯ 1950—1970-х годов	23
<i>Н. Б. Голикова</i> К ВОПРОСУ О СОСТАВЕ РУССКОГО КУПЕЧЕСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII—ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.	37
<i>В. В. Карлов</i> К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ РАННЕФЕОДАЛЬНОГО ГОРОДА И ЕГО ТИПОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	66
<i>Ян Козак и Йозеф Полишенски</i> ИЗОБРАЖЕНИЯ ГОРОДОВ СССР В ИКОНОГРАФИЧЕСКОМ АТЛАСЕ CIVITATES ORBIS TERRARUM .	84
<i>В. Л. Янин</i> «ЧЕРТЕЖ ПАЛЬМКВИСТА» И ЕГО МЕСТО В ИСТОРИИ НОВ- ГОРОДСКИХ ФОРТИФИКАЦИЙ	95
<i>В. В. Кириллов</i> АРХИТЕКТУРА И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО ПОДМОСКОВЬЯ (картина развития с XIV в. до 1917 г.)	120
<i>М. В. Дьяконов</i> К БИОГРАФИЧЕСКОМУ СЛОВАРЮ МОСКОВСКИХ ЗОДЧИХ XVIII—XIX вв. (извлечения из архивов)	239
<i>СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ</i>	270
	267

Русский город (проблемы городского образования). Вып. 3. М., Изд-во Моск. ун-та, 1980, 272 с., 62 ил.

Настоящий сборник посвящен прошлому и настоящему русского города. История феодального периода запечатлена в статьях о составе русского купечества, о топографии средневекового Новгорода. Интересны сведения об архитектуре и градостроительстве в Подмоскovie (до 1917 г.). Продолжается начатая в предыдущих сборниках публикация архивных материалов о русских водчих XVIII—XIX вв. Дана актуальная характеристика демографической ситуации в городах Подмоскovie в современный период.

●
РУССКИП ГОРОД
(ПРОБЛЕМЫ ГОРОДООБРАЗОВАНИЯ)

Выпуск 3

●
Зав. редакцией
Н. М. Сидорова

Редакторы М. Л. Будниченко,
О. Н. Трифонова

Художественный редактор
Н. Калмыкова

Технический редактор
З. С. Кондрашова

Корректоры
Л. А. Костылева,
Т. С. Миллякова

●
Тематический план 1980 № 60
ИБ № 872

Сдано в набор 18.04.80.
Подписано к печати 05.09.80.
Л-23475 Формат 60×90^{1/16}
Бумага тип. № 1 Гарнитура
литературная. Высокая печать.
Усл. печ. л. 17,0+1 вкл. (0,25)+
+вкладыш (0,5)
Уч.-изд. л. 19,5 Изд. № 922
Зак. 369 Тираж 8000 экз.
Цена 1 р. 65 к.

Издательство
Московского университета.
103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.
Типография Изд-ва МГУ.
Москва, Ленинские горы

Замеченные опечатки

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
233	5-я снизу	<i>Некрасов А. И.</i> Возникновение Московской губернии. М., 1928	<i>Некрасов А. И.</i> Художественные памятники Москвы и городов Московской губернии. М., 1928.
239	17-я сверху	(1766—1853 гг.)	... (1766—1835 гг.)
239	16-я снизу	... В октябре 1843 г.	... В октябре 1743 г.
239	13-я снизу	... в январе 1848 г.	... В январе 1748 г.
254	1-я сверху	... коллежского асессора	... коллежского регистратора
262	23-я сверху	... В ноябре 1861 г.	... В ноябре 1875 г.

